

выпуск осуществлен при
поддержке Правительства
Калининградской области

Главный редактор
Л. Фролова

Редколлегия:

Б. Бартфельд
В. Васин
Дм. Воронин
О. Глушкин
А. Губин
Л. Калининков

Учредитель Фролова Лидия Анатольевна

Журнал зарегистрирован Управлением
Федеральной службы по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия
по Калининградской области
Регистрационный номер ПИ № ФС 39-516 Р
от 07 февраля 2008 года

Перепечатка материалов разрешена
только со ссылкой на издание

Издатель, редакция:
ООО «Издательство «КЛАДЕЗЬ»
телефон/факс: (4012) 93-34-07,
e-mail:iz-kladez@mail.ru

Отпечатано в типографии
ООО «АРТ-ПРИНТ ПЛЮС»
г. Калининград, ул. К.Маркса, 18а
телефон (4012) 66-24-03
e-mail:artprint39@list.ru

Тираж 500 экз.

Бесплатно

ISSN 2312-2196

БАЛТИКА

КАЛИНИНГРАД

1(47) - 2016

январь-март

ЖУРНАЛ
РЕГИОНАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

выходит 4 раза в год

- ♦ литература
- ♦ изобразительное искусство
- ♦ музыка
- ♦ театр
- ♦ духовное и историческое наследие
- ♦ эстетическое, патриотическое и экологическое воспитание

Журнал выходит с 2001 года

Дорогие читатели!

Здравствуй в новом, 2016-м, году!

Надеемся, что этот год, несмотря на все трудности в экономике, станет не менее насыщенным событиями в культуре, чем был его предшественник – 2015. На это нам даёт надежду объявление 2016 года – Годом российского кино, Годом Прокофьева, а также объявление Калининграда – библиотечной столицей России. Кроме того, это год 70-летия нашей замечательной области. А также, год многочисленных юбилеев деятелей культуры, как нашего края и России, так и мира.

Конечно, на страницах нашего издания не удастся охватить все знаменательные события этого года, но редакция и авторский коллектив журнала приложат все усилия, чтобы до вашего сведения наиболее важные и интересные из них.

Прошло же 70 лет с того времени, когда отгрохотали на этой многострадальной земле пушки, как перестали терзать её гусеницы танков. Новые жители заселили разрушенные войной посёлки и города. Они приехали от собственных пепелищ, что снова вдохнуть жизнь в эту часть страны. Прежде, чем пахать и сеять, они освободили землю от снарядов и разрушенной техники, выровняли воронки. И уже в 1946 году нива была засеяна. В 1947 году вышли в море первые рыболовные боты. Начали работу порты и заводы. Это стало возможным только благодаря самоотверженности труда первых калининградцев. Теперь наш Калининград – красивый благоустроенный город с почти полумиллионным населением. И потомки хранят память о днях мужественной борьбы и героических свершений.

Широко известны слова вождя мирового пролетариата: «Из всех искусств для важнейшим является кино». И вот, спираль истории снова вернула нас к этой проблеме – современному российскому кино. Каким оно должно быть в период слома эпох и формаций? Чему должно учить, о чём напоминать, чего не показывать? Надеемся, что наши авторы смогут ответить на эти вопросы.

Русская музыка, русские музыканты и композиторы заслуженно пользуются большим авторитетом среди зарубежных коллег и слушателей. И в этом году – Году Сергея Сергеевича Прокофьева мы прочитаем о его жизни и творчестве в статьях не только музыкантов.

Наш журнал постоянно уделяет большое внимание библиотекам города и области, рассказывает об их работах и новых формах деятельности. В этот, особенный для калининградских библиотек, год, когда город удостоился звания «Библиотечной столицы России», мы надеемся получить от них массу новых материалов с интересными новыми идеями.

А ещё Калининградскому зоопарку исполняется 120 лет. Это любимое место отдыха жителей города. В настоящее время руководство учреждения прилагает немалые усилия, чтобы превратить его в благоустроенный, удобный для зверей и посетителей уголок, привлекательный не только своей природой и животными, но и интересными аттракционами, детскими площадками, уютными кафе, концертами и развлекательными программами. Этот юбилей мы отметим специальным выпуском.

Не сможем мы обойти вниманием и такие юбилеи, как 240-летие Э.Т.А. Гофмана, 260-летие А. Моцарта, 250-летие Н. Карамзина, 215-летие В. Даля, 130-летие Н. Гумилёва. А также знаменательные даты М. Ломоносова, Ф. Глинки, В. Белинского, Н. Некрасова и ещё многих других выдающихся российских и калининградских деятелей культуры.

Надеемся, вас не разочарует проза и поэзия местных авторов, а также рассказы и стихи из рубрик «Литературная Россия» и «Литературное зарубежье»

В общем, читайте наш журнал, на его страницах вас ждёт много интересного.

Редколлегия

БИБЛИОМЕТАМОРФОЗЫ ИЛИ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК УСТОЯЛИ И ОКРЕПЛИ КАЛИНИНГРАДСКИЕ БИБЛИОТЕКИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Я бы хотела дать своё определение понятия БИБЛИОТЕКА в фундаменте и поле деятельности библиотек. Библиотека – это устойчивая система координат с академическим профилем и с глубоким и богатым содержанием, имя которому – Книга. Полагаю, что с опорой на этот фундамент библиотеки и выстояли в бурях, вихрях и безвременье.

Мой ретроспективный экскурс будет охватывать почти четверть века в трёх контекстах – региональном, российском и международном, не претендуя на какой-то очень глубокий аналитический подход, он будет иметь достаточно субъективный характер, поскольку, связан с моей личной историей и биографией.

А общий контекст задаётся моим научным исследованием процессов, происходящих в культурной сфере нашего региона за 70 лет существования Калининградской области, и взглядом из пространства и опыта моей 40-летней работы в сфере культуры региона, включая и работу в администрации области, Министерстве культуры Калининградской области в период с 2001 по 2011 годы, а также профессиональной деятельностью, связанной с библиотечной сферой в течение более 25 лет.

2016 год отличается тем, что Калининградская область празднует свой 70-ый юбилей, а ровесницы Калининградской области – 2 областных библиотеки и 11 муниципальных библиотек также будут отмечать 70-летние юбилеи. Осознание своей «юбилейности» к калининградским библиотекам пришло в год их 50-летия в 1996 году.

90-е годы – это слом всей прежней жизни, изменение парадигмы развития страны, общества, отдельного человека, и поиск устойчивости, без чего невозможна ни одна жизнь. И я за поиском своего нового дела, некоей неясной стабильности пришла работать в роли директора в 1993 году в Калининградскую областную детскую библиотеку им. А.П. Гайдара, сменив на этом посту очень опытную коллегу Раису Григорьевну Алексину. Пока мало понимавшая, куда я попала, я сразу же окунулась в контексты новых веяний большого библиотечного форума в Екатеринбурге, где собственно решались и определялись стратегии библиотечного дела в России. Всегда, всё и всюду определяют личности, а в культуре тем более. Библиотекам в развитие темы «Меняющиеся библио-

теки в меняющемся мире» крупно повезло в том, что библиотечное дело на уровне Министерства культуры России возглавлял в те годы блестящий журналист и интеллектуал Евгений Иванович Кузьмин (ныне председатель Межправительственного совета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»). А вокруг него было очень много умных и опытных коллег. Тогда, осенью 1993 года в Екатеринбурге я для себя выбрала замечательного наставника, с которой мы дружили много лет и с большой пользой для нашего региона – Наталью Владимировну Бубекину, в те времена заведующую методическим отделом Российской Государственной детской библиотеки.

Девиз: учиться у умных и продвинутых, был для нас наиболее актуальным и приоритетным. В те времена маловато было опыта в том, как менять сознание коллег внутри своей библиотеки, и я понимала, что нужно чем-то увлечь на эмоциональном уровне, создать какие-то новые традиции, что во все времена является определяющей матрицей сохранения и развития коллектива. Такой идеей стало проведение семинаров, конференций российского и международного масштаба с погружением в новые формы и содержание. И, конечно, подготовка к 50-летию юбилею по направлению: путешествие по библиотеке длиной в 50 лет. В течение двух лет мы работали с этой темой и получили обновлённое отчасти сознание нашего библиотечного коллектива, в те годы, уже очень возрастных коллег, но вместе с тем высоких профессионалов старой доброй советской библиотечной школы.

Рыночная экономика, о которой активно и с пафосом заговорили в 90-е годы, для библиотек выливалась в полное отсутствие каких-либо материальных ресурсов, кроме, личностных человеческих. На этом, собственно, и строились главные стратегии сохранения потенциала развития библиотек. Энергия творчества, надежды и веры в лучшее было опорой для оптимизма тогдашних лидеров. По прошествии времени и 20-летней отдалённости я понимаю сегодня, что материальные и духовные пустоты в нашем деле заполнялись совершенно новым содержанием, любая инициатива и идея были свежими и востребованными на всех уровнях.

И моё личное участие во Второй Крымской конференции в Форосе, опять же благодаря под-

держке Надежды Викторовны Шаховой, сотрудника Министерства культуры России, дали ещё большее представление о векторе движения и развития библиотечного дела.

Для нас, областных библиотек и ЦБС г. Калининграда было очевидно, что стоять и ждать нельзя. Следуя за российскими событиями по разработке и принятию закона о библиотечном деле, мы в регионе также взяли за это. Был подготовлен и принят в 1998 году региональный Закон «О библиотечном деле и обязательном экземпляре документа». Это был первый региональный закон в сфере культуры, продвигаемый при активном участии и поддержке тогдашнего депутата Калининградской областной Думы Людмилы Николаевны Зелинской, с привлечением в работу в регионе одного из разработчиков российского закона Натальи Владимировны Бубекиной. Кстати, расходы по её приезду совершались между библиотеками вскладчину.

К числу основных форм, сплачивающих библиотечное сообщество в Калининградской области и меняющих содержание жизни в регионе, можно отнести, и серию российских и международных семинаров и конференций с широкой представленностью коллег.

90-е годы – это время дефицитов, а для библиотек самый большой дефицит книг и возможностей формирования фондов, поэтому был очень своевременным мощным проект «Пушкинская библиотека», предлагавший прекрасную литературу на первом этапе подписки по цене 25% от стоимости книг. Реализация проекта шла при организационном участии Екатерины Юрьевны Гениевой (светлая ей память), директора Государственной библиотеки иностранной литературы им М. Рудомино и руководителя проекта Марии Александровны Веденяпиной, ныне директора Российской государственной детской библиотеки

Это время было началом проб проектной деятельности, и пионером в регионе в библиотечной среде была директор Калининградской ЦБС Елена Михайловна Александронец, которая около 30 лет находится у руля ЦБС. Отсутствие денег и книг воспринималось большинством из нас, как временные трудности, и провозглашалось главное, чтобы жить было интересно.

Время и события 90-х способствовали рождению издательства «Янтарный сказ», первые новые книжные проекты были адресованы детям, и отсюда возник первый проект областной детской библиотеки им. А.П. Гайдара с надёжным партнёром, директором издательства Анатолием Фёдоровичем Махловым – марафон «100 лучших книг для детей». Именно в этой деятельности мы понимали и воспринимали партнёрские отношения как мощный ресурс. А между библиотеками отлаживалось тесное сотрудничество, настоящая дружба,

а не конкуренция. К сожалению, «Янтарный сказ» не устоял в рыночной конкуренции, а книжный марафон до сих пор живёт как проект. Наполняясь ежегодно новым содержанием, чемодан с книгами, адресованных детским читателям, путешествует по библиотекам всей области.

Вторым направлением в издательстве «Янтарный сказ» необходимым и важным для нашей области было краеведение. Мощный краеведческий интерес к истории края с 1992 года поддерживался и развивался региональным журналом «Запад России», и его главный редактор Олег Борисович Глушкин, известный калининградский писатель, к моменту разворачивания программ «Янтарного сказа» уже сформировал круг авторов, пишущих об истории и культуре нашего края, которые стали востребованными в калининградских издательствах. Формированию круга авторов способствовал и Калининградский клуб краеведов, созданный в 1990 году при Калининградском фонде культуры и отметивший в 2015 году своё 25-летие. Наверное, все эти факторы стали серьёзными предпосылками для создания в библиотеках области отделов краеведения, а в Калининградской областной научной библиотеке был сформирован в том же 2015 году в структуре библиотеки Центр регионоведения, возглавляемый Светланой Масадировной Постниковой.

Писательско-издательско-библиотечное сообщество Калининградской области особенно сплотилось в год реализации проекта «Литературный экспресс» в 2000 году. Этот европейский проект на рубеже тысячелетий, собравший более 200 писателей и журналистов из всех стран Европы в железнодорожном поезде-экспрессе проехал от Лиссабона до Москвы с остановками во всех европейских столицах, а из трёх российских городов на его пути Калининград был первой остановкой на три дня с большой содержательной программой, а затем Санкт-Петербург и Москва.

Понимание и позиционирование себя в европейском и мировом контексте позволило калининградским интеллектуалам удерживать проектный алгоритм и в последующие годы.

С 2001 года стали набирать силу Дни литературы в Калининградской области, координатором которых является областная научная библиотека вместе с Министерством культуры Правительства Калининградской области и писательскими организациями. Наивысшей точкой, безусловно, был 2015-й – Год литературы в России. Дни литературы в нашем регионе можно отнести к разряду устойчивых и укоренённых проектов, которым не страшны смены власти и финансовые колебания.

Содержание Дней литературы, которые проходят ежегодно во второй половине октября, расширяется и дополняется множеством фестивалей в течение всего года, инициированных библиотека-

ми, самые заметные из них «С книгой в XXI век», «ЧИТАЮЩИЙ КАЛИНИНГРАД», поэтический фестиваль «SLOWWO», проводимые Калининградской ЦБС вместе с писательскими творческими силами, и приглашением гостей из России, а также ближнего и дальнего зарубежья.

Особое внимание в развитии привлекательности библиотек и чтения направлено на работу с юными читателями, и сложившаяся многолетняя система взаимодействия Калининградской областной детской библиотеки им. А.П. Гайдара с детскими и школьными библиотеками области предлагает в разные времена года и Неделю детской книги, и фестивали в школьные каникулы. На базе областной детской библиотеки работает клуб детских писателей, помогающий авторам найти путь к своему читателю через сотрудничество с библиотекарями. В настоящее время областная детская библиотека представляет прекрасное комфортное в 3 тыс. кв. метров пространство для детей и взрослых, наполненное современным техническим оснащением и замечательными книгами со всего мира. Обновлённый помолодевший коллектив во главе с директором Оксаной Анатольевной Васильевой по праву называет себя главным детским книжным центром региона.

Программный подход к развитию сферы культуры Калининградской области обеспечивает областная целевая программа Правительства Калининградской области, принятая в 2007 году, которая постоянно дополняется, корректируется и уточняется.

Разработанная и принятая в 2010 году на уровне Министерства культуры региональная программа чтения в рамках Национальной российской программы позволила также скоординировать ресурсы многих организаций и учреждений.

Рождение философской библиотечной школы на земле Иммануила Канта в нынешнем Калининграде благодаря усилиям Татьяны Яковлевны Кузнецовой и Юрия Александровича Гриханова вместе с калининградскими коллегами позволяет на протяжении последнего десятилетия удерживать пульс не только современной мировой библиографии, но и получать заряд той необходимой интеллектуальной энергии, способствующей развитию изменённого сознания человека XXI века. Не могу не сказать, и о таких профессионалах российского библиотечного дела, как Валентина Васильевна Ильина и Татьяна Львовна Манилова, которые имели непосредственное отношение и к философской школе, и ко многому другому в библиотечной сфере успешно сложившемуся в Калининградской области.

Профессиональное развитие библиотечных кадров для всей сети библиотек Калининградской области, насчитывающей 268 библиотек областного и муниципального подчинения, дело весьма

ответственное, и специалисты, прошедшие философскую библиотечную школу не только точнее и легче адаптируются в меняющемся социуме, но и рассматривают своё дело через более реальные деловые формы. Этому также способствовало обучение и переобучение библиотечных кадров по региональной программе «Менеджмент в сфере культуры».

Не зря говорится, что лучше один раз увидеть, чем много раз услышать, и поэтому, живя в центре Европы, мы часто навещаемся к соседям за их опытом, а они к нам. Сотрудничество с польскими, литовскими, белорусскими и латвийскими библиотеками давно стало привычным и системным обменом профессиональными знаниями. Но совершенно уникальным был опыт проекта Калининградской ЦБС с Министерством Северных Европейских стран, по которому в течение нескольких лет часть библиотечных кадров библиотек Калининградской области посетили Финляндию, Швецию, Норвегию, Данию, Исландию, и увиденное применили, в первую очередь, в преобразовании комфортной среды своих библиотек.

Большую роль для международного сотрудничества сыграло в 2005-2006 годы празднование 750-летия Калининграда-Кёнигсберга и 60-летия Калининградской области. Одним из главных результатов для деятельности библиотек области и развития литературных процессов в регионе было создание Издательской программы Правительства Калининградской области. За прошедшие десять лет издано около 100 наименований книг на сумму более 16 млн. рублей, выделенных из областного бюджета. Среди изданий и два региональных журнала «Балтика», а для детей «Мурр+», важное значение играет и ежегодный краеведческий Балтийский альманах. Все издания поступают бесплатно в фонды публичных библиотек области. Одновременно программа формирует читательский интерес и оказывает влияние на литературный процесс в поддержке издания произведений калининградских писателей и краеведов.

Учитывая исторические особенности Калининградской области и задачи по формированию культурной памяти, важным является и проект сохранения памяти писателей в имени библиотек области. Имя библиотеки рассматривается как мощный ресурс, а начало было положено в Калининградской ЦБС. За прошедшие восемь лет присвоены библиотекам имена писателей С.А. Снегова, Г.Х. Андерсена, Ю.Н. Иванова, А.П. Соболева, С.В. Михалкова, Е.А. Зиборова, С.Х. Симкина; космонавта А.А. Леонова. А по другим городам области писателей Ю.Н. Куранова, В.П. Лебедева-Шапранова, К. Донелайтиса, А.Т. Твардовского; краеведа И. Рутмана.

Заметную роль библиотеки в калининградском социуме играют и благодаря моделированию куль-

турного пространства, совмещению ресурсов учреждений сферы культуры: музеев, театров, филармонии, музыкального колледжа и школ искусств при проведении салонов, клубов и других форм, востребованных у посетителей библиотек.

Интеллектуальное содержание в деятельности библиотек при сотрудничестве с Балтийским Федеральным университетом им. И. Канта очень важно при проведении Калининградской областной научной библиотекой таких заметных в российском и международном контексте конференций «Писатели в диалоге со временем». Здесь и Нобелевские лауреаты А. Солженицын, Т. Манн, Г. Грасс, И. Бродский, жизнь и творчество которых в разные времена соприкасалась с нынешней Калининградской областью, и писатели-юбиляры. Одной из удачных была конференция 2014 года к 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова.

При развитии таких процессов в культурной жизни региона с участием библиотечного сообщества очень своевременным было создание Калининградской библиотечной ассоциации, которую возглавила директор Калининградской областной научной библиотеки Нина Александровна Рузова, работающая в этой библиотеке более 40 лет с 1975 года и более 25 лет из них в должности директора.

Проведённый в 2014 году на территории Калининградской области БИБЛИОКАРАВАН показал реальность и творческую мощь региона для проведения на нашей территории мероприятий в статусе Калининграда как Библиотечной столицы в 2016 году.

В ноябре в Калининграде побывали с рабочим визитом президент Российской библиотечной ассоциации Владимир Руфинович Фирсов и исполнительный директор РБА Ирина Александровна Трушина, в ходе которой на уровне регионального Правительства и Министерства культуры были решены вопросы проведения Всероссийского библиотечного конгресса, который состоится в Калининграде с 14 по 20 мая 2016 года и станет центральным событием года, проводимым в Библиотечной столице России.

Заместитель Правительства Калининградской области Александр Сергеевич Богданов, министр культуры Светлана Анатольевна Кондратьева, директор областной научной библиотеки, председатель Калининградской библиотечной ассоциации Нина Александровна Рузова и заместитель директора КОИБ Ирина Юрьевна Котлова поддержали идею проведения библиотечного форума в Калининграде, понимая, что Всероссийский конгресс это важное и значимое мероприятие для нашего региона.

В настоящее время Правительство области основательно подходит к вопросу подготовки масштабного форума, делает все возможное, чтобы Библиотечный конгресс в 2016 году стал для его

участников ярким и запоминающимся культурным событием федерального уровня.

И без излишнего пафоса можно констатировать, что функциональное поле калининградских библиотек наполнено неформальным содержанием и яркими игроками на этом поле. Но это уже, наверное, из риторики событий будущего чемпионата мира по футболу FIFA18 в Калининграде, в преддверии которых живёт областной центр. Хотя, и в этой теме калининградские библиотеки, наверняка, скажут своё Слово.

Событийный юбилейный календарь очень многое определяет в жизни нашего региона. И как уже было выше отмечено, празднование в 1996 году 50-летия области и 50-летия библиотек был воспринят как ресурс для собирания сил и формирования нового содержания на базе сложившихся традиций. Для Калининградской области был, как и для всей страны, особенным 2015 – год 70-летнего юбилея Великой Победы, успешной Восточно-Прусской операции и Штурма Кёнигсберга, когда уже начиналась история нашей области, а 2016 – год её официального образования, и идёт активная подготовка к 70-летию Калининградской области и ровесников области, многих учреждений и организаций и среди них – Калининградская областная научная библиотека, Калининградская областная детская библиотека им. А.П. Гайдара, Калининградская центральная городская библиотека им. А.П. Чехова и ещё десять муниципальных библиотек, и опять очень актуально собирание сил библиотечного сообщества в этой подготовке к славному юбилею.

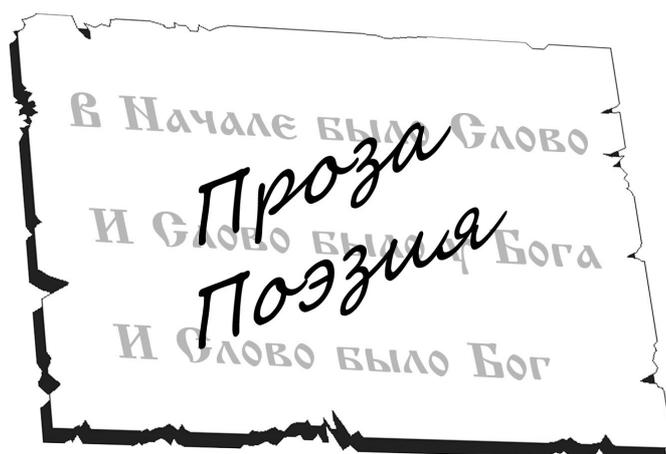
И если 90-ые годы были наполнены интеллектуальной и управленческой работой по осмыслению себя в постсоветском пространстве, поиске нового, освоению на первых шагах новых технологий, то сегодня, когда идёт активная смена поколений, и приходят молодые, образованные кадры с иным норовом, видением перспектив и новыми профессиональными навыками, стоит задача большего понимания и межпоколенческого взаимодействия. Наш век предъявляет новые вызовы, когда старшее поколение просто обязано учиться у молодых, чтобы не выйти в тираж, такковы условия современной цивилизации.

И библиотечному сообществу и каждому в отдельности её члену остаётся только один выбор: быть убедительными и сильными, уметь дружить, быть обучаемыми и жадными до учёбы. Сегодняшнее состояние библиотечных процессов в Калининградской области отражает все вложенные в предыдущие десятилетия усилия и смыслы.

Нина Перетьяка,

кандидат культурологии,

председатель Калининградского регионального общественного фонда культуры

* * *

*Живой огонь горит в печи
И саламандра в нём танцует.
Давай с тобою помолчим
О том, что нас сейчас волнует.
Заглянем в яркие глаза
Созданья, пьющего огонь.
С полена упадёт слеза
На милосердную ладонь.*

И. Щербинская

«...На судне, естественно, уже все знали о пропаже капитана. Открыли все боцманские крохоборки, проверили лаборатории, сетевые, провизионки, механики машину всю облазили – пусто. Народ опрашивали – никто ничего не видел, только камбузник Кривенко, когда в очередной раз травил со шкафута, вроде слышал, как что-то большое упало сверху со шлюпочной палубы...»

М. Полищук «Капитан»

Олег Глушкин

ПЯТЫЙ ДОК *

Катер прошёл вдоль пирса, резко развернулся у маяка, и мы вошли в фарватер. Я стоял на крыле рубки, держась за леера, и смотрел в сторону порта. Суда у причалов теснились друг к другу, места в порту, как всегда, не хватало, и издали казалось, что вдоль пирса отшвартовалось одно очень длинное судно с десятками труб и надстроек. Вода в заливе была неподвижна, и только рябь от движения нашего катера распространялась по ней, затухая где-то у берегов.

В рубке катера рядом с молодым матросом, который крутил большой деревянный штурвал, сидел начальник нашего цеха Виссарион Иванович Тепнин. Я видел его сморщенное усталое лицо и чувствовал, что он сейчас злится на меня и считает, что я втянул его в авантюру. Он пошёл со мной на катере в порт, чтобы на месте, прямо на этом траулере, убедиться, что невозможно поднять его в док, что слишком много для этого препятствий.

Траулер «Загорск» притащили в порт буксиры два дня назад, судно едва держалось на плаву. Оно попало в шторм и село на мель у Фарер. Днище было пропорото, бортовые кили оборваны, и попытки откачать воду из танков ни к чему не привели. Траулер срочно надо было поднимать и ремонтировать, но затянуть его в док с отсеками, полными воды, было почти невыполнимо. Утром, перед тем, как мы ушли на траулер, главный инженер встретил меня у переходных мостиков и сказал:

– Надеюсь на вас, у вас есть инженерные знания, вы же молодой специалист, а не какой-нибудь самоучка, и, думаю, справитесь с этой задачей.

Тепнину он не сказал ничего, понимал, что тот откажется сразу. Я сделал несколько вариантов эскизов и рассчитал глубину, пока не пришёл катер, который встал у борта доковой башни и завыл пронзительно и тонко, сиреной вызывая меня. И первое, что сказал мне Тепнин, стоящий на катере, было:

– Кто вас просил, Борис Андреевич, давать гарантии главному инженеру? Спрос ведь всё равно будет с меня, а не с вас! Идёмте в порт, и там, на

судне, вы увидите, что это невозможно. Зачем вы взялись за то, что плохо представляете?

И когда на «Загорске» капитан не выдержал:

– Что же, прикажете нам тонуть у собственных берегов?

Я сказал, что мы сделаем всё возможное. А Тепнин промолчал и, чтобы оставить последнее слово за собой, сказал, когда прощались:

– Завтра утром мы сообщим вам окончательное решение, я должен посоветоваться с руководством и конструкторами, не хочу вас обнадеживать.

И вот теперь он сидел в рубке катера и старался не смотреть в мою сторону. Возможно, он видел во мне соперника, думал, что я рвусь на его место, но я ведь давно ему сказал, что собираюсь уехать. Чего ему опасаться? Ведь он здесь на заводе с сорок шестого года, кто я по сравнению с ним?

Катер развернулся еще раз, холодные мелкие брызги сыпанули в лицо; накренило палубу, и мы вошли в ворота завода. Здесь залив образовал почти круглую бухту, похожую на озеро; вдоль берегов этого озера одна над другой, полукругом, как ряды амфитеатра, нависали красные крыши цехов, всё было окутано дымом, и ухал, как живой, копер – это забивали сваи у двенадцатого причала. А сразу за этим причалом, в воде – прямоугольники доков, и среди них – самый большой, серой глыбой выделяющийся на их фоне – мой, пятый док. Отсюда, с залива, доки были похожи не перевернутые буквы «п», и почти в каждом стояло судно, и только мой док был пуст, и поэтому казался ещё более необычным. На сером бетоне башни по-русски и по-английски было написано: «Тише ход. Якорей не бросать».

Я спрыгнул с борта катера на дощатый настил.

На широкой палубе дока валялась свежая стружка, и в шахматном порядке возвышались клетки, выложенные из брусьев. Это плотники уже почти закончили стапель для «Загорска» – пока мы спорили в порту, здесь уже началась подготовка к докованию. Мой помощник, Владимир Иванович, ходил между клеток с рулеткой и что-то записывал.

**) Примечание: Повесть эта сыграла недобрую и в то же время значимую роль в моём пути к писательству. Я сдал её в местное издательство в 1967 году, оттуда её передали на отзывы в иные инстанции. Из обкома пришло заключение, в котором утверждалось, что «автор очерняет рабочий класс». После этого я был в Калининграде надолго отлучён от печатного станка. В 1971 году повесть эта была опубликована в журнале «Нева» №11, в урезанном, сглаженном варианте. Неожиданно для меня она была признана критикой лучшей повестью года о рабочем классе, её даже прочли по центральному радио. В таком же урезанном виде она была включена в изданную в Москве книгу «Морское притяжение». В данном – полном варианте – повесть не публиковалась.*

вал в блокнот. Его сухощавая фигура мелькала среди брусьев, то появляясь, то исчезая.

– Вот, Андреич, считай, кончили, – сказал он, – так что ждём команду. Не такие суда вытягивали из воды, и с «Загорском», верняк, справимся.

– Грузиться надо метров на восемь, на предел, – сказал я.

– Ну и что, иллюминаторы задраим, воды примем, сколько влезет, что нам переживать? Войдёт как миленький. Пустяки!

Пошёл в каюту, чтобы ещё раз сделать необходимые расчёты. Я чувствовал неловкость: мне бы сначала убедить Тепнина, показать ему распределение давлений, чтобы он сказал «да». А получилось, что я выскочил вперёд. Решать в конечном счете ему... У него больше опыта, он начальник цеха, а я просто исполнитель. Зачем нарываться на неприятности? Мало ли что говорит главный инженер...

Часов в пять позвонил Тепнин и сказал:

– Собирайте вашу команду, срочно будем ставить «Загорск». Приказ директора. Теперь у вас будет время пожалеть о некоторых обещаниях, данных поспешно.

Он был неправ, времени уже не было.

Я надел телогрейку и пошёл в пульт собирать рабочих. Мимо дока цепочкой уходили домой люди из других цехов, одетые в плащи и шляпы, они уже смыли с рук ржавчину и краску, а нам предстояло работать часов до трёх ночи, в лучшем случае.

В надстройке у пульта собралась наша команда. Говорили все сразу. Особенно недоволен был боцман.

– Что им приспичило! Ведь каждый раз так! Всё время авралим, меня жена скоро из дома выгонит, – ворчал он.

– Вот попробуй вечером такое судно подними, половина матросов давно разбежалась, – поддержал его моторист.

– Нечего митинговать. Раз судно аварийное – надо ставить, – сказал наш электромеханик Виктор Сигов.

– Надоело всё до чертиков, – возмутился электрик Рудик.

– Ладно, помолчите, – решил я их оборвать, – времени у нас мало, приказ есть приказ, грузить будем до иллюминаторов, надо их все как следует задраить. У пробоин на судне свисают бортовые кили по правому борту, так что прижимать придется к правой башне. Пусть отдадут швартовы – пора начинать!

Я объяснил суть постановки и то, как придётся брать тросом и как вести. На душе у меня было беспокойно: все-таки через час начнёт темнеть, да и команда неполная.

Я позвонил Тепнину, хотел попросить ещё людей с буксиров, но Тепнина уже не было. Конечно,

он где-нибудь здесь, на заводе, но не хочет вмешиваться, и появится на пирсе к утру, когда мы уже выйдем из воды.

Чёртовы доки – вечный аврал! Все, кто окончил со мной институт, давно расплзлись по конструкторским бюро, а у меня вот уже второй год изо дня в день одно и то же.

Я вышел на палубу башни и отсюда, сверху, посмотрел, как начали отдавать швартовы.

Залив был почти пустынен, лишь изредка по фарватеру проходили суда, повторяя извилистый порядок бакенов. На доке включили прожектора, машинисты заняли свои места в насосных отделениях.

В тишине вечера мы медленно погружали док. Журчала, всплескивала вода, входя в ниши, и черной пеленой покрывая палубу; уходили в воду доковые клетки, трещали, всплывая закреплённые тросами доски, док медленно притапливался. Через час окончательно стемнело. Мы приняли воду полностью; островами длинными и ровными торчали из воды башни. Дальше док не шёл, мы почти сидели на грунте. Все-таки яма для нашего дока маловата...

– Ну вот, Андреич, нормально в машинах, – сказал мой помощник, – течи нигде нет, ни в одном отсеке, только в компрессорной чуть сочится, ну это так, пустяки.

Для него все пустяки. Я попросил боцмана проследить, чтобы наготове был цемент и распоры.

И тут появились буксиры. Ещё задолго до этого мы услышали их гудки и пыхтение. Сразу вслед за ними поползла по фарватеру плоская тень «Загорска», стирая огни деревень на противоположном берегу.

Носовой буксир вошёл в пересечение наших прожекторов. Беспомощно полз «Загорск» на поводе у буксира, лоцманский флаг повис на мачте. На судне было темно, и казалось, что команда покинула его.

Я подошёл к микрофону и крикнул:

– Эй, на судне, готовьте бросательный!

Носовой буксир прекратил работу, серая громада судна двинулась на нас по инерции, где-то позади неё надрывно загудел кормовой буксир. Этот гудок означал «Одерживаю!» Несколько коротких всхлипов буксира – и тот замедлил ход.

– Что они там заснули, деятели? – крикнул мне боцман. – Конца подать не могут!

Но вот наконец хлопок, как будто пастух ударил бичом, и в воздухе мелькнула выброска – пеньковый тонкий трос с грузом.

– Берегись! – крикнули с судна.

Теперь уже можно было различить матросов на баке.

Вдоль башен ждали наши рабочие. Тихо... Слышно было даже в динамиках, как стучат кора-

бельные часы в нашем пульте управления. Сейчас самое главное вовремя одержать судно, не давать ему навалиться на башню.

– Закрепили?

– Закрепили, – ответили сразу несколько голов с верхней палубы судна.

Пора начинать выборку. Почему замешкался боцман на той, противоположной башне дока?

– В чём дело, Валя? – крикнул я в микрофон.

– Сейчас, – ответил он хриплым голосом, ему не нужно микрофона – просто крикнул вполсилы. Ребром ладони он забивает гвозди в сосновый брус.

Я всё же нервничал: главное впереди. Загудел, как шмель, мотор шпилья – начали.

– Валя, осторожней! – крикнул я в микрофон. – Ни в коем случае не наваливай на свой борт, только одерживай.

Мне всё время не дают покоя эти кили, торчащие с правого борта «Загорска», они могут свернуть нам клетки.

Только бы не поднялся ветер, сейчас нам надо вести судно очень точно.

Командует мой помощник, он покрикивает на матросов, особенно его раздражает неповоротливый толстяк Воронов. Я подбежал к ним. Воронов запутался с тросом, тяжело дышал. Втроем мы накинули несколько петель на барабан.

Наконец мы ввели судно, резкий всплеск – это отдали буксирный трос. Носовой буксир развернулся почти на месте и скользнул под тросами между бортом судна и углом доковой башни. Молодец, капитан, отлично проскочил!

Буксир загудел на прощание и растворился в ночи, только где-то за судном ещё видны снопы искр из его дымовой трубы.

«Загорск» вошёл в пространство между доковыми башнями. Матросы начали опускать мягкие плетёные кранцы. Пятна света от наших прожекторов осветили обшивку «Загорска», помаятую и проржавевшую в далёких рейсах, лица матросов, капитана на крыле рубки и долговязого лоцмана в кожаном пальто.

Я вошёл в пульт управления, надо было поверить, всё ли готово у электриков.

Окна пульта открыты, и по гудению шпильей, по скрипу тросов, по голосам я продолжаю ощущать путь судна.

В пульте сидит сосредоточенный и угрюмый Виктор.

– Ну и боцман, удивляет меня, опять поленился завести дополнительный трос. Ведь это же не просто обычное докование! Здесь «на авось» ничего не выйдет, здесь надо быть начеку! Ну, совсем распустился, – ворчит он.

– Валя, – спросил я по микрофону, – со среднего завёл уже?

– Завожу, – крикнул он.

– «Завожу!» – возмутился Виктор. – Наверное, и не думал!

На судне перенесли трос на корму, передавали его через надстройки.

– Поджимайте к борту, сколько можно говорить! – закричал мой помощник.

Я побежал, перепрыгивая через тросы туда, где был натянут тонкий отвес: надо довести судно до него, потом отжать. Прожекторы поймали отвес в перекрестье.

Чтобы лучше увидеть, как движется судно, я встал на переходном мостике. Теперь боцман дал слабину – мы выводили судно по центру. Виктор на пульте замахал руками, мол, хватит. Терпение. Ещё какие-нибудь полметра. Стоп.

Тросы вытянулись. Я видел, какого труда стоило удерживать их. Кряхтел Петров, обеими руками вцепился во вьюшку Воронов, только боцман стоял не напрягаясь, придерживая трос ногой, для страховки он подсунил под вьюшку кусок доски. Я подозвал своего помощника, спросил, не было ли где стуков или треска, нет ли течи, и попросил его командовать в носу. Когда я вернулся в пульт, электрики уже включили щит, на котором загорелись зелёные и жёлтые лампочки. Можно начинать подъём.

Я повернул переключатель, и на всём стометровом пространстве дока начали вращение приводы клинкетов. О том, что они открылись, сообщили лампочки: погасли зелёные, загорелись красные. Щит был похож на огромное электропианино. Я взглянул на часы, было ровно два часа ночи.

– Дай закурить, – попросил я Виктора. Мне, как всегда, не хватало пачки.

– Побираешься, – сказал Виктор, всунул мне в зубы сигарету, щёлкнул пистолетом-зажигалкой.

Я задымил над приборами, вглядываясь в дрожание стрелки. Виктор выключил свет, чтобы лучше было видно пространство за окнами, где в чёрной воде втиснулось в док обтекаемое тело судна.

– Ну вот, – сказал мой помощник, входя в пульт, – мельтешили, суетились, однако справились. Корму прихватило без звука. Не такие суда поднимаали, а это что – мелочь.

Он сел за столик и начал с Виктором разговор о картошке, о том, пора или не пора её сажать, и у кого лучше огород. Почти у всех рабочих-старожилых свои огороды, которые они называют дачами. Почти у всех позади деревенское детство. От меня это всё далеко, хотя и понимаю, что прожить на зарплату без такого подспорья, как собственные огурцы и картошка, трудно, почти невозможно. Особенно, если семья не как у меня – из двух человек, я да жена, а полно детей, да и старики вместе с тобой живут... Да ещё, если эти старики

в прошлом крестьяне, то пенсий они почти не получают...

Медленно шёл подъём, кончилась сигарета, заразительно зевнул Виктор.

Я почувствовал, что здорово устал, особенно ноги сдали, сейчас бы прилечь, вытянуться.

– Холодает-таки, – сказал мой помощник, прикрывая окна.

И вдруг истошный вопль: «Кренится!» Это закричали на судне.

– Кренится! – крикнул боцман.

Я уже сам увидел, что плоский борт «Загорска» косо надвигался на окна пульта. Неужели все-таки этот торчащий, поломанный киль упёрся в клетку. Если так, надо срочно погружаться, и всё начинать сначала, иначе продавит палубу дока. Казалось, что крен достиг предела, и ничем уже не остановить падение, и вот-вот обнаружится хрупкость стекол пульта и малая прочность бетонных башен дока, которые медленно начнут разваливаться. Вот оно – наказание за самонадеянность.

– Сообщите крен, капитан, – стараюсь говорить как можно спокойнее.

– Крен десять градусов.

– Десять градусов – ерунда, – сказал мой помощник, – у нас до двадцати «Полесск» доходил, и то ничего.

– Борис Андреевич, что вы медлите, – крикнул Виктор, – надо срочно грузить док!

– Чего раскудахтался, пустяки, а он орёт, – сказал мой помощник.

Всё у него пустяки, он видел вещи пострашнее, которые наше поколение представляет смутно: в сорок втором его чуть не расстреляли, в сорок третьем он бежал из концлагеря – после такого нервничать по пустякам не стоит. Со всеми он легко находит общий язык, против начальства никогда напрямую не пойдёт, но делает всё по-своему. Доковые называют его «Лисой». У него действительно острый вытянутый нос и мелкие, лисьи черты лица. Он разворотлив и неумолим. Вот у кого надо учиться выдержке...

Да, главное – сохранять спокойствие и не суетиться, люди ждут моего решения. Прошло несколько долгих секунд. Мы продолжали подъём. Судно начало выравниваться. Сначала незаметно для глаза, потом резкий рывок на другой борт, несколько колебаний, вот, кажется, всё замерло. Так и есть.

– Крен ноль! – крикнул капитан судна.

– Я же говорил, ерунда, а вы «погружать, погружать»... – сказал помощник.

Он вышел на палубу, я услышал, как он рассказывает матросам, что только он не хотел погружать, а знал наверняка, что всё обойдётся. Старик хочет подчеркнуть, что он здесь голова, а если бы не он – провозились бы до утра. Что ж, пожалуй, он прав.

Вода медленно освобождает борта судна, темная полоса – её след – всё время увеличивается. В свете прожекторов на участках, вышедших из воды, видны плантации причудливых ракушек. Они ещё дышат пористой массой; если ночью их не смыть и не очистить, завтра маляры поломают все щетки у турбинок. Придётся давать задание дежурным. Придётся уговаривать их...

Осталось полчаса простого подъема, у тросов делать нечего, в пульт пришли рабочие палубной команды – поговорить, погреться.

Боцман в грязной робе уселся на пол; уснул в углу на вахтенных журналах Завадский, молодой парень с длинными волосами.

– Кимарит, студент лохматый, – ворчит мой помощник, – они тут за моей спиной все академии позаканчивали, на работе спят, дома учатся. Им что! Разве они за производство душой болеют... У нас вон, почитай, студентов полдока! Все учёные, а что случится – ко мне.

Да, великое дело – практика, я ведь тоже постоянно учусь у своих рабочих, ни в одном институте не покажут, как правильно накинуть трос, закрепить гайки, соединить шланги...

Очень хочется спать, я только сейчас ощутил, как устал. Хорошо хоть прохладно, летом я сильно потею, не напасёшься рубашек – разлезаются. Летом, конечно, труднее.

В пульте все молчали, только мой помощник продолжал ворчать, но речь его была привычна, и почти никто не прислушивался к его словам.

– Жалуются, поесть не хватает, чуть что – денег одолжи, а кругом земля пустует! Пожалуйста, паши! Нет, он, лохматый, придёт домой, жену под ручку и загорать на озеро. Конечно, так жить трудно, а ему лишь бы джинсы с этикеткой, да свитер заграничный! Вон у меня ещё картошки навалом, капусты, огурцов, помидоров, мне что в магазине – хлеб да сахар купить. А такие, как они, и бегают с места на место! Длинный рубль – в чужих руках только, а ищут, где легче! Хитрованы все!

Спокойствие нарушает голос Питилимова, он говорит по микрофону из шпилевой, противоположной башни дока.

– Борис Андреевич, докладывает Питилимов! Вы меня хорошо слышите? Это я, Питилимов!

– Да, хорошо! Что случилось?

Боцман прыснул, засмеялся Петров, все ждали обычных нелепостей. Прикрыв микрофон ладонью, я спросил у помощника:

– Кто это догадался пустить Питилимова в шпилевую к микрофону?

– Я, когда уходил, закрыл её и связь отключил, – сказал боцман.

– Борис Андреевич, – продолжал Питилимов, – я бревно отталкиваю, оно попало в кабель и чуть высокую сторону не отключило. Вы слышите меня?

Смех в пульте смолк. Не хватает нам ещё остаться без питания.

– Как бы его там током не долбануло... – сказал мой помощник. – Пойду посмотрю.

Через несколько минут возвратился Владимир Иванович, махнул рукой, заворчал:

– Бревно, бревно – щепку какую-то зацепили, я там трансляцию совсем вырубил.

Не знаю, что и делать мне с этим Питилимовым. Он электрик, низенький, лысый, выдумщик и враль бесподобный. Обычно, его место в пульте, но здесь он всем мешает, над ним смеются, подковыривают его, не замечает. Чтобы оградить его от насмешек, я при доковании посылаю его на противоположный борт дежурить у щита, но, к сожалению, он не выдерживает одиночества, добирается до микрофона и начинает регулярно общаться по трансляции всё, что видит. Это вызывает бурные взрывы хохота, а так как динамики слышны хорошо на берегу, то в рабочее время у дока собирается целая толпа.

Я вышел из пульта на палубу. С «Загорска» уже начали отдавать тросы, они теперь лишние – никакой силой не разъединить судно с доком, весом в две тысячи тонн «Загорск» нажал на клетки и присосался к ним.

Вода отступила, показались внизу доски и ступель-палуба. Те, у кого хорошие резиновые сапоги, начали пробираться вниз. Я тоже не выдержал.

– Посмотри здесь, – попросил я помощника и спустился по трапу, стараясь не задеть поручни, покрытые илом и мазутом.

Внизу осталось совсем немного воды, я перекинул доску и прошёл по ней под днище судна. Было совсем темно, я ощущал кильблоки и убедился, что затора нет, и судно село отлично.

Мелькали пятна фонариков, я пробирался, согнувшись в три погибели, под днищем от клетки к клетке. Грязные, холодные капли проникали за шиворот, вода стекала по палубе, журчала в нишах, насосы выбрасывали её остатки из дока, они уже работали с надрывом, хватая воздух.

Вот и пробойна – вода хлещет из неё, кили исковерканы, изогнуты, но прошли хорошо, ничего не задела, нам повезло.

– Корюшка, ребята, кидайте сюда вёдра! – слышу я зычный голос боцмана.

Действительно, как я сразу не заметил: на палубе полно корюшки – глупый косяк зашёл в док. Я зачерпнул полную горсть скользких, трепыхающихся рыбок, они пахнут свежими огурцами. Рыбёшка прямо хрустит под ногами, так её много. В темноте бродят люди, набирают полные вёдра, кастряли. Слышатся крики:

– Сюда, сюда!

– Давайте доски, загородим ниши.

– Вася, куда ты там пропал? У меня ведро полное!

Смолкли насосы, на левой башне зазвонил кран, это повезли трап на «Загорск».

– Майнай помалу, Клава! – крикнул боцман крановщице. – Помалу!

Я прошёл в корму. Лопасти винта «Загорска» исковерканы, одна наполовину обломана, руль висит буквально на ниточке. Как они ещё умудрились дойти сюда...

У винта стоял капитан «Загорска», смотрел и охал.

– Надо отметить такое дело, – сказал он, – пошли, докмейстер, у меня уже стол накрыт.

– Не могу, – сказал я.

– Ну, это не по-морскому.

– Людей надо развести домой, ошвартоваться...

В дежурную машину – полукрытый газик – с трудом уместилась вся команда.

Мы мчались по пустынным ночным улицам. Изредка дробь кулаков сотрясала кабину, тогда шофёр тормозил, и один из нас соскакивал у своего дома.

Заводской посёлок молчал, во всех окнах был погашен свет.

– До завтра! – крикнул я, спрыгнув на повороте у парка.

Я прошёл в густой темноте через парк по шуршащей листве, мимо аттракционов, качелей и заколоченного летнего кинотеатра. Узкий серп луны скользил за тонкими стволами, видны были редкие звёзды, впереди светило единственное окно – окно моего дома. Посёлок состоял из одинаковых, двухэтажных домов, уцелевших после налётов авиации и штурма города. В центре почти не осталось целых зданий, одни развалины. А посёлок повезло. Только жильцы в домах сменились. Прержние, если они только живы, сейчас далеко. Наверное, они тоже работали на верфи. Здесь и раньше был рабочий посёлок. В городе трудно отыскать квартиру. Эту же я буквально вырвал для себя, вернее не я, а мой помощник...

Я поднялся в темноте по скрипучей лестнице, открыл дверь, снял туфли и осторожно прошёл на кухню. Жена не спала, она сидела в единственном нашем кресле, длинные чёрные волосы спадали на плечи.

– С ума можно сойти, – сказала она и печально вздохнула, – уже четыре часа. Где ты пропал?

– Работал. «Загорск» поднимали.

– Зося, наверное, дежурила?

Это она о нашей крановщице, есть такая смазливая краля, но ведь не угадала, сегодня не её дежурство.

– Надоело мне всё это, и чужое всё кругом, чужое, булыжник, разрушенные соборы, пустыри, давай уедем отсюда, не могу я больше...

– Вот спустим «Загорск» и решим...

Я давно уже обещал ей вернуться в Ленинград. Понимаю, сотворили мы глупость. Мало ли, что дали сюда распределение, что, я там бы не устроился? Это извечный мой дух противоречия – захотелось начать всё самому, без опеки, без её родителей, без их огромной, уставленной старинной мебелью квартиры... Ну вот и получил, что хотел. Совершенно чужой город, разорённый и разрушенный. Жителей прежних выселили и восстанавливать центр не спешат. Сначала приютом стало мне общежитие с прогорклым запахом нестиранных носков, а теперь досталась комната с узенькой кухней. Когда прежний доковый мастер съехал отсюда, мой помощник содрал хилые печати с дверей и приволок мой нехитрый скарб – и тогда приехала Зина. Наверное, я поторопился, сорвал её с места преждевременно. Но ведь она и сама писала, что не может жить одна... И вот теперь сидит на кухне у кафельной немецкой печки, а я так устал, что мне не хочется ни есть, ни разговаривать, да и за окном светает, надо успеть подремать хотя бы пару часов...

Первый день после докования, как всегда, самый напряжённый: люди не успели выспаться, а работы предстоит по горло. Надо и пар на судно подать, и воду, и леса вокруг судна построить, чтобы можно было малярам чистить и красить подводную часть, и организовать работу на шпилях, чтобы помочь снять винт и руль, и кран в первый день нарасхват – всем всё подать надо, и всё в первую очередь, всем срочно.

Конечно, за вчерашнюю работу положено было бы взять отгул, выспаться хорошенько, но на доках все знают – придёт время, всё наладится, отдохнём, а в первый день надо на совесть поработать и обеспечить работу другим цехам.

Для докмейстера этот первый день самый трудный. На док цепочкой тянутся люди в пиджаках. Начальство, разные комиссии, дефектовщики, строители – все требуют чего-то своего, и со всеми надо переговорить, всем доложить, всех успокоить.

Пока шёл от проходной к пирсу, я обдумывал, что и как надо сделать, и всё ругал себя, что не сумел проснуться хотя бы на полчаса раньше. Был бы тогда запас времени до прихода начальства, возможность всё спокойно осмотреть и проверить – как судно село, не нужно ли где клетки подклинить и килевую подбить.

Издали, с переходных мостиков, судно в доке напоминает стального кита: круглые развалы бортов, сморщенное от ракушек днище. Прежде, чем подняться к себе, я прошёл вдоль дока и осмотрел клетки. Работа была чистой – судно стояло точно по центру.

На доке, в дежурке, полно народа – дымчат, набираются тепла перед тем, как начать работу. Слушают Питилимова, тот рассказывает о счастливых днях своей жизни на Кавказе, о сказочном доке в Батуми, где он когда-то побывал в командировке по обмену опытом.

– Разве в Батуми делают леса на доке? И не думают. Там специальная бригада плотников есть! Не верите? Человек сорок! Они и леса делают, и док подметают. Там дежурят не как у нас – один человек, а по десять на вахту! А у докмейстера там будка – будь здоров! Он на палубу-то выходит, может, раз в месяц, не больше...

Я давно заметил, что в каждом питилимовском рассказе о необычном батумском доке со временем возникают всё новые и новые подробности.

Вот и сейчас Питилимов под общий хохот общает, что там на доке всем выдают бесплатную форму, а зимой – вахтенным – дубленки.

Все уже давно знают его рассказы и о том, как он командовал десантом, и как обучал новобранцев, и как руками поймал лису. По его рассказам, он окончил войну в чине полковника. Когда разыскали в отделе его карточку и узнали, что он всего лишь сержант, одно время его только так – сержантом – и звали, а потом произвели в капралы.

Правда, человек он очень добросовестный, всегда остаётся на доке после всех. Если что-либо вышло из строя, по собственной инициативе может провозиться всю ночь, и главной наградой для него будет то, что утром он похвастается: вот исправил, теперь всё в порядке. И когда его пошлешь отдыхать, устало махнёт рукой и скажет: «Тут ещё работа есть, нельзя мне уйти». И если бы при своей добросовестности он ещё хоть что-нибудь умел делать, то цены б ему не было. Но он вечно всё перепутает, и больше всего я боюсь, как бы он не влез под напряжение.

Телефонный звонок прерывает рассказ Питилимова, я беру трубку и слышу голос Тепнина. Молча слушаю его и думаю: «Где же вы были ночью, Виссарион Иванович? Знаю, ведь тоже не спали, боялись, как бы чего не случилось, а вот сейчас, под утро, опрокинули полстакана спирта и собираетесь домой, чтобы лишних вопросов не выслушивать».

Конечно, ничего такого я не сказал, но он будто подслушал мои мысли:

– Знаете, устал я за ночь, дома ещё не был. Вы уж тут покомандуйте сами, но смотрите, чтобы задержки не было с лесами, всех гоните на леса, а то они пользуются вашей мягкотелостью, отсиживаются, а ведь это из-за вашей затеи нас леса заставили делать, так что выкручивайтесь, Борис Андреевич.

– Люди устали.

– Ничего, потом отдохнут.

Мне хотелось сказать в ответ что-нибудь дерзкое и напомнить, как боялся он «Загорска», но он был старше меня, кругом люди, я промолчал и положил трубку.

Было без пяти восемь.

– Ну что ж, парни, – сказал я, – пора начинать. Поработаем сегодня хорошенько, а чем быстрее всё сделаем, тем легче потом будет. Надо браться за леса, выставить их сегодня хотя бы в корме. Пусть мотористы выделяют трёх человек, и от электриков – двух. Плотников дают, но только четыре человека, надо будет поработать.

– Всё из-за этой чертовой механизации, – буркнул боцман, – выдумали себе на голову.

Это тоже камешек в мой огород.

– Ничего, – сказал Владимир Иванович, – наладим машины, сами будем только сверху поглядывать.

– Пока вы наладите, а теперь вкалывай, – не унимался боцман.

– Валентин, вы должны народ организовать, а не вставать в позу, – заметил электромеханик Виктор Сигов, – никакой сознательности.

Его недавно избрали в профком завода, и теперь он всегда на стороне начальства.

– Пошли с нами вниз, поносим доски на горбу, – сказал боцман Сигову, поднялся с пола, надел рукавицы и крикнул:

– А ну, давай из дежурки, курить с утра вредно!

Я понимал: сейчас они все думают, что им приходится делать леса из-за меня.

Ну что ж, я пожинаю свои плоды.

Мне всегда бывало не по себе, когда я смотрел, как работают в доках плотники, сколачивают из досок громоздкие леса, окружая корабль настилами, как таскают шестиметровые штаги, подают вверх доски. Досок приходилось подвозить машин пять – не меньше, а перед спуском судна надо разобрать настилы, и всё это в спешке, в последние часы. Разбирать настил аккуратно некогда, и вот затянут его тросом, рванут шпилем – леса падают, как карточные домики, разлетаются с треском и хрустом. Плотники люди привычные, делают свою работу весело, с шуточками да прибауточками, а мы, когда приходится им помочь, с непривычки еле двигаемся. Я как-то потаскал штаги, так потом целый день руки дрожали.

Помню, именно в этот день меня поддел Сидорчук – одорукий бригадир плотников:

– Вот, Андреевич, век атома, механизация простая, нажал на кнопку, взвалил на плечо и пошёл – аж спина мокрая. Вы в институте, может, что проходили. Я вот слышал – есть леса металлические, башенные... вроде, разные уже придумали?

И начальник наш Тепнин сказал на диспетчерской:

– Неужели ничего придумать нельзя, чтобы такой идиотский труд устранили?!

И вот придумали мы себе на голову. Вернее, не мы, а один парень из Таллина. Рассказал нам об этом наш строитель. Побывал он в Таллине в командировке, узнал там про самоходные леса и чертежи с собой взял, и когда услышал, что мы начали подобные леса у себя делать, пришёл ко мне, выложил чертежи на стол и сказал:

– Вот, Андреевич, штучка, я тебе доложу. Леса на колесах. Никаких тебе забот, только руль верти. Давай вместе предложение напишем. Такие леса сделаем – закачаешься. Материал любой достану. По рукам?

И кончилась наша спокойная жизнь, всем доком принялись мы за самоходные леса: кто редуктор притащит, кто уголок, кто передачу, кто руль.

В гараже на нас косо поглядывать стали. Нам нужны были старые машины, списанные. Дописали мы тогда третьим автором в рационализаторское предложение начальника гаража, и он сразу три старых грузовика нам отдал.

И вот через месяц у нас на стапеле дока уже стояла самоходная башня, на остов машины были наварены металлические раздвижные площадки, которые вынимались со страшным скрипом, вместо привода вставлялась воздушная турбинка – и наша огромная телега, тарыхтя и громокая, медленно двигалась по бетонной палубе. Это было сооружение, не уступающее троянскому коню. На доке собралось полно людей. Рабочие уселись на брусках клеток, обсуждали наше детище, давали советы.

Боцман в нужный момент подталкивал машину плечом, и она двигалась дальше. Сияющий и гордый, сидел за рулем Владимир Иванович. Плотники бросили работу на соседнем доке и пришли посмотреть на чудо, несущее им освобождение. Сидорчук прыгал от восторга.

Наконец, настал торжественный день, мы подняли в док плавбазу «Александр Матросов», и на совещании я сказал:

– Мы отказываемся от постройки лесов по правому борту, правый борт будут обслуживать самоходные леса!

– Молодец, Борис Андреевич, молодец, – сказал Тепнин, я давно говорил: стоит только подумать, и всё будет в порядке.

А утром на док пришли маляры. Моросил мелкий, непрерывающийся дождь. Маляры сбились в кучу, спрятались от дождя в доковой нише, наладили свои турбинки, потом позвали меня. Я спустился вниз.

Завидев меня, они заговорили все разом. В куртках, заляпанных краской, с лицами, на которых осели кусочки ржавчины, с оскаленными белыми зубами они были похожи на обиженных негров. Они дружно проклинали самоходные леса.

– Чтоб у того рот на пятке вырос, кто их придумал, чтоб ему – как есть – так разуваться! – кричал рыжий маляр в белой косынке.

– Кишки с ними надорвёшь! – поддержал его другой.

На деревянных лесах они передвигались свободно, а теперь им приходилось возиться с нашей машиной: одному сидеть на руле, другому включать воздух, а они сдельщики – им каждая минута дорога.

– Ладно, – сказал я, – на передвижение машины и подключение я дам своих людей, доковых.

На диспетчерском совещании Тепнин сказал мне:

– Не имела баба хлопот, купила поросё, провела инициативу.

И вот сегодня опять эти леса. Я уже устал от упреков, но мой помощник не унывает, он упрямо продолжает таскать из гаража детали для второй самоходки.

Я успел побывать на «Загорске». Подключили на судне пар. Пришёл Шкворев, как всегда закутанный в толстый шарф, его назначили на судно строителем. Мы спустились вниз, чтобы организовать работу. Ребята наши заканчивали леса в корме, с криками поднимали они здоровенные штаги.

Я бы хотел превратиться в человека-невидимку, когда мы проходили мимо них, но, увы, боцман заметил меня и закричал:

– Где плотники? Сидорчук где? Спит, наверное, на втором доке, вы их пошевелите, Андреевич!

– Давайте с одного борта все-таки самоходку пустим, – предложил я Шквореву.

– Что ты, ни в коем случае – сорвём работы! Я не могу это разрешить!

– Но ведь вы же соавтор, это же наше общее детище!

– Чудак, – ухмыльнулся он, – чего мельтешишься, деньги за рацпредложение мы получили, чего же тебе ещё надо! Сдай самоходку в металлолом – и порядок!

Я ушёл от Шкворева под днище судна проверить кингстоны, видеть я больше не мог своего соавтора.

А вечером бригадир плотников Сидорчук не поздоровался со мной. Я окликнул его, он потоптался на месте, сунул единственную свою руку в карман, сплюнул сквозь зубы и сказал:

– Эх ты, новатор!

Я не понял сначала, какая муха его укусила, но когда он сказал, что из-за моих лесов сокращают плотников, я готов был провалиться сквозь землю.

– Вот так, – сказал он, – заварили кашу, куда я теперь людей дену? Ведь живые люди!

После работы говорили обо всём этом с Владимиром Ивановичем и Виктором. Сигов был настроен бодро.

– Вы, Андреевич, только носа не вешайте! Одного леса экономию дадим – на целый год хватит! А из этого леса хаты в городе понастроят. Машины эти надо делать, и на всех наплевать – а своего добиться. Иначе грош нам цена! Тепнина я возьму на себя, чтоб он палки в колёса не совал.

– Пойду я, – сказал мой помощник, – закреплю нашу самоходку цепью, а то я слышал ребята грозились её ночью за борт спихнуть. Разные придурки, конечно, бывают! Я думаю так, что не решатся – но на всякий случай закреплю. И дежурных надо предупредить...

Док – это сложное сооружение, и на нём всё время должен кто-нибудь находиться. Поставили мы судно, разъехались по домам, а какой-нибудь клинкет закрыли неплотно, пойдёт потихоньку вода, начнёт док крениться, судно может завалиться. Да мало ли что может случиться – всего не предусмотреть. К тому же и в ночную смену часто бригады работают, особенно перед сдачей судна.

Поэтому самых опытных механиков мы ставим на дежурство. Хотя раньше другой был порядок, а вернее, порядка не было... Раньше на доке оставляли на ночь по одному дежурному, но однажды я узнал, что электрики, уходя с работы, вынимают вставки питания пульта. Значит, при аварии даже воду не откачать. Меня тогда это поразило. «И давно так?» – спросил я у своего помощника. «Да нет, Андреевич, лет пять. Дежурные балуют. Вот был у нас один парень, хотел доказать, что всё умеет, и давай ночью доковаться, клинкеты пооткрывал, тренируется, чтоб, значит, потом показать, какой он умный. А утром приходим – док раком стоит, хорошо пустой – без корабля». «Выходит, мы дежурных зря держим!» – возмутился я. «Как зря, – ответил он, – в случае чего вызовут нас, а сами они всё равно никуда не годятся. Возьми, кто у нас на ночь? Пенсионеры! Я сто раз говорил, надо, чтоб сильные механики дежурили и электрик».

В тот же день мы переделали график дежурств, и работать нам стало спокойнее. Дежурные за ночь многое успевали. Взять хотя бы очистку судна: по свежему наросту, сразу после докования водой под давлением так обработают борта, что и чистить почти не придётся.

Вот и на «Загорске» хорошо потрудились дежурные ночью, но ракушки остались, особенно в корме.

Второй день весь ушёл на зачистку и прошёл более спокойно. К обеду мы закончили леса, и док наполнился жужжанием турбинок. Столбы оранжевой пыли от очищаемой ржавчины поднимались над доком, солнце казалось сквозь их пелену маленьким и тусклым.

Весь день меня преследовал шум. Никуда от него не денешься. Даже в каюте, при плотно завинченном иллюминаторе, внутрь проникает треск

сварки и грохот кувалд; а когда сверху по палубе идёт кран, всё ходит ходуном. К тому же не смолкает телефон внутренней связи. Его звонки пронизывают насквозь – это что-то типа пожарной сирены.

Приятен лишь монотонный шум лопающего вентилятора. Особенно он выручает меня летом, когда докуем в жаркий день и приходится вдобавок ко всему стоять у щита управления, нагретого контрольными лампочками десятков приборов; придёшь в каюту – рубашку хоть отжимай, ноги – свинцовые, ляжешь на диван – и направляешь на себя поток живительного воздуха.

Но сегодня вентилятор не нужен, день весенний, прохладный. В каюте я позволяю себе хотя бы на полчаса отключиться от суматохи дел. Сюда я принёс свои любимые книги. Можно и не читать, а просто смотреть на корешки. Видеть название и фамилию автора. И сразу все вспоминается. Время останавливается. Медленно отсчитывают минуты корабельные часы со светящимися стрелками и цифрами. Вроде бы радиоактивность от них чуть выше нормы, хотели фосфор соскоблить с них и со всех других приборов, но мой помощник решил, что фосфор снимать не стоит, а надо требовать дополнительный отпуск за вредность. Вызвали комиссию, снова замеры, но ничего не вышло: радиоактивность – в пределах допустимой. Так что на каждого хитрована свой винт, и радиация есть и отпуск прежний, без добавок...

У меня самая большая каюта на доке, здесь я собираю совещания, делаю разборки докований. Есть здесь диван, где можно ночью вздремнуть, если ждёшь судно; есть кульман – можно чертить, на полке рядом с любимыми книгами – ряды справочников. Кроме того, в каюте есть много нужных и ненужных вещей: резиновые сапоги с длинными голенищами, в которых можно спуститься на палубу, когда ещё не сошла вода, чтобы проверить клетки; спасательный жилет – дай бог, чтоб он никогда не понадобился; бинокль в кожаном футляре, переноска... Вещей много, и часть их приходится заменять или раздавать, или просто они куда-то исчезают. Что вещи? И хозяева в этой каюте сменяют друг друга, скоро и мой срок пройдёт – три года...

Постоянные жители моей каюты – тараканы. Они очень пугливы и в то же время нахальны. Поиски съестного делают их быстрыми и ловкими.

Несколько раз мы пытались избавиться от них, но не потому что уж такие мы тараканоненавистники – приказ был санитарной службы. В это лето к нам приходили женщины из эпидемстанции. Они принесли дуст в мешках, раствор и специальные машинки для разбрызгивания. Все рабочие вылезли на верхнюю палубу и начали дискуссию. Большинство сошлось на том, что затея эта бесцель-

ная. Поймали таракана, положили в дуст, засыпали его, он выкарабкался и пополз, как в ни в чём не бывало, оставляя на палубе белый след.

Большой интерес вызвали сами женщины, две из них были довольно-таки симпатичными, и под халатами у них ничего не было из-за сильной жары, но они настолько пропахли своими химикатами, что никто не решился подступить к ним.

И женщины пошли по каютам, закрыв лицо марлей и покрывая стены желтыми пятнами. Всю одежду мы вынесли на верхнюю палубу, ставшую похожей на барахоловку без продавцов. Сразу же обнаружилось, кто у кого что-либо позаимствовал в прошлом, но до скандала не дошло, слишком пекло солнце. Женщины быстро выдохлись и сели в дежурке отдохнуть, их старшая закурила и закашлялась. Из машинного отделения прибежал мой помощник и закричал:

– Бесплезно всё это, ребята, тараканы из кают уползли вниз, их там целые армии!

Я спустился с ним по узкому трапу, пролез через люк и увидел, что изоляция на трубах из светлой превратилась в коричневую, и вся колышется. И я понял, что всё напрасно, женщинам здесь не пролезть, а тараканы пересидят осаду, а через два дня, когда исчезнет едкий запах, поползут по прежним местам.

И тогда ко мне подошел механик Петров и сказал:

– Давайте мне два дня отгула, и я обсыплю и обрызгаю всё под палубами и между труб.

– Там очень душно, даже без дуста там задохнешься, – сказал я.

– Ничего, я привычный, – сказал Петров.

– Пусть он пролезет, – сказал мой помощник, – ему нужны дни, сено для коровы накосить.

И я согласился, только на всякий случай послал с ним паренька, чтоб тот дал знать, если Петрову станет плохо.

К концу дня Петров вылез наверх весь белый и потный.

Я подписал женщинам бумагу об обработанной площади, и они ушли, весело переговариваясь на ходу. Но их уходило на одну меньше, а та, что осталась, пошла в душ. И наш боцман сказал Петрову:

– Иди с ней, потри ей спину, уж тебе теперь безразличен запах.

И все загоготали. А Петров растянул рот в улыбке и сказал:

– Так и договорено было. Что я, за один отгул работал?

Через неделю я заметил в каюте первого таракана и поначалу даже обрадовался, но они плодились изумительно быстро и вскоре начали выползать группами, а потом опять их стало столько же, сколько было, и выводить их теперь, если найдётся кто-нибудь, который затеет это, будет очень труд-

но, потому что выжили наиболее устойчивые, и от них пошла такая порода – дуст ей не страшен.

Прижились, любят они своё место. А мы всё мечемся – и город не тот, и работа не та, о которой мечтал. Учили ведь чему – сложным расчетам, теории качки, остойчивости... Всё это нужно для работы в конструкторском бюро... А вот командовать людьми, которые все почти старше меня – это другая наука...

Но размышлять и сидеть в каюте не приходится. Докмейстер нужен то тут, то там – бежишь вверх, потом вниз, под днище, опять наверх, вниз, в моторное отделение, и так весь день.

К вечеру поднялся ветер, док раскачивало и то отжимало от пирса, то с силой надвигало на палы; вода, врываясь в ниши, смешивалась с пылью и превращалась в липкую жижу. Меня позвали на пирс. Там стояли наш начальник Тепнин и бывший начальник, теперь заместитель главного инженера, Курагин. Мне не хотелось спускаться вниз, а им – подниматься на док. Мы объяснялись жестами.

Курагин, казавшийся рядом с Тепниным особенно большим, пытался перекричать вой турбинок.

– Воздуха, воздуха мало! – кричал он. – Дай давление, компрессор запускай!

Он вращал рукой, как будто заводил машину. Тепнина совсем не было слышно, он показал руками, как набирают номер телефона, и я пошёл в пульт ждать звонка. Дядя Федя, дежурный по доку, уже сидел на диване и чистил мерную линейку. Он, как обычно, пришёл на час раньше. У него короткая чёлка, как у мальчика, и глубоко спрятанные голубые глаза, а лицо в морщинах, острые скулы обтянуты жёлтой кожей. Он никогда не сидит без дела. Вот и сейчас, не отрываясь от работы, курит крепкие армейские сигареты, даже дым от которых кружит голову.

Всех рабочих, старше пятидесяти, если их уважают, у нас называют «дядями»: дядя Ваня, дядя Саша, дядя Федя. Только Пастухова зовут «Шмагой», потому что он такой же шалапут, каким был в молодости. По вечерам, когда засыпает наш поселок, Пастухов с затрёпанной гармошкой на плече появляется у магазина. Я выхожу на балкон и вижу, как он шатается, как тяжесть гармошки сгибает его, а он своим хриплым голосом помогает осипшим мехам. Его не называют дядей Сашей, и он часто жалуется Федору Петровичу:

– Ну, скажи, почему я Шмага?

Дядя Федя без дела сидеть не может, вечно что-нибудь чистит, собирает, подвинчивает, на доке всегда много всякой мелкой работы, за которой начальнику не уследить. Он не любит, чтобы каждый так запросто звал его дядя Федя, и тот, кто хочет, чтобы он что-то сделал, обращается к нему не иначе, как «Федор Петрович».

Он выглядит старше своих лет, и даже короткая чёлка не молодит его. Оттого, что он всё принимает близко к сердцу, морщины не оставили на его лице гладких мест.

– Здравствуйте, Федор Петрович, – говорю я, – что, решили замеры сделать?

– Да, надо проверить, – отвечает он, – не очень-то я доверяю Пастухову, большой фантазёр он.

– Компрессор придётся погонять. Судно и во вторую смену чистить будут.

– Да, вечером давление падает, – соглашается он и вынимает из сумки приготовленную на ночь еду в целлофановых пакетах.

С дядей Федей у меня связана история с «турецкими заказами» и первый неприятный разговор с Тепниным. «Турецкими заказами» на доке называли изготовление и ремонт всяких мелочей: у нас ремонтировали замки, утюги, навивали спирали, исправляли телефоны, динамики, газовые колонки, выпиливали ключи. Но после того, как дядя Федя взбунтовался, турецкие заказы резко сократились. И теперь, даже если мне самому потребуется сделать ключ, я остаюсь после работы, зажимаю в тисках заготовку и вожу напильником, набивая мозоли, которые у меня не успевают сходить. Дело в том, что рассеянность моей жены может сравниться только с рассеянностью гения, и ключи она теряет регулярно.

– У тебя полно специалистов по ключам, – говорит она в ответ на мои укоры, – ползавода делает ключи. Тебе ничего не стоит, вон дядя Федя может сделать ключ за пять минут.

– Оставь, – говорю я Зине, – ключи у нас каждый делает сам, даже Курагин.

И мне вспоминается холодное осеннее утро, когда крановщица передала мне ключи с никелированным брелоком и клочок бумаги, где рукой Тепнина было написано: «Изготовить в срочном порядке, поручите дяде Федю». Я позвал Федора Петровича и показал записку. Тот молча взял у меня ключи и ушёл. «В конце концов, надоело, – возмутился Виктор Сигов. – Тут на два дня работы». А вечером дядя Федя сказал мне: «Потерял я ключи, стар стал, руки дрожат, вот и выронил за борт». Был тогда большой скандал... Но ничего, выдержали...

Дядя Федя переоделся и пошел в компрессорную. Уже в каюте я услышал, как затарахтел компрессор, а на шкале манометра увидел, что давление поднялось до четырех килограммов. Когда позвонил Тепнин, я доложил:

– Давление в норме.

– Кстати, – сказал Тепнин, – я подготовил приказ об увольнении вашей крановщицы.

«Почему об увольнении?» – подумал я. Рапорт на крановщицу подал совсем недавно и просил просто перевести её на другой док.

На доке у нас два крана, две смены и, значит, четыре крановщицы. Моряки говорят, что женщина на судне приносит несчастье. Док, хотя не самоходное, но все-таки судно. А у нас пять женщин (пятая – уборщица, жена Виктора Сигова). Но чего стоит одна Зося! Работать она умеет, и её не надо уговаривать задержаться, если нужен кран. Но случается, кран необходим позарез, а она как сквозь землю провалилась. Приходится обегать весь док и судно, пока не отыщут Зосю с пилкой для ногтей в какой-нибудь каюте и не водворят на кран. А там у неё филиал рекламного бюро – фотографии из фильмов, плакаты, картинки из журналов мод. Зосе восемнадцать лет, она самая общительная из крановщиц. Моряки с ремонтируемых судов подолгу смотрят ей вслед. Она знает себе цену, знает, что у неё длинные, крепкие ноги, и забирается она на кран по вертикальному трапу медленно, как бы нехотя.

Месяц назад, когда я подписал ведомость на распределение премий, Тепнин приписал в неё и Зосю.

– Нельзя ей давать, Виссарион Иванович, – сказал Сигов.

Я поддержал.

Но Тепнин не стал слушать наши доводы.

– Напрасно вы женщин обижаете, – сказал он.

Этот разговор передал Виктор Сигов моему помощнику.

– Плюньте, – сказал Владимир Иванович, – если она из женщин одну премию получит, её другие крановщицы с дока выживут.

Он оказался прав. После выдачи премии ко мне прибежала главная наша крановщица, невозмутимая Тоня Крюкова, и говорит:

– Убедитесь сами, кто как работает! Её по всему доку ищут, а она в душевой прохладается.

Тут я не выдержал:

– Постыдитесь, Крюкова, это же ваш товарищ по работе! Кран у неё в порядке, работать она умеет и работает безотказно.

– Вот-вот, умеет, безотказно! – возмутилась Крюкова. – Курагин её вечно выгораживал, и вы туда же!

Я вышел из каюты, прошёл мимо жилых отсеков к раздевалке и остановился перед душевой. Дверь была приоткрыта, и я увидел Зосю. Закинув руки за спину, она застегивала бюстгалтер, мокрые, рыжие её волосы расплзлись по крепким загорелым плечам.

– Нашли время мыться, где ваше рабочее место?! – закричал я, не сразу сообразив, что нелепо говорить полураздетой женщине о дисциплине.

Вернувшись в каюту, я написал Тепнину рапорт с требованием немедленно перевести Зосю на другой док. Владимир Иванович сидел рядом, листал журналы по техосмотру кранов и говорил, что,

конечно, терпеть такое безобразие нельзя, но вряд ли что у нас получится.

Я ворвался в кабинет Тепнина.

Тепнин говорил сразу по двум телефонам. Я сунул ему на стол рапорт, и он, продолжая что-то говорить, одновременно принялся читать. Сначала он успокоил телефоны, пообещав, что всё будет улажено, потом ещё раз перечитал рапорт и сказал:

– Надо человека перевоспитывать. Работать с людьми надо, ясно?

– Почему вы её боитесь наказать?

– Не кипятитесь, Борис Андреевич, не советую.

Когда я вернулся в док, мой помощник сказал:

– Я так и знал, нет хуже, как иметь дело с бабами, горе они наше. Я бы лично так сделал: мужикам зарплату добавил, а баб всех сократил, пусть дома сидят, по хозяйству смотрят, и дома будет порядок, и тут шума меньше.

... И вот теперь, оказывается, приказ на увольнение Зоси готов, и мне, честно говоря, не по себе. И совсем непонятно, почему Тепнин, недавно записавший Зосю на премию, вспомнил вдруг о моём рапорте? Этого только не хватало, чтобы из-за меня уволили человека...

«Загорску» предстояло надолго застрять в доке. Надо было сменить часть обшивки в носу, залатать пробоины, к тому же в блоке двигателя обнаружили трещину. Для нас, доковиков, наступили сравнительно лёгкие дни. Единственное, что нам портило жизнь, это западные ветры, которые у нас называют «прижимными», потому что они поджимают доки к берегу. Эти ветры принесли городу дожди, а нам целые флотилии брёвен, которые бесконечным потоком плыли к заводу от целлюлозно-бумажного комбината. Брёвна заполняют пространства между доками и судами, около них скапливается мазут, пожарная охрана запрещает сварку, работа приостанавливается.

Сегодня, когда я шёл на завод в общей цепочке людей через большое поле с белыми цистернами по краям, я тщательно смотрел на длинную трубу в надежде на отжимной ветер, но дым из трубы по-прежнему тянулся к востоку.

Утопанные тропинки пресекали уже зазеленевшее поле. Утром людской поток на них не прекращается – идут люди из рабочих посёлков. Посёлок, в котором я живу, называется Кульчино, это странное название не зафиксировано ни в одном справочнике, но если спросите в городе, где находится Кульчино, каждый разъяснит, как найти дорогу в посёлок.

Дома у нас в Кульчино двухэтажные с шиферными и черепичными крышами, и столько зелени, что они буквально утопают в ней, а сейчас, когда расцвела вишня, весь посёлок наш в белоснежном наряде.

Мне обещают квартиру в городе, а я обещаю жене, что вот-вот переедем, хотя сам не очень рвусь в городской шум и сутолоку, и если бы мне дали отдельную квартиру в посёлке, не отказался бы. И что это за город? – одно название. Уже пятнадцать лет прошло после войны, а в центре – сплошь и рядом развалины. Высятся пустующие кирхи, зарастают мхом бойницы фортов, зияют пробоины в стенах Королевского замка...

И всё же есть во всём этом что-то таинственное, влекущее. Восстановят всё, придёт время. А из Ленинграда – письмо за письмом: когда вы образумитесь? Когда в Россию вернетесь? Будто здесь у нас и не Россия?! Морской теплый край...

У них там сейчас холод, туманы, дожди, а у нас – настоящая весна, и даже вдоль заводских стен деревья, каштаны вдоль забора, и за ними уже двигаются краны...

Я прибавляю шаг, пересекаю проходную и иду вдоль пирса к своему доку.

...Когда я подошёл к доку, то увидел, что брёвен, по сравнению со вчерашним, не убавилось, хотя выгоняли их весь день. Вдоль пирса бродили ночные дежурные с длинными баграми и проталкивали брёвна; на всю мощь работал катер, упираясь носом в пирс, скользкие брёвна устремлялись в поток, рожденный винтами, но как только катер прекращал работу, брёвна тянуло назад.

Я сказал моему помощнику:

– Владимир Иванович, надо выделять четырёх человек отгонять брёвна, смотрите, сколько скопилось между ними мазута, придёт пожарник – скандала не миновать.

– Что, Андреич, у нас своей работы мало? – ответил он, – у нас её по горло: котлы Регистру надо сдавать, системы прохудились совсем. Куда это годится? Что мы, на брёвнях работаем?..

Он отнекивался долго, потом выделил все-таки четырёх парней из машинной команды и сказал им длинную, яркую речь:

– Если по-хозяйски, то здесь так чисто можно сделать, купаться будете. Чего ухмыляетесь? У немцев здесь чистота была! Я помню, мы в этом заливе купались, ныряли прямо с дока, а сейчас попробуй нырни – век не отмоешься! И куда только смотрит директор бумажного комбината! О чём думает капитан порта? Можно поставить боны? Можно. За то, что топливо сливают – штрафовать нещадно. Государственное добро между пальцев течёт! На месте директора я бы их так пропесочил – они бы на задницу сесть боялись, а то каждый, кому не лень, старается ночью мазут спустить. Без штанов таких надо оставлять, а им что – лей до кучи! Да, дай мне бригаду, я за два часа эти брёвна выловлю и куда надо доставлю – только заплати. Вон, в Гамбурге, два человека весь порт убирают, да ещё за это деньги платят, потому что они эту мазуту

собирают и продают, а здесь столько начальников и всё без толку...

– Правильно, – сказал я. – Вот и будешь начальником по очистке акватории.

И он ушёл впереди четырёх парней с длинными баграми, напоминающими копья, а я решил сверить доковый чертеж для плавбазы «Заполярье» с теоретическим.

В каюте я плотно завинтил иллюминатор: жужжание турбинок, треск сварки и грохот кувалд – всё стало глуше.

Я развернул чертежи, взял циркуль и стал всматриваться в плавные обводы миделевого шпангоута: всё сходилось, не хватало только размеров четвертой кормовой клетки. Можно было бы посадить судно и без неё, но осадка у «Заполярье» большая, а доковая яма у нас на пределе.

Позвонил Тепнин. Я, как чувствовал, не хотел снимать трубку.

– Непорядок с брёвнами! – раздраженно сказал он. – Сам директор меня отчитал. Особенно из-за вашего дока! Срочно примите меры!

– Я послал помощника и выделил людей.

– Вы должны лично заняться этим.

Я прошёл на пирс, брёвен заметно убыло, хотя ветер не переменялся. Метрах в десяти за доком двигались две шлюпки, в одной сидел мой помощник, в другой – боцман. Они волокли сеть. Сначала я подумал, что они ловят рыбу, но потом понял, что они окружают сеть брёвна и оттаскивают их на тот берег. Когда они вернулись, я тоже влез в шлюпку и совершил путешествие на противоположный берег. Сеть была выдумкой Владимира Ивановича.

Человек он сообразительный, смекалистый. Образования у него нет, так сложилось – до войны он едва успел закончить курсы трактористов, как пришлось взяться за винтовку. Пятнадцатилетним пацаном ушёл в партизаны и там прославился как ловкий и незаменимый разведчик. Его схватили в родной деревне по доносу полиция и, приговоренный к расстрелу, он провёл страшную ночь в подвале комендатуры, а под утро нашёл силы выломать решетку и, протиснув своё истощённое тело между сломанных прутьев, бежал. Обо всём этом я знаю смутно, потому что Владимир Иванович не любит мрачных воспоминаний. Охотнее он рассказывает о наступлении в Пруссии, о том, как им однажды досталась цистерна спирта и как после легкого ранения его оставили в тылу комендантом небольшого хутора, где на полях работали женщины всех национальностей, а из мужиков был он один.

Он, Сигов, Петров да и многие другие доковики были в числе первых переселенцев, и на заводе наладили оставленное немцами хозяйство. Рассказывал мой помощник, что когда пришли они сюда –

всё было цело, в раздевалках даже пакеты с бутербродами лежали. Вот ведь чудно, говорил он, город англичане разбомбили, растелебахали, как бог черепаха, а завод не тронули, для себя, что ли берегли? Для меня в этом тоже своя большая загадка. Ведь, знали, что город к нам отойдёт... Мстили за Ковентри, так я читал в одной книге... Да и мы не спешили здесь ничего восстанавливать. И реку вот загрязнили...

Еще часа два мы повозились, перемазались все основательно, но зато около доков стало много чище.

– Теперь ещё боны заградительные поставим. Надо будет дежурным сказать, чтобы они сделали, и тогда полный порядок, – сказал боцман.

– На сегодня хватит, пошли в душ, – предложил Владимир Иванович.

Душ – это его гордость, три раза переделывал он нашу душевую, пока не добился идеального решения.

– Пошли, – соглашаюсь я, – не идти же в таком виде домой!

На верхней палубе мой помощник подошёл к бакам и ласково погладил их. Баки урчали и раздувались под напором заполняющего их пара. В этих баках готовился конденсат – мягкая, скользкая, почти мыльная вода. Единственный недостаток – от неё лысеешь. Все, кто проработал на доках больше десяти лет, облысели. Жена запретила мне мыть голову в доковом душе, но я не могу лишать себя наслаждения, тем более, что в каюте у Владимира Ивановича не иссякает запас свежих, берёзовых веников.

И высокое начальство любит у нас попариться. Мы даем пар от котлов, получается отличная парилка: даже уши щиплет.

Любит понежиться у нас и инспектор Регистра, пухлый, страдающий одышкой, Лева Ефимчук. Обычно он загодя предупреждает нас о визите, и мы поднимаем пар до красной черты. После парилки Лева выходит размякший и добрый, я провожаю его в свою каюту, где он долго пьёт припасённый моим помощником холодный квас и лежит на диване. И тут как бы мимоходом появляется мой помощник и говорит:

– Извините, может, помешал, но вот подошёл срок котлы на гидравлику сдавать, Лев Павлович.

– Ну, зачем котлы, они ничего ещё, несите шнуровые книги.

– А как венички, Лев Павлович?

– Лучше, чем в прошлом году, с молодой берёзы, верно, а?

И главный технолог любит пошутить:

– Ну, а как банно-прачечный комбинат? Работает?

– В порядке, – отвечаю я.

Он тоже большой любитель попариться, наш главный...

Владимир Иванович выдал нам по венику, и мы спустились в душевую. Из шланга бил пар, клубы его вырывались в иллюминаторы, руки и лица у нас были чёрные от мазута, а по телам расползались грязные полосы, было приятно стоять под колючими струйками, ощущать, как исчезает усталость и ни о чём не думать.

– Давай, иллюминаторы задраивай, – кричит боцман, – пусть проберёт хорошенько!

Распаренный, я высказываю в предбанник выкурить сигарету. В иллюминатор видны свежеразкрашенные суда, залив, и слышно, как кричат чайки.

Мой помощник садится рядом и, хотя он не курит, берёт у меня сигарету.

– Нет, что ни говори, а душ у нас лучше, чем на первом доке, – говорит он, – теперь нам пожарные соревнования выиграть, и в этом месяце мы всех обскачем...

Мы сидим, как обычно, долго и спокойно, каждый рассуждает или думает о своём, спешить никуда не хочется.

– Андреевич, к телефону! – вдруг раздаётся с верхней палубы.

По телефону Тепнин говорит:

– Совещание сегодня у главного инженера, сходи туда, у меня дел по горло. Посиди там как представитель цеха и заодно захвати у меня приказ на увольнение крановщицы, подпишешь у Курагина.

Опять этот злосчастный приказ...

В просторных коридорах управления по блестящему паркету сновали озабоченные люди и исчезали за многочисленными дверями с табличками: «Главный механик», «Главный диспетчер», «Главный энергетик», «Главный технолог».

В приёмной главного инженера сидел капитан нашего строящегося буксира Цивильский, фуражка с кокардой лежала у него на коленях, жёлтые полоски шевронов окольцовывали рукав. Подтянутый, с тонкими чертами лица и приятной улыбкой, он выглядит эффектно, и говорить с ним всегда легко, но часы показывают ровно семнадцать. Подхваченный людским потоком, я очутился в кабинете в углу второго ряда, за спиной начальника стапеля и стал разглядывать сидящих вдоль длинного стола и развешанные по стенам портреты великих кораблестроителей.

Совещание вел Курагин.

– Главная задача, – говорил он, – китобойные суда. Мы должны уяснить, что срыв срока их ремонта недопустим...

Я вспомнил, как мы помучились в прошлом году, когда ставили в док сразу четыре китобойца. Красивые суда, крейсерский нос, гарпунная пушка и ничего лишнего на палубе. Недавно китобойная флотилия вернулась в порт, палили пушки, белый дым окутывал суда, они шли кильватерной

колонной к причалам, где их ждали оркестры и многочисленные делегации. Наши рабочие выспали на пирс, забрались на краны, на крыши цехов. Всем было весело, только не доковикам – попробуй их поставь в док – второй раз не захочешь...

– Главный диспетчер здесь? – спросил Курагин. – Что у вас на «Сормово»? Мы доложили, что оно сдано, вы понимаете, что это значит?!

Курагин всегда очень напорист, и в любом деле инициативу берёт на себя. На собраниях он выступает первым, говорит чётко, выделяя каждое слово, но сегодня в его фразах чувствовалась какая-то нервозность.

– Почему вал поставлен без сертификата? Так нельзя, товарищи, вы лучше меня знаете, и все мы понимаем, к чему это может привести.

Когда я приехал сюда, Курагин работал начальником докового цеха. Я, наверное, был очень смешон, потому что явился в шляпе и зелёном пальто, а когда добирался до завода, перепутал остановки и попал под проливной дождь, в конторе я наследил, вода текла с моей шляпы на пальто и ковровую дорожку. Но Курагин встретил меня по-дружески. Мы оказались выпускниками одного института. Курагин был всего на два года старше меня, но выглядел он тяжеловатым и солидным. Голова у него как-то сразу переходила в туловище, над висками светилась зальсина. Он лазил в отсеки, бегал по докам, никогда не сидел на месте и всё-таки толстел и толстел, как монах, откармливаемый Ламе Гудзаком. Курагин обучал меня азам производства и до поры до времени опекал...

– Я предупреждал строителя: прежде, чем собирать гребное устройство, согласуйте всё с Регистром, не надо спешить, вас никто не подгоняет, – продолжал он.

Меня бесит его привычка ловко врать. Однажды я поспорил с ним, доказывая, что не надо торопиться с подготовкой дока для плавбазы «Луч». И когда мы выставили клетки и погрузили док, оказалось, что надо было ставить «Достоевского». Курагин стоял на пирсе, невозмутимо улыбался и что-то объяснял главному инженеру. Увидев меня, он сказал: «А вот и виновник! Борис Андреевич, как же вы, ведь я сто раз вам говорил – не надо спешить. – И уже, обращаясь к главному: – Молодые, их надо учить, неопытность, лезут не в свое дело». «Да я же сам, я же говорил...», «Помолчите, – резко сказал он, а потом в конторе поучал меня: – Поймите, вам ничего не будет, вы молодой специалист, перед главным отвечаю я, а я вас наказывать не собираюсь, так что вы напрасно петушитесь».

Но, в принципе, его задору, его напористости любой может позавидовать, не раз его назначали на самые сложные участки, «кидали на прорыв», и везде он своего добивался: суда сдавал в срок, чудом доставал оборудование и, главное, людей умел увлечь делом.

Эти способности Курагина оценены, он – заместитель главного инженера и, действительно, необходимый для завода человек.

Ему сегодня докладывали начальники цехов, и каждый утверждал, что его цех сделал всё, что нужно, но вот подвел – другой. Не были вовремя завезены детали из корпусного цеха. Начальник корпусного пояснил, что детали изготовлены, но не на чем их привезти, начальник гаража сказал, что машины послал вовремя, но не работал кран на доке, и задержали погрузку. Каждый по-своему был прав, но я так и не понял, из-за кого же «Сормово» всё ещё стоит на заводе.

– Безобразия, товарищи, – сказал Курагин, – с каких это пор не работают краны на доках?

В это время дверь в кабинете приоткрылась, и секретарь директора Анна Сергеевна сказала:

– Извините, товарищ Курагин. Вас просил к себе Андрей Иванович.

– Все ясно, товарищи? – спросил Курагин. – Спасибо, вы свободны.

У выхода из кабинета Курагин догнал меня и неожиданно мягко сказал:

– Ну, как там, Борис Андреевич, без меня? Нормально? Вот видите с «Загорском» наши расчёты оправдались, не правда ли, все прошло как по маслу? На днях вы получите землечерпалку. Если что нужно, обращайтесь прямо ко мне. У вас должен быть порядок. Кстати, вы захватили с собой приказ на увольнение крановщицы?

– Погорячились у нас в цеху, – сказал я, – думаю, приказ ни к чему.

Лицо Курагина налилось краской, желваки заиграли на скулах, но впервые он не стал настаивать на своём.

Вечер был тёплый, «час пик» уже прошёл, и ровно в семь полупустой автобус подвёз меня к дому.

Зина стояла у окна в моем любимом сиреновом платье, чёрные волосы забраны на затылок. Сейчас она была точно такой, как в тот вечер на танцах в институте, когда я заметил её у белой полированной колонны и долго смотрел очарованный, не умея и не смея начать разговор.

В комнате пахло маникюрным лаком, на стуле висел мой отутюженный выходной костюм, я сразу вспомнил, что мы собирались в театр, но теперь даже на такси было бы не успеть.

– Извини, – сказал я, – тут неожиданно совещание...

– Мог бы позвонить мне на работу, – она отвернулась к окну. На подоконнике сидел соседский котенок, огненно-рыжий и пушистый. Она взяла его на руки.

– Весна, – сказал я, – пора бы и окно открывать.

– Попробуй открыть, если оно заклеено. Так я и знала, что мы никуда не пойдём!

Я взял со стола подставку для утюга, выбил шпингалеты и резко открыл окно. Бумажные ленты и клочья ваты упали на подоконник.

Я собрал мусор с подоконника, отнёс его на кухню и вымыл руки. Зина села на диван и отпустила котенка.

– Ты же знаешь, как трудно дозвониться через коммутатор, – сказал я и стал перебирать журналы, сложенные на тумбочке.

– То, что ты испортил вечер, тебя несколько не волнует, сидишь и читаешь, как ни в чём не бывало. Весь в мазуте, хоть бы переоделся. Господи, и когда всё это кончится, я не понимаю, почему мы торчим в этой клетушке, которую тебе подсунили вместо квартиры. Телевизор прямо на столе, между столом и диваном не пройти, все время на что-нибудь натыкаешься. Вот Сергей пишет, что построил двухкомнатную квартиру, а у него сначала даже прописки не было! В Ленинграде мы тоже могли бы не жить у родителей, а вступить в кооператив. Я несколько не удивлюсь, если Сергей защитит диссертацию, теперь он уже руководит сектором. Он ходит на выставки и в театры. А что у нас с тобой? На моей машиносчётной станции допотопная техника...

Зина закрыла лицо ладонями

– Ну, какой это город? Всё разрушено, всё чужое... И вот, на тебе, направили сюда – поехал, дали комнату – доволен.

Я молчал и думал, что Зина вот-вот заплачет.

– Свари кофе и успокойся, – сказал я, – всё будет, как ты хочешь, я сегодня напишу Сергею.

– Это ты говоришь просто, чтобы отвязаться от меня.

– Я говорю серьёзно. Мне тоже всё надоело до чертиков!

Зина удивленно посмотрела на меня и неуверенно сказала:

– Правда? У тебя очень усталый вид.

Она взяла у меня журнал и отложила в сторону.

– Ты что-то скрываешь от меня. Что с тобой происходит.

Ну вот, подумал я, теперь она не отступится, пока не узнает всё. И рассказал ей о разговоре с Курагиным и своём злосчастном рапорте. Рассказал ей главное, что смущало меня в этой истории: то, что Курагин покровительствовал Зосе, и как теперь неожиданно решил убрать её с завода своими руками.

– Сам виноват, – вздохнула Зина, – твой Курагин вертит вами, как хочет, он наглец, я бы ему прямо так и сказала!

Она вытерла глаза и ушла на кухню. Долго злиться она не умела. Через час мы уже сидели, обнявшись, у телевизора. Даже хорошо, что не

пошли в театр; где может быть человеку уютней, чем в своей комнате...

На следующий день ожидалась пожарная проверка, и я пришёл на завод пораньше, дал задание мотористам и остался на верхней палубе. Отсюда было хорошо видно, как маляры красят «Загорск», от валиковых кистей на борту лоснятся полосы красного сурика, становясь гладкими, они вспыхивают на солнце и тут же тускнеют. Голоса и треск воздушных молотков эхом повторяются между доковыми башнями. Пахнет ацетоном и резиной. Все разошлись из дежурки, остались мы вдвоём с Владимиром Ивановичем.

– Надо бы на первый док позвонить, были там пожарники уже или нет?

– Да вряд ли они приедут сегодня, – успокоил я его, и он ушёл на склад за сальниковой набивкой.

Я оказался не прав – он как будто чувствовал, что настал день проверки. Буквально через полчаса после его ухода к доку, громко трезвоня, подъехали пять ярко-красных машин и зелёный газик. Из газика выскочил мой друг – начальник пожарной охраны Адик Скрипченко и стал выкрикивать команды резким тенором с приятной картавинкой. Пожарники опустили шланги в воду, подняли лестницы на машинах и начали поливать водой башни дока. Мутные потоки воды сбегали с цементных бортов. Блестели мощные струи, рассыпались, рождая радугу. Потом пожарники в сверкающих металлических касках быстро засемили по лестницам и начали перепрыгивать на верхнюю палубу дока.

Адик вбежал в пульт, с самым серьёзным видом снял телефонную трубку и сообщил:

– На пятом доке пожар! Горит судно, траулер «Загорск». Очаг в носовом трюме. Срочно.

Это он по заранее намеченному плану вызывал городских пожарных. В пульт вошел Питилимов. Мы почти одновременно посмотрели на часы. Ровно через две минуты ещё пять машин подъехали к доку.

– Не могли они за это время доехать из города, – сказал Питилимов. – Они, наверняка, – у заводских ворот в полной изготовке стояли, а с начальством у них связь по радио, сигнал условный. А случись настоящий пожар – через сколько времени они приедут – это ещё как сказать. Верно, Андреевич?

Мы с Адиком не стали возражать Питилимову. Я засмотрелся на слаженную работу пожарников, здорово у них все получалось: сильные молодые ребята, спокойный взгляд из-под красных касок, играючи тащат шланги, расшвыривают баграми доски!

У нас с пожарниками давняя и тесная дружба. Пожар в доках – самое страшное дело, особенно если судно горит. Так что готовимся мы всегда на совесть. И соревнуются доки друг с другом и с

другими цехами – у кого противопожарная безопасность лучше. Смотры, как правило, начинаются в апреле. Мы красим киноварью пожарные ящики, насыпаем в них песок, чистим проржавевшие за зиму багры. Превращаем док в потемкинскую деревню. И не даром. Наш док почти всегда занимает первое место по заводу. А на заключительном этапе – тушении домиков – команда дока, возглавляемая моим помощником, непобедима.

Городские пожарники, наконец, перебрались на палубу дока, готовят лестницы, подтаскивают брандсбойты.

– А теперь проверим готовность доковиков! – резко прокричал Адик. – Даю вводную: пожар во втором насосном отделении!

В нашем пульте висит на переборке расписание действий по пожарной тревоге, чётко определено в нём, что должен делать каждый: один звонит в пожарную охрану, другой включает насос, третий растягивает шланги, четвертый работает с огнетушителями и так далее. Но сейчас в пульте нас только двое из доковой команды: я и Питилимов.

Но Адик сохраняет серьёзный вид, подмигивает мне и показывает в сторону окна. Я взглянул туда и увидел пожилого майора, начальника городской пожарной охраны, который с довольной улыбкой читал противопожарные надписи на большом красном щите, сооруженным моим помощником у входа в дежурку.

– Пожар! – громко выкрикнул я и включил сирену.

– Насос задействуй, – подсказал Адик.

Потом мы с Питилимовым выскочили на палубу и стали растаскивать шланги. Не заладилось у нас сразу: роторные гайки ни в какую не хотели соединяться, брезентовые шланги спутались, перекрутились. Но это было полбеды. Внезапно заработал насос, шланги мгновенно вырвало у нас из рук, а майор и Адик не успели отбежать в сторону и попали под самую струю. Окаатило их с головы до ног. Наконечник вырвало из шланга, вылетел он как снаряд, хорошо, что никого не задел. Шланги извивались на бетонной палубе, как змеи. Оконфуженный перед своим начальством, Адик был неумолим и поставил нам «плохо» по подготовке.

Когда об этом узнал мой помощник, прибежавший на док, он долго не мог успокоиться. Особенно его разозлило, что я взял новые шланги, те, что были намотаны на катушки. Оказывается, их никогда не снимали и берегли на случай настоящего пожара, а для учебных тревог специально был приготовлен изношенный пожарный рукав, который, кстати, был заранее растянут вдоль борта и соединять его вовсе не надо было: включил насос и порядок. Успокоился Владимир Иванович только в

заключительный день смотра. В этот день, в обед, на доке никого, кроме дежурного, не было. Я сразу догадался – наши парни тренируются. Другие команды, стремящиеся победить наш док в тушении домиков, так и делают, да не один день, а целый месяц. Их командиры устраивают участникам соревнований разминки, пробежки, прыжки в высоту через планку, ходят они по бревну, лазают по шведским стенкам в заводском спортзале – доводят себя до седьмого пота, и всё равно им далеко до нашей команды. Сегодня, чувствуя свою вину, я тоже решил отправиться на тренировку и пошёл вдоль пирса туда, где в прошлом году проходили соревнования. Ещё издали, на пустыре, у белых домиков, сколоченных из свежеструганных досок, я увидел их: моего помощника, боцмана, Петрова, Питилимова. Они стояли вокруг кучи песка, и мой помощник что-то чертил на песке. Меня они не заметили, уж очень были увлечены. Владимир Иванович взял рулетку и вместе с Питилимовым проверил расстояние от домиков до навеса, от которого обычно стартуют участники.

– Валентин прав, – сказал он, закончив измерения, – надо обязательно выбрать крайнюю дорожку.

– Можно домик ещё водичкой сейчас намочить, – предложил Питилимов.

– Выдумашь тоже, это нечестно, – прервал его боцман.

Они опять собрались в кружок, склонились друг к другу, как заговорщики, договаривались, что будет делать каждый из них. Я отошёл за домики и уже оттуда наблюдал, как бурно они спорят, как что-то упорно доказывает мой помощник, энергично размахивая руками.

А вечером, после работы, сводный оркестр пожарников города играл марш «Прощание славянки» на заводском пустыре, и нестройные ряды рабочих добровольных пожарных дружин равнялись на Адика Скрипченко. Адик поднёс к губам мегафон и поздравил всех с началом самого главного заключительного этапа смотра. Болельщиков было хоть отбавляй: люди сидели на заводской ограде, на крыше недостроенного цеха, парнишки из технического училища залезли даже на деревья.

– Ну, и бездельников у нас, – сказал сидевший рядом со мной на ящике Виктор Сигов, – считай, ползавода.

Я очень надеялся на победу наших ребят, ведь я, фактически, подвёл всех, и теперь только победа могла спасти нас.

Наши были в последнем забеге. Всё прошло в одно мгновение. Адик, наверное, даже не успел включить секундомер. Мой помощник растянул шланги, сразу же дали воду, мелькнул у домика Питилимов, поливал затухающий домик из огнетушителя Петров. Бурлящая белая пена буквально затопила домик.

– Ура! – закричал Сигов, не выдержал и бросился к домику поздравлять победителей.

На следующий день с утра только и было разговоров о соревнованиях, нам в общем зачете досталось второе место, за это тоже премировали, и все были довольны. Я понял, что прощён, мой помощник улыбался, и когда я послал его с бригадой помочь ремонтникам снять с «Загорска» винт, он не ворчал и не отнекивался – согласился сразу. Когда я спустился на стапель-палубу дока и прошёл к «Загорску», там уже застропили перо руля, и оно повисло на тросах. Казалось, что это парит над доком крыло огромного самолета. Стягивали его двумя шпилями, а сейчас должны были переостропить, чтобы взять краном и опустить на заранее приготовленные брусья. Командовал всей этой работой наш боцман Валентин. Он стоял в отдалении, на дощатом кринолине и был похож на дирижера, не хватало только фрака. Владимир Иванович наверху объяснял Зосе, как вывести стрелку крана, чтобы не задеть борт. У шпилей ждали команд Валентина мотористы.

Снять перо и винт – дело нелегкое, обычно крепеж весь проржавел, буквально, прикипает резьба, бывает, никакими съёмниками и домкратами с места не сдвинуть, применяют даже взрывчатку. По взрывчатке мой помощник главный специалист: сказывается партизанская школа.

А сегодня не пошёл винт, перо руля легко сдернули, а винт – ни в какую, искривился болт, и ничем его не взять. Владимир Иванович спустился по трапу, бисер пота на лбу, там наверху, на башне, солнышко по-весеннему пригревает, а здесь, под кормой судна, сыро, в тени холодновато даже. Посоветовались все вместе, решили мы этот проклятый болт срезать – потом новый по образцу выточим. Хватились – ацетилена нет, кислорода полно, а вот ацетилена – ни одного баллона. Оказывается, на всем заводе с утра ацетилен кончился, а мы свой запасной вчера израсходовали. Я позвонил в цех, Тепнина не было – ушёл на совещание. Позвонил Курагину, сказали, что тот на наклонный стапель уехал.

– Вот форменное безобразие! – возмутился мой помощник. – Сдельщики, наверняка, скандал поднимут! И что наши снабженцы спят! Куда они смотрят! В других цехах не такие простофили, пронюхали, что ацетилен кончается, небось, набрали себе запасу, будь здоров! А вы, Андреич, всегда раздать все готовы... Вчера Белову насос отдали, баллоны ацетиленовые тоже на первый док неделю назад просто за спасибо откатали. Вот теперь и расхлебываемся!

– Ладно, хватит, – сказал я, – будет ацетилен!

Возле дока на пирсе стояли машины, ждали очереди на выгрузку. Шоферы сидели на катушках из-под троса, курили, что-то громко обсужда-

ли. Хорошо бы уговорить кого-нибудь съездить на склад... Я уже собирался подойти к ним, когда увидел, что мимо дока едет на красном автокаре Шура, жена моего помощника. И она меня заметила, затормозила, улыбается. У неё лицо обычно суровое, не подступись, а когда улыбается – сразу преобразается, и никак не скажешь, что ей сорок лет: маленькая, фигурка точёная и голос звонкий.

– Андреевич! Садись прокачу!

Я тотчас воспользовался её приглашением: привезти баллон на автокаре – милое дело. Теперь самая малость осталась – найти баллон, выпросить его на складе.

Мы развернулись и выехали на главное шоссе завода. Завод у нас, как город: здесь и улицы есть, и парки, и даже два фонтана, не хуже тех, что на городской площади у драмтеатра. У наших, пожалуй, напор даже посильнее.

– Что грустный, Андреевич?

Шура лихо вела автокару, волосы с рыжеватым отливом растрепало ветром, жёлтая куртка распахнута.

Я рассказал ей про заминку с ацетиленом.

– Ерунда какая! – заметила она. – Володю не могли послать, что ли? Вы бы на него только посильней прикрикнули – он бы этот баллон из-под земли достал!

– Да нет же их на всем заводе, говорят нет... Я уже в другие цехи звонил, и в плановый!

– Едем на центральный склад, – предложила Шура.

– Я ведь об этом и хотел вас попросить, выручайте!

На складах у нас недавно установили стеллажи с автоматической загрузкой и выгрузкой, клетки опускаются, поднимаются, всё занумеровано. Въехали мы, я прошёл в помещение, где баллоны хранятся. Приоткрылось окошко, а в нём строгое женское лицо, глаза маленькие, широкие скулы.

– Нет баллонов! Надоели сегодня! Всем вдруг ацетилен понадобился! Русским языком объясняю, со вчерашнего дня нет! – И хлоп створкой окошка.

Я снова постучал, стал требовать – никакой реакции. Пошёл к начальнику снабжения, там разговор повежливей, извиняются, поясняют, что их вины нет, что баллоны должны к вечеру привезти, что машины давно за ними поехали. Так полчаса я пробегал бестолку, и перед Шурой неудобно – она ждёт, и парни на доке ждут, да и я Тепнину твердо обещал, что перо руля и винт сегодня снимем и отвезём на обработку в механический цех. Возвратился я снова к заветному окошку, кладовщица уже на меня волком смотрит. Шура сзади за рукав дернула, мол, отойди, я обернулся – вид у неё заговорщика. Подвела она меня к дальним стеллажам, в там целых два ацетиленовых баллона за ветошью припрятаны! Приподнял я один – полный!

Мы положили баллон на автокар, и я снова постучал в окошко.

– Ну, что ещё нужно! Психованный какой-то! – кладовщица высунулась и уставилась на меня.

– Выписывайте баллон по-быстрому! – крикнул я. – А за то, что работы срываете, вы ответите!

Она увидела, что баллон уже на каре лежит, вся покраснела.

– Да как вы смеете! Это же неприкосновенный запас. Это же только по личному распоряжению Курагина выдаётся! Сгружайте назад, проходимцы!

– Будет вам личное распоряжение Курагина, успокойтесь, – сказал я, и уже Шуре: – Поехали!

На пирсе у дока драгоценный баллон подняли наши рабочие и, не ожидая крана, быстро понесли на корму «Загорска».

– Ну, Андреич, вы и разворотливый стали, – одобрительно сказал Владимир Иванович, – во всём заводе ацетилен – ни грамма, а тут – баллон полный!

– Если бы не жена ваша, вряд ли что-нибудь у меня получилось, – и я рассказал ему, как Шура задела баллон и помогла мне.

– Она у меня такая! – с гордостью протянул мой помощник. – Она кого хочешь проведёт! А когда поженились, вроде, такая тихая была, слово сказать боялась. Да у нас на селе все девки такие – как в силу войдут, тут им не перечь!

Когда винт сняли, я вернулся к себе у каюту, настроение у меня было отличное, всё шло как надо. Правда, перебои эти со снабжением порядком надоели, не станешь же каждый раз вот так мыкать со склада дефицитный баллон или другой необходимый материал. Разве должны мы столько энергии тратить на поиски шлангов, ключей, паранита и прочего. Мы заявку дали – позвольте обеспечить. Но, как говорит Курагин: «Хотите бездельничать, загубить порученную вам работу – сваливайте всё на снабжение, ждите манны небесной; есть желание заработок рабочим обеспечить – доставайте где угодно, это ваше дело!»

С утра беспрестанно звонит телефон.

– Передайте Сигову, чтобы в двенадцать пришел в инспекцию.

– Алло, Сигов? Нет? Передайте ему, что надо срочно дать сведения о передовиках.

С тех пор, как избрали его в профком завода, покоя ему нет. Последний звонок был с соседнего дока:

– Алло, Виктор? А. Это вы, Андреевич... У нас нет постоянного тока, пусть позвонит.

Я включил трансляцию и позвал Сигова. Нет у нас на доках человека, который бы разбирался лучше него в запутанных электросхемах. Для меня все эти сплетения – абстракция, электротехнику нам в институте давали как-то вскользь, а у него двадцать лет практики. И по натуре своей он человек

общественный или, как говорит мой помощник, везде свой нос суёт.

Перед самым обедом Сигов зашёл в мою каюту.

– Что? Искали?

– Тут тебе, как обычно, со всех сторон звонки.

– А я у юриста с твоим капитаном разбирался.

– С каким?

– С Цивильским. Как мы не разглядели вовремя этого человека, не пойму. Представляешь, у него даже нет штурманского диплома, а вот, умудрился в двух местах зарплату получать – он ведь ещё и в портнадзоре числится! Поражает меня людская жадность! Воруют, кто как может! А ты ещё с ним якшался...

Возразить мне нечего, действительно, ошибаюсь в людях часто, уж очень вид у Цивильского представительный, разве подумаешь о таком что-либо дурное. И не он один, многие нороят прихватить всё, что плохо лежит. Воруют по мелочи, так напихают во все карманы, кто гвоздей, кто краску, кто инструменты – это мелкие несуну. Другие приспособились на машинах увозить. Когда мусор с дока грузим – тут глаз да глаз нужен. И недаром говорят на заводе: что нельзя вынести, то можно вывезти. А на буксирах увозят запросто, кто их проконтролирует? Сигов здесь принципиален – под суд таких надо! Мой помощник оправдывает своих мотористов: если бы в магазинах всё было, другое дело... Но Цивильского и он не переносит, тот уж совсем зарвался.

– Гнать с завода ворюгу. Иногда ни за что увольняем, а вот такого проходимца держим в цехе. Краповщицу – уволить и всё, далась она им...

– Откуда ты знаешь?

– Да вот Тепнин рассказал. Это, конечно, работа Курагина, она ему, как бельмо на глазу, чтобы меньше разговоров было – подальше от завода.

– Я взял назад свой рапорт.

– Ну и правильно сделал, есть у неё, конечно, нарушения, – сами разберёмся, молодая ещё, много не понимает.

Обедать мы с Виктором пошли в центральную столовую. Двухэтажное, круглое здание столовой могло вместить в обеденный перерыв ползавода. Кругами вилась в большом зале очередь, было шумно. Передние, те, кто добрался до возвышения у раздаточной, вооружились подносами. Начищенные подносы блестели и напоминали щиты. Наших, доковских, не было видно, мы встали в хвост очереди, и здесь продолжали разговор.

– Думаешь, мы правильно живём? – воскликнул Сигов. – Каждый честен для себя и считает, что на этом можно ставить точку. Привыкли жить, как двойники. С детства запуганы. Между собой шепотом говорим... Выпьём – правду-матку смело кроём... А это не всё. Настоящая честность, когда дерёшься за неё, когда идёшь против непорядков, независимо от чина и рангов. Вот Тепнин,

всем хорош, а когда плохо, кто разбирается? Ты да я. А он не при чём. Думаешь, люди его уважают? Иногда и пожестче надо быть – не страшно, а ты и с уборщицей на «вы»...

Уборщицей на доке работает его жена Таисия Ивановна. Когда он устроил её к нам, мы узнали, какого цвета стены в каютах, и как могут блестеть раковины и кафельные полы.

В свободное время Таисия Ивановна забирается на кран, и Клава учит её поднимать грузы и двигать стрелу. Сигов не хотел, чтобы думали, будто из-за него ей разрешают лазать на кран, и однажды сказал: «Непорядок допускаешь, у неё своя работа есть...»

Мы продвинулись к первому ряду. Очередь шла шумно; как обычно, пристраивались друг к другу знакомые, рабочие из одной бригады, из одного цеха, ныряли под поручни, отделяющие очередь от зала, и становились в ряды. Со всех сторон кричали, пытались вытащить нарушителя, но зачастую это было бесполезно. Две кассирши бесперебойно стучали по клавишам.

– Ходят слухи, Андреевич, что собрался ты уходить от нас. Я понимаю, инженеры на доках не держатся, но нужны они здесь, обязательно нужны, – сказал Виктор.

– Это ложные слухи, – ответил я, удивившись, откуда он знает про мои планы, неясные ещё и не самому.

– Не стоит уходить, конечно. Тут мы решили собрать цеховое собрание. Я думаю, всё станет ясно, пусть люди выскажут всё, что думают. И нужно, чтобы ты выступил, ты человек грамотный, разбираешься. Такой руководитель, как Тепнин, своё отжил. Человек он неплохой, но не клеится у него. Что у нас с заявками делается? Обо всём этом надо рассказать. Я думаю, и Курагину не поздоровится.

– Да, было бы неплохо поговорить обо всём начистоту, – согласился я.

После обеда Тепнин вызвал докмейстеров к себе и прочёл акт проверки по технике безопасности.

– Так вот, в целом у нас терпимо, – сказал Тепнин, – замечания мелкие, акт всего на двух страницах, но забывать технику безопасности мы не должны. Прежде всего – человек! Технику погубим – ерунда, док потонет – вытащим, вызовем эпроновцев, заплатим и вытащим. Но человека – его надо беречь. Прежде всего – человек и его жизнь...

Тепнин любил повторять эти слова. Мне вспомнилось, как в прошлом году перевернулся плотик, с которого красили борт судна, и утонул маляр, три дня его не могли найти водолазы, и все эти три дня его жена сидела на пирсе и смотрела в воду. Тепнин осунулся и помрачнел, ведь плотники принадлежали нашему цеху. Он приказал срочно покрасить старые спасательные круги и закрепить их

на лесах, яркими бело-красными пятнами вписались они в серые громады доков. Мы раздали по каютам оранжевые спасательные жилеты, отремонтировали поручни на трапах, заново испытали тросы и убрали с доков всё лишнее.

И ещё я вспомнил, как потом, после спуска на воду нового сухогруза, мы собрались у Тепнина, немного выпили, и он, захмелев, сказал, что родился в рубашке и что ему всегда везёт: «Меня так просто не возьмёшь, другого давно бы схарчили, а я доказал, что плотик был оснащён и забалластирован, маляр сам был виноват». «Не стоит так говорить, Виссарион Иванович», – заметил кто-то. «А вы что, хотели все без премии остаться? Получать все мастаки, а отдуваться мне».

После совещания я остался у Тепнина, чтобы поговорить с ним. Рапорт и неподписанный приказ лежали у меня в кармане. Рабочий день кончался.

– Подвигаем? – спросил Тепнин, вынув из стола шахматы, и расставил на доске тяжёлые полированные фигуры.

– Давайте, – ответил я. Неудобно было отказываться, и я подумал, что так будет даже лучше: за игрой поговорим обо всём.

Ему достались чёрные, и это обрадовало его. Он был непробиваемым игроком в защите, а для меня это особенно трудно, играю я вроде неплохо, но когда позиция спёрта, становилось совершенно бессилён. Тепнин никогда не делал зевков и не шёл на авантюры, подолгу думал над каждым ходом, и всегда разгадывал мои ловушки.

Как я и ждал, он разыграл сицилианскую партию, «вариант дракона», мне нужна была длинная рокировка – это был единственный шанс на атаку, но я никак не мог сосредоточиться, и вот уже пешки чёрных захватили центр. Партия затянулась.

– Где сегодня Сигов? – как бы нехотя спросил Тепнин. – Опять по юристам бегает? Что-то говорят, он собрание затевает.

– Люди ждут собрания, чтобы поговорить начистоту, – сказал я.

– И вы собираетесь выступить? – спросил он. – Это, конечно, работа Сигова, он и вас против меня настроил. У него всегда начальники виноваты. Кто командует, тот и виноват, но ведь кому-то нужно командовать.

Положение на доске несколько выровнялось, я успел рокироваться и отдал пешку, но так, что перевел коней на его королевский фланг. Всё, вроде бы, складывалось хорошо. Но я никак не мог рассчитать эндшпиль до конца.

– Сигов честный мужик и прямой, он никогда не виляет и никого не боится.

– Ты хочешь сказать, что я виляю? – он сощурил глаза и сбоку, наклонив голову, внимательно посмотрел на меня. – Что запоешь ты, когда тебе

будет столько же, сколько мне? А, впрочем, ваша жизнь легче. Вот ты уже инженер, долго здесь сидеть не будешь, не работают больше пяти лет инженеры на доках, уходят. И ты уйдёшь. Зачем же тебе быть заодно с Сиговым? Учти, если Курагин узнает это, он тебе быстро свернёт шею, хотя... Я его помню: когда он начинал, тоже тихоньким был, таким же, как ты, вежливым, обходительным...

– Почему вы так зависите от Курагина, Виссарион Иванович? Ведь в этой истории с Зосей вы всё делаете, лишь бы угодить Курагину.

– Чей сейчас ход? – спросил Тепнин, и я никак не мог вспомнить, кому же теперь ходить. Вся позиция казалась мне какой-то незнакомой. Или я машинально сделал несколько ходов, или просто сдвинул слона на клетку вперед.

Зазвонил телефон. Тепнин взял трубку, ответил, поднялся от шахматной доски, весь как-то подобрался, лицо его мгновенно преобразилось, – я понял, что он говорит с директором.

– Да, Андрей Иванович. Да, слушаю вас. Я знаю, что подойдет «Ильмень». Будем ставить в пятый док. Я специально не ухожу с работы, мы сидим с докмейстером и обсуждаем меры. Да, конечно, можете не беспокоиться. Всего доброго.

Тепнин снова сел за стол и повторил свой вопрос: – Чей ход?

На лице его еще сохранилась улыбка.

– Мне не хочется доигрывать эту партию, мы ведь с вами обсуждаем меры, так вы, кажется, сказали.

– А что мне надо было сказать – играем в шахматы?

Я встал, взял плащ и сказал:

– Учтите, я не собираюсь молчать и прикрывать ваши отходы.

– Мальчишка, – бросил он вслед.

Я понимал, что после этого разговора работать нам вместе будет невозможно, кто-то из нас должен будет уйти.

Следующая неделя прошла спокойно, работы на «Загорске» заканчивались. Собрание так и не состоялось, – ждали, когда вернется из отпуска парторг цеха Павел Катышев, да и Тепнин всё время ссылался на занятость. Меня он старался не замечать совсем, и на док не заходил.

Ветры стихли, маслянистая поверхность залива была как зеркало, и лишь изредка вздрагивала, потревоженная проходящими буксирами.

В пятницу дали аванс и после работы зазвал к себе домой мой помощник, давно я уже обещал зайти к нему, посмотреть, как он обустроился в новой квартире. Пошли мы вместе с Зиной, долго плутали, пока отыскивали этот новый район, где строились заводские дома. Дома эти были похожи друг на друга, как близнецы, и номеров никаких не было. Хорошо, что вышел на балкон Владимир

Иванович, увидел меня, руками замахал, закричал: «Сюда, сюда! Мы заждались уже...».

К нашему удивлению у него сидела целая компания. Я забормотал что-то насчёт того, что мы очень торопимся и нам никак нельзя остаться, но нас и слушать никто не захотел.

Большой стол, покрытый белой скатертью, был уставлен тарелками, вазами и графинчиками.

Жена Владимира Ивановича принялась ухаживать за нами. Нас усадили за стол и налили по бокалу. Пить мне совсем не хотелось, но отказываться тоже было неприлично.

За столом сидели Виктор Сигов, боцман с женой и сыном, который, как я знал, учился в Ленинграде и приехал на каникулы, молоденькая девушка с широкими раскосыми глазами – дочь Сигова, мастер малярного цеха Васильев и ещё какой-то парень – штурман дальнего плавания. Со всех сторон нам подкладывали закуску: соленые огурцы, красный перец, селёдку, салаты, рыбу.

Виктор наклонился ко мне, сказал тихо:

– Что же жену прятал от нас, просто восточную царицу добыл себе, это да!

Зина услышала, зарделась вся, засмушалась. Я подмигнул ей.

Квартира у Владимира Ивановича обставлена полированной мебелью, в правом от нас углу – пианино; всё вычищено, блестит, на стене висит картина, изображающая бравого офицера с сигаркой. Художник точно передал черты моего помощника и здорово изобразил поле сражения, ещё дымящееся и уже успокоившееся на недолгий срок.

Дочь Сигова включила магнитофон, но Виктор попросил сделать потише. Говорили все сразу, переливая друг друга, оживленно спорили.

– Это хорошо, Андреич, что сегодня заглянули к нам, – сказал мой помощник, – а то ни разу человечески не выпили. Надо сегодня отметить нам, что все другие доки обскакали, правильно я говорю, Виктор? Давайте за это! Наше первое место, тут уж куда не деться! «Загорск» аварийный поставили, как в аптеке – раз! Душ у нас лучший и пожарная команда лучшая. Правда, нас Андреич перед пожарниками чуть не подвел, ну, да это пустяки.

– Ничего! Андреевич докмейстером стал, будет и пожарником! Научат! – сказал боцман.

Я сидел, смотрел на разгоряченные лица моих доковиков, слушал их и думал о том, что прошли годы моего ученичества, когда все опекали меня, и мне нужно быть другим, более твердым, и о том, что я нарушаю сейчас заповедь Курагина – «не пей с подчиненными», и что, наверное, из меня никогда не получится настоящий руководитель, потому что все для меня хороши, и я слишком мягкотел, как говорит мой помощник. А если уеду, что скажут – отправился лёгкой жизни искать. А где она – лёгкая, всем мил никогда не будешь... Главное, Зине бы объяснить, что нету для нас другого горо-

да – море рядом, дюны со скрипучим песком, рыцарские замки, простор вокруг. Война давно кончилась, возьмутся за ум, всё отстроят, нам ещё завидовать будут, что здесь мы остались, в самом центре Европы...

Мы ушли почти незаметно, распрощались с Владимиром Ивановичем и выбежали на улицу. Уже темнело, только светились впереди рекламы нового кинотеатра.

– Наконец-то вырвались, – сказала жена.

– Тебе скучно? – спросил я.

– Нет, но за столом говорили только о работе.

– А если жизнь – в этой работе? Они на доках десятки лет, Сигов и Владимир Иванович сразу после войны... – сказал я.

Мы подошли к автобусной остановке.

– Расскажи, что это у вас за пожарные соревнования? – попросила Зина, когда мы с трудом втиснулись в переполненный автобус. Автобус трясло по булыжной мостовой; на задней площадке кто-то громко пел, я спиной упирался в стойку. Я обнял Зину, она показалась мне маленькой и в полумраке похожей на девочку. Совсем и не точная царица, но мне-то она дороже всех цариц вместе взятых.

На следующий день вечером я лежал на кушетке и полудремал. За окном бушевал ветер, баллов на десять, и даже в посёлке, под прикрытием домов, гнулись и кряхтели деревья.

Ещё вчера нам выдали штормовое предупреждение, маленький листок с красной полоской наискось. Перед уходом с работы я проверил все концы и кранцы, а наш боцман долго и неохотно заводил дополнительные швартовы на дальнем мористом пале. Ночью какое-то неясное предчувствие мешало мне заснуть. Когда за окном зафырчала машина, а в дверь постучали, я встретил дежурного по заводу одетым и, не спрашивая ни о чем, осторожно, чтобы не разбудить жену, закрыл дверь и пошёл за ним.

В кузове грузовика среди малознакомых рабочих седьмого дока я увидел Владимира Ивановича и сел рядом с ним. Машина рванула сразу, было холодно, и вой ветра мешал разобрать слова. Толком никто ничего не знал, но говорили, что вода в заливе поднялась метра на два, и тросы лопаются, как нитки, корабли швыряет о причалы, и директор дал команду собрать всех людей и быть начеку.

– Ничего страшного, Андреич, – кричит мой помощник, – слабина у наших тросов всегда есть... Думаете, их Валька обтягивает? Делает вид только.

– А кто у нас дежурит?

– Питилимов.

– Я же не разрешил его ставить! – кричу я.

... Тёмные, невидимые волны вырвались на стапель-палубу, док то поднимало, отгаскивая от

палов, то швыряло к ним и, когда его прижимало ветром вплотную, воздушные баллоны визжали, сдавливаясь в плоскость. По бортам горели прожекторы, ветер со свистом рвался между башен. Внизу, сгибаясь под непомерно тяжёлым тросом, тащился Питилимов. Мы подбежали к нему. Он сбросил трос с плеча и сказал:

– У нас полный порядок, все тросы целы, а этот – запасной, так, на всякий случай.

– Почему нас вызвали? – крикнул я, наклоняясь прямо к его уху.

– Ветер, вода подниматься стала, я только позвонил диспетчеру, – объяснил сбивчиво Питилимов, – слышу – бах! Потом ещё два раза так стрельнет, это у Шмаги на седьмом доке тросы рвутся стали, но и вот я всех обзвонил, главному инженеру домой, машины организовал.

Как всегда, непонятно было, чему из его слов можно верить, ясно одно: на седьмом доке положение тяжёлое, недаром в машине сидели люди этого дока. Конечно, седьмой стоит не у самого берега, он держится на тросах посередине так называемой угольной ямы. Сам док очень широкий, парусность у него большая, и вряд ли он выдержит ветровую нагрузку.

Все это я осознал, когда мы с Владимиром Ивановичем бежали вдоль пирса, спотыкаясь о бруссы и цепи, натываясь на многочисленные сходни и тросы, то и дело попадая в лужи и чертыхаясь. Пока мы бежали, начался сильный дождь, почти ливень, и мы промокли насквозь, но дождь означал спад ветра, дождь всегда усмиряет его... И, действительно, когда мы подбежали к берегу угольной ямы, ветер стих.

На берегу толпилось много народа, и я сразу различил маленькую фигурку Тепнина, докмейстера седьмого дока Белова и нашего боцмана Валентина. Все смотрели на темнеющую вдаль громаду седьмого дока, махали руками, что-то кричали.

Я поздоровался с начальником цеха и встал между ним и боцманом.

– Вот чёрт, что же делать теперь?! – сказал Тепнин.

– Надо разобраться, как там у них положение.

– Чего тут разбираться! – вмешивается боцман. – Док на одном конце! Вы не смотрите, что ветер стих! Чуть рванёт – и крышка! Нужен катер! Нужно пересадить людей на док и завести тросы!

– А кто там дежурит?

– Шмага!

Первый раз я вижу Вальку таким решительным, обычно он старается не перетрудиться, даже ходит с лентой, медленно переставляя ноги.

– Виссарион Иванович правильно говорит! Нельзя сейчас туда посылать! Катер погубим и людей! Не пришвартоваться в такую погоду! – кричит Белов. Он осунулся, промок и нервничает. Видно, что держится он здесь на пирсе из после-

дних сил и всё, что говорит начальник, принимает как приказ.

Без катера на док не перебраться; плавучий мостик, ведущий туда, сорвало и унесло, а Шмага, что он там один сделает? Туда бы нашего боцмана, он бы развернулся. Но, где же катер? Ветер тем временем усиливается, дождь перестал, мы продрогли и по-прежнему продолжаем спорить. Сдерживаемый единственным тросом, док раскачивается, как огромный маятник. Заныла сирена, и мы увидели два красных движущихся огонька: к берегу подошел пожарный катер.

Мы бросаемся к катеру, а боцман кричит, чтобы садились только трое, нечего там всем делать. В воздухе что-то просвистало. Лопнул последний швартовый конец. Док развернуло ветром, стронуло и понесло к заливу. Сначала медленно, потом всё быстрее. Набирая разгон, он движется в сторону судов, стоящих у выхода из угольной ямы. На судах заметили, что док сносит в их сторону – ударила рында, заревели гудки, завизжала сирена пожарного катера. Мы, не сговариваясь, побежали по пирсу к судам. Справа движутся огни – это из порта идут на выручку мощные буксиры.

Когда я бежал по скользкой палубе первого судна, на которое мы забрались, я споткнулся о комингс люка и упал, больно ударившись коленом. Сначала я не придал этому значения и, хромая, начал карабкаться на следующее судно, но там, присев у борта, уже не мог дальше двигаться. Я видел, как матросы и наши рабочие волокут брёвна, спускают их с борта в тех местах, где возможно столкновение, как Белов раздобыл плетёные кранцы и тащит их по палубе, как сматывает с вьюшек тросы, и Тепнин отчитывает кого-то. А дальше, за фальшбортом, заслоняя всё, рос чёрный силуэт надвигающегося дока. Если сейчас не ослабить его удар, не задержать его, то все пропало – десятки судов переломает он на своем пути, скрутит мачты, погнёт борта, сдавит надстройки. Все напряженно застыли у борта. Прекратили надрывной вой гудки и сирены, стальное чудовище надвигалось. Остро колело в коленке, и я не мог пошевелить ногой, я ничем не мог помочь. Я приподнялся и подполз к борту. Док был в метрах двух. Между ним и судном темнела узкая, фиолетовая полоска воды. И случилось чудо: то ли переменялся ветер, то ли портовые буксиры сумели удержать док, но столкновения не произошло. Тёмные башни дока, закрывшие небо и всё вокруг, двигались мимо, и когда док был совсем рядом, боцман, забравшись на рубку судна, прыгнул на док. Все ахнули. Ему удалось зацепиться за леера доковой башни, и сразу же на док начали подавать тросы.

Остального я не видел. Но потом, когда док прошёл вдоль других судов, на него удалось забраться ещё трём матросам. Они закрепили концы, а люди на берегу быстро завели тросы на кнехты

и, постепенно стравливая концы, сумели погасить инерцию движения.

...Часам к пяти утра всё было в порядке, док пришвартовали у наклонного стапеля, люди ушли греться. Тепнин и мой помощник доволокли меня до конторы, и мы втроём выпили спирта, запив его теплой мутноватой водой. В майках и трусах сидели мы вокруг стола в кабинете Тепнина, развесив одежду по всем батареям. Тепнин, захмелев и подперев морщинистое лицо кулаками, говорил беспрерывно, уставясь неподвижно в какую-то точку над дверью. И мне было как-то не по себе оттого, что я сижу здесь с ним, а он говорит со мной, как будто ничего не произошло между нами. И, быть может, он прав – всё заслонила эта ночь.

У него тонкие волосатые руки и впалая грудь, большой шрам от ключицы до соска. И я понял, что Тепнин тоже воевал. Мне всегда хочется поклониться тем, кто воевал. Таким, как Владимир Иванович, дядя Федя... Мне кажется эти люди, выстоявшие в трудные годы, никогда не подведут. Они просто не имеют права подводить. И я спросил Тепнина, показывая глазами на шрам:

– С войны?

Тепнин говорил о своём и не понял меня.

– Нет, посудите сами, какого толку было лезть на док на катере, растерло бы в лепешку, а я правильно решил – надо бежать к судам, я рассчитал ветер. Главное, не растеряться и не рисковать людьми. Что док? Ну, потонет, ну, разобьётся! А Валька орёт: «На катер!» Хорошо, что не успели отойти, слышали, как визгнул трос? Попал бы по башке – отсёк. Но все-таки Валентин молодец!

– Да, – сказал мой помощник, – без Вальки бы гроб-дело. Разворотливый мужик, если бы вас не было, добрался бы он на катере сразу!

– Если бы меня не было, – сказал Тепнин, – вы здесь понаделали бы делов, такую кашу бы заварили! Поработайте без меня – узнаете! Кто цех на первое место вытянул? У меня в плановом свои, надо – снимут с плана, сколько захочу! Вы спросите, есть ли на заводе другой цех, где премию каждый месяц дают? Но теперь с меня хватит, пусть другие покажут, на что они способны, а мне уже есть место в тишине, мне уже несподручно бегать под дождём ночью.

– Вы что же, уходите от нас, Виссарион Иванович? – спросил мой помощник.

Но Тепнин не слышал его. Разморённый спиртом, он уронил голову на стол и заснул.

Спустить судно с дока намного сложнее, чем поднять в док. И не потому, что это тяжёлая работа, требующая большого искусства, нет, здесь центровать не надо и точность не ахти какая, здесь задержки другого рода – сдаточные акты, каждый из которых должен иметь тринадцать подписей.

За день до спуска «Загорска» Тепнин был переведён в плановый отдел, а нового начальника ещё не назначили, и поэтому мы не ждали ничьих приказаний, а ориентировались по обстановке.

На доке было особенно много людей. Ссорились мастера смежных цехов, ругались рабочие, нервничал капитан судна. Наконец сняты леса, и судно оголилось, блестя свежескрашенными зелёными боками с белой полосой ватерлинии.

Ах, эти чертовы маляры! Опять нахалтурили. Прямо на миделе – большое ржавое пятно. Ещё не совсем стемнело, и оно очень заметно. С трудом нашли бригадира маляров Васильева, который пытался доказать, что пятна нет. Не строить же леса заново! Доски все убраны по нишам и занайтованы. Васильев морщится, моргает глазами, Курагин насел на него. И тут появляется наша самоходная «телега». Мой помощник крутит её баранку, как заправский шофёр, человек шесть матросов подталкивают «телегу» сзади.

У Васильева на лбу выступил пот. Оказывается, маляры ушли домой. Васильев взял кисть, котелок и полез на верхнюю площадку «телеги».

Курагин засмеялся, потирая шею.

– А хороша «телега»! Надо бы таких побольше!

– Темнеет уже, – сказал мой помощник. – Не успеем мы сегодня столкнуть, да и люди устали, холодает. Май – хоть шубу надевай.

– Всё успеем, – бодро сказал Курагин, отступившая каблуками чечетку. Его ногам в узких штиблетах зябко. – Ничего, вы покажете, что и без начальства в любое время докуетесь!

Ему никто не отвечает. Делать ему здесь совершенно нечего.

Мы поднялись на судно, и битый час уговаривали капитана подписать акт, но он уперся, и ничем его не прошибить. По сути дела, он прав: ступица винта ещё не зацементирована, протекторы на руль не поставлены. Сюда бы Тепнина, он бы уговорил!

И вот часов в одиннадцать на акте стоит последняя подпись. Капитан по инерции встряхивает авторучку, не зная, что с ней делать дальше.

Решили домой не уходить. Переночуем на доке, а рано утром, когда не будет ветра, погрузим док. Я, мой помощник и Питилимов пошли в дежурку пить чай. У запасливого дяди Федя, как всегда, – сахар и заварка. В дежурке тепло, мы все продрогли и садимся ближе к батарее.

– Добрые люди давно спят, – говорит мой помощник, разливая чай в алюминиевые кружки.

– А моя баба разве поверит, что я на доке, – говорит Питилимов, – ни в жизнь не поверит, придётся тебе, Андреевич, справку завтра писать.

И вот утро. Мы вышли из кают, поёживаясь от холода. Внизу бродит с дымящимся факелом дядя

Федя – он разогревает бачки сжатого воздуха. Нас человек десять.

– Маловато, – говорит мой помощник.

– Ничего, – отвечает Питилимов, – справимся.

Мы разбудили людей на судне и отдали швартовы. Крановщица Зося закуталась в длинную шубу и пошла на кран, чтобы снять трап с «Загорска».

Док погружается быстро. Свистит воздух, вырываясь из воздушных отверстий башен. Тёмные языки воды поднялись внизу, по углам дока, они растут, двигаются друг другу навстречу и сливаются где-то под килем судна.

– Не люблю, когда начальство меняется, не согласен я с этим, – говорит Владимир Иванович, – если человек на одном месте сидит, он всерьёз думает, как да что, а то – здесь дров наломал, в другое место дуй ломать. Я пока здесь работаю, сколько их сменилось. Люди, конечно, неплохие, и напрасно мы столько на Тепнина валили. Сами мы ничего не замечали, долбать и долбать нас надо.

Мне не до разговоров, надо сосредоточиться. Я перекрыл клинкету левого борта. Вода равномерно охватывает корпус судна.

– А вы от нас не собираетесь? – спрашивает помощник.

– Куда? – отвечаю я. – Вообще-то засиживаться человеку на одном месте вредно, всё приедается, но куда я от вас денусь? Посмотри там, сколько метров?

Он высовывается в иллюминатор.

– Момент – и всплывёт!

– Нос шевелится! – кричит Павел.

– Надо дёрнуть! В корме вода уже подошла к ватерлинии, а нос повело вправо!

Загудели шпильки, тросы натянулись, судно качнулось, двинулось.

– Алло, капитан! Течи нет? – кричу я на судно.

– Всё в порядке, – отвечает капитан.

Над заливом всходит красноватое солнце. Тихо. Плывут затягиваемые водой брёвна. У дальних палов чернеют корпуса буксиров. Судно, набирая ход, скользит вдоль башен дока.

– Не разгонять, не разгонять, одерживай! – кричу я в микрофон.

Нос судна прошёл катки, теперь только успевай травить концы. Протяжно загудел буксир.

– Отдать концы!

Тросы с плеском упали в воду. Поблескивают иллюминаторы судна, оно медленно разворачивается перед доком, подставляя солнцу ярко крашенные борта.

– Прощай «Загорск»! Счастливого плавания! – на весь залив повторяют динамики голос Питилимова.

Начинается подъём дока.

Анатолий Галенко

* * *

К 130-летию Николая Гумилёва

Гумилёв и Блок на полке рядом.
 Сколько было веры и грехов...
 Утоляли жажду сладким ядом,
 Душу потрясающих стихов.
 Мудростью классического слога,
 Глубиной неповторимых строк.
 Красотой магического слова.
 Льющимся, как мёд, с пчелиных сот.
 Эта сладость иногда горчила
 Сменой власти и судьбы страны.
 Время пониманию учило
 Катастрофы мира и войны.
 Мне делам, казалось бы, житейским,
 И мечтам небесной вышины,
 Быть судьёй, пусть даже и третейским,
 Тех событий, страшной глубины,
 Как-то не сподобилось сначала
 Видеть сквозь лирический туман.
 И, наверно, это означало
 Погружать себя в самообман.
 Уходить в житейские глубины,
 И с собой, улавливая связь,
 С тем, что понимали и любили
 Два поэта, правды не боясь.
 Кровь лилась, ломая все устои,
 Правила и нормы жития.
 Ведь тогда и самое простое
 Стало окончанием копья.
 Трудно быть певцом на переломе,
 Души потрясающих эпох.
 Выразить все боли и тревоги
 Сущий гений это лишь и мог.
 Только погода оценят это,
 Называя не простой судьбой
 Времена нелёгкие поэтов,
 их сомненья, радости и боль.
 Не всегда потомки справедливы.
 Не во всём наверно правы.
 Дней былых приливы и отливы,
 Их далёких отзвуков молвы.
 Ведь они сквозь сердце пропустили
 Время безотрадное своё.
 Жуткие страдания России,
 Взлёты и страдания её.

* * *

К 205-летию Виссариона Белинского

А до привала путь не близкий.
 На продуваемом юру
 Нам не хватает вас, Белинский,
 На поэтическом смотре.
 С надеждой, что народа вече
 Способно многое решать.
 И стал чтоб сих очеловечен,
 Наверно, надо поспешать.
 И раскачать слепые души.
 Молчат, как истукан, застыв.
 Конечно, лучше бить баклуши,
 Когда порушены мосты.
 Безвестно умирает слово
 В тиши искусственной глуши.
 А ведь оно- всему основа.
 И крепь для мысли и души.
 Восстань, творец великой школы,
 Что возвышала муз успех.
 Произнеся, король-то голый.
 Поэзия - от бед доспех.
 Ты разглядел в тумане смуты
 России светлые ростки.
 И в годы самой лютой смуты
 Дарил надежды и мечты
 Истории и человеку
 В их трудной жизни и судьбе.
 Был чистым дуновеньем ветра
 И в час смирения, и в борьбе.
 По счету, самому большому,
 Страну замордовали шоу.
 И в этом грохоте и трёпе -
 Желанье подражать Европе,
 Теряем русское лицо.
 И крепь страны, её основу -
 Её любовь к родному слову,
 И родине своих отцов.

КЁНИГСБЕРГ – КАЛИНИНГРАД

Могила Канта не осиротела.
 И мудрость там осталась, где была.
 Она не понимания хотела,
 А лишь воспоминаньями жила.
 Хвала солдату, взял такую крепость -
 И эти рвы, и мощные валы.
 И амбразур фашистскую свирепость
 Здесь укротили русские орлы.
 Сошлись в жестокой схватке сила духа,
 Отвага и холодный блеск штыка.

Осталась только страшная разруха,
 Что в памяти осталась на века.
 Калининград, ты стал моей судьбою.
 Здесь юность офицерская прошла.
 Друг к другу привыкали мы с тобою.
 Два имени твоих, как два крыла.
 Нельзя об этом изъясняться бегло.
 Твоя судьба изранена в боях.
 Калининград пророс из Кёнигсберга -
 Новейшая история твоя.
 Поднялся ты из крови и развалин,
 Пройдя жестоких битв кромешный ад.
 Тот злую память о себе оставил.
 Здесь столько русских полегло солдат.
 И до сих пор земля их возвращает -
 Безвестных и опознанных бойцов.
 Россия многим многое прощает.
 Но сколько можно так, в конце-концов?
 Пора понять - жить надо по-другому,
 Не забывая горестный урок.
 Чтоб в сердце было место дорогом,
 Что оседает в память между строк.
 Лежит граница, тишиной объята.
 К ней у народа ведь особый спрос.
 Пусть никогда не будет сорок пятый
 Историей поставлен под вопрос.
 Мы здесь и в годы прежние бывали.
 На верность прусы здесь клялись царю.
 И очень даже не переживали,
 Встречая жизни новую зарю.
 От имени себя, скажу сегодня -
 Куда б кривая нас не завела,
 Здесь вечно будет, в праздник новогодний.
 Орёл двуглавый расправлять крыла.
 От имени живых, и в битвах павших.
 От имени седых и молодых.
 От имени всех, без вести пропавших,
 Чтоб уберечь планету от беды,
 Поют колокола, звучат молебны
 Во славу нам давно родной земли.
 Стоят всегда в готовности на рейде,
 Всех рангов боевые корабли.

БЫКИ

Они стояли, набыченясь,
 И уперев рога в рога.
 Смотрели злобно, челюсть в челюсть,
 Непримиримых два врага.
 Играла молодая сила.
 Переполнял природы зов.
 Но здесь была уже Россия,
 Ей наступили на мозоль.
 Другая память и эпоха
 Ничто не значат в их судьбе.
 не хорошо им и не плохо.
 Они ведь сами по себе.
 Они за самок в смертном бое.
 Рога острее, чем штыки.
 Стоят, в согласии с судьбою,
 Из века прошлого быки.
 Какую мысль оставил скульптор,
 Что этим он сказать хотел,
 Подчеркивая силу культа,
 И силу духа с силой тел?
 Напротив гениальный Шиллер -
 Поэт от Бога и кумир.
 Как на раскопах Трои Шлиман.
 Озолотил стихами мир.
 Мы, прошлое, окинув бегло,
 И память, освежив слегка,
 Поймём - тропа из Кёнигсберга
 Не раз вела на Русь войска.
 Истории и жизни веха.
 Но не оконченный роман.
 Из девятнадцатого века
 Протягивает руки нам.
 Сказать, по правде, мы не против
 Оценки этому клише.
 Порядок на Балтийском флоте,
 И нам спокойней на душе.

Михаил Полищук

КАПИТАН

За столом сидели трое. Двое молчали и слушали, третий говорил и плакал:

– Не могу я больше с ней... просто не могу... День и ночь молодая перед глазами. Или молодая, или я импотент... Не могууу! И что делать? Она меня из дерьма тогда вытащила, она меня воскресила, если бы не она, я был бы уже кучкой праха... ха-ха... ха-ха... ха-ха... Не могу. Но и с ней не могу больше, и меньше, и столько же не могу... Я глаза открываю, глаза закрываю, глаза прикрываю – и вижу, и чувствую, и осезаю – молодую. Мне ничего больше не надо – только молодую... Я уже ничего не могу с собой поделаться... Я хочу молодую... кривую, косую, но молодую... другое тело, и всё другое... ничего не могу с собой поделаться... При этом, не какую-нибудь конкретную молодую. Представляешь? Лю-бу-ю! Можно самую не уродливую, некрасивую. Можно даже больную – лю-бу-ю... Знаете, как с ней было раньше? Нет, вы не знаете... Она мне и мама, и сестра. И все родственники, какие там остались – всё она. Видимо, перебор вышел... Переел, как масла шоколадного в детстве... Что же мне делать? Что делать...

Повисла пауза. Стало особенно отчётливо слышно, как свистит ветер в такелаже, как обрушивается на судно тяжёлая антарктическая вода и сталь корпуса пищит под её неукротимой яростью, как захлёбываются двигатели, пытаясь вытащить на поверхность занырнувший под очередной вал пароход.

Наверное, только в такой ситуации, на грани физической возможности выживания человека на планете Земля, может обнажиться душа, на миг распахнуться до неприличия, вывернуться наизнанку и прозвучать без капли фальши, скорее для себя, чем для собеседников.

В море Скотия был настоящий шторм. Научно-исследовательское судно, средний траулер морозильный (СТМ) «Лагуна», заканчивал микросъёмку у Новошотландских островов и еле-еле успел спрятаться за высокий остров Михайлова, который всегда выручает моряков при усилениях ветров западных румбов. Эти сумасшедшие штормовые ветра, накопившие сил ещё в Тихом океане, втискиваются в Атлантику через пролив Дрейка и зверствуют обычно от трёх дней до недели. Вчера Михаил Денисович не поверил третьему штурману, который намерил 36 метров в секунду, сам полез с анемометром на верхний мостик – перемерять... Капитанский «непродуваемый» плащ, надетый на добротный овчинный полушубок, не защитил. Несмотря на то, что температура воздуха была всего-то около нуля (середина января –

разгар антарктического лета), за сто секунд на таком ветру он чуть было не превратился в ледяной столб. С трудом отрывая от нёба примёрзший язык, начальник экспедиции повинился:

– Прости, Серёга, что не поверил... За тридцать лет хождения по морям впервые такой ветер официально зафиксирован.

– Ладно, Денисович, не переживай, – за третьего откликнулся из штурманской рубки капитан, – понятное дело – доверяй, но проверяй... Эх тебя колотит, – заметил он, появляясь из-за занавески. – Придётся лечиться от простуды...

Ну и сели в капитанской каюте полечиться. А что ещё делать в такую погоду? Одна задача – держись носом на волну строго и не пытайся куда-нибудь целить. Слава богу, айсбергов и всяких мелких «огрызков» от них поблизости нет. За столом на мокрой скатерти в качестве микстуры «шило» спецприготовления, а закусывают руководители свеженькой провесной клыкачатиной, да «крокодиловой» икоркой.

Для непосвящённых – для тех, кто не промышлял в Антарктике, надо пояснить, что клыкач – это рыба такая, из нототениевых, ну очень вкусная. Чукча сказал бы: «Как оленя или как тюленя», а украинец: «Як сало». На самом деле её белое, нежное, очень жирное мясо ни с чем не сравнить. Разве что с тем, с чем в анекдоте сравнивают. А крокодилом называют один из видов ледяной рыбы, которая к концу антарктического лета как раз готовится к нересту, и икорка у неё крупная, вкусная, да ещё и красивого янтарного цвета. Всем известная красная икра лососевых – «покурит»...

Для тех, кто в море вообще не ходил, поясню, почему скатерть-то мокрая: да потому, что по мокрой материи даже в сильный шторм ничего не скользит. Стоит себе до тех пор, пока особо выдающаяся волна не поднимет пароход очень высоко – на гребень – и не кинет его в невесомость, тогда закуска полетает маленько по каюте и приземляется, но не всегда на стол. В таком случае приходится её отлавливать *insiti*, то есть в момент приземления и по месту приземления. Действия эти у старых моряков-волосанов машинальные, что-то на уровне условного рефлекса собаки Павлова, они не мешают общаться, думать о главном и даже «лечиться» от простуды. А «шило» – это просто спирт, чаще всего технарь. Спецприготовление состоит в том, что спирт разводится на дистиллированной воде, этак градусов до сорока пяти, с добавлением чуточки сахара и лимонной кислоты. Фирма веников не вяжет! Микстура что надо!

Особую «экзотику» застолю придаёт буханка белого хлеба сегодняшней выпечки, которая, словно четвёртый участник «лечения», занимает место на диванчике. Её светло-коричневый чуб вылядывает из-под чистого вафельного полотенца.

Капитан и начальник экспедиции, можно сказать, друзья – третий рейс подряд вместе «пашут», и без отвращения. Оба ребята не маленькие, могут в клуб «кому за сотню» вступать, оба бородастые, но у Михаила Денисовича борода давно уж серебрится, ему за пятьдесят, а Владимир Фёдорович моложе лет на десять – у него ни на голове, ни в бороде седина пока не обосновалась. Люди они разные – если б жили, как все нормальные граждане, на берегу, вряд ли их бы связывали хоть какие-нибудь отношения. Слишком разные. А в море всё по-другому – эти двое обязаны ладить друг с другом, чтобы рейсовое задание было выполнено, чтобы экипаж вернулся домой живой и здоровый, чтобы заработать всем по максимуму. Так вот и притёрлись друг к другу.

Третьим за столом был первый (каламбурчик). И опять поясню. Первый – это должность: первый помощник капитана, комиссар, политический лидер, воспитатель – и с ним тоже надо ладить, чтобы результаты работы экипажа были признаны на берегу.

Капитан горяч, вспыльчив. Рассказывали, что однажды, когда ещё старпомом ходил, не сдержал эмоций и дал по морде одному недоумку. После чего ещё долго «искуплял кровью» – продолжал ходить старпомом и не в самые «хлебные» рейсы. В первый свой капитанский рейс он вышел с опытным начальником экспедиции – Михаилом Денисовичем – и сразу выбрал правильный курс: в дела науки не лез и обеспечивал все разумные пожелания «научников». Начальник экспедиции отвечал ему той же монетой – не вмешивался в дела организационные, судоводительские. С комиссаром до этого рейса ни капитан, ни начальник экспедиции не ходили, а за четыре месяца текущего рейса особенно ничего про него и не узнали: работал как обычно по своей части, с политинформациями к комсоставу особенно не приставал, стенгазеты выпускал сам. Наверное, чтобы лучше познакомиться с комиссаром в неформальной обстановке, и пригласил его капитан «полечиться» маленько по штормовой погоде.

Следует пояснить суть монолога, которым мы начали этот рассказ. Согласитесь, что ситуация не очень понятна и не очень типична, даже в среде моряков. И важно, что этот «стриптиз души», неожиданно для самого исполнителя, случился с капитаном СТМ «Лагуна» в присутствии не только начальника экспедиции, но и первого помощника. Дело в том, что Владимир Фёдорович вот уже лет двадцать как женился. «Ну и что? – ещё более удивившись, спросите вы. – Что, моряки, рыбаки дальнего заплыва – монахи, что ли? Обет безбрачия

они, вроде бы, не дают». Так-то оно так, да только женат был наш капитан на женщине вдвое старше себя. А это уже событие, согласитесь, совсем неординарное.

Четвёртому штурману Володьке Гулевичу повезло, ему такая дама и не снилась, ни по рангу, ни по внешнему виду. Однако, во второй половине шестимесячного рейса он был отмечен благосклонностью гидробиолога красавицы Альбины. После рейса они подали заявление в загс и, пройдя положенный в советское время «испытательный срок», по-тихому поженились. Володе тогда ещё не исполнилось двадцати, и это был его первый брак, а сорокалетняя Альбина сходилась замуж уже трижды, при этом два последних брака заканчивались в течение медового месяца. Многие недоумевали. Володька здоровенный, тогда уже за сотню килограммов, увалень, весёлый и общительный; Альбина утончённая рафинированная интеллектуалка, закрытая, такая вещь в себе, очень симпатичная, хрупкая, изящная блондинка с причёской типа «Нефертити», к тому же у неё имелась дочь от первого брака – ровесница нового избранника. И вдруг – семья. Примечательно, что мамочка, выйдя замуж за своего штурманца, всего на несколько дней опередила в этом свою дочь.

Знакомые говорили: «Пусть потешатся, сколько там, ну, пару месяцев от силы...» А они жили вместе и жили, как неразлучники, всегда вместе, как нитка с иголкой, ну, кроме рейсов конечно. Альбина в море больше не ходила. Иголкой в их доме, новой однокомнатной квартире, естественно, была Альбина. Володя очень быстро перестал что-либо планировать в их семейной жизни, ни в крупном, ни в мелочах, во всех вопросах он полностью положился на супругу. А она и по части его карьеры заботилась: ходила, если надо, на приём к начальству, держала на контроле дни рождения и другие памятные даты нужных людей, и даже, когда Владимир Фёдорович уже стал капитаном, продолжала свою контрольную функцию. Детей у них не было, с семьёй дочери, с первого дня жившей отдельно, общение было строго дозировано. Лет через десять новые знакомые семьи уже не смогли бы наверняка определить, кто из супругов старше. Альбина вела здоровый образ жизни, очень тщательно следила за своей фигурой, занималась йогой, увлекалась всякими новомодными диетами, а Володя растолстел, обрюзг – в море, понятно, по шесть месяцев, в маленькой консервной банке, но и на берегу он вёл малоподвижный образ жизни, всё чаще за рулём да за рулём. Постепенно не только тело, но и лицо молодого мужа изменилось, он стал хмур – совсем перестал улыбаться. Если раньше Владимир Фёдорович всеми силами оттягивал время очередного отхода в рейс, а вся его каюта была обвешана высокохудожественными фотографиями его любимой и единственной, то в последнее время ему только пред-

ложи – и он тут же соглашался идти в любой рейс, не перебирая «харчами», а «семейных» фотографий явно поубавилось.

Наутро после «лечения» капитан на завтраке не появился. На звонки не отвечал. Поначалу Михаил Денисович не брал это в голову. Шторм продолжался, и работы не было. Но и на следующее утро капитанское кресло снова пустовало, начальник экспедиции немного обеспокоился, однако, когда к нему постучался комиссар, виду не подал.

– Михаил Денисович, вы не общались с капитаном после... после того вечера? – спросил комиссар.

– Нет, Пал Палыч, не общался. – И, выдержав паузу, спросил: – Ну, как вы переносите такую тяжёлую погоду?

– Нормально переношу, я хоть и не моряк, но вырос в Крыму, в Евпатории, поэтому с детства прикаченный, так что ни памяти, ни аппетита, ни работоспособности не теряю, – медленно повеествовал комиссар. – А вас, правда, не волнует его отсутствие, тем более после таких откровений?

– Волнует, но я должен вам сообщить, что Фёдорович дома на берегу спиртного не пьёт ни капли, а в рейсах у него бывает... три дня это норма... С голоду, как вы понимаете, он не помрёт. Давайте подождём ещё сутки, – предложил начальник экспедиции.

На том и порешили, но вечером Михаил Денисович не выдержал и сам предложил вскрыть каюту капитана. После ужина вместе с отвахтившим старпомом, который с первого удара вышиб аварийный люк в двери каюты капитана и пролез через него, и комиссаром (куда же без него) на этот раз без приглашения оказались в гостях у капитана. Удивил относительный порядок: стол чистый, по палубе ничего не катается, но и в кабинете, и в санузле, и в спальне было пусто... Заныло под ложечкой у начальника экспедиции. Ещё комиссар масла в огонь подливает:

– Я же говорил! Я же предупреждал! Немедленно сообщая об исчезновении капитана! – Завизжал помполит.

– Пал Палыч, прошу Вас не поднимать панику раньше времени, – попросил старпом, – мы сейчас всё проверим от киля до клотика, тогда уж сообщайте.

На судне, естественно, уже все знали о пропаже капитана. Открыли все боцманские крохоборки, проверили лаборатории, сетевые, провизионки, механики машину всю облазили – пусто. Народ опрашивали – никто ничего не видел, только камбузник Кривенко, когда в очередной раз травил со шкафута, вроде слышал, как что-то большое упало сверху со шлюпочной палубы.

Глубокой ночью, уговорив комиссара оставить начальника радио в покое хотя бы до утра, Михаил Денисович распёрся в своём ящике и попытался уснуть. Вспоминалось всё хорошее, связанное

с Володей: как попросту называл его наедине, как в прошлом рейсе в Монтевидео осаду «рубали» на местном рынке, как в позапрошлом рейсе вышли после положенного двухдневного отдыха из марокканского Агадира... свежие фрукты, сухое испанское вино...

Бум... Шарахнуло резко и неожиданно, прямо в левую скулу судна. Железо завибрировало вместе с постелью начальника экспедиции, возвращая его, увы, не на грешную землю, а на несчастный, затерянный в ревущей Антарктике, маленький, как песчинка, пароходик, на котором только что произошло большая человеческая трагедия. Михаил Денисович снова попытался вернуться в сон, что-то приятное было – а, вино... и погода была почти штилевая... только собрались с Володей полечиться и вдруг звонок... резкий, грубый... то ли сон, то ли воспоминания... Тогда звонил старпом – на борту были обнаружены «зайцы». Это такое ЧП! Разборки, поиски виноватого: кто персонально на вахте стоял, кто у трапа. А дальше-то что было – вместо дегустации вина и фруктов начали пароход перетряхивать, и обнаруживали «зайцев» одного за другим в самых неожиданных местах. А последнего, восьмого по счёту, так и не нашли, он за фальштрубой, вернее между фальштрубой и парадным трапом, лежал себе у тёплого металла – со шлюпочной палубы не видно, и снизу, с промысловой тоже не видно... А увидели его, только когда почти через сутки вернулись обратно в Агадир и спустили парадный трап, оттуда на пирс выпрыгнул человек и кинулся наутёк. Все обнаруженные на судне «зайцы» – граждане Марокко, которые пытались нелегально переправиться на Канары. Кто-то пустил слух, что мы идём прямо в Лас-Пальмас, вот они и набились... Не видно... Не видно...

Бум... Начальника экспедиции просто вышвырнуло из ящика. Не видно... не видно...

Было ещё темно. Собачья вахта. Левую фальштрубу регулярно забрызгивало – не подобрались. Михаил Денисович поднялся в рубку, поздоровался за руку с рулевым – ритуал. Молча понаблюдал за наползающими в свете прожектора валами очень холодной антарктической воды, невольно передёрнулся, представив себе такое добровольное морское купание.

– Что не спишь, Денисович? – спросил вышедший из штурманской рубки старпом.

– Уснёшь тут, – проворчал начальник экспедиции, и попросил: – Возьми влево пятёрочку, сегодня по правому борту на капитанской палубе никто не ночует.

– Возьми, Витя, сколько там выйдет, только смотри, ветер не перевали, – велел рулевому старпом и ушёл обратно в рулевую.

Михаил Денисович, как давеча, надел тулупчик и прорезиненный плащ натянул, открыл дверь рубки и, пригнувшись, заскользил вниз по узкому

крылу, придерживаясь за леер. Под шлюпкой было уже тише, чувствовалось, что опытной рулевой прикрыл маленько левый борт. Начальник экспедиции прополз последние пару метров и упёрся в то самое место между фальштрубой и парадным трапом, позвал, сначала тихо, потом всё громче и громче:

– Володя, Владимир Фёдорович, капитан... Вова, я тебя вычислил... О, Господи! Яви чудо!

Из чёрного, мокрого вороха брезента, показались человеческое лицо с закрытыми, спрятанными глубоко в глазницы, глазами. Это совершенно мёртвое синего цвета лицо отдалённо напоминало капитанское.

– А-а-а-а-р-р-р, – прокричал или прорычал начальник экспедиции. Он обеими руками вцепился в одежду капитана и держал, что называется, мёртвой хваткой.

Умница старпом через несколько секунд уже был под шлюпкой, уже всё понял, всё сообразил, смотался в рубку, заказал питание на трап, поднял боцмана, чтобы случайно не сбросить трап в воду вместе с тем, что там втиснуто за ним, а только чуть, на несколько сантиметров отжать его.

Через пять минут капитан уже был в каюте начальника экспедиции, идти к себе он категорически отказался.

Тут же возник судовой врач Боря, обычно полусонный увалень, он порхал над палубой: запахло спиртом и камфарой, шприц в его руках мелькал как птичка, распоряжения краткие и решительные не оставляли сомнений в том, кто здесь главный. Наконец, лицо Владимира Фёдоровича обрело цвет и черты живого человека. Склеенные, как будто смёрзшиеся губы зашевелились, и... пришлось выгнать из каюты всех, включая лекаря.

– Понимаешь, нет у меня выхода, я уже сейчас импотент, ты бы видел, как она на меня смотрит, мне сейчас, как ей – за шестьдесят, а через десять лет мне, как ей, будет за семьдесят, я – развалина, мне ничего не хочется, мне жить не хочется...

– Так уйди от неё, и все дела, – сказал, как отрубил, Михаил Денисович.

– Я боюсь её до смерти, до смерти боюсь... И умру лучше, умру лучше... Лучше умру... умру...

Капитан уронил голову на руки и мгновенно захрапел. Усилия доктора действовали.

Ну, дальше было просто и неинтересно. Комиссар наступал в партком. Причём сделал это с такими пацотными подробностями, что не только экспедиционный отдел, но и весь институт гудел, как растревоженный улей. По приходу Владимира Фёдоровича с трапа увезли на «скорой» в жёлтый дом, но разобрались и отпустили. Регина, пытаясь сохранить лицо, выставила чемодан с его вещами на лестничную площадку, да так и не дождалась ни мужа, ни посыльного, чтобы хоть кому-то выказать наболевшее.

Никто за вещами не пришёл. Никто в Калининграде

Гулевича больше не видел.

Прошло десять лет.

Михаил Денисович был в командировке в столице нашей Родины. Переходя Рождественский бульвар, из одного корпуса Росрыболовства в другой, он столкнулся со своим бывшим коллегой и другом. Узнал сразу, хотя трудно было опознать в этом молодом, спортивного склада мужчине прежнего увальня.

– Фёдорович! Ты ли это?

Он тоже узнал. Оттенки множества чувств промелькнули на его лице:

– Да, Денисович, я.

Обнялись.

– Это сколько же тебе было бы по твоей арифметике, за семьдесят, кажется... А фактически полтинник скоро... Ну, герой, – отстранив от себя старого друга любовался его подтянутым молодежавшим лицом Михаил Денисович. – А это что за чудо, понял – принцесса!

К ноге бывшего капитана подбежала и прижалась прелестная девчушка лет четырёх: зелёные глазки огоньками искрились на чудном детском хитреньком личике; русые волосы, стянутые на затылке, падали чуть не до коленок.

– Это моя младшенькая доченька, Ярослава, – отвечая на незадачный вопрос и расплываясь в улыбке, представил ребёнка Владимир Фёдорович. – А ещё у нас есть Женечка, ей восемь, и она в школе сейчас.

– Когда же ты всё это успел? – спросил искренне удивлённый Михаил Денисович и добавил тихо, почти на ухо: – А ещё импотентом прикидывался...

– Забудь, Денисович, как я забыл, но флот наш поисковый и все экспедиции с тобой помню и не забуду никогда. Тебе благодарен на всю жизнь, но сейчас... извини... такое дело, бежать нам надо... Мама наша в роддоме, – покосился на дочку Владимир, – она нам братика покупает.

– Братика Мишутку, и я его нянчить буду, – звонко сообщила Ярослава.

– Жена знает всё, и мы это имя в честь тебя... согласовали. Хоть так вот... благодарю за жизнь... – тихо произнёс Владимир, которого тянул за руку нетерпеливый кандидат в няньки. – Вот мои координаты. Прошу тебя, не потеряйся.

Михаил Денисович мокрыми глазами проводил высокую фигуру бывшего капитана, бывшего бездетного импотента и, прежде чем сунуть в карман, бросил взгляд на визитку. На ней значилось: «Министерство транспорта РФ. Росречфлот. Гулевич Владимир Фёдорович. Капитан».

– Ну вот, не бывший капитан! Не бывший! – вслух произнёс Михаил Денисович, будто кто-то с ним спорил.

Ирина Щербинская

* * *

Прильнув к окну и глядя мне в глаза,
Рисует стужа на стекле мои тропические грёзы.
Там веерам роскошных пальм
Неведомы трескучие морозы.

Там белый какаду, не слышавший о снеге,
Как снежный пласт срывается с ветвей,
И не нуждаются в приюте и ночлеге
Влюблённые, уснувшие в траве.

О, стужа знает все мои мечты:
О том, что снова не разлучны я и ты,
Об океанском грохоте прибоя,
Об островах, придуманных тобою.

* * *

Внутри зимы, в перинной дрёме,
В ещё не высветленный день,
Когда луна стоит на стрёме,
А фонари наводят тень,
Уют берложий сердцу ближе
Дневной мороки суеты,
И голова клонится ниже,
И сто причин находишь ты,
Чтобы остаться под покровом
Душеспасительного сна,
В котором звонкою подковой
Сбивает тонкий лёд весна.
В том сне, где тело невесомо,
Где алычовый снеговой,
Где снова исполняет соло
Неутомимый соловей.

* * *

Птицы на проводах
Похожи на бельевые прищепки,
Готовые цепко
Прихватить влажное кружево облаков,
Оставленных на просушку
Беззаботным дождём.
В пыльных ушах чердаков
Ещё бродят отзвуки грома.
А в паутине, растянутой меж кустов,
Среди брызг водяной пыли
Затерялись осколки молний,
И мокрые пауки
Теребят их сердито лапками,
Ожидая, не получится ли
Из них чего-нибудь путного,
Хотя бы невзрачного комарика
С ножками, изогнутыми,
Как зигзаг молнии.

СНЕГОВИК

Вот это – я.
Вот это – снег.
А это – снежный человек.
Он кругл и бел, он недвижим,
Он, словно мир, непостижим.
Ещё вчера скользил с небес
Колочих душ летучий рой,
Где каждый был сам по себе,
Захвачен вьюжною игрой.
Там белый полыхал огонь
И пахло зимнею грозой,
Но кто-то тихо лёг в ладонь,
Отметив смерть свою слезой.
И, не заметив за игрой
Прикосновения земли,
Поэт, возлюбленный, герой
Вдруг утомились и легли.
Ночь, утро, день.
Снежинкам – век.
И вот он – снежный человек.
Он круг и бел, он недвижим
И, может, к счастью, постижим.

* * *

Уходящие на рассвете в час томительный,
Когда колеблется – выходить ли ему,
Солнце, вяжущее тенями длительными
Деревья соседней рощи с окоёмом.
Когда луна истончается до прозрачности
Леденца, облизанного ребёнком,
И до такого же размера.
Когда мрачности, рассеянной в оврагах,
Уже не хватает, чтобы ощутить толком
Тот мрак, который ждёт нас
За закрытой шторкой
В себя ушедших, отчуждённых глаз.
И отпускаем короткий поводок души,
Так много лет державший её в пределах тела,
И в наступившей вдруг тиши
Мы слышим влажный шорох своей души,
Что отлетела.
Его сопровождает тугой хлопок крыла,
Влетевшей в открытое окно
И удивленной своим поступком птицы.

* * *

Это время бежит, как пейзаж за окном
электрички, спешащей недлинным,
между двух городков задремавшим путём,
в перестуке колёс, и былинном
темном лесе, плывущим за пыльным стеклом.

УХОДЯ – УХОДИ

Дерево,
 выстояв стойко лет сорок
 на одном месте,
 одной ураганной ночью
 попыталось уйти
 от бензинового чада,
 наглых шин,
 мнущих варикозные корни,
 которым и так приходилось тяжело.
 Не земля, а сплошное убоище:
 битый кирпич, ржавое железо,
 как запёкшаяся кровь,
 бессмертный тусклый пластик,
 собачья моча,
 словно царская водка,
 разъедающая кору.
 Дерево, подстреканное ветром,
 Металось, хлопоча ветвями,
 натужно стонало,
 расшатывая слежавшийся мусор.
 Сквозь трещины коры
 выдавливались слезы сока.
 Оно было похоже
 на немую женщину в родах,
 почти беззвучные телесные судороги.
 Рядом колонной рухнул тополь,
 прихватив испуганную березу,
 успевшую лишь всплеснуть ветвями.
 Дерево не хотело такого конца.
 Оно мечтало просто уйти
 по-английски,
 не попрощавшись.
 Ураган вошёл в положение
 и толкнул дерево.
 Так школьник толкает на переменке
 одноклассницу,
 которая так ему нравится,
 что приходится дергать её
 за косы и колотить,
 чтобы она наконец поняла,
 как он влюблен.
 Понукаемое ветром,
 дерево рванулось
 и наклонилось для первого шага.
 Оно точно знало,
 что так и надо начинать движение.
 Один прохожий,
 прячась от дождя под его кроной,
 рассказывал не желавшей
 мокнуть под дождем
 и оттого терпеливой спутнице,
 что ходьба по сути своей
 несостоявшееся падение,

когда одна нога отрывается от земли,
 тело, влекомое притяжением,
 начинает падать,
 но выдвигается вторая нога
 и не дает упасть.
 Так и идет человек –
 в вечной борьбе
 с притяжением.
 Бедное дерево забыло
 что у него всего одна нога
 и с ходьбой может ничего не получиться,
 и стало искать опору в корнях,
 но они уже ползли из-под земли,
 лопаясь как струны скрипки.
 Ураган торопился в другой город,
 грубо толкал дерево,
 словно оно задерживало очередь.
 «Господи, –
 подумало дерево,
 обращаясь к зеленому богу,
 тысячелетия назад
 умершему в Греции от стресса,
 когда вырубали
 оливковые рощи, –
 все что угодно,
 но только не падение.
 Я этого не переживу!»
 Утром пришли люди,
 подсчитали убытки.
 Завизжали радостные пилы.
 Березу и тополь сложили в кузов.
 Они лежали вытянувшись,
 окоченевшие жертвы черного мора.
 Не успевшее уйти
 дерево пожалели,
 правда, оставили только комель.
 Теперь оно стоит,
 слегка накренившись.
 Упрямый безрукий инвалид
 с зеленым чубчиком молодых веток.
 Ничего не помнит,
 как после инсульта.
 Радуетя всему:
 осиному гнезду
 под козырьком оборванных корней,
 чумазой кошке,
 шипящей на плешивую шавку,
 загнавшую её на дерево.
 Иногда ночами
 эхом возвращаются
 воспоминания,
 тревожат сквозь сон.
 Утешает одно:
 земля круглая,
 и всё равно придёшь сюда же
 только постарев.

Борис Бартфельд

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ГОЛГОФУ

Окончание. Начало в № 2-2014 – № 4-2015

ГЛАВА 18. Конец декабря 1944 года

Он стоит на вытяжку перед полковым командиром. В штабной комнате, большой, солнечной. Прямо перед ним полковник, говорит ему что-то прямо в лицо, слишком долго, нудно, негромко говорит. А лучше бы кричал. Всё одно, ни слова не понятно. На стуле у стены, подпрыгивая ногой, сидит капитан, барончик, командир его ротный. Не терпится ему. Закончил полковник, сразу капитан подскочил. За погон на левом плече схватил. Рвёт, дёргает, а сорвать не может. Тычком коротким, без замаха саданул покуда ещё лейтенант Курт Матцигкэйт капитану в ухо. Опрокинулся барон на пол, заверещал... Тут и проснулся Курт.

Холодно в комнатке, выморозило за полночь, а его со сна потом пробило. На колокольне-то ещё холодней, даже думать зябко, что лезть туда на дежурство придётся. И еда кончается. Всё одно к одному: и сон этот, и голод подкрадывающийся. Надо в штаб идти, мол, явился лично доложить обстановку. А там, глядишь, и еды удастся прихватить на недельку хотя бы. Курт прикинул, что туда пешком часа три ходу. А обратно подвезут уж как-нибудь. Растволкал солдат, Юргену дежурить пора, светает скоро. Оставил инструкции на день, полагая, что коли повезёт, так до вечера обернуться успеет.

Сперва шлось ему в охотку. Через поле по утренней сумеречности крадучись перешел, а по лесу шёл уже, не таясь. С горки вниз убыстрял шаг, в горку шаг укорачивал, экономя силы. Через пару километров потянулись позиции разных армейских частей, невдалеке от дороги стояли артиллеристы, танкисты, мотопехота. Но никто на машинах в сторону Гумбинена не двигался. Придётся пешком идти до самого штаба. В посёлке Хох-флис*, километров за шесть до города, пошли сплошным потоком беженцы. Большой частью на себе тянули узлы со скарбом, толкали тележки с вещами, кому повезло – ехали на телегах, запреженных лошадьми. Чтобы встречные армейские машины смогли протиснуться, люди с тележками сползали в придорожные канавы и в поле, затем с трудом снова выбирались на дорогу. Из-за страшной сутолоки движение по дороге застопорилось. Курт медленно шёл позади молодой

женщины, несущей в руках тяжелые тюки, держась за её пальто, рядом семенила девочка лет пяти. Тюки раз за разом выскальзывали из рук, падали на дорогу, женщина останавливалась и снова поднимала их. В очередной раз, когда женщина остановилась, Курт обошёл её и взял тюки. Женщина удивилась:

– Господин фельдфебель, что Вы хотите от нас, зачем это Вам нужно?

– Не волнуйтесь, не нужно ничего. Я просто помогу. Меня зовут Курт.

– Теперь никто никому не помогает, все заняты своим спасением.

– Да, всё так. Каждый спасает себя, но я помогу девочке и Вам. Куда Вы идёте?

– На железнодорожный вокзал в Гумбинен. Там ждёт меня мать, ей удалось заполучить два места на поезд. Нам нельзя опоздать. Через три часа отправление.

– Идёмте быстрее, держите девочку крепче.

Фельдфебель шёл впереди, за ним, почти уткнувшись в спину, торопились взрослая женщина и девочка, и обе они нуждались в защите и помощи. Курт остро ощущал их незащищённость, и, если по отношению к ребёнку чувство возникало привычно, то желание помочь и обезопасить взрослую женщину, выходящее далеко за границы принятой вежливости, без мгновенно возникшей симпатии не объяснить. Да, она статна и явно красива, но прошло всего пять минут, как он впервые взглянул ей в глаза. Возможно ли такое с ним? Сколько ей лет? Даже несмотря на усталость, больше двадцати пяти не дашь. Свободна ли она, вот вопрос?

– Как зовут вашу девочку?

– Грета, но она любит, когда её называют Гретхен, а меня зовут Францизка.

Фельдфебель обернулся, женщина несла дочь на руках – не поспевал ребёнок за взрослыми.

– Почему вас не провожают мужчины? – смущаясь тихо спросил Курт.

– Некому нас провожать, мой муж погиб два года назад, на Волге.

У Курта замерло всё внутри, он передал тюк, что полегче, женщине и взял ребёнка на руки. Пошли чуть быстрее.

Штаб полка размещался в трёх километрах до города, но фельдфебель решил, что он доведёт Францизку до вокзала, посадит на поезд, а затем вернётся обратно. Шли тяжело, бесконечно долго тянулся посёлок Олдорф, последний перед горо-

*) *Аугштупёнен (Хохфлис) - пос. Калининское и Куллигкемен (Олдорф) - пос. Липово Гусевского района*

дом. Хорошо, что железнодорожный вокзал располагался как раз с той стороны, с которой они входили в город. Женщина устала, Курт посадил девочку на плечи и теперь нёс оба тюка. На улицах города движение почти остановилось, пришлось пробиваться вперёд. Курт чувствовал, что женщина, идущая следом, из последних сил вцепилась в его ремень, и как ни странно это добавляло ему сил. Он имел достаточный опыт в отношениях с женщинами, были и случайные встречи, и долгие привязанности. Однако такой потребности заботиться о женщине и её ребёнке он никогда не испытывал. Он совсем не знал её, впервые увидел два часа назад, и вдруг такое наваждение. Сгусток войны, огромная концентрация событий спрессовали его время. Нет, он не потеряет эту женщину, просто так не отпустит, он ей скажет, скажет, что она нужна ему. И он уверен, и ей он необходим.

Маленький вокзал затопила людская река, решили, что пробиваться внутрь бессмысленно. Они рискнули выйти на железнодорожные пути и по ним дойти до перрона. В огромной толпе, колышущейся на перроне, Курт расслышал осипший женский голос, каждую минуту кричащий: «Францизка, Францизка».

– Слышишь, это тебя ищут, – он решился тронуть спутницу за руку

– Это мама, моя мама. Пошли к ней, – Францизка схватила Курта за рукав и потащила к центру перрона. С трудом они пробились к матери.

Почти сразу подали поезд. Толпа бросилась к вагону, Францизка с матерью оказались прямо у дверей. Их сначала вжали, а затем внесли в вагон, а Курт так и остался у вагона с девочкой на плечах и тюками в обеих руках. Девочка плакала, фельдфебель заметался между окнами вагона. Наконец увидел Францизку, прижавшуюся к стеклу.

– Открывай, открывай окно, – стучал Курт ладонью, – в вагон мне не пробиться. Передам Гретхен в окно.

Францизка отчаянно пыталась опустить стекло, билась в него – безуспешно. Курт перебежал к соседнему, достал пистолет и рукояткой ударил в окно. Старик прижатый к окну, испугавшись, что он разобьёт стекло попробовал открыть и – удача, оно подалось. Курт высоко поднял Гретхен, и протиснул в верхнюю часть окна. Тюки не пролезали, и он, распоров мешковину просунул вещи в вагон по частям. К этому моменту Францизка добралась до окна, и крепко обняв дочь, плакала. Паровоз дал сигнал об отправлении, Курт отчаянно закричал:

– Францизка, слышишь Францизка, я люблю тебя. Я выживу, останусь жить и найду тебя потом, после войны. Меня зовут Курт Матцигкайт, моя мама теперь живёт в Дрездене, на берегу Эльбы, в доме возле Дойчебанка, поезжай к ней. Ты найдёшь её там по фамилии. Скажи, что ты моя

жена, и мы простились в Гумбинене, она примет вас. Я вернусь туда, слышишь, вернусь обязательно.

Францизка оторвалась от дочери, она кивала ему, и слёзы текли по её лицу, попадали в рот. Нелепая и растрёпанная она вдруг крикнула ему:

– Любимый, я буду ждать тебя в Дрездене, у твоей мамы, я буду ждать тебя там.

Поезд, натужно пыхтя, тронулся от перрона, но Курт ясно услышал эти несколько слов, поразивших его.

Поезд исчез из вида, фельдфебель всё ещё стоял в бурлящей толпе, не веря в произошедшее. Но это произошло, случилось то, чего он никак не ожидал. Совсем не к месту и не ко времени, но случилось.

Штаб полка Курта располагался за несколько километров от города, он спешил и всю дорогу думал о странной встрече, о мгновенной приязни, даже страсти, вспыхнувшей в нём к совсем незнакомой женщине, будто в кровь ему впрыснули любовный эликсир, спасительный эликсир, дающий смысл всей его дальнейшей жизни. Не гибельный, разрушительный смысл его сегодняшнего военного предназначения, а новый смысл, дающий продолжение жизни. Зачем ему послана эта случайная встреча на забытой Богом снежной сельской дороге? Она даст ему опору в эти последние месяцы военной катастрофы, даст ему стимул для борьбы за жизнь?

Фельдфебель непрерывно думал о случившемся с ним, пока с большой трассы не свернул на просёлочный большак, а там через полчаса добрался до штаба. Дежурному офицеру доложил о прибытии, сдал журнал наблюдений. Подробно сообщил о прибывшей недавно на позиции русской артиллерийской батарее. На этом его служебные обязанности закончились, осталось решить дело с провиантом, да поговорить со старыми сослуживцами. Немного таких осталось, но здесь, при штабе, взводом сапёров командовал его старинный знакомец. Курт застал его за поздним обедом в мрачном настроении. Коротко переговорили. Сапёры на месте не сидели, мотало их по всем окрестным посёлкам, дорогам и полям. С местным населением они контактировали ежедневно и реальную обстановку знали не понаслышке. А последние дни минировали мосты через реки Ангеррапп и Писса. Исходя из этого, он убедительно доказывал Курту, что до решительного наступления русских осталось никак не больше недели. Курт не спорил, слушал да мотал себе на ус. Потом сапёр затянул его на кухню и, пользуясь офицерским авторитетом, выговорил ему провианта чуть больше, чем полагалось.

Вопрос с обратной дорогой тоже решился удачно. Командир мотоциклетного взвода, ещё один знакомец Курта со времён французской компании, дал ему мотоцикл с водителем. Они дружно загрузили

зили в коляску щедро собранные запасы еды, Курт уселся сзади за мотоциклистом, и они отправились к его пункту наблюдения. Ехали медленно, опасаясь обнаружения, фары не включали. Наст на дороге лежал плотно и уже через час они добрались до места. Остановились, не доехав до опушки леса. Курт распрощался с мотоциклистом, взвалил на плечо мешок с припасами и, таясь за невысоким скатом, пошёл краем поля к кирхе.

С наступлением темноты солдаты оставили наблюдение, сидели на кухне голодные и потому злые. Каждому досталось по кружке кипятка с сахаром, да по сухарю. С возвращением фельдфебеля они оживились, стали разбирать мешок со снедью, причмокивая языками в радостном ожидании ужина. Однако, Курт осадил размечтавшихся едоков, прикинув, что на этом запасе продержаться им надо хотя бы неделю. Скучной получилась добавка к ужину, но после него солдаты все-таки согрелись и заснули. Фельдфебель, засыпая, думал совсем не о еде – он представлял свою женщину, смотрящую в окно поезда на ночные заснеженные поля, и надеялся, что она тоже думает о нём.

Утром первым дежурил Лёбурн, Петер сменил его в полдень. Ничего особого не происходило. В комнате Курт заполнял журнал наблюдений, чистил свой карабин. Студент, намерзнувшись на башне и теперь кое-как согревшись, прикорнул, сидя на кровати, а потом и вовсе заснул, повалившись на бок. Незаметно задремал и Курт. Звук выстрела – сухой, хлесткий – разом вырвал их из сна. Фельдфебель приказал Лёбурну занять оборону внизу, сам кинулся на башню. Петер лежал на месте наблюдателя, впившись в оптический прицел винтовки, смотрел, что происходит на дворе у русских. Стрелял явно он. Курт упал на настил, вжался в него, стараясь быть совершенно незаметным, навел бинокль на двор, где суетились русские солдаты. Они столпились вокруг полевой кухни, там же на земле лежал виденный им ранее старый повар, возле него возились двое солдат.

– Брун, какого чёрта ты стрелял? Зачем ты убил этого русского? Он же повар. Я тебе приказывал не трогать винтовку!

Брун огрызнулся:

– Фельдфебель, не зуди. Не хотел я его убивать, но сдержаться не смог, когда видел, как он раскладывает по мискам горячую еду, а мы тут голодаем. Вот и стрельнул.

– Дурак, ты, Петер, злой дурак. Из-за твоего выстрела они нас обнаружат, вышлют группу и перестреляют всех.

– Не обнаружат, все русские ели, уткнувшись в свои котелки, никто по сторонам не озирался. – Брун оправдывался и продолжал гнуть своё.

Фельдфебель разозлился, выхватил у Бруна винтовку, прикладом увесисто саданул солдата по

ягодице, приказал спуститься вниз и сидеть там тихо. Сам остался вести наблюдение.

Тем временем к подстреленному повару подошёл русский офицер, осмотрел рану на шее, о чём-то переговорил с солдатами и стал оглядывать округу, особенно внимательно как раз ту сторону, где на башне, вжавшись в настил, лежал Курт.

Командир батареи, гвардии капитан Марк Драгунский подозвал к себе одного из солдат:

– Ефим, опроси всех, кто был рядом, не видел ли кто в момент выстрела вспышку или дымок. Может, кто скажет, с какой стороны пришёл звук от выстрела, – капитан отметил для себя несколько мест, откуда, вероятно, мог стрелять снайпер.

Больше всего для этого подходила одиноко торчащая колокольня. Комбата и раньше смущала эта возвышающаяся над всей округой башня. До неё, правда, было далековато, чтобы с такого расстояния достать из винтовки, да ещё и убить, но всякое бывает. Другой, лучшей позиции для стрельбы в округе не было. Подбежал Ефим, доложил, что следов от выстрела никто не видел, а вот звук шел как раз со стороны башни. Комбат ещё раз осмотрелся, отметил на карте несколько ориентиров, в том числе дерево, стоящее за домами посёлка, дошёл до него, прикинул направление от дерева на колокольню, затем пошёл на другую сторону хутора, к углу крайнего дома и оттуда отложил угол на колокольню, не забыв отмерить шагами расстояние от дерева до угла дома, записал все данные в свой блокнот. Затем дал распоряжение старшине собрать документы и личные вещи повара, заняться похоронами.

Колька с Иосифом перенесли тело Ивана Павловича в дом, туда же подошли другие солдаты. Первая смерть в батарее за два последних месяца случилась в предпоследний день сорок четвёртого года. Для Кольки гибель земляка стала вторым трагическим событием, связанным с родным посёлком. Накануне, после долгого перерыва, он получил письмо от дома, письмо с печальными известиями, что одного дядьку убили, а другой вернулся домой с покалеченной трясущейся рукой. Какой с него теперь работник?! Что мать и сёстры никак не могут сил набраться после тифа. А тут ещё и смерть соседа. Документы повара передали старшине, письма и записки Колька забрал себе, личные вещи разошлись по друзьям.

Место для могилы Ивана Павловича Колька с Иосифом выбрали сразу за околицей, там, где на пригорке росла огромная старая липа. Иосиф его присмотрел, сам могилу разметил. Если пришлось Ивану Павловичу в чужой земле лечь, так пусть хоть место будет хорошее. Несмотря на мороз земля под деревом поддавалась легко, за плодородным слоем шёл светлый песок. Могилу отрыли аккуратно, хоронить повара решили всей бата-

реей утром 31 декабря, чтобы успеть сколотить гроб поладнее.

Старшина, раздосадованный неожиданной смертью Ивана Павловича, обрушившей на его голову новые заботы, зашёл к комбату:

– Вот так и не успели сговориться про праздничный ужин, товарищ капитан, – старшина закурил, – как быть-то теперь?

– Да, не ко времени, конечно, эта смерть, а когда она бывает вовремя? Теперь ищи срочно нового повара, без этого никак не обойтись. А ужин завтрашний новогодний не отменять, обязательно сделать для ребят.

После ухода старшины капитан достал блокнот с подготовленными данными, произвёл нехитрые тригонометрические расчёты и удовлетворенно, с нажимом произнёс:

– Ну, погодите, господа фрицы, зря вы нашего повара под Новый год застрелили, ой, зря! Завтрашней ночью непременно снесу вашу башенку и всех, кто там будет. Получите вы свой новогодний подарочек.

До вечера Колька провозился в сарае, гроб ладил земляку своему Ивану Павловичу. Опыт такой у Кольки ещё с деревни, а вот на фронте второй раз всего пришлось делать, хоронили-то корешей без гробов. Раз только, ещё до Белоруссии, подстрелили как-то полковника заезжего вблизи их позиций. Так для него велели замандрычить гроб. Полковника-то того он знать не знал, мерку снял, да сколотил. Работа как работа. А здесь, как гроб работать, руки делают, душа плачет. Как-то заехала батарея в белорусский городок, из которого только что выбили немцев, штаб их там стоял в бывшем Доме культуры. И на заднем дворе обнаружили они огромный склад гробов. Оказалось, немцы перед сражением прикидывают ожидаемые потери и заранее заказывают гробы снабженцам своим, а те заранее везут гробы для ещё не убитых солдат. Вот что удивительно, если бы наш командующий армией заказал перед операцией пятьдесят тысяч гробов, сразу бы стрельнули его, или сначала в дом сумасшедших на освидетельствование отправили?

Досок, немцами заготовленных, имелось в остатке. Но доски черновые, не оструганные. Начал обстругивать их Колька сам, потом поставил Абрамова, тот имел кой-какой столярный опыт. Сбивал гроб долго, тщательно подбирая и подгоняя доски друг к другу. Иосиф возился рядом, на подхвате, где поддержать, где что подать. Колька думал о Иване Павловиче уважительно, как о старшем многоопытном мужике. Иначе и быть не могло, Колька ещё бегал по деревне без штанов, а Иван Павлович успел с германской войны вернуться, пожениться и детей завести. Справный он мужик и сосед такой, что лучшего не надо. Печалился

Колька сильно ещё и потому, что со смертью этой будто ниточка оборвалась с родной деревушкой.

К ночи домовину сладили, свежеструганные доски не выкрасили – всё одно краска до утра не просохнет. Цвет дерева получился яичный, пасхальный. Тело повара перенесли в сарай, аккуратно уложили в домовину, пришедшуюся точно в пору.

Хоронили Ивана Павловича по утрам. Под безлистной кроной старой липы, щедро присыпанной ночным снегом. Собрались солдаты и офицеры батареи, все, кроме стоящих на дежурстве. Вынесли из сарая гроб, хотели сразу опускать в могилу, однако комбат остановил, дал команду поставить рядом, под деревом. Несколько запоздалых снежинок с ночного ещё снегопада, легли на лицо Ивана Павловича. Легли и не таяли, придавая лицу погибшего неожиданную молодость и торжественность. Все, кто стоял у гроба, сотни раз получали пищу из рук Ивана Павловича, и это делало общее прощание для каждого личным трогательным событием. Комбат в щёгольском, почти белом полушубке смотрелся празднично, но говорил по-деловому коротко:

– Важным ты был для нас человеком, солдат Жуков Иван Павлович. Дело своё ты делал честно и кормил нас хорошо. Горя мы не знали с тобой эти годы. Спи спокойно. Помнить тебя будем добром, а немцам отомстим, не сомневайся, за нами не заржавеет.

Комбат дал отмашку, гроб закрыли крышкой и опустили в могилу, на дне которой тоненьким торжественным слоем лежал нежнейший снег. В очередь служивые бросили вслед гробу по три горсти песка, споро закопали могилу. Все разошлись, остались Колька с Иосифом и Ефимом. На могиле они установили изготовленный накануне деревянный крест, благо офицеры к этому времени разошлись. Краской по центру креста Колька вывел:

«Жуков Иван Павлович
6.08.1895–30.12.1944
Русский солдат с Брянщины,
из посёлка Полстынка»

Вторую половину дня солдаты провели на кухне, помогая готовить ужин, а вечером съели его за час с шутками и прибаутками. Несмотря на утренние похороны, служивые веселились, не желая признавать всей полноты власти Войны над своими жизнями.

После небывало сытного ужина, в чём и состояла вся его праздничность, комбат вызвал командира второго орудия, приказал всему расчёту к одиннадцати вечера выдвинуться на позиции батареи, подготовить орудие к перемещению. Капитан прибыл туда чуть раньше, но орудие уже сняли и подготовили к движению. Расчёт ещё ждал команды, а Ефим, принимавший и ранее участие в

ночных вылазках комбата, успел подготовить два фугасных снаряда, каждый для удобства переноски, положив в отдельный вещмешок. Солдаты недовольно бурчали, взбрело же капитану в новогоднюю ночь устраивать стрельбы, лежали бы сейчас в тёплом доме, вспоминали встречи новогодних праздников в мирное время. А тащить тяжёлую пушку по просёлочной дороге вверх, вниз, а потом и вовсе по полю – так от праздничного ужина останутся одни воспоминания. Хорошо хоть последние два месяца прошли без этих ночных стрельб, да и то, видно, только потому, что выкачивать орудия для стрельбы прямой наводкой пришлось бы на несколько километров вперёд, а такое даже шальному капитану не пришло бы в голову.

По команде сержанта солдаты покатили орудие, следуя за комбатом. За полчаса добежали с ним до заранее высмотренного капитаном места, установили орудие для стрельбы прямой наводкой, и комбат начал колдовать с прицеливанием вслепую, пользуясь своими математическими расчётами и дневными замерами. Долго, тщательно выставляли прицел и угломер, отсчитывая направление по свету фонарика, которым подсвечивал Ефим, стоя рядом с деревом, выбранным днём в качестве ориентира, метрах в двухстах от орудия. Когда завершили прицеливание, до полуночи оставалось пара минут. Заряжающий подал снаряд, расчёт отбежал от орудия. Выстрел! В темноте из ствола хлынуло пламя, тут же второй снаряд в ту же цель – выстрел! Следом мгновенно орудие в походное положение и десять минут бега, вцепившись в почти полоторатонную махину. Кое-как отдышались и дальше катили орудие на батарейные позиции спокойно. Дав команду вернуть орудие на прежнюю позицию, комбат вместе с Ефимом отправился в расположение батареи.

– Марк, а когда ты так, в слепую, стреляешь, ты не думаешь, что попадёшь не туда, кто там на той стороне попадёт под твой выстрел? Что можешь попасть в невинных людей?

– Ефим, во-первых, я уверен в своих расчётах – математика не ошибается, а, во-вторых, там, куда я стреляю, нет и быть не может мирных людей. И нечего здесь искать повода для моральной вины. Расстреливать без всякой нужды старого повара – это правильно? Он им чем-то угрожал? А они его видели, как на ладони. Запомни, на войне нет места сомнениям. Пусть потом сомневаются те, кому повезёт выжить. Я стреляю во врага, да и преимущество, похоже, на его стороне, он меня видит, а я его – нет. Да будь дистанция поменьше, снайпер этот с их чёртовой колокольни многих из вас уже пережёл, как курей на колхозном дворе.

– Но ведь тебя никто не гонит в твои ночные рейды, да и опасны они. Что случись, начальство по головке не погладит, останешься виноватым.

Как ни глянь, они только неприятности сулят, а ты по своей воле нарываешься на них. Откуда у тебя такая воинственность?

– Прежде, чем рассуждать о моей воинственности, скажи мне, ты известия о родных своих получил из-под Коломыи*?

– Нет никаких известий, пока нет. – Ефим старался не думать об этом.

– Вот так, ведь уже полгода прошло, как до границ Украины дошли и Станиславскую область освободили, а весточек от твоих никаких нет. Запрос сделай. Как получишь ответ, так и поговорим с тобой. Моих-то в Днепропетровске никого не осталось. Посмотрю я тогда, как ты рассуждать будешь о милосердии, когда внутри всё кипеть будет. Война войдёт внутрь тебя, душу твою выжжет, посмотрим, что человеческого в тебе останется. Да и не в стариков с детьми я по ночам стреляю, по передовым позициям врага бью.

– Марк, извини, не хотел я тебя задеть. Просто все устали от войны и твои ночные вылазки солдаты в батарее клянут на чём свет стоит.

– Ефим, устают солдаты от долгого ожидания, неопределённости, тоска от бездействия начинается. А тоска – первый шаг к разложению, а то и предательству. Так что, мои вылазки выбивают эту дурь из ваших голов. Да за последние полгода на выходах этих никого не убило и не покалечило, так что ещё благодарить меня будете, – и не попрощавшись, комбат свернул к дому.

Ефим почувствовал себя неловко – получилось, что разговор завёл нейтральный, а зацепил комбата за живое и очень болезненно. Вряд ли бы иначе он проговорился о родных, канувших в Днепропетровске, никто в полку про это не знал.

В расположение первым воротился Ефим, вскоре и остальные солдаты, разгорячённые от бега, да ещё отягощённого перекачиванием пушки, шумно ввалились в дом. Ни еды, ни кипятка уже не осталось, ложились спать на голодный желудок.

Перед сном вспоминали предвоенные празднования Нового года. В местечке, где жил Ефим, зимний новый год не отмечали, поэтому говорил больше Колька, хотя и в его родных брянских деревнях по скудности больших празднеств тоже не проводили.

Несколько смущаясь, он начал неспешно рассказывать не о самом праздновании у ёлки, а больше о подготовке к нему. Как они детьми сидели вечерами под материнским присмотром и резали из газет тонкие полоски, красили их и склеивали в гирлянды или делали шарики на ёлку, плотно сжав мокрые комки газет, и после, раскрасив их в разные цвета, вешали на ёлку. Из тех же газет вырезали большие снежинки различных форм и изысканных узоров, а на окна вместо занавесок

*) Коломыя – городок в Станиславской области (Ивано-Франковской области Украины)

вывешивали целиковые газетные листы с художественно обработанными краями. Их искусно сделанная бахрома колебалась от движения воздуха и казалось в избе живут загадочные новогодние существа. Никаких других игрушек, кроме самодельных, в деревнях не видели. Да и настоящий новогодний праздник с ёлкой видел Колька лишь однажды, когда мать отправила его в Дубровку, проводить младшую сестрёнку Шуру, только начавшую учиться в тамошней школе.

Праздник почему-то проводили в бывшей синагоге, приспособленной в двадцатые годы под административное здание. Ёлка стояла посредине зала, вокруг неё прыгала, носилась, сломя голову, детвора – всё младшеклашки. Зала освещалась пятью керосиновыми лампами, дававшими тусклый густой неровный свет. Электричества в деревнях не выдывали, не появилось оно и до самой войны. Малышня неистово носилась по залу вокруг ёлки, казалось, ничто не могло остановить их мельтешение. Но стоило выйти к ёлке начальственной даме и объявить: вот сейчас будут раздавать подарки, все ребята тесно сбились и смотрели на неё щенячьё ожидающими глазами. Одна из школьниц заболела и первый подарок объявили для неё – чтобы поправлялась побыстрей, с ёлки сняли куклу и учительницу попросили передать подарок девочке. Подружки не сдержались, заплакали в голос, кукла-то на ёлке красовалась единственная. Шуручке досталась бабочка, сделанная из тонких упругих проволочек, висела она высоко на ветке, с пола не достать, пришлось лесенку подставлять и залезть попросили Кольку. Из его рук сестрёнка и получила свою бабочку, которую отнесла маме, и хранила мама этот первый новогодний дочкин подарок в особом ящике до самой войны, а, может, и сейчас хранит. Здесь Колька ненадолго замолчал, растрогавшись от воспоминаний. Не до праздников было в их краю и Рождество встречали незаметно, по-тихому. Дед по накатанному зимнику уезжал на санях в деревню Давыдчичи, где из всех окрестных деревень только и осталась церковь. С праздничной службы в церкви Рождества Богородицы привозил свечи, которые с внуками зажигал у иконы. Дед разговлялся, чарку выпивал, затем просил Кольку, внука старшего, Евангелие читать. Колька забирался на широкую тёплую печь и при свете лучины с выражением читал столетнюю таинственную книгу в кожаном переплете. Дед слушал внимательно, улыбался в бороду от удовольствия – его внук читает святую книгу.

Всё проходит. Несмотря на утренние похороны, Колька, вспоминая дом и деда, сам блаженно улыбался и заснул счастливым. Заснули и другие солдатики, едва ли не раньше, чем Колька закончил свой рассказ.

ГЛАВА 19.

Конец декабря - начало января 1945 года

Небо затянули тучи, лёгкий ветерок нагнал их с западной стороны. Потихоньку морозец стал отпущать, закружились первые, ещё колючие снежинки. Прямо на глазах они пышнели, при этом становились невесомее, затейливо кружили, медленно опускались на землю, скрывая уродливые рваные раны, нанесённые войной земле, деревьям, зданиям и даже измученным людским душам, смягчая их ожесточение. После злосчастного выстрела Петера Бруна фельдфебель усилил маскировку, надеясь оберечь от внимания русских свой отлично оборудованный наблюдательный пост. По полудни снег повалил такой густой пеленой, что за десять метров ничего не различить, сидеть дальше на башне стало безопасно, но совершенно бесполезно. Курт спустился вниз.

Наступал новогодний Сильвестр, и этот густой снег случился кстати, смысла и дальше мёрзнуть на башне не стало никакого. Случилась возможность встретить новогодний вечер и полночь, разделяющую старый и новый год, в относительном тепле. Отношение с Бруном обострились, с одной стороны, тот явно побаивался фельдфебеля, а с другой, смотрел на него злым волчьим глазом. Удар прикладом по заду не прошёл даром, хромал-то Брун слегка, а вот озлобился сильно. Но пока студент рядом, Курт хотя бы мог спать спокойно. Он, приказав Лёбурну не покидать комнату, а Бруну, на всякий случай, контролировать двор, в сон провалился мгновенно, едва успев представить, как держит Францизку за руку. С этой мечтой он и проснулся всего за два часа до полуночи. Отобрав из мешка с провиантом для новогодней трапезы что повкуснее и посытнее, они с Лёбурном соорудили скромный стол. Фельдфебель достал припрятанную на самом дне мешка бутылку шнапса. Берёг он её на всякий экстренный случай: мало ли кто обморозится, шок болевой или ещё что, но на новогодний вечер решил – половину можно разлить. Поделил на троих, пили молча, не чокаясь и ничего не желая друг другу. Курт пил по-русски, залпом, как научился в стиле Сталинграде, солдаты – в несколько приёмов, отдельными глотками, а студент ещё и кривился, будто пил первый раз. Всё доели ещё до полуночи, теперь оставалось только спать. Студент от выпитого раскраснелся, ожил, попросил разрешения залезть на колокольню, посмотреть сверху на округу, фельдфебель снисходительно разрешил.

Ветер стих, стих и снег, но последние снежинки ещё висели в воздухе. Деревянный настил на колокольне был покрыт покрывалом из легчайшего небесного пуха. Студент рукавом смахнул снег, лёг на доски. Глубокая тишина поглотила округу, темнота скрадывала не только свет, но и звуки. Где-

то в стороне русских дрожал маленький отсвет пламени. Тучи расступились, и прямо над башней открылась бесконечная глубина тёмного неба. Звёзды, которые привычно висят на небесной сфере как светящиеся дырочки в крыше старого сарая, теперь явно светили с разной высоты: одни совсем близко – рукой достать, другие из невероятной глубины отправляли свои лучи к нему, студенту Юргену Лёбурну, из самых дальних пределов вселенной. Он перевернулся на спину и смотрел на хоровод светил, кружащихся над ним. Любимый им баховский органый хорал звучал в его голове, сопровождая, а, может, и вдохновляя это величественное кружение. На чёрном бархате неба звёзды собирались в причудливые фигуры, иногда казалось, что одна из них подмигивает ему, а если он закрывал глаза, звёзды всё равно светили драгоценным золотым светом. Ему представлялось, что там, в вышине, по небу вьётся огромная виноградная лоза, а созвездия – это созревшие грозди этой древней, как мироздание, лозы, которую видели и с которой срывали виноградины прозрений Сократ и Платон, Демокрит и Сенека, Коперник и Кант. Когда-то эта война закончится – не может этот ужас, который он испытывал на протяжении последних месяцев, тянуться бесконечно – и начнётся нормальная, обыденная жизнь. Он окончит университет, сдаст квалификационные юридические экзамены и будет вести дела по морскому праву, разъезжая между своими любимыми городами – Гамбургом и Кёнигсбергом. Он женится на девушке из Другенена*, которую присмотрел ещё в свой первый приезд в Пруссию и уже несколько раз встречался с ней на свиданиях там у неё, на чистом идиллическом озере. У них родятся дети. Их города, разрушенные британской авиацией, отстроят. Всё это будет, будет после войны, только бы заканчивалась она поскорее. Он даже не думал, кто победит в войне, ему казалось это неважным. Главное, чтобы закончилась она побыстрее, не принеся новых бессчётных жертв.

Юрген долго лежал на спине, глядя в бесконечно глубокое, торжественное небо, и жизнь казалась ему такой же бесконечной, как это бездонное небо, и величественной, как звуки басовых труб вселенского органа. Страшный грохот разорвал его перепонки, тысячи осколков кирпича и смертоносного железа впились в его глаза, уши, голову, грудь, ноги, руки, забив нос и рот красной кирпичной пылью. Вместе с камнями старой кирпичной пыли он рухнул вниз к подножью башни, а когда он уже лежал на земле, разрыв следующего снаряда низвергнул на его тело камнепад, начисто сбив верхушку колокольни.

**) Другенен – пос. Переславское по дороге из Калининграда в Светлогорск*

Фельдфебель Матцикайт и солдат Брун, разомлевшие от дремотного тепла, очнулись от оглушительного разрыва, они ничего не успели понять, как второй взрыв потряс кирху, и следом грохот падающих камней слился с эхом взрыва. Без шинелей они выскочили во двор. Верх церковной башни вместе с их наблюдательным пунктом был снесён. У подножия лежала гора битого кирпича, камней, гранитных блоков, изломанного дерева. Фельдфебель осторожно посветил фонариком, из кучи строительного праха торчал солдатский сапог. Они долго разбирали завал, пока не освободили тело студента и не уложили его на белоснежное одеяло, укывшее церковный двор. Снег под студентом уже не таял. Всё его тело страшно изломало взрывом и посеколо осколками. Умер он мгновенно, ещё не долетев до земли. Подавленный Курт долго стоял над бесформенным телом, в котором совсем недавно ещё билось сердце студента. Брун, не произнеся ни слова, ушёл греться в комнату.

Фельдфебель вывернул из брючного кармана погибшего изрядно обсосанный кусок сахара, из нагрудного кармана – документы Лёбурна, их он забрал себе, затем надолго замер над телом нелепо и растерянно улыбаясь. Сколько смертей случилось рядом с ним за годы войны? Офицеры и солдаты гибли от пуль, осколков, горели заживо, мины разрывали их на части. Погибали неопытные солдаты и бывалые бойцы, прошедшие сквозь тяжелейшие сражения. Они гибли в бою и гибли случайно, иногда нелепо, но никогда закономерно. Никогда индивидуальная смерть не была стопроцентно predetermined, всегда оставался какой-то шанс на спасение. И это позволяло жить на фронте, преодолевать страх смерти. Но, в целом, смерти его однополчан были неизбежны, ведь солдаты были мышцами этой войны, её руками, ногами, топтавшими почерневшую от огня землю. Кто из них погибнет в ближайший день, оставалось не известным, но то, что кто-то погибнет, все они знали. И смерти эти, наряду с победами и поражениями, являли собой соль войны, были заранее predetermined и обязательными её условиями, поэтому никогда особо не выбивали из колеи солдат и офицеров, однако при этом у каждого из них оставался шанс, у каждого свой, особенный, верный шанс на спасение. А вот теперь он, вояка до мозга костей, фельдфебель Курт Матцикайт выбит из нормального состояния. Смерть этого студента, само присутствие которого на войне неуместно, смерть в эту величественную новогоднюю полночь подавила Курта. В какой-то момент он почувствовал, что задыхается, горло и нос были забиты строительной пылью. Сотрясаясь всем телом, он стал отхаркивать сгустки пыли, хватал воздух ртом, пытаясь впустить в судорожно сжавшиеся лёгкие хотя бы несколько глотков воздуха.

Кашель отрезвил его, вывел из оцепенения. Курт перенёс студента в дом, в холодную кладовку, всмотрелся ещё раз в застывшее лицо юноши, вернулся в комнату. Ни видеть Бруна, ни разговаривать с ним он не желал, считая его виновным в случившемся. Рухнул на кровать и провалился в тяжкий бредовый сон.

Утром, в первый день сорок пятого года, фельдфебель хоронил студента. Выбрал под могилу свободное, не заваленное камнями, место у стены кирпичи. Заставил Бруна выкопать яму, а копал он долго и тяжело, до кровавых пузырей на ладонях, после чего отправил солдата греться в дом. Курт сам вынес тело, опустил его в землю, один долго стоял над могилой и один засыпал её. На обрезке доски написал чёрной краской:

«Hier um Silvester Mitternacht 1945 wurde der Student Jurgen Leburn ermordet»**.

Доску приколотил на стену кирпичи, прямо над могилой.

С этого момента жизнь спецгруппы поменялась. Фельдфебель больше не замечал Бруна, не разговаривал с ним, не давал никаких команд. Когда ложился спать, гнал его прикладом из комнаты и запирали дверь. Когда Брун попытался противиться, ударом опрокинул его на спину, наступил ногой на грудь, уперев приклад в горло визжавшего солдата и так стоял с минуту, пока холодная ярость не спала, и он не отошёл в сторону, освободив почти задохнувшегося Бруна.

Такого удобного наблюдательного пункта найти больше не удалось, и теперь Курт следил за русскими с небольшого холма, обустроив там в одну из ночей хорошо укрытое лежбище. Дни нового года потекли однообразно, приходилось сильно экономить на еде. Но через неделю у русских началось явное оживление: одна за другой приходили машины с боеприпасами, и солдаты часами разгружали ящики со снарядами в штабеля позади орудий. Стало ясно, вот-вот начнётся мощная артподготовка, а значит, следом русские бросятся в решительное наступление.

Следующим утром фельдфебель растолкал Бруна, дал ему папку с донесениями и приказал доставить в штаб полка. Велел получить в штабе причитающийся им паёк, но обратно к нему не возвращаться, а ехать в свой посёлок и немедленно, пока русские не перешли в наступление, отправить семью подальше на запад, желательно железной дорогой на Растенбург, потом до Алленштайна, Мариенбурга и как можно дальше от Восточного фронта. Избавившись от солдата, Курт еще два дня наблюдал за всё большей активностью русских, затем снялся с места и отправился в часть, но не в штаб полка, стоявший южнее Гумбинена, а прямо

в свой батальон, разместившийся с другой стороны от города. Через сутки после того, как Курт снялся с места, и начался тот кромешный ад, которого он ожидал. Русская артиллерия утром тринадцатого января стёрла с лица земли передовые линии обороны, достала и штаб полка, в который Курт так и не вернулся, разнесла всё в щепки в течение первого часа, а до их батальона не достала. Попытки удерживать позиции были безуспешны, началось тяжёлое отступление, в котором личный боевой опыт и решительность значили больше, чем тактика штабов. Ясно было, что пространство, в котором зажали их группировку, защищающую Восточную Пруссию, слишком мало, нет размаха для свободного маневрирования, а без этого от ударов Красной армии не спастись. Он понимал – русские огромным поршнем сдвинули их части за Кёнигсберг, зажав между морем и заливом сотни тысяч солдат, тысячи танков, орудий, и раздолбают их там артиллерией, сбросив остатки в море. И шансов выжить в этой мясорубке, вырваться из стальных клещей русской армады, у Курта имелось больше, чем у других. А жить он теперь хотел, хотел как никогда до встречи с Францишкой, которая обязательно дожждётся его в прекрасном Дрездене.

ГЛАВА 20.

Конец декабря 1944 года – начало января 1945 года

Сутки солдаты провели на холоде в окопах, засыпанных снегом. Влажный северо-западный ветер нагонял сугробы, переметал дороги в низинах. К вечеру пришла на позиции подмена, и замерзшие бойцы отправились отогреваться на фольварк. Колька и Иосиф ввалились в дом, где было уже тепло. Ефим успел протопить печь, но в доме его не было. Солдаты сняли и развесили на просушку смёрзшуюся одежду. Нашли у печи завернутую в бушлат еду и сразу сели есть. Закопчённый чайник с остывшей водой поставили в печную духовку. Ели молча, понемногу отогреваясь. Завязался разговор.

Мрачный Иосиф отвечал Кольке односложно и разговорился только, когда разлили по кружкам чай:

– Что случилось, Иосиф, со вчерашнего дня ты вроде как не в себе? Давай, сбрось с себя это навязание.

– Я бы рад, Колька, да вот только – как? Дела мои всё хуже, душат во сне видения, жизни нет.

– Опять к тебе Рябой приходил? – Колька нервно рассмеялся.

– Зря ты смеёшься, и не смей панибратствовать с ним – какой он тебе Рябой?!

***) Студент Юрген Лёбурн, погиб здесь в новогоднюю полночь 1945 года

– Иосиф, извини, не хотел я тебя задевать, да и как мне его называть? В нашей деревне его между собой потихоньку так и звали – Рябой. Расскажи, что тебе привиделось, может, легче станет.

– Хорошо бы, чтоб отпустило, а то тоска такая навалилась, хоть в петлю. Так даже и этого мне нельзя. Понимаешь, Он все ближе ко мне, я уже чувствую, как его руки ощупывают мои плечи. Он разговаривает со мной во сне, как с маленьким мальчиком, каким я приходил в гости к его детям, в его дом. И я становлюсь тем мальчиком и не могу не отвечать ему. Позапрошлую ночь, только я улегся Он и явился. Во френче, с трубкой. Я лежу, а Он ходит, говорит со мной, а в мою сторону не смотрит, как будто меня не видит, но знает, что я где-то здесь и слышу его. Говорит: «Ну, здравствуй, тёзка! Так ты мне письмецо и не написал, хоть прошлый раз обещал. Всё надеешься, что не найду тебя? Найду-найду, мой мальчик, не сомневайся. Напиши мне пару строчек о себе, я тебе и помогу. Ты-то, небось, взводный литёха, а вот твой дружок детства Василий уже воздушной дивизией командует. Напиши мне, переведу тебя в штаб фронта, а то и поближе, легче будет служить, глядишь, и выживешь. Так и будешь молчать? Скажи что-нибудь. Помнишь, как ты с младшей сестрёнкой любил приходить к нам в гости, сидел у меня на коленях. Напиши мне, где сейчас служишь? И как теперь твоя фамилия, старую-то тебе родители, наверное, сменили. Батя твой знатный был подпольщик. Как сестренку-то твою зовут, запоматывал я что-то? Не говоришь, ну я у жены спрошу?»

– Как же, дядя Иосиф, ты спросишь тетю Надю, ты же убил её?

– Ну вот, тетка, уже хорошо, ты заговорил со мной. А с чего ты взял, что я убил её?

– Я слышал, как дядя Авелю рассказывали, что ты, дядя Иосиф, застрелил её из маленького пистолетика.

– Ну, Авель, он враг нашей партии и государства, расстреляли его давно. А кто ему рассказал об этом?

– Ему рассказывал врач, профессор Плетнёв, после того, как арестовали его знакомого врача Александру Канель. Я слышал, как они разговаривали.

– Очень интересно, значит, говоришь Плетнёв и Канель, но их тоже давно уже нет. А кто ещё об этом знает?

– Юля слышала.

– Какая Юля, жена Якова? Надо записать. Где мой красный карандаш?

– Дядя Иосиф, дядя Иосиф, не записывай, я не хотел говорить. Не та Юля, не та! Не знаю я, не знаю!

– Ты, мальчик, не знаешь, зато, я узнаю. Ты лучше скажи, как твою сестру зовут, имя-то осталось прежнее?

– Не спрашивай, не скажу тебе ни за что.

– Ну, как хочешь. Спрошу у Светланы, они играли вместе, она-то имя сестрёнки твоей не забыла. Ты мне только письмецо напиши, только номер твоей полевой почты. Я пришлю за тобой человека, обязательно пришлю. Сестру-то Маша звали? Отвечай?

– Не скажу ни за что, прочь уходи, прочь».

Иосифа била нервная дрожь, руки ходили ходуном и, чтобы справиться с этим, он сцепил их перед собой.

– Колька, ты понял, он почти подобрался ко мне. После этого сна я в холодном поту соскочил с нар. Помнишь, я тебя разбудил, ты ещё спрашивал тогда, почему я так кричал во сне?

Колька с тревогой смотрел на белого, как мел, Иосифа:

– Послушай, друг, выброси эти сны из головы. Какое дело Сталину до тебя?

– Наивный ты, Николай. Он сначала найдёт меня, а потом сестру и убьёт нас. Ведь Он приказал убить даже двух тёток отца, которые его ни разу не видели, да и в Москве никогда не были. Слышал, сегодня старший лейтенант Черепня приходил, комбата битый час пытал, разнохивал что-то, а особисты просто так не приходят. Знаешь, я ведь теперь спать боюсь. Он во сне выпытывает, где я служу. И не думать о нём не могу, Он всё время в моих мыслях. Я как будто притягиваю его гонцов. Что делать, не знаю? Застрелишься, начнут разбирать фамилию и сестру. Жаль мне сестричку, а как её защитить, как спрятать не знаю? – Иосиф тяжело замолчал над кружкой остывающего чая.

Солдаты ложились спать в мрачном настроении, не радовало даже то, что в этот раз в тепле и сухости. А тут ещё Ефим всех переполошил, вскочил, начал матрац перетряхивать.

– Клоповник развели тут наши сменщики, не заснём, заедят. Вытрясать надо.

– Ефим, ты в комнате-то не трясси, выноси на мороз, там выбивай. Сейчас и мы за тобой.

Колька собрал в охапку постель, сунул босые ноги в сапоги и выскочил на улицу, следом за ним побежали и остальные солдаты. Полностью от клопов таким макаром не избавились, но всё-таки полегчало, жрали служивых уже не так свирепо.

В остальном ночь прошла спокойно, никто не поднимал их по тревоге и не ломился на постой. Колька был в своем обычном ровном настроении, Иосиф выглядел подавленным.

– Что, Иосиф, опять ты всю ночь со своим знакомцем проговорил? Лица на тебе нет.

– Да. Он опять приходил. Теперь Он знает, на каком фронте я служу. Он очень хитрый, стал расспрашивать о службе, говорил о Рокоссовском, Василевском и Коневе, тут-то я и проговорился насчет Черняховского и, что стоим мы под Гумби-

неном. Как он смеялся, похлопывал меня по плечу, хвалил и обещал, что очень скоро меня найдёт его человек. И ты знаешь, Колька, Он сделает это. Он всегда доводит до конца то, что задумал. Отец всегда говорил, что дядя Иосиф самый последовательный и упорный из руководителей партии.

– Успокойся, Иосиф, пусть Ефим расспросит комбата, что хотел от него Черепок. Мало ли тем у него для разговоров: то самострелы, то сумасшедшие перебежчики, болтуны, да анекдотчики, а, может, просто водки пожрать решил. Давай, есть и будем готовить амуницию, после обеда опять в окопах мёрзнуть.

Солдаты доели всё, что осталось со вчерашнего дня, подсушили одежду, валенки подлатали, натянули на себя всё, что могло помочь согреться в окопах. Ефим воротился, когда солдаты уже собирались выходить из дома. Иосиф обрадовался и стал расспрашивать о новостях из штаба полка, а Колька всё торопил с выходом, обещая завести Ефима на кухню и договориться с Иваном Павловичем о хорошей кормежке. По дороге, улучив момент, когда Иосиф ушел вперед, Колька сказал:

– Попытай потихоньку у комбата, чего от него хотел особист, позавчера он целый час на КП муржил нашего капитана, только аккуратно, без нажима.

Ефим просьбе удивился, но, не задавая лишних вопросов, утвердительно кивнул. Колька оставил сержанта на кухне, сам с Иосифом отправился на батарейные позиции.

Повар не пожадничал, накормил до отвала, и к комбату Ефим явился довольный, даже несколько осоловелый. Получив разрешение войти, он перетапывался у дверей, не зная с чего начать разговор. Но комбат сам заговорил с ним о том, что слышно в штабе полка. Ефим пересказал всё, что узнал от штабных телефонистов – большей частью пустой трёп, но и по делу кое-что: о том, что от командующего артиллерией фронта всё время звонят, справляются о запасах снарядов, требуют докладов о готовности к стрельбе, уточняют, а то и вовсе меняют намеченные для поражения квадраты. Обстановка нагнетается, значит, вот-вот – и начнётся. Вот и особисты в полк зачастили, землю роют по всему переднему краю, тоже признак верный. Разговор сам по себе вырвался на нужную Ефиму тему.

– Нет им покоя, и у меня вчера Черепня сидел до вечера, всё крутил с вопросами, хорошо хоть к концу напился, да уехал весёлый. Но кто их весёлость разберёт, к чему она – к добру или злу?

– А чего ему здесь понадобилось, – осторожно поинтересовался Ефим, боясь сбить разговор с нужной ему темы.

– Хрен их поймёшь? Сперва в целом про обстановку говорили, про трёп ваш дурацкий, анекдоты, да недовольство начальниками. Потом завёл

разговор о том, что это у нас в батарее за солдат такой появился, что стрелять не желает, пацифист хренов. Видать, явно на Абрамова намекает. Ну я ему ответил, хочет стрелять, не хочет, так кто же ему даст. Батарейка уже два месяца не стреляла. Так что, про его желание ничего нам не известно, да и не важно это. Он не наводчик, не командир орудия, ему не стрелять, а копать нужно, да ящики на себе таскать. А чтобы стрелять, братец ты мой, у нас это ещё заслужить надо. До наводчика и командира орудия расти, да расти. Так что, знать про это не знаем, да и знать не хотим. Солдату – солдатово, кесарю – кесарево.

– Откуда же ему известно про настроения Абрамова? – неприятно Ефиму думать о соглашениях среди батарейцев.

– Ясно, откуда – стукачей всех не переведёшь. Так что, ты языком поменьше трепись, да и дружкам своим накажи.

– Ну и ладно, мелочи всё это. Не страшно.

– Это, конечно, мелочёвка, но на том разговоре не закончились. Стал Черепня пытаться меня про ваших немцев, которых я тогда в Литву на машине отправил. Разговор тут пошёл пожестче. С чего вдруг такое внимание, а вдруг шпионы они? Что там за документы немка из-под пола тайно достала, что за фотографии? Едва до драки с особистом не дошло, за грудки хватались, хорошо хоть жидковат Черепок в кости. Потом выпили по кружке спирта, да закусили хорошо, вроде, как и успокоились. Так что, будь готов, знает он, что ты их отвозил в Литву. Если на этом не успокоится или наступление наше не начнётся, ты явится на днях снова, станет допытываться. А, как начнётся наступление, так не до этих глупостей будет.

– Начнётся наступление, по всему чувствуется, что скоро начнётся. Осточертело всем ожидание, хотя, по правде сказать, за всё время на фронте не жили мы так хорошо, как два последних месяца в этих игрушечных посёлках.

– Да, Ефим, за три с лишним года не знал я такого и от других не слышал. На войне, без войны. Восемьдесят дней без войны! Так и разучиться воевать можно.

Виду не показал, но сильно занервничал Ефим от разговора с комбатом. Про Иосифа, к счастью, ни слова, а вот история с вывозом немцев в Литву, просто так не закончится. Но дальше фронта не пошлют, больше роты не дадут, а у него и так – ни роты, ни взвода, толком даже отделения нет. Обойдётся как-нибудь, разве что, задёргают допросами, да объяснительными. Ефим побежал на позиции батареи к Кольке, успокоить его, что Иосифом никто не интересовался, а вот им, скорей всего, придётся иметь дело с товарищем Черепнёй.

Все последние дни Иосиф находился в странном оцепенении, в состоянии глубокого погруже-

ния в себя. Даже гибель повара не вернула ему интереса к реальной жизни. Вернуть не вернула, а в памяти засела, что заноза в босой ступне: «Вот, что за штука, судьба такая?! Ни с того, ни с сего – и смерть, для повара явно случайная. Так бы и мне, и никто не заподозрил бы ничего. Вот что важно – смерть должна произойти случайно, даже нелепо, тогда обойдётся без доследования».

Его смерть должна быть случайной, мало ли, что может произойти на фронте, надо искать, искать эту случайность. В сочельник Иосиф вместе со всеми съел праздничный ужин, едва ли заметив его праздничность. Затем со всем расчётом выкатывал пушку на позицию, выбранную комбатом для ночной стрельбы, потом обратно. И вся эта беготня прошла для него каким-то фоном, не избавила от напряженного поиска выхода из ловушки, в которой он оказался, и попытками сохранить в тайне место нахождения сестры Маши, да и просто само её существование на белом свете.

В новогоднюю ночь спал Иосиф тревожно, метался, бредил во сне. И позже весь день, до обеда 1 января бесконечно прокручивал в голове варианты осуществления идеи случайной смерти, пришедшей ему накануне.

После обеда Иосиф отозвал Кольку в сторону, оставшись с ним наедине, завёл тягостный разговор:

– Выслушай, Николай, меня спокойно и сделай всё точно, как прошу. Я уже всё решил, и дело с концом. Помнишь, за крайними домами – небольшая рощица, в первый день, как мы сюда приехали, сапёры вбили там таблички о минах и ограждение со стороны деревни поставили. Сейчас я пойду за сухими дровами в ту рощицу и возвращаясь по темноте забреду на минное поле.

Колька не сдержался, схватил Иосифа за руку:

– Что ты удумал, Иосиф, брось эти свои затеи немедленно.

– Рад бы, Колька, сбросить всю эту тяжесть с плеч, да не могу. Впились когтями и в душу, и в тело. Ты только не думай, что это слабость моя, это – единственная возможность вырваться из ловушки. Тебе понять меня трудно, ты ведь Его видел только на портретах в газетах, а слышал по чёрной тарелке, висевшей в правлении, да и всё. А я жил рядом с ним, сидел у него на коленях, слушал сказки его, и так хорошо мне с ним, так спокойно, понятно. Проник он в меня, впитался в каждую клеточку. И жить с ним не могу, и изгнать не могу из себя. Пытаюсь отбросить Его, и будто из меня вынимают каркас, и жизнь моя рассыпается, и не сходятся концы с концами. Не вытравить Его из меня, а, значит, я – Его, и найти меня его опричникам – вопрос только времени.

Слушай меня дальше. Все письма и бумаги свои, кроме обычных документов, я сжёл. Оставляю тебе только эту записку, спрячь её подальше.

Там адрес сестрёнки моей, после войны найдёшь её и расскажешь про меня. Ни с кем не обсуждай это, даже Ефиму не говори, молодой он ещё, не сдержится, побежит спасать меня, вытаскивать. Сам взорвётся или накличет беды какой. Только ты один знать будешь.

– Иосиф, зачем тебе такой тяжёлый исход. В конце концов, ломи вперёд на немца в бою на всю катушку, это практически верная смерть. И польза будет.

– Прав ты, так бы я и сделал, но боёв в ближайшие дни не предвидится. А день-другой, и за мной придут, чувствую я это. Подберётся Черепок к вам с Ефимом, а зацепит меня. Времени моего не осталось. Вышло всё. Понимаешь, нет времени.

Иосиф обнял Кольку, надел старый бушлат, рукавицы, вышел во двор. Не таясь, пошёл в рощицу. Пока собирал сухостой, стемнело. Хворост тащил за собой по земле. Так и зашёл со стороны леска на минное поле. Шёл он медленно, под ноги не смотрел, но невольно ступал осторожно, будто шёл по тонкому льду и берёгся, хотя какой в этом смысл, если сам ищешь смерти. Метров через тридцать раздался взрыв, но не под ногами, а сразу за спиной, видать бревном зацепил. Он упал оглушённый, осколки ударили в спину и ноги, опрокинули на землю. Боль не отключила его сознание, и он ещё чувствовал, как тёплая, липкая кровь текла по спине и ногам. Засыпая, он замерзал, движение времени остановилось и последний всплеск его сознания отметил дальние мужские голоса. Всё застыло.

Услышав за околицей взрыв, солдаты сбегались к ограждению минного поля. Метрах в пятидесяти от них на снегу чернело бездвижное тело. Кричали громко, но Иосиф не отзывался. Ефим было кинулся к нему, но Колька успел перехватить его, опрокинул на снег.

– Мы ему ничем не поможем, это Шпрингмина, она изрешетила его шрапнелью. Вызовем сапёров, придут по утру и вытащим Иосифа.

Солдаты воротились в расположение. Ефима била трясучка, Колька усадил его за стол, заставил выпить горячего чая.

– Как это произошло, чего он полез туда? Какой хворост на ночь глядя? – убивался Ефим. Колька только развёл руками:

– Задумался, наверно, собирая хворост. Ушёл засветло, только вечерело, а возвращался по темноте, вот и вышел на мины. Несчастье. А хворост пригодится для печки. Тепло нужно всегда, все мы нуждаемся в тепле, все.

На следующий день, припозднившись, из полка добрался сапёр, взял с собой двух вызвавшихся из батареи добровольцев и начал потихоньку торить дорожку к телу Иосифа. Двигался медленно, уж больно снег мешал, скрывая смерть под собой.

За два часа они расчистили от мин, а больше от снега дорожку до места, где упал Иосиф. Мин сняли всего четыре, но и одной хватило бы, коли полезли бы на поле вчера, по темноте. Тело Иосифа надо было вытаскивали аккуратно, не заступая за полуметровой ширины очищенную дорожку. Позвали Тихого, тот взял тело солдата на руки, так и нёс, держа перед собой, как матери несут малышей. После, сапёра повели на кухню кормить, и спиртом отпаивать, а Колька с Ефимом остались с Иосифом.

Тело на морозце смёрзлось – не разогнуть ни руки, ни ноги. Лежал Иосиф на снегу скрючившись и так широко раскинув руки, что в гроб не положить. Хоронить решили, завернув тело в холстинку, на том месте, которое сам Иосиф накануне и выбрал, рядом с Иваном Павловичем. Снова вдвоём копали могилу, вторую за вторые сутки, в этот раз непривычно широкую. Перед тем как опустить тело в глубину долго сидели у могилы, перекидываясь редкими фразами.

– Вот так дождались мы нового года, один день пошёл хлеще другого. Сначала, ни с того, ни с чего Иван Павлович, теперь совсем уж по-идиотски – Иосиф, – Ефим высморкался, скрывая подступившие слёзы.

– Съезжать надо с этого места – несчастливое оно. Скорей бы в наступление, а то натерпимся здесь, – Колька толкнул Ефима в плечо, они подняли тело, подтащили к краю ямы. Колька спрыгнул вниз, и они осторожно опустили его вниз. Так вдвоём, уже в вечерних сумерках, они и похоронили Иосифа

ГЛАВА 21.

Рождество с 6 на 7 января 1945 года

Ленивое утро, нехотя, занималось над холмами и лощиной, где притулилась маленькая деревенька в несколько домов, по-местному, фольварк. Новый год, как запруда на реке, сильно замедлил течение времени, и оно, так и не успев разогнаться, продолжало неспешно течь, не срываясь в водопады и бурную стремнину.

Большая часть солдат батареи провела эту предрождественскую ночь в тепле домов фольварка. Те, которым не повезло, вместе со старшим лейтенантом Роговым мерзли в землянках на оружейных позициях. Ефим с утра пробежался по батарейным позициям, проверил связь с командным и наблюдательными пунктами батареи, связался со штабом полка – связь работала нормально. Артиллеристы успели позавтракать и занимались хозяйственными делами, которых во фронтовой жизни всегда невпроворот.

Когда комбат вышел на большой замощённый двор, Колька чистил лошадь, рядом крутился же-

ребенок. Он настойчиво и бестолково тыкался снизу головой в живот Майки, пытаясь дотянуться губами до сосцов, но сосать было уже нечего, и Майка осторожно головой отодвигала жеребенка. Вся эта возня матери с дитём сильно мешала Кольке, он беззлобно ворчал, но продолжал методично скребком оглаживать бока и круп лошади.

Солдаты кололи дрова, перетаскивали их в сарай, куда теперь, после гибели старого повара, переместили кухню. Туда же носили из подвала ведрами последнюю немецкую картошку, весь запас которой за несколько дней ушел на батарейное питание.

Абрамов колол дрова на невысокой толстой плашке, со всех сторон заваленной напиленными загодя чурками. Колол он неспешно, не во всю силу, сдерживая и соизмеряя силу удара с сучковатостью полена. Комбат, энергично размяв плечи, забрал у него топор и сам стал колоть дрова. Колол он на силу, лихо. Удар наносил с отяжкой, шумно выдыхая воздух. Топор, расколов полено, по инерции глубоко всаживался в плашку и его приходилось вытаскивать, несколько раз ударяя по оконечности топорика. Поленья и щепки разлетались далеко, и солдатам приходилось их собирать по всему двору. Колька посмеивался, глядя на эту бравату:

– Ефим, наш комбат, видать, без насады ничего делать не может: что воевать, что любить, что дрова колоть. Всё через силу, всё на пределе.

– Ну да, горяч он с излишком, но голова у него светлая, поэтому всё и ладится, – Ефим дружески оправдывал капитана.

Вскоре, всего минут через пять, не больше, натешившись своим молодечеством, комбат вернул топор Абрамову и отошел подальше от гомонящих солдат. Ветра по низу двора не чувствовалось, но по небу резво плыли белые облачка, они стягивались в небольшую тучу, в ней не было свинцовой тяжести грозowych туч, а только роящийся седой туман, сбитый в кучу неведомой силой. Этого оказалось достаточно для рождения из белой тучи еще более белого снега. Он падал плавно, не подгоняемый ветром, а только по своему желанию, кружил и опускался на землю, на красную черепицу домов, на кусты и деревья, на головы и плечи солдат. Снежинки, не колкие и колючие, а мягкие и нежные, как губы лошади, прикасающиеся к ладони, казавшиеся тяжелыми в воздухе, опускались на кожу, становились невесомы.

«Тяжесть и невесомость, страдание и счастье. Одно через мгновение оборачивается другим, – раздумывал Марк, стоя в углу двора, запрокинув голову вверх, и снежинки ложились на его лицо, тут же превращаясь в талые капельки зимней росы. – Как хорошо сегодня, какое равновесие в природе и душе. Всё страшное потихоньку заканчивается, остаётся позади».

Завтра он проводит Веру в Москву, и оставшиеся месяцы до рождения ребёнка она проведёт у родителей в покое и под присмотром. Он оформил на неё офицерский аттестат, так что питание у неё и малыша будет хорошее. Да и ему будет спокойнее: беременная жена на фронте – дело тяжёлое. Всё устроится и на смену мучительным годам, придёт новая счастливая жизнь, в которой не будет блуждающей рядом смерти, и не будет каждодневной необходимости убивать самому. «Будет просто жизнь», – Марк прикрыл глаза. И то ли почудилось, то ли на самом деле в небе появилась радуга. Не хотелось ни открывать глаз, ни двигаться, чтобы не прервать этого случайного, но такого счастливого состояния. Ему показалось, что пространство наполняется каким-то посторонним, свистящим, режущим воздух звуком. Больше он ничего не услышал и не почувствовал, только на многоцветье радуги в его глазах стремительно накатилась алая пелена.

Тяжелый гаубичный снаряд разорвался в центре двора. Всем заложило уши, окатило комьями мерзлой земли и камнями. Колька, стоявший за лошадью, телом своим ощутил, как она дёрнулась и стала медленно оседать, заваливаясь на левый бок, придавливая его. Он уперся в лошадиный бок, медленно отступая назад, к стене, пытаясь придержать падение Майки. Но тяжесть была велика, и лошадь завалилась ему на ноги, обнажив обширную рану от осколка, вспоровшего всю правую сторону живота. Колька остался невредим, весь плотный поток осколков приняла в свое широкое тело лошадь.

Солдаты, запоздало попадавшие на землю, теперь медленно поднимались, ошарашено оглядывали двор, ощупывали себя, отряхивали шинели. Им повезло – живы, хоть слегка контуженные от мощного взрыва, но живые – они и не могли поверить в это. Все остались целы, только Майка лежала на боку, с вывалившимися наружу кишками, обессилена похрапывала, беспомощно дергая задними ногами и головой.

Перепуганный жеребенок носился по кругу, перепрыгивая через что-то, лежавшее в самом дальнем углу двора, тревожно, не переставая, ржал. Колька продолжал растерянно топтаться возле лошади, впервые не зная, чем помочь ей. Тем временем Ефим побежал в угол двора, посмотреть, что там такое чернеет. На снегу лежало обезглавленное тело комбата, плавающее в огромном кровавом пятне. Поражённый, он какое-то время сидел на корточках у тела, затем крикнул:

– Давай санинструктора сюда, срочно! Ребята, комбата убило, несите плащ палатку.

Подбежали солдаты и санинструктор Фомина Наталья. Снег не мог впитать всей вытекшей крови, и теперь она прямо на глазах сворачивалась,

превращаясь в тяжелые сгустки. Наталья несколько секунд очумело смотрела на обезглавленное тело и стала заваливаться на бок в глубоком обмороке. Солдаты подтащили её к дому и оставили сидеть, прислонив к стене спиной.

Головы поблизости от тела не нашли, Ефим прошел вдоль стены сарая и увидел голову Марка, лежавшую на затылке, лицом вверх с открытыми глазами. Рядом валялся большой окровавленный осколок снаряда с острой рваной гранью, который на излёте ударившись в стену, оставил на ней глубокую щербину. Нести голову комбата в руках Ефим не решился, пошёл за какой-нибудь подходящей ёмкостью к старшине. Тот раздумчиво стоял у издыхающей лошади, наблюдал за батарейным разором, случившимся неожиданно, как шторм на застойном озере. Там же, расталкивая всех, гонющийся сержант Романенко. Когда Ефим подошел, он кричал на Кольку:

– Чивик, что ты битый час стоишь над своей скотиной. Тут комбата убило, а ты развел сопли вокруг старой клячи. Прирежь её, и дело с концом, – сержант зло пнул лошадь ногой в бок, отчего она судорожно дернулась, перешагнув через нее, наступив сапогом на вывалившиеся кишки, и спокойно направился к кухне. Взбешённый Колька кинулся за огромным Романенко, опрокинул его на землю, дважды ударил по голове тяжёлой каской, которая неизвестно как оказалась у него в руке, и стал душить. Почти оглушённый сержант, несмотря на всю свою грубую силу, не мог отбиться от Кольки и уже тяжело, предсмертно хрипел в его руках, сжимавших горло. Колька дико рычал и добавил бы до конца, если бы в последний момент Ефим с Абрамовым не оттащили обезумевшего Кольку от Романенко. Тот перевернулся, стал на колени, долго отхаркивался, держась за горло и отплеывая кровавую слизь, затем тяжело встал и, качаясь как пьяный, пошёл в дом.

Лошадь всё ещё билась в затихающих судорогах. Старшина вынес и отдал Ефиму плащ-палатку, две простыни и большое немецкое серебряное блюдо. После, приобнял обессилившего Кольку, отвел его в сторону, о чём-то с ним пошептался, затем воротился и, наклонившись к морде лошади, вложил ей в ухо маленький блестящий пистолетик. Раздался хлопок, Майка дернулась ещё раз и теперь уже окончательно затихла. Колька со стоном сел, привалившись спиной к стене, плечи его беззвучно содрогались. Не стесняясь, он совсем по-детски растирал по лицу грязными дрожащими руками слёзы.

Вместе с Абрамовым Ефим завернул тело комбата в плащ-палатку. Мундир офицера насквозь пропитался кровью, поэтому его голову, совершенно чистую и не обезображенную взрывом, солдаты отдельно положили на блюдо и туго обмотали белыми простынями. К этому времени с команд-

ного пункта батареи прибежал старший лейтенант Рогов. Долго решали, что делать дальше.

Ефим, знавший о личной жизни комбата больше других, предложил просить у командира полка разрешения отвезти тело в Шталлупенен и там его похоронить. Тогда жена комбата Маргарита, об отъезде которой санитарным поездом в Москву 8 января он знал, успела бы с ним проститься. Рогов согласился и отправился с Ефимом на пункт связи. Полковника вызвонили быстро, доложили о несчастье. Батя, ценивший Марка едва ли не больше всех других командиров батарей, страшно опечалился, узнав о его гибели. Получив у вышестоящего начальства согласие на захоронение гвардии капитана Марка Каневского в Шталлупенене, полковник дал команду возить тело комбата в городок, выделил полковую машину и штабного офицера. От батареи вызвались сопровождать тело капитана Ефим с Колькой. В дорогу отправились немедленно.

Солдаты ехали в тряском кузове грузовика, тело комбата, завернутое в плащ-палатку, лежало у их ног на разложенном по дну кузова еловом лапнике. Блюдо с отсечённой головой Ефим держал на коленях, прижимая к груди. Война и есть война, берёт своё даже там, где ею последние месяцы и не пахло – всё одно дотянется. Откуда прилетел снаряд этот, кто подарочек такой направил их батарее: немец – умелый артиллерист хитро рассчитал и пустил не дрогнувшей рукой; русский – безбашенный гаубичник, засветивший тяжёлый снаряд в никуда, да попавший не пальцем в небо, а прямо в своего брата-артиллериста, а, может, и тот, кто с самого верха смотрит на землю и раздаёт всем сёстрам по серьгам, но каждой свою серьгу. Кто мог подумать три часа назад, что повезут они в грузовике своего комбата к жене – по раздельности тело и голову? Что за знак такой даден им, почему именно комбат, чем прогневал он провидение? Как война выбирает своих жертвенных нукеров?

Дорога пошла ямами да ухабами, в кузове бросать стало от борта до борта. Ефим передал голову комбата Кольке, а сам пытался придерживать тело, подпрыгивающее на ухабах – ничего не получалось. Пришлось ему стать на колени, потом вовсе лечь и прижать тело к себе. Пока проехали изломленную часть дороги, все колени Ефима сбились в кровь.

Засветло они подъехали к дому Маргариты, в квартиру отправили Ефима. Маргарита собирала вещи, готовилась к завтрашнему отъезду. Увидев на пороге сержанта, она совсем не удивилась, Ефим частенько сопровождал комбата, который как раз сегодня собирался приехать на её проводы. Ефим столбом стоял в дверях, не решаясь перешагнуть через порог.

– Что ты топчешься, проходи быстрее в комнату.

Ефим молчал, уставившись в пол. Маргарита поняла, случилось что-то страшное. Оттолкнув сержанта, кинулась во двор к машине. Сержант, хромя, бежал следом.

– Марк, Марк. Что случилось, ответь? Ты где?

Колька, ожидавший у машины, раскинул руки, словно пытался поймать в сети, летевшую к машине птицу. Он обхватил Маргариту, что-то говорил ей, пытаясь успокоить.

– Покажите мне его, он здесь, в машине? Он здесь? Марк!

Солдаты опустили задний борт машины, откинули брезентовый полог. Там на еловых ветках лежало тело капитана, рядом блюдо, затянутое белыми простынями.

– Что это такое, – чтобы не упасть, Маргарита прислонилась к машине, – что это такое, Ефим.

– Товарищ лейтенант медицинской службы, убили сегодня комбата, голову ему отсекло большим осколком снаряда. Там на блюде голова его завернутая. Решили возить его к Вам, проститься. Батя договорился с начальником артиллерии здесь похоронить, в Шталлупенене.

Теряя сознание, Маргарита медленно сползла на снег. Солдаты кинулись к ней, пытались привести в чувство. Она открыла глаза, зачерпнула снега в ладонь, растёрла лоб и щёки.

– Подсадите меня в кузов.

Солдаты подставили руки. В машине она развязала бечёвку, распахнула плащ палатку, перед её глазами лежало обезглавленное тело возлюбленного. На торс капитана надели чистый китель, но страшен был вид тела с отсечённой по плечи шеей. Маргарита закрыла глаза рукой и оставалась над телом с минуту, запахнула плащ палатку и бережно-бережно перевязала её бечевкой. Затем она стала на колени перед белым коконом, в котором на огромном блюде лежала голова её Марка. Передвинула кокон к краю кузова, солдаты помогли ей аккуратно сойти с машины. Понимая всю чудовищность ситуации, сделав над собой усилие, она попросила:

– Ребята, оставьте голову капитана у меня, утром заберёте, похороните завтра вместе с телом. Помогите мне занести её в дом.

Солдаты, ошарашенные такой просьбой, занесли голову комбата в квартиру, спешно распрощались. Тело отвезли в морг госпиталя, где служила Маргарита, там же госпитальные устроили солдат на ночлег.

ГЛАВА 22.

7 - 8 января 1945 года. Шталлупенен

Дверь захлопнулась. Она прижалась спиной к стене, и долго смотрела, как колышется оконная занавеска, подхваченная воздушным потоком. Ко-

лхание становилось всё меньше и меньше, затихало, пока наконец не замерло вовсе. Женщина сделала пару шагов к столу и этого оказалось достаточно, чтобы задышал воздух, по занавеске пробежала дрожь, и она снова пришла в движение, будто ожило то, что уже схоронили, но схоронили поспешно, не разглядев признаков ещё не ушедшей жизни. Маргарита уже не видела этого всплеска. Всё её внимание теперь сосредоточилось на огромном белом свёртке, лежащем на столе. Она дрожала, не решаясь притронуться к нему, но и отказать от того, чтобы развернуть простыни не могла.

Стемнело, Рита зажгла керосиновую лампу. Узел поддался не сразу, сильно затянули его служивые. Она развернула простыни, на серебряном блюде, опираясь на подбородок, не лежала, а вертикально стояла голова Марка. Простыни были в запёкшейся крови, но лоб, щёки, нос, волосы, рот, уши всё было чистым и невредимым, только на губе запеклась кровинка. А глаза, его глаза, смотрели в упор, прямо на неё.

Стоять долго у стола она не могла, да и смотреть на голову сверху вниз не хотела. Маргарита села на стул прямо перед головой Марка, теперь ей казалось, что он тоже сидит за столом, опустив голову на руки, смотрит на неё в упор и готов слушать и говорить с ней.

– Марк, как я боялась уезжать с фронта, оставлять тебя на войне одного. Ощущала тревогу, сама не понимая почему, но чувствовала опасность. А беда случилась сразу, ещё до моего отъезда. Как же так, ведь ты говорил, что ничего с тобой не случится. Что ты живёшь внутри этой войны, ты сам – плоть и кровь её. Ты сын войны, а матери, даже самые злые и никудышные матери, не губят своих сыновей. Ты же всё это понимал, говорил мне об этом и пропал в этом кровавом месиве. Как теперь, после твоей смерти, мне не пропасть? Как нам не пропасть? Твой ребёнок во мне, может, это сын – твоё продолжение.

Завтра мне уезжать, и я так ждала тебя сегодня. И ты не опоздал, приехал ко мне, как и обещал. Но как, каким ты приехал? Какое безумие, господи, как же это возможно! Прости меня, мне нельзя было решаться на отъезд, я сама запустила жернова этого безжалостного механизма, сама нажала на спусковой крючок этим своим решением – сбежать от войны в мирную жизнь, а тебя оставить здесь. Но для войны это невозможно, она не выдержала этого и убила тебя. Ты не мог быть на этой войне один, равновесие нарушилось бы моим отъездом, и война уравнивала состояние, убив тебя. Мы могли либо уехать вместе, либо вдвоём остаться на войне. Что я могла сделать, что я должна была сделать? Остаться здесь? Настоять на своём, и родить нашего ребёнка в госпитале? Я могла, могла настоять. Прости меня, Марк.

Но как, как ты мог позволить убить себя! Кто убил тебя? Ты, смысл жизни которого – война, ты, понимавший каждое движение войны, каждый её вздох. Тебя не мог убить враг, ты не позволил бы это сделать врагу. Значит тебя убил сам Бог войны. Кто он нынче – этот Бог войны, кто он в нашем веке? У древних римлян Марс олицетворял войну. А кто сейчас? Нет, не Марс, и даже не мужчина. Отяжелевшая от крови и грехов баба, прокручивающая в грохочущей мясорубке своей адовой кухни людское мясо и кости. Постаревшая потаскуха, которой офицер не должен верить, как влюблённому нельзя верить старой шлюхе. Она приручала твою душу, а потом убила тебя. Ты думал война – мать тебе, я опасалась, что она любовница тебе, а оказалась – старая пропойца. Что же ты наделал, милый мой!

Рита тяжело поднялась со стула, взяла марлевую тряпочку, смочила её водой и бережно отёрла кровь с губ Марка.

– Дорогой мой, наступила наша последняя ночь, утром ты уйдёшь от меня, и на станцию я отправлюсь одна. А через двое суток сойду с поезда на Белорусском вокзале, куда мы мечтали приехать вместе. Милый, ты останешься лежать здесь, в этом немецком городке, а я буду жить далеко, в Москве. Буду гулять в парке с коляской, потом, держа за руку нашего малыша. А ты будешь лежать здесь. В чужой земле. В московском парке будет играть музыка, и пары будут кружить в танце под «Рио Риту». Помнишь, мы танцевали в Вильнюсе, и ты пел мне:

Fur dich, Rio Rita,
Всё для тебя, моя Рита,
Для тебя, моя прекрасная сеньорита.

Fur dich, Rio Rita,
Klingt meine Serenada in der Nacht.

Для тебя, Рио Рита,
Звучит в ночи моя серенада.

Господи, и песня то на немецком языке. Прости меня, Марк, но ты сам пел так. Сегодня я прощаюсь с тобой, мой возлюбленный. Буду до утра кружить здесь перед тобой, под твою песню и мы будем говорить. В последний раз, пока ты здесь со мной. Я верю, ты видишь и слышишь меня. Ты ещё не ушёл. Ты рядом со мной. Эта твоя песня бесконечна, помнишь, мы танцевали под неё всю ночь, и она промелькнула в одно мгновение, июльская ночь в Вильнюсе коротка. Так непривычно делать эти испанские шаги одной, не опираясь на твою руку. Смотри на меня, милый. Смотри. Я кружусь в нашем танце, в этом танце с таким странным названием «Пасодобль».

Рита кружила и кружила в танце, тёмная глупина ночи уже разбавилась начальной серостью утра, когда она упала на стул, сбросила с ног туфли, снова поднялась и теперь танцевала босиком, сбрасывая с себя одежду. Но теперь танец был другим, древним, ритуальным, обрядовым, языческим. Она снимала с себя одежду пока не оказалась совершенно обнажённой.

– Возлюбленный мой, невинная Саломея танцевала, чтобы получить в награду голову Крестителя. Если бы знать такой танец, который мог бы воссоединить твоё тело и голову, вернуть тебя к жизни, если бы только знать такой танец, я бы танцевала его бесконечно перед кем угодно. Прости меня, любимый мой, прости.

Она танцевала, прекрасная, ещё не отяжелевшая от плода, который носила в себе. Живот её едва округлился и грудь только наливалась соком, бёдра же оставались узкими. Угловатость от фронтовой худобы, смягчилась плавность линий женского тела. Она танцевала и почти в беспомысленности шептала какие-то заклинания. Она не знала этих магических заклинаний. Слова, восклицания, ритмы сами возникали в её голове, и она выплёскивала их из себя в небо, надеясь, что кто-то услышит их там, высоко.

В госпитале жизнь начинается рано. В шесть утра Ефим с Колькой уже помогли женщинам на кухне, заодно там и подхарчились. Затем Ефим пошёл к дому Маргариты, в окне её квартиры горел тусклый свет, занавески оставались не задёрнутыми, и причудливые тени плясали там, за окном. Ефим полез посмотреть, упёр обрезок доски в стенку, встал на неё, заглядывая в комнату через окно. В глубине комнаты, у дальней стены, в странном танце двигалась Маргарита. Совершенно обнажённая она танцевала перед головой комбата, стоящей на столе. Поражённый заволаживающим, странным танцем обнажённой женщины перед усечённой головой своего командира, Ефим забыл обо всём, потерял равновесие, доска под сержантом накренилась, он свалился на землю, вскочил и встревоженный помчался в госпиталь к Кольке. Нашёл его всё там же, на кухне, переставляющим чаны с водой. Оттащил в сторону, шёпотом рассказал об увиденном.

– Колька, она танцует перед мёртвой головой комбата какой-то обрядовый танец и говорит с ней, она совершенно голая. Она с ума сходит, что делать?

– А что делать ей? Ты подумай, что ей делать? Надо выкрикаться, выплакать свою боль. А как сбросить с себя эту страшную тяжесть? Каждый по-своему, бывает и с ума сходят бабы от такого. Но ведь Маргарита ждёт ребёнка от капитана, а это для неё и памяти о муже – теперь главное. Ребёнок удержит её от отчаяния, это надёжная основа жизни для неё. Не бойся, сбросит она в эту ночь

свой страшный груз. И будет жить. Жить для их ребёнка и памяти о своём капитане. Женщины устойчивей мужчин, они по природе своей сильнее укорены в естество жизни. Пусть Маргарита танцует свой прощальный танец, часам к десяти пойдём к ней, заберём голову. А ей уже пора будет отправляться на станцию. Всё установится, такая жизнь, – Колька снова принялся таскать тяжёлые чаны, помогая госпитальным поварихам.

На рассвете силы оставили Риту, теряя сознание, она опустилась на дощатый пол. Ненадолго потеряла сознание, вскоре очнулась с мокрым от слёз лицом и влажными волосами. Деловито собрала разбросанные вещи, оделась. Поцеловала голову Марка в лоб, легко коснулась пальцами его губ, бережно завернула голову и поднос в простыни. Она быстро уложила вещи в чемодан, приготовленную в дорогу еду – в заплечный вещмешок. Решила, что хоронить Марка не пойдёт – не хотела видеть она, как тело мужа опускают в землю, не приняла душа её этой гибели, а похороны утверждали факт смерти. Да, и санитарный поезд не мог задержаться даже на минуту.

Вскоре пришли солдаты, Маргарита открыла дверь, отдала блюдо с головой Марка, плотно перевязанное простынями. Ефиму велела подробно описать ей в письме место, где похоронят капитана. Адрес написала ему на фотокарточке, на которую они снялись с Марком в прошлом сентябре. Карточек таких напечатали две и всё равно она жалела отдавать, но знала, что так адрес у сержанта не затеряется, уж если останется жив, то карточку сбережёт. Когда солдаты ушли, она не выдержала, расплакалась. Расплакалась от горя утраты, от того, что уходит часть её жизни, может, самая главная её часть – её молодость. И заканчивается она трагически.

ГЛАВА 23.

31.12.1944 – 13.01.1945. Шталлупенен

Давно Штабной не испытывал такого прилива сил и оптимизма, как в последние дни 1944 года. Энергия переполняла его, всё хотелось сделать, как можно лучше, довести до логического завершения каждую, даже совсем локальную операцию, запланированную им на начальной стадии решительного фронтового наступления. После возвращения в штаб фронта из поездки на кладбище Вальдаукадель, где лежал его брат Юрий (теперь он верно знал это), Штабной работал неутомимо, особое просветление снизошло на него. Он корректировал, доводил планы наступлений частей, предощущая действия противника, выбирая самые эффективные варианты ударов, фланговых обхватов, тактических отходов и окружений противника.

Штабной вынырнул из работы только вечером, Новый год наскочил на него, как курьерский скорый поезд. Он сложил карты, бумаги, прошёлся по соседним кабинетам. Почти все офицеры уже закончили работу и спустились вниз, где хозяйственники штаба накрыли большой стол. По случаю праздника выставили несколько бутылок водки. За стол никто не садился, ждали начальника штаба генерала-полковника Покровского. Чтобы не толкаться у стола Штабной, занятый своими мыслями, пристроился в углу обеденного зала. Офицеры, разбившись на группы, оживлённо разговаривали, а ему вспомнилось, как он встречал новогоднюю полночь с 1914 на 1915 год.

Во второй половине декабря некоторые части 27 дивизии вывели на отдых, в резерв. Стояли они в Роминтенской пуще. В том самом посёлке Гросс Роминтен, в который он недавно наезжал, километрах в двадцати от тогдашней линии фронта. Солдаты и офицеры отдыхали, помаленьку баловались охотой в угодьях, где традиционно охотились германские кайзеры и прусские короли. Орловцев в этих забавах не участвовал, его дни и в резерве заполнялись множеством служебных забот. Но, когда офицерам в очередь предложили короткие отпуска, буквально на два-три дня для поездки в Вильно, загорелся идеей поехать, пообещав, что к новогодней полночи вернётся в часть.

Железная дорога работала исправно, от Тольмингкемена до Вильно с одной пересадкой Штабной добрался за полдня, и к вечеру 29 декабря уже шагнул по Вильно от вокзала к своей военной квартире. С его же поезда сняли множество раненых, и по улицам тянулись конные подводы, да и просто санитары на носилках несли раненых к ближайшим лазаретам.

Вместо всегда шумного и колоритного Вильно, Орловцев увидел строгий прифронтовой город, где на месте заполненных беззаботной нарядной публикой увеселительных заведений, то тут то там разместили военные госпитали, лазареты красного креста, аптечные склады и пункты. Множество раненных солдат и офицеров встречались ему на улицах города, а горожане к вечеру с улиц исчезли вовсе, сидели по домам, да и гулять по заснеженным, совсем не освещённым улицам желания не возникало.

В его холостяцкой офицерской квартире холод смешался с пылью, пришлось просить хозяйку доходного дома, в котором он квартировал, протопить комнату и сделать уборку. Сам он, тем временем, отправился на главпочтамт, в надежде получить письма от Веры и родителей. Так и случилось: до востребования его ждали два Вериних письма, одно давнее, зато другое совсем свежее, и целая пачка писем от мамы из тверского имения, где они в этот раз остались зимовать. Решив родительские

письма читать вечером в своей квартире, Орловцев тут же на почте распечатал свежее письмо от Веры – и удача – Вера писала, что на Новый год приедет к родителям в Петербург. Адрес их Орловцев знал, и тут же на почтамте отбил Вере телеграмму с поздравлениями и признаниями в любви. Наверное, это и стало самым важным событием той давней поездки в Вильно. В родительских письмах его тронуло множество забавных случаев, описанных мамой, но главное, что следовало из писем, что все они в здравии и в порядке.

Следующий день в Вильно пролетел мгновенно, Орловцев навестил раненных однополчан, вернувшихся по домам из госпиталей, и семью сослуживца, который дал ему твёрдое поручение посетить родных. Он пришёл в себя уже на обратном пути, в поезде, шедшем на Шталлупенен. Дальше ходили только военные составы, и на станциях командовали русские военные инженеры или мобилизованные железнодорожные служащие в младших офицерских званиях. Один из них и посадил Орловцева на военный состав, шедший до Тольмингкемена. Около 10 вечера 31 декабря он, вместе с другими офицерами полка сошёл на вокзал старого прусского посёлка. Ночь выстелила Роминтенскую пущу белым пушистым одеялом, высланный за офицерами полковой разъезд стоял у маленькой вокзальной площади, засыпанный толстым слоем снега. Офицеры уселись в сани, лошади встряхнулись, сбросив с себя снежное облако, рысью пошли по уже знакомой дороге в Гросс Роминтен, где их ждали в штабе полка.

За полчаса до полуночи Орловцев вошёл в залу столовой, там уже собрались полковые офицеры. Поднимали тосты за офицеров полка, молитвой помянули погибших. А таких в полку случилось не мало. Дальше пошли воспоминания о боях, о трагических и комических эпизодах компании, затем застолье перешло в дружескую беседу, разбившую офицеров на несколько компаний. Орловцев, уловив минуту, передал командиру роты письма и посылки от родных из Вильно, после чего одним из первых отправился спать.

На утро полк выстроился у штаба, солдатам по всем ротам роздали привезённые подарки, служивые трижды лихо прокричали «ура». Так закончились для Орловцева первые полгода Великой войны, неразрывно связанные с действиями в Восточной Пруссии частей 27-й дивизии генерала Адарида. Уже через неделю Орловцева отозвали в Петербург, а многие из однополчан его, оставшихся тогда в Восточной Пруссии, пали в боях или попали в германский плен в начале февраля 1915 года и снова всё в тех же проклятых прусско-мазурских лесах от Гольдапа до Августова. В следующий раз в этих краях Штабной оказался только через тридцать лет, оказался здесь с другой русской, но более организованной и решительной,

нечеловеческой силой. Память же о тех последних днях четырнадцатого года оставалась в нём живой.

Тем временем раздалась команда: «Товарищи офицеры!» Все вытянулись, как по команде смирно, приветствуя генерал-полковника Покровского. Генерал пригласил всех к столу, провозгласил первый тост за товарища Сталина, государство рабочих и крестьян и Красную армию. Выпили дружно. После чего начальник штаба извинился и быстро покинул собрание штабных офицеров, направившись в особняк, где разместились командующий фронтом и его заместители. Оставшись без главного начальника, офицеры почувствовали свободу, выпивали и закусывали без оглядки на начальников. Орловцев ел и выпивал умеренно, сидел тихо на дальнем краю стола, изредка перебрасывался короткими фразами с соседями. Сзади неслышно, кошачьим шагом, подошёл подполковник, один из заместителей генерала Алёшина – начальника отдела разведки фронта. Согнав офицера с соседнего стула, уселся сам и, посмеиваясь, стал расспрашивать Орловцева о недавнем его выезде в Кибартай. Штабной не терпел подобных частных разговоров с особистами, обычно он сам заходил в разведотдел за информацией или согласованиями. Но такие неофициальные заходы старших офицеров отдела не сулили ничего хорошего и заставляли нервничать. Однако в этот раз Штабной оставался уверенным, спокойно ответил, что ездил туда по задачам оперативного управления штаба.

– А зачем заходили там в церковь, с кем там встречались? – разговор начал походить на допрос, хотелось послать наглеца вместе с его топтунами к чертям собачьим, однако Штабной сдержался.

– Ни с кем в церкви я не встречался, храм тамошний давно не работает, священника немцы угнали в Германию. А заходил я туда свечку поставить в память о брате погибшем, – Орловцев, не дрогнув, смотрел особисту прямо в глаза, и столько внутренней правоты и уверенности звенело в его голосе, что подполковник утратил всякий интерес к дальнейшему разговору и незаметно исчез.

В Кибартай Штабной ездил пару дней назад по заданию оперативного управления штаба фронта. Ничего особенного короткая командировка не представляла, рядовой выезд. Кроме того, что он оказался там, где 12 сентября 1914 года в госпитале узнал от раненого прапорщика о гибели брата. Городок тогда они называли Вержболово, по названию последней русской железнодорожной станции на пути в Германию.

Орловцев легко нашёл здание бывшего госпиталя. Вспомнил, как тогда, тридцать лет назад, до вечера бесцельно бродил, раздавленный страшным

известием о смерти брата, по улицам городка, пока не уткнулся в храм. Служба закончилась, но через открытые двери виднелись люди. Он вспомнил, как зашёл внутрь, никто его тогда не заметил или намеренно не обратил внимание. Машинально при входе взял свечку и прошёл к образу Девы Марии. Он помнил, что долго стоял перед иконой, благо рядом никого, пока в нём не зазвучал низкий грудной женский голос: «Через тридцать лет ты вернёшься в эти края, на свою Голгофу, а в самый канун Нового года снова придёшь сюда, ко мне...» – Орловцев тогда испугался, не сходит ли он с ума, а дальше прозвучало что-то очень для него важное, но что – восстановить он никак не мог, будто пелена накрыла его память. Затем священник отец Александр Боярский вернул его к жизни своим отеческим словом.

Орловцев направился к Храму, разыскал здание быстро, но нынче стоял Храм разорённый. Входные двери валялись, сорванные с петель, внутри – мусор и темень – то, что осталось после склада, размещённого в церкви во время немецкой оккупации. Но благо, фонарик у Орловцева всегда при себе, он вошёл внутрь, прошёл вдоль стен, подсвечивая себе фонариком, пытаясь вспомнить, в каком месте тогда ставил свечку перед иконой и вроде нашупал это место. В углу в мусоре нашёл обломок свечи, приладил её на выступе стены и зажгёт. Стоял долго, пока свечка не догорела. Но голос так и не прозвучал. Вспомнил только, что в прошлый раз сказала Дева, что взойдёт он на свою Голгофу ровно через половину лунного месяца после возвращения к ней.

Все последующие дни Орловцев занимался согласованием действий частей фронта на начальной фазе наступления. Дело это, кропотливое и ответственное, похожее на разыгрывание вслепую шахматной партии, интеллектуального напряжения требовало огромного. Быстро засыпать после этого не получалось, и Орловцев до рассвета раздумывал о двух главных трагических событиях века, ставших главными и в его судьбе. Две великих войны, впитавших всю его жизнь, как губка впитывает кровь на разделочной доске мясника. Он совершенно точно знал, что до начала лета война закончится, закончится полным разгромом, катастрофой Германии, тотальным разрушением её исторических столиц, которые он так любил в юности. Но рушилось что-то ещё большее, чем государства и города. Но что может быть большим? Разве что крушение мировых цивилизаций. После первой Великой войны рухнули Австро-Венгрия и империя Османов. Окончательно сошла с великой орбиты и Франция, не выдержав долгого травматического шока Марны и Вердена, утратив всемирную значимость языка, лишившись духа и воли к сопротивлению в самом начале нынешней войны. Рейх

удержался, но удержался страшной ценой, продажей своей романтической и одновременно философической немецкой души фашиствующей массе. А какой ценой удержалась Россия, ещё и сейчас не понятно? Выиграла только англо-саксонская цивилизация. А нынешняя война приведёт к концу немецкой цивилизации? Сужение великой немецкой культуры и великого языка до границ государства – это и станет концом немецкой цивилизации, как мировой. Хотел ли он этого краха? Конечно нет, ведь русская и немецкая культуры сформировали его. Но случилось так, что для спасения его Родины должна быть повержена Германия, и для этого он отдаёт весь свой ум, весь опыт, жизнь свою отдаёт. А что случится с русской цивилизацией после войны и к концу 20 века? Дальше размышлять об этом Орловцев не мог, вставал не выспавшись, и снова возился со своими картами и планами.

Двенадцатого января, накануне старого Нового года – как ни странно, но память об этом празднике прочно сидела в голове у Штабного – начальнику штаба фронта потребовалось сделать срочные уточнения по выходу частей 11-й и 5-й армий на Инстербург. Штабной засел за карты и документы вечером и проработал всю ночь. К шести утра 13 января он закончил корректировку, операция складывалась безупречно. Завершая работу, красным карандашом на карте он обвёл название «Insterburg» жирной окружностью, рядом написал планируемую дату взятия города – 22 января. Оставалось ещё больше двух часов до начала совещания, для которого Штабной и уточнял план операции, и потратить это время следовало для сна. Он устроился за столом поудобней, голову опустил на руки, лежащие на столе, и быстро заснул.

Хорошо спалось Орловцеву. Во сне он чувствовал себя молодым, лёгким. Он шёл по улицам маленького города, по старыми, узенькими улочками. Город горел, а он спокойно гулял между пылающими домами. Он шёл по улице к рыночной площади. Постепенно он узнавал этот город. Бывал в нём когда-то давно. На рыночной площади его осенило: старая кирха, площадь, замощённая брусчаткой, здесь проходил их парад. Он узнал этот город – горел Инстербург. Навстречу ему от магазина-салона перчаток фрау Мари Бродовски шла изысканно-строгая сестра милосердия, держа за руку молодого, высокого мужчину явно похожего на Орловцева. Она держала его за руку так, как матери держат трёхлетних сыновей. Это их сын:

– Сынок, сынок иди ко мне, – закричал Орловцев. Нет ответа, он подошёл ближе к ним, теперь окликнул женщину:

– Вера, Вера это я, – но его не услышали и в этот раз. Они не узнают его. Им надо показать фотокарточку, где они сняты вместе с Верой. Ор-

ловцев сунул руку в карман кителя. Но карточки там не оказалось, только квитанция из фотоателье. Да ведь он тогда в суматохе отступления так и не получил фотокарточку. Немедленно забрать её. Он быстро нашёл фотоателье Лутката, дверь не заперта, но у стойки никого нет. Осмотрелся по сторонам, прямо перед ним на стене в рамке висела фотография, два русских офицера и молодая красавица. Это они с братом и Верой, это они на этой карточке. Он снял карточку со стены и помчался к Вере. На базарной площади её не нашёл, заметался по улицам. Тревожно. Сердце сжалось, болью отозвалось волнение. Нет её нигде. В отчаянии кинулся за старую кирху, к лестнице, выведившей к горбтому мосту через Анграппу. Там на мосту стояла его Вера, а внизу с дальнего берега пускали кораблики его взрослый сын и мальчишка в гимназической форме.

– Юра, Юра, ты тоже вернулся. Я всех вас нашёл, мы все встретились в этом городе, – он поднял фотографию и помахал ею, мальчишки смеялись и махали ему в ответ руками с другого берега реки, а Вера, его Вера, бросала с моста по бумажным корабликам горящие факелы, откуда-то появлявшиеся в её руках. Кораблики горели, а она бросала факелы снова и снова.

– Вера, что ты делаешь, ты же сожжёшь их, – хотел крикнуть Орловцев, но не смог.

Берега реки стали расходиться друг от друга, мост лопнул по середине. Он оставался на одной стороне реки, а они – Вера, Юра и сын его – на другой. Орловцев изо всех сил удерживал мост, ему удалось стянуть половинки, не дать разойтись берегам, теперь они вместе, они навсегда в месте.

Сладкая истома растеклась по всему телу, будто горячий маленький шар катался в его груди, шар рос, становился горячее и горячее, будто раскалённое солнце разбухало в нём и стремилось вырваться на волю. Острая боль пронзила его грудь, но он не проснулся. Орловцев и не хотел проснуться, боялся, что исчезнет этот город вместе с его близкими, как исчезли они в реальной жизни. Он изо всех сил вцепился в перила моста и ещё несколько мгновений удерживал свой сон, он ещё мог видеть Веру и ребят, горящие кораблики, плывущие по воде багровой, от зарева пожара, охватившего старинную кирху. Затем боль затопила его грудь, поднялась вверх и вспыхнула в голове ярким солнцем, наконец вырвавшимся из его тела.

Когда утром 13 января генерал Петровский открыл штабное совещание, артиллерия фронта уже в полную силу утюжила позиции противника. Тысячи орудий вели ураганный огонь по заранее намеченным целям. Огненный вал сметал первые эшелоны обороны врага. На совещании уточняли планы уже начавшейся наступательной операции, дошла очередь до выхода частей фронта к Инстер-

бургу. Генерал вызвал для короткого сообщения Орловцева. Ко всеобщему удивлению офицер на совещании отсутствовал, за ним тотчас отправили адъютанта, который вернулся через несколько минут, положил перед начальником штаба папку с бумагами и картами и, наклонившись к нему, что-то сказал. Генерал развернул карту, внимательно рассмотрел схему движения частей 11-й и 5-й армий при наступлении на Инстербург, затем явно опечаленный объявил:

– Товарищи офицеры, наш старый сослуживец капитан Орловцев скончался сегодня ночью, завершая корректировку плана операции по взятию Инстербурга. Начальник тыла, распорядитесь, пусть тело капитана передадут для хранения в морг госпиталя, хоронить Орловцева будем в Инстербурге, куда войдём 22 января, как он и планировал, а сейчас продолжим работу.

Дальше совещание шло своим чередом, обсуждали выход к рубежу Деймы и форсирование реки, взятие Тапиау и далее – выход на подступы к Кёнигсбергу. Штабные в тёплой зале немецкого особняка уточняли детали операций, а по полям Пруссии неслись потоки стальных машин, испаряющих снежное пространство и разрывающих оборону врага, сминая всё, что оказывалось у них на пути.

Отрваться, уйти от стремительно наступающих частей Красной армии не могли регулярные войска вермахта, а не то что беженцы со своим скарбом. Десятки тысяч людей, до последнего момента удерживаемые гитлеровскими гауляйтерами, а затем поднятые войной со своих мест, двигались по узким дорогам восточной Пруссии на запад. Людские ручейки сливались в потоки, заполняли дороги, образовывали заторы, людская масса выплёрскивалась за берега дорог на поля, растекалась половодьем, огибая заторы и снова возвращалась в русло дорог. Наступающая армия сметала беженцев, безжалостно сбрасывая их с дорог.

В потоке беженцев от Даркемена* на запад медленно ползло семейство Брун. В пути они были шестой день, и конца этому мучительному переходу не было. Со сборами они затаили, никак не могли распрощаться с нажитым добром, а на себе много не увезёшь. Нанятый перевозчик довёз их до станции Тремпен Инстербургской узкоколейки. Кое-как они загрузились в поезд до Даркемена, надеясь дальше пересесть на поезда, идущие в южном направлении. А там и до Алленштайна добраться – большого железнодорожного узла, и уже оттуда – на запад Германии. Однако уехать по железной дороге из Даркемена оказалось невозможно, только зря два дня потеряли. Отец семейства выкупил у кого-то из горожан тележку, на которую

они погрузили самое необходимое, бросив остальное прямо у дороги. Решили дойти до Норденбурга, где проходила большая железная дорога, а не узкоколейка, которую Петер клял на чём свет стоит. Пути – километров сорок, но все окрестные дороги заполнены людьми, бегущими от войны из окрестных деревень. Зимняя дорога тяжела, да ещё холодные ночёвки, то в сараях, то в нетопленных кирхах, хорошо один раз, увидев замерзающих девочек и сжалившись над ними, семью пустили в тёплый дом, накормили горячим флеком.

Утром они вышли к большому шоссе, на указателе до Норденбурга значилось 12 км. Брун выкатил тележку с пожитками на дорогу и решительно зашагал вперёд, увлекая за собой домашних. Даст Бог, сегодня дойдём до большой станции. Однако через километр движение снова замедлилось, огромный поток людей запрудил дорогу до краёв. Громко бранясь, Брун расталкивал бредущих людей, наезжал им на ноги, пытался их обогнать, метался из стороны в сторону, вслед неслись ругательства, пару раз он получил палкой по спине, но всё одно расталкивал своей тележкой людей, идущих впереди, увлекая за собой семью.

Около полудня откуда-то сзади донёсся гул, быстро перешедший в рёв и лязг гусениц, смешанный с криками людей. Началась паника. С боковой дороги на шоссе выскочила колонна русских танков и помчалась вперёд, разметая людской поток. Спасаясь, беженцы бросились с дороги в поле, но танкам тесно на шоссе, они съезжали с обочин по обе стороны дороги и неслись вперёд по заснеженной равнине. Брун столкнул жену и детей с дороги в канаву и дальше в поле, они чуть отбежали в сторону, остановились, ожидая его. А он всё пытался съехать в поле с тележкой, но придорожная канава мешала, в суматохе он всё искал пригодное для спуска место, замешкался и мчавшийся прямо на него танк зацепил край тележки, отбросив Бруна в поле, далеко вдоль дороги разметав весь их скарб. Он успел рассмотреть в смотровой щели танка почерневшее от копоти лицо танкиста, его горящие глаза под низко надвинутым черным шлемом. Брун страшно закричал, бросился в поле, но запутавшись в длинных полах тулупа, тут же опрокинулся в снег. Всё внутри его сжалось от ужаса, от страха за свою жизнь, несколько мгновений он лежал на спине, вглядываясь в небо, где облака сбились в тучу, готовую вот-вот разродиться снежным зарядом. Но вместо снега оттуда ударила молния, грянул гром. Ему показалось, что в просвете туч мелькнула хохочущая голова в танковом шлеме. Брун вскочил, побежал по полю вдоль дороги, истошно крича:

– Бог на небе в русском танковом шлеме, он грозит нам с нашего неба! Сегодня наш Бог – русский танкист!

*) Даркемен - г. Озёрск

Он бежал, хватая людей за одежду, расталкивая их, не разбирая пути, пока танк замыкающий колонну не зацепил его, подмял, затащив под гусеницы, и оставил за собой кровавое, размолотое месиво.

Жена и дети Бруна не видели его гибели, они ещё долго топтались у дороги, надеясь, что он вернется. Затем, отчаявшись ждать, они уложили в мешок свои пожитки, то небольшое, что удалось собрать на дороге, и, рассудив, что русские танки впереди, их уже не обогнать и идти дальше на Норденбург теперь бессмысленно, пошли обратно в Тремпен. Пошли в свой дом, решив, что лучше пить горечь оккупации дома, чем в полях и пересыльных пунктах. Лучше дома.

ЭПИЛОГ. 13 января 1945 года

Солдаты оглохли. Стреляли всеми орудиями батареи четыре часа без перерыва. Почти три тысячи выстрелов, фугасные и осколочные снаряды перепахали позиции врага в заданных батареях квадратах. К часу дня из полка пришла команда остановить стрельбу. А чего её останавливать, как раз весь запас снарядов, накопленный за два месяца и расстреляли. Осталось по одному боекомплекту на орудие, неприкосновенный запас. Приказали сниматься с позиций, грузиться и ожидать колонну полка, уже выдвинувшуюся в направлении к батарее и далее на Даркемен, через посёлки Паббельн и Вильгельмсберг*.

Срочно принялись собираться, снимать орудия, цеплять их к тягачам, а солдаты после стрельбы, ползают как пришибленные мухи. Свежеиспечённый командир батареи старший лейтенант Рогов бежит от орудия к орудию, накачивает сержантов – командиров расчётов, пытаясь ускорить сборы. Кое-как за два часа собрались, колонна батареи выстроилась в ожидании полка. Колька со своим лошадиным хозяйством расположился в самом хвосте. Под его командой осталось три лошади, которых он и запряг в трое саней. Попросил Ефима последить за лошадьми, а сам побежал к липе, где остались лежать Иосиф и Иван Павлович. Поправил могилы, постоял, поминая друзей, воротился к лошадям.

– Как думаешь, Ефим, работают в этих краях приметы на погоду? Крещение впереди, помню, как в мороз, сидя на печи, деду читал «...и принял Иисус крещение от Иоанна. Во время крещения отверзлось небо, и Дух Святой нисшёл на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе Моё

благоволение!» Тогда, мальцом ещё, я подумал, что сходит на Русь с неба Дух святой с хладом небесным, оттого и морозы на Руси крещенские. А здесь, в прусских краях, это верная примета?

– Верная примета, Колька, верная. И у тебя на Брянщине, и на Украине, и в Белоруссии, и в этих краях. Найдут сюда морозы, как раз к Крещенью.

Подъехал командир полка, и Ефима отозвали к командирской машине.

Полковая колонна тяжело выползла из-за поворота, тут же батарее объявили полную готовность к движению. Когда Ефим подбежал к машине, комбат Рогов заканчивал доклад по результатам стрельбы и готовности батареи к движению. Спокойно дослушав Рогова, полковник приказал батарее занять место вслед за замыкающей машиной полка. Пока Батя отслеживал прохождение колонны, Ефим проверял работу командирской радиации, установленной на машине. Наконец мимо них пошли орудия 2-й батареи.

– Ну вот и закончились наши восемьдесят дней на войне без войны, – полковник хлопнул Ефима по плечу. – Как там ваша батарея после гибели капитана Каневского? Справляется Рогов?

– Да, товарищ полковник, вполне справляется, но капитана нашего не хватает, все батарейцы жалуют его и вспоминают

– Да, и мне жаль его. Как сына жаль. Ты написал вдове его, как похоронили капитана? – Ефим отрицательно качнул головой. – Сержант, ты с этим не тяни, напиши быстрее и попроси её ответить, да рассказать мне потом не забудь.

Орудия батареи уже скрылись за дальним поворотом, на санях проехал Колька, рядом беззаботно прыгал резвый жеребёнок. Батя покачал головой:

– Вот вы, затейники, значит, сберегли жеребёночка. Как кормить будете его? Не сгубите?

– Нет, товарищ полковник, что-нибудь придумаем.

В этот момент последним мимо них проехал огромный Петруха Тихий на санях-розвальнях, навьюченных сеном, следом поспешала корова, привязанная к саням за рога. Батя рассмеялся:

– Теперь вижу, не пропадёт ваш жеребёнок, да и сами вы не пропадёте. Это ж надо придумать такое – корову для него завели отдельную. Сильны, чертяки.

Полк уходил всё дальше на запад, туда, где белесое небо сливалось с ещё более белой землёй. Тяжелые машины ревели далеко впереди, а перед Ефимом бежали лошади, весело размахивая хвостами, и жеребёнок на длинных упругих ногах радостно ржал и скакал по январскому снегу.

*) Паббельн - пос. Карамышево, Вильгельмсберг - пос. Яблоновка.

Леонид Бонгарь

Поздравляем нашего постоянного автора с победой на конкурсе «Лучший учитель года»!

ДВАДЦАТИЛЕТНИЕ ЛОПУХИ

Все прощались с репейной моей головой

ирокезы полыни
солнцееды пижмы
фоторепортёры борщевика
пенсионеры одуванчиков
панкушки клевера
курочка петушок

Сменил патефончик вьюнка на локаторы мака

Вот идут мальчишки, чтобы срывать нам бошки
и швырять – такая войнушка
И бешеный пёс унесёт мою голову
не в пасти, а на спине
в неизведанную страну
мимо цветущей яблони

МАЛЬЧИШНИК

Осенний стриптиз в разгаре:
Слаще нет ничего.
В баре напитки с гарью
В мутное льют стекло.

Фокусник-инквизитор
Срывает с костей наряд:
Стройных стволов открыто
Чернеют скелеты в ряд.

И ты уж изрядно датый,
Забыв, что это стрип-бар,
Танцуешь на стойке в пятнах –
И не гоу-гоу – макабр.

Фантики под резинку
Совать уже не с руки,
Макабр переходит в лезгинку,
Ночь сыпет четвертаки –

пивные крышечки, звёзды,
листву и блокнотов рвань.
Мальчишник кончился. Поздно.
А завтра в раннюю рань...

Пойдёшь целовать в соборе
(Холодном, как мавзолей)
Невесту в белом уборе
И льдинку между бровей...

СНЫ ДЕТСТВА

Какие сны!
Любимицы трамваев:
Сирень, черёмуха – ломаясь, льют весну.
Пёс провожает искры громким лаем,
И первый гром жуёт уже листву.

Мой город мал, но мир его огромен.
И буквы вывески, составленные в РИМ,
Читались снизу вверх. И в ветхом доме
Всё жило заклинанием моим.

А ночью страхи на руках качали.
И слушали молитвы два лица:
Спас Пантократор, строгий и печальный,
И зверь из шоколадного яйца.

Всё зеленело. Грохотало поле.
Мочалка неба лезла в тополя.
И обнимала, с чувством и до боли,
Отзывчивая мягкая земля.

И расчертив асфальт в узор квадрата,
Стучали солнцем августа в него.
И лето, бесконечное когда-то,
Катилось с гребня крыши под окно.

Воздушный змей стремительного детства
Влетел в девятку, как упругий мяч.

Ой, мама, спрячь, рубашки эти в клетку
И самого меня подальше спрячь
От первых неумелых поцелуев,
От выбора, вранья и от любви.

Но чаша эта сына не минует.
Спаси, спаси! Спаси и сохрани.

ВСЕПЬЯНЕЙШИЙ ДЕКАБРЬ

I
Ушёл с работы в полдень – опьянел
От солнца, света, ветра, неба, цвета
И очутился в теплом декабре,
Кружале наипьянейшего лета.

Куда ни глянь – кружится голова,
Как ни вдохни – язык ленивей газа,
И ноги непослушные едва
Меня доносят на седьмую базу.

II
Сапфировое небо – лишь стекло,
Лишь тара для прекраснейшего джина,
Сосуд для гения, приют для властелина,
Немое одноцветное кино.

И можжевеловым порывом увлечён,
 Парами унесён и зачарован,
 Я в голову впускаю лёгкий сон,
 И кочаном качу её под склон,
 И дальше без неё иду здоровый.

На небо глядя можно опьянеть,
 Знай меру, будь внимательнее впредь.

III
 А ветер купажирован весной,
 Чуть маслянистой лужей, мокрой псиной,
 Уставшим деревом и ноткой магазина,
 В котором есть подпольный разливной.

И ветер льётся сам в стакан лица
 С водой напополам. И бьёт букетом
 Под дых и в печень! Снова! Без конца!
 Пока лицо, унылей голубца,
 Не озарится наконец-то светом.

Дыханье ветра может опьянить,
 Знай меру. Но дышать – не значит пить.

IV
 А вот и дым, и креозотный дух,
 И горько-сладкий запах водоёма,
 И жажда приключений неуёмна,
 И пеной мусорной зелёный пруд набух.

Ну, просветли же оптику, не трусь!
 Всё кружится, всё крутится, всё мчится!
 Гранёный воздух стучается в грудь,
 В качанье пены растворилась грусть,
 И крылья растворяет чудо-птица.

Всё ясно: от судьбы не убежать.
 Но помни, есть закон – не понижать!

V
 ногами ватными дрожа без головы
 пьянее пьяного от встречи с этим миром
 в восторге от раскрывшейся дыры
 в моей груди и от необоримо-
 невыносимо-счастью судьбы
 не находя ни слов ни междометий
 не ставя знаков препинания и ни
 так счастливы быть могут только дети
 и пьяные от первых мук любви
 о каждый должен чувствовать на свете

VI
 «Скажи мне тот, кто сделал шаткой твердь,
 Энолог, Коносье и Виноградарь!
 Пока стою, прошу тебя ответь,
 Как в этой красоте не опьянеть?
 И как в благоговении не падать,

Когда один, всего один глоток
 Нас делает твоим до самой смерти?!»
 ...
 Возможно, он ответил.
 И не мог
 Я твёрдо устоять на шаткой тверди,
 И мысль последняя (таланта не пропьёшь!)
 Скользнула и коснулась самым краем:

Мы жадно пьём, чего Ты ни нальёшь.
 И захлебнувшись, просто умираем.

VII
 ...но я успел распробовать на вкус
 Осенний воздух с робкой нотой лета:
 Отвар вечерний как лакица густ...
 Облитый янтарём застынет куст,
 Лист-леденец истаёт до скелета.

И я услышу сиплый свист воды,
 Затикает тихонько отопленье.
 Паучьим логовом спят за окном сады,
 И яблоками красными, гляди!
 Сморгнул один, остря ветвей колени.

Всё в первый раз, и всё в последний раз,
 И всё как будто дежавю – знакомо.
 Есть только час, последний, тёплый час,
 Чтоб сделать запись в бортжурнал, о нас,
 И до весны не выходить из дома.

* * *
 Рокотала лягушачья свадьба,
 Маки огневели между шпал.
 Двадцать семь покрытых пылью стадий
 Я уже неспешно прошагал.

Обгоняли поезда, машины.
 Срок железной жизни не людской.
 Что за путь? К вершине? От вершины?
 Рвутся пути скуки городской.

Тополь поднимает грудь асфальта,
 Тишина июньская дрожит.
 Только не дано увидеть край тот,
 Что навстречу каждому спешит.

Эта жизнь не вынесет удара.
 Что ей, глупой, доводы твои?
 В лакированном гробу моей гитары
 Дом свой обустраивают муравьи.

Пусть в июньской затяжной истоме
 Стрёкот льёт кузнечиков орда.
 Будет мир таинственно огромен
 И бесчеловечен навсегда.

НОВЫЕ ГОЛОСА

Татьяна Попова

Попова Татьяна Николаевна родилась в Калининграде в 1950 году в семье художника. Стихи начала писать со школьной скамьи. Первая подборка стихов вышла в газете «Страж Балтики» в 1974 году. Занималась в литературном объединении «Горизонт» в Калининграде у Сэма Симкина и Олега Глушкина. После окончания в 1978 году театрального отделения культпросвет училища города Советска работала режиссёром народного театра в Гурьевске. В 1983 году окончила (заочно) режиссёрский факультет ЛГИК им. Н.К.Крупской. В настоящее время — педагог дополнительного образования в МБУ ДО ДЮЦ г. Гурьевска. Преподаёт актёрское мастерство в Детском театре «Фантазёры». С 2015 года член литературного объединения «Вдохновение» города Гурьевска.

КАЛИНИНГРАДСКИЕ ДОЖДИ

В краю родном есть добрая примета:
Дожди. Дожди и осенью и летом,
Зимой, весной — в любое время года
На Балтике дождливая погода.

Дождь, с наивностью ребёнка,
Острый нос совал повсюду,
Выбираясь из пелёнок
Чёрных туч, неся простуду.

И в дома стучался смело,
И в ворота бил пенальти,
И чечётку на асфальте
Так плясал, что сердце пело.

А потом с озёрной глади
В небеса наивно глядя,
Начинал он ввысь стремиться,
Чтоб опять дождём пролиться.

Очень трудно жить в застое,
Если ты чего-то стоишь.

* * *

Чем реже, тем желанней и нужней.
Чем чаще — надоедливей, противней.
Я почитатель краткосрочных ливней,
И ненавистник затяжных дождей.

Уныл и сер дождливый небосклон,
И слёзы льёт, как глупая девица.
В такие дни тоска в душе гнездиться
И нависает на ресницы сон.

А ливень — он затейник и бунтарь.
Весёлый, наглый — истинный холерик.
Озорничает нынче, как и встарь,
Стучится в окна, нагло лезет в двери.

Деревья, травы, землю напирал,
Хозяином прошёлся и пропал.

* * *

Ночь, как пантера, одним прыжком
Меня под себя подмяла.
Лапы, как тёплое одеяло,
Проглаженное утюгом.

А ветер кричит за окном
И плачет, как одинокая пленница
О чем-то очень своём.
Тревожно, но в лучшее верится.

И, как на плите картошка,
Булькают и кипят,
И бьются, и бьются в окошко
Глупые капли дождя.

* * *

Дождь, как бандит, пытался выбить окна.
Всю ночь швырялся гравием дождин.
И вновь земля набухла и промокла,
А дождь ворчал, угрюм и нелюдим.

Он, как дитя, так тосковал по ласке,
Что, солнышка поймав рассветный луч,
Сорвал с себя озлобленности маски,
Изрешетил остатки серых туч,

И, как котёнок, замурлыкал тихо.
Улёгся в лужи, солнце поглощать.
Чтоб быть счастливым, научись прощать.
И не буди непрошенное лихо.

В КРАЮ РОДНОМ

В краю родном такие уголки,
Как Куршская коса, где пьяный лес дурманит,
А дюны из песка не очень высоки,
Но тайною своей, как пирамиды, манят.

Захватывает дух морской стихии блажь,
Солёных волн оскал, бушующая пенность.
И ливней грозových нередок здесь кураж,
И ветров вихревых нагая откровенность.

На прусских городах особая печать –
Здесь черепичных крыш скворечные покаты.
И крепости прочны – снарядом их не взять.
Они стоят, как верные солдаты.

Я Родиной зову чужой когда-то край,
На города России не похожий.
Берёзок, сосен рай!
На свете нет прекрасней и дороже.

ОДИНОЧЕСТВО

Вздыхало море тяжким вздохом.
Вздымалась тяжело грудь его.
Знать и ему бывает плохо,
Когда останется одно.

КЛУБОК АРИАДНЫ

В рубашки лет вывязываю дни.
Клубок всё меньше, а изделий больше.
Но мне изделия носить не дольше,
Чем нитки кончатся мои.

У ШТУРВАЛА

Жива лишь тем, что верю и люблю.
Жива лишь тем, что много испытала,
И тем, что снова у штурвала
Морской волны дыхание ловлю.

А мой штурвал – блокнот, да авторучка,
Да звёзд бесчисленный поток,
Да бездна глаз, да море строк,
Да та, за ближним лесом, тучка.

ВСЮДУ С ТОБОЙ

Слёзы мои – дождь в лицо.
Ветер порывистый – рук кольцо.
Солнца лучи – мысли мои
К тебе устремились. Любишь? – Возьми!

Смотрю в синеву. Эти лучи,
Как поцелуи твои горячи.
На море смотрю – беспокойством волны
Твои голубые глаза полны.

Бури и грозы – море обид.
Море штормит, бедою грозит.
Птица с подбитым крылом – это я...
Всюду с тобою любовь моя!

Я ВИЖУ

Дыхание полей перехватил мороз,
И замерло оно посеребрённой пылью.
Так время изменяет цвет волос.
Идёт весна, сильна своею былью.

И тает иней, солнышком согрет.
Он плачет детскими наивными слезами.
Быть может кто-то скажет: «Это бред!»
Но это вижу я – поэт,
Своими широко раскрытыми глазами!

ОЖИДАНИЕ

А что такое ожиданье,
Понять сумеет лишь жена:
Годами ждёт с тобой свиданья,
И одному тебе верна.
Она тебя у стенки встретит,
Слеза нечаянно блеснёт.
И приголубит, и приветит,
И вновь тебя без слов поймёт.

ЖЕНА

Её ожидание – ночи сродни.
Пронесётся мимо блестящие дни.
И светом своим беспокоят порой,
Тобою завещанный дома покой.

Лишь встреча с тобой её дни озарит –
Сердце, как солнце, рванётся в зенит.

НЕ ПОНЯТЬ ТЕБЯ ВОВЕК

Ты – как ветер! Ты, как тучи, –
Не понять тебя вовек!
Беспокойный и кипучий
Странный чудо-человек!

Ты смеёшься снегопаду,
Синеглазый, озорной.
И твоей улыбке рады
Солнце, небо и прибор.

Рядом ты – я улыбаюсь.
Без тебя тоскливо мне.
Смелой, гордой быть стараюсь,
Сильной без тебя вдвойне!

Ты стремительная лава,
Что гремит, огонь дробя.
Ты и жизнь моя и слава!
Море! Я люблю тебя!

Елизавета Притыкина

Родилась в 1998 году в Калининграде. Училась в выпускном классе гимназии №32. Автор сборника рассказов «Песни дыма», публиковалась в сборнике «Автограф» и русско-болгарском сборнике «Золотые пески». Участница литературного объединения «Родник».

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Когда родители говорят тебе, что ты самовлюблённый, ты думаешь – всё хорошо. Когда тебе так говорят друзья, ты думаешь – это шутка. Но если ты живёшь в деревне нарциссов, слышать подобное – это судьба.

У меня четыре брата, мать, отец, тётя. И все они начинают своё утро с фразы: Я лучше. Поначалу, это смешно. Но когда все свои семнадцать лет слышишь подобное, становится уже не смешно, а страшно.

Ведь им важны были даже не слова. Даже не смысл. Никто никогда не спорил о вопросах собственной значимости, никто не доказывал, что он лучше кого-то. Со временем мне начало казаться, что они и сами не верят в то, что говорят. Я не смог бы сказать наверняка, притворяются ли они, говоря: Я лучше, или же и правда так считают. Подпрыгивая на рассвете, стоя в очереди за колбасой, намываясь под душем.

В сущности, это неважно. Меня уже тошнит и от них, и от рассуждений, и от себя. Я устал от самого этого места. Моё утро не начинается словами «Я лучше», потому что утро у меня не начинается вообще. Моя бессонница делает меня похожим на недоеденную котом мышь.

Я встаю с кровати, прохожу в ванную, умываюсь. Ещё один минус жизни в деревне нарциссов – это постоянная слезка за тобой твоих отражений. Зеркала везде. Зеркало в коридоре, зеркало в ванной, зеркало на лестнице и в кухне. Отражение подмигивает тебе, когда ты хочешь открыть холодильник, оно смотрит на тебя, когда ты пытаешься уснуть, оно скалится в ванне перед тем, как ты собираешься в неё влезть.

Когда я спускаюсь в гостиную, мои братья и мама уже обсуждают утренние новости. Не иначе кто-то умер. Снова. Хочу пройти быстро, чтобы меня не заметили, но даже если бы они не обернулись в мою сторону... Всегда есть зеркала.

– Доброе утро, третий, – произносит мама, смотря не на меня, а в зеркало. И не на мое отражение, а на своё.

– Доброе.

И всё, больше я не хочу продолжать разговор. Но, кажется, мама иного мнения.

– Как прошла ночь?

– Спал, как убитый, – отвечаю я.

– А я не мог уснуть до поздней ночи, – произносит брат, отложив газету. – Какая-то птица кричала не затыкаясь.

– Неужели? – младший откладывает газету и переводит взгляд почему-то на меня. Почему? Будто я что-то знаю.

– Знаешь, пятый, утренние газеты считают, что это была не птица, а Сфинкс, – произносит мать, поправляя помаду на губах.

– Их не существует. Они вымерли. Причём давно, – говорю я.

– Кстати, а куда...

Пятый не успевает договорить, мама резко встает с кровати и чуть ли не вплотную подходит к своему отражению.

– Время смотреть в зеркало, – говорит она.

Я знаю, что хотел спросить младший: «Куда я отправляюсь с утра пораньше в воскресенье», и пока он не повторил попытку, пока все отвлечены зеркалами, я убегаю.

Я не старший сын, я не из тех людей, что жаждут приключений, мне не хочется никого спасать. И всё же... Я иду напрямик в лес. Последние убийства, крики по ночам. Нужно быть глухим или настолько увлеченным собой, чтобы поверить в то, что кричала птица. Быть глухим и самовлюбленным – одно и то же. Я не лучше своей семьи ни на грош. Я такой же, как моя мать, как моя семья и как вся эта чёртова деревня. Конечно, я люблю себя. Только, возможно, моя любовь глубже. Обычные самовлюблённые люди любят себя, не замечая своих недостатков. Я же люблю всего себя, со своими недостатками. Некоторые зовут меня нарциссом. Хотя я предпочёл бы этого не знать.

Продираюсь через заросли. Лес густой и запутанный, как клубок. Ветки плотно переплетены, но складываются в фигуры, как будто локоны девушки. Когда я захожу в чащу, когда лес проглатывает меня, я чувствую темноту. Я чувствую её кожей. Болезненную темноту, пропитанную влажным ужасом.

– Я ждал тебя, – слышу голос и на секунду вижу всё.

Это не птица. Это Сфинкс. Он вовсе не такой громадный, каким всем кажется. Он не похож на мутанта, слепленного из разных частей. Разве что железные уродливые конструкции, иногда проступающие сквозь лысую кожу, делают его похожим на гибрид. Лицо Сфинкса – лицо каждого человека в этом мире. Его глаза – бездна. Темнота в моих глазах рассеивается только, когда он со мной говорит.

– Я вот и вовсе не ожидал тебя встретить.

– Врёшь, – говорит Сфинкс.

Секунда, и я вижу железные зубы, а из его пасти, когда он говорит, выплескиваются чернила. Они заливают его подбородок.... И снова тьма.

И, правда, зачем я сюда пришёл. Я самый умный в этой деревне, мне всё равно, кто погибнет от его рук – если люди пошли в лес, значит, они знали, чем рисковали. Меня на это толкнуло вовсе не любопытство. Тогда что? Возможно, я хотел убедиться, что не ошибаюсь. Возможно, я хотел проверить себя. И может быть, где-то в глубине души я надеялся избавиться от ночных кошмаров. Ведь даже Сфинксу с ними не сравниться.

– Что тебе нужно от нашей деревни?

– Я ждал тебя. Я хочу съесть сердце нарцисса.

Чернила выплескиваются. Я спокоен. Уж кому-кому, а мне нечего терять.

– Тогда съешь сердце моей матери.

– Мне не нужен никто кроме тебя. Я хочу только твоё сердце.

Пока он говорит, темноты не существует. Я вижу, как он подходит ближе и ближе ко мне. Вот уже я могу почувствовать его дыхание. Позади Сфинкса замечаю, как на кочке прыгают и кружат маленькие птицы. Это что, ритуальный танец?

– Слышишь грохот барабанов? – спрашивает Сфинкс, облизывая пухлые губы.

Я слышу.

– Это твоё сердце. Оно хочет ко мне. Оно бьётся для меня.

– Что тебе нужно от нашей деревни? Отвечай.

– Только ты, – усмехается Сфинкс и прикладывает свою уродливую ладонь к моей груди.

Чувствую его запах. Чувствую его дыхание. Но самое страшное, что я не слышу барабанов.

Сфинкс убирает пухлую ладонь и обнюхивает её.

– Что, кошмары замучили?

– Ты это узнал только по запаху сердца?

– Оно мне нужно. Твоё сердечко. Ну же, отдай его мне. Сердце нарцисса. Прекрасное сердце. Сердце юноши. Я так хочу его.

– Нет, – отвечаю я и чувствую, как моё запястье пронзает металлический коготь Сфинкса. – Давай заключим сделку.

– На твоё сердце? – Сфинкс проворачивает коготь. Я морщусь от боли. – Что это будет? Игра? Пари? Продажа?

– Обещание, – скалюсь я и отдергиваю руку. Кажется, металлический ноготь прошёл насквозь. Он выходит с хлопанием.

– Что за обещание?

Вспышка, и я вижу, как над его головой осыпаются листья. Деревья плачут.

– Дай мне неделю, и я приведу тебе такое же сердце. Абсолютно такое же.

– Семь дней, – говорит Сфинкс, причмокивая, – идёт.

И в миг всё исчезает. И темнота, и свет, и Сфинкс, и страх. Я больше не слышу барабанов,

не чувствую сердца. Лес – это просто лес. Кочка – просто кочка. Танцующие птицы – это всего лишь листья, подбрасываемые ветром.

Найти самовлюблённого человека в нашей деревне – раз плюнуть. Недели для этого много. И всё же. Чем меньше людей пострадает, тем лучше.

Выхожу из леса, иду прямо к площади. В центре – небольшое озеро или что-то вроде приватизированного фонтана. Тут всегда толкучка. Люди обступили озеро. Они смотрят на своё отражение. Только на своё. И восхищаются.

Кто угодно подойдёт. Наши сердца, страшно подумать, одинаковые. Протискиваюсь сквозь толпу и выскиваю глазами своё отражение. Обычным людям никогда не увидеть себя настоящих в отражении зеркала. Самовлюблённым – тем более.

Пристально, не мигая, смотрю в глаза своему отражению. Слышу голос над ухом:

– Что интересного нашёл в лесу?

И подпрыгиваю. Это было неожиданно и это было страшно. Зазеркальный я отражает мои эмоции уродливой гримасой. Оборачиваюсь. Это девушка. У неё невообразимо длинные волосы, в которые вплетены колокольчики. Они звенят на ветру. Она видела, как я уходил в лес, несмотря на то, что было ещё так рано.

– Папоротник расцвёл, – отвечаю я. И мы оба выбираемся из толпы.

– Неужели? Покажешь мне в следующий раз, – улыбается девушка. Она улыбается так, будто не боится меня, будто она всё знает.

– Обязательно. Через неделю.

Я машу ей рукой и ухожу. Дома я сразу же валяюсь на кровать. Я лежу с закрытыми глазами, уже зная, что не усну. Отпечаток Сфинкса на всех моих мыслях. Я не спаситель, я не собираюсь принести себя в жертву. Хоть у меня ничего нет, я не хочу умирать. Но об этом думать не хочется, поэтому я думаю, кого бы отвести в лес вместо меня. Нужна жертва, нужен Иисус, который прекратит смерти. Жителей много, слишком долго перебирать каждого и думать, у кого из них сердце такое же чёрствое, как у меня.

Но на самом деле мне просто не хочется называть конкретное имя. А ведь это придётся сделать. Наутро я, как обычно, встаю и прохожу в ванную. В душе я замечаю, что на моей груди, там, где сердце, пятно. Это чернила, они под кожей и они расплазуются. Метка Сфинкса. Очень мило.

Проходя по коридору, встречаюсь взглядом со своим отражением и замираю. Я вижу Сфинкса. Мое отражение делает то, чего не делаю я. Оно облизывается, из пор чудовища сочатся чернила. Мое отражение, Сфинкс в моем отражении говорит:

– Ты уже нашёл мне сердце?

Нужно хотя бы попытаться. Слышу чьи-то приближающиеся шаги. Должно быть, пятый. Кто угодно подойдёт.

– Нашёл.

– Покажи его мне.

И мои глаза, его глаза, пронзают насквозь. В зазеркальном пруду появляется мой младший брат.

– Что, время смотреться в...

Он не успевает закончить. Всё замирает. Пятый замирает. А Сфинкс говорит:

– Это не то. У него не то сердце. Это и близко не подойдёт.

И разом все исчезает.

– ...зеркало, – заканчивает брат, ничего не замечая. – Ты чего такой перепуганный?

Не кто угодно? Это плохо. Выдернуть человека из толпы, неосознанно выбрать жертву, намного проще, чем найти кого-то. Потому что этот кто-то станет особенным, и мне уже не избежать ответственности. Я должен взвалить на кого-то терновый венец.

В течение пяти дней я таскаю разных людей к зеркалам, но Сфинкс говорит: Не то. Мне это не нравится. Совсем не нравится.

Как-то раз я один смотрю в зеркало на городской площади. Рядом тут же появляется девушка. Она почему-то никогда не смотрит в зеркало, только на меня или в толпу. Слышу колокольчики. Её волосы, будто что-то мне шепчут.

– Устаёшь ты в последнее время, – говорит она и проводит ладонью по моей груди. Пятно чернил там, размером с тарелку.

– Не веди себя так, будто всё знаешь, – отвечаю я и отдергиваю руку.

– Я ничегошеньки не знаю, – смеётся девушка. Её глаза как небо.

То, что мне снится, то, что страшнее Сфинкса – мой кошмар. Я боюсь влюбиться. Это будет страшнее всего, страшнее темноты, страшнее, чем смерть, страшнее, чем все остальное.

– Не приближайся ко мне, – говорю я девушке, но она не отходит.

Мы стоим посреди опустевшей площади. Освещения нет, только луна. Девушка с глазами, как небо, думает, что я одинок. Она думает, я трагический герой. Не хочу подпускать её к себе ближе. Ещё ближе.

Но сейчас всё проще. Прозаичнее, жестче.

– Что такое? Ты не понимаешь, я же сказал, уходи.

Девушка берет меня за руку, и становится поздно. Мы оба в зазеркалье. Мы оба заглядываем в отражение.

Я не боюсь, эта девушка совершенно не похожа на меня. Она слишком хороша. Её сердце не такое самовлюблённое. И всё же... В глубине души у меня появляется чувство, что лучше бы ей не встречать меня и не смотреть в глаза моему отражению.

– Что-то новое, – говорит Сфинкс. У меня в груди начинает болеть.

– Она не подходит. Она не нарцисс, – перебиваю я.

Она не такая, как я. Она не испорченная. Она видит во мне меня настоящего. Она невинна.

– А кто тебе сказал, что мне нужен нарцисс? – смеётся Сфинкс. Из его щёк тут же появляются металлические пруты. Он говорит с хлюпаньем. – Я сказал, что мне нужно сердце такое же, как твоё. Твоё сердце самовлюблённое – это правда. Ты любишь себя. Но и она, эта девушка, тебя любит.

– Нет, мы так не договаривались.

– Это твоё обещание, – подбродок Сфинкса заливают чернила. Он больше не в моем отражении. Он стоит прямо напротив меня. Напротив нас. – Тебе нужно было найти сердце, которое полюбит тебя так же сильно, как и ты полюбил сам себя.

– Не ешь её сердце. Постой. Я что-нибудь придумаю, – прошу я. – Дай мне ещё немного времени.

– Нечего здесь придумывать, – говорит Сфинкс и касается груди девушки. – Какое тёплое сердчишко. Влюблённое и тёплое.

– Возьми моё сердце, – говорю я.

Сфинкс издает что-то вроде смеха, кашля, механического скрипа. Девушка с волосами, как патока, всё это время стоявшая, как кукла, поворачивает голову и смотрит на меня.

– Съешь моё сердце, – говорю я. – Как и собирався с самого начала.

Я искал кого-то, потому что у меня ничего не было. Но как только мой кошмар воплотился в жизнь, как только я влюбился... Мне есть, что терять.

– Я больше не хочу его. Сердце этой девушки вкуснее прочих. Вкуснее всех. Тем более, ты дал мне обещание.

Девушка с волосами, как патока, с глазами, как небо, качает головой. Колокольчики в её волосах тихо поют. Я ничего не могу сделать. Я не Иисус, когда захотел им стать. Я не могу принести себя в жертву. Сфинкс запускает руку в грудь девушки и достает оттуда маленькое сердце. Оно пылает и горит. Мне даже кажется, что оно жжёт ему руки. Я смотрю на него, и через миг оно исчезает в пасти чудовища. Он облизывается.

Меня тошнит. Я смотрю на свою грудь, чернила пропали.

– Спасибо за угощение, нарцисс, – произносит Сфинкс и исчезает.

Девушка рядом со мной приходит в себя. Дует ветер. Колокольчики больше не звенят. Девушка, которую я любил, становится просто куклой, манекеном, игрушкой без сердца. Она останется такой навсегда, нового сердца ей не вырастить. Я смотрю ей в глаза и ничего не нахожу, она мне не знакома. Она кукла, тень. А я ничтожество. Одинокое чудовище. Сфинкс не только монстр из леса. Сфинкс – монстр внутри меня.

Татьяна Прокошина

В Калининградской области с 1968 года. Военный связист. Стихи пишет давно, но большей частью «для себя». Живёт в Гвардейске.

МОИ СТИХИ

Я стихами в любви объясняюсь,
Я стихами от боли спасаюсь.
Вылью в стих и обиду, и грусть –
Ничего я в стихе не боюсь.
И бушую я в нём, и кричу,
И страдаю я с ним, и молчу.
А потом, излив душу, - читаю,
Облегченье я с ним получаю.
Он дарует покой, благодать.
Ну... и я продолжаю писать.

УТРО В ЛЕСУ

Поутру видела в лесу – росу.
Она на солнышке алмазом разгорелась.
Такую несказанную красу
Собрать и целовать хотелось.
И чистотой сверкала неба синь,
Пронзали ласточки её полётом быстрым.
А я рукою глажу стан осин,
Душою впитываю шёпот листьев.
Средь мха стояли гномиками пни,
И меж деревьев солнышко играло,
И нежно ворковал ручей в тени,
И сто забот с души моей спало.
И как тут не поверить чудесам,
Попробуй этим всем не любоваться,
И пропадёт целительный бальзам,
Которым мне никак не надыхаться.
Став на пригорок, словно на амвон,
Я принимала таинство лесное,
И овладело мной блаженство неземное,
Как будто бы я вижу чудный сон.
И будто бы во сне, не наяву,
Над головой светлеет неба полог.
О, кто бы знал, как несказанно дорог,
Мне край и та земля, в которой я живу.

ДОРОГА К БОГУ

Чтоб в храм войти, перекрестится
И снять свинцовый груз грехов,
Душа должна раскрепоститься,
Освободиться от оков
Атеистического плена,
Коварства, зависти и зла.
Пока не схлынет эта пена
Не будет жизнь твоя светла.
Ну, хоть убей меня, не верю
Тем, кто легко меняет веру.
Не в мечети, церкви, синагоге –
Ищи в душе дорогу к Богу.

ОСЕНЬ

В окно взглянула – сон иль грёза –
Стоит вся в золоте берёза.
Да кто ж так отчеканил быстро
Её прекрасные мониста?!
Пора осенняя прекрасна,
Богата цветом жёлтым, красным,
Сияет новизной обновы
И Богородицы покровом.

ЗИМА – ЛЕТО

Зима молчит и дарит снегом чистым.
Всё можно набело переписать.
А в мае, в облаке душистом,
Сиреневое счастье отыскать.
Когда вокруг цветенье, щебетанье,
А с неба льётся солнечный янтарь,
Листать с восторгом узнавань
Цветочный летний календарь!
Нет у зимы и лета компромиссов
И каждый служит своему царю.
А лепестки ромашек и нарциссов
В снежинки превратятся к декабрю.

ЛЮБОВЬ БОЖЬЯ

Бог нам даёт страдания, наверное,
Лишь потому,
 что путь земной мы выбрали неверно.
Когда же явится такое осознанье –
То благом нам покажутся страдания.
Всегда мы призываем Бога,
Когда пронзает боль иль горе у порога.
Тогда вздымаем руки к небу
И просим у Всевышнего
 здоровья, счастья, хлеба.
И Он прощает нас, овец своих заблудших,
Жалеет среди нас Он даже самых худших.
И терпеливо ждёт Он своего признанья,
С молитвой вознесённой покаянья.

РОДНИК

Я хочу напиться в роднике воды,
Мне бы в нём умыться, миновать беды.
Только я не смею руку опустить,
Чистое, хрустальное зеркало разбить.
Ночью звёзды ясные водят хоровод
И луна лобастая до зари в нём пьёт.
Всё в нём отражается и при нём живёт.

Я хочу напиться в роднике воды,
Мне бы в нём умыться, миновать беды.

Дмитрий Сотников

Родился в 1966 году в Москве. В Калининграде живу с 1967 года, считаю себя коренным калининградцем, поскольку мои дедушка и бабушка по линии отца приехали сюда в 1947 году. В 1983 году окончил среднюю школу №49, учился в ТУ-3 города Калининграда, в 1984-1986 служил в армии. В 1991 году окончил Калининградский Технический Институт, работаю в ОАО «Янтарьэнерго». К литературному творчеству пришёл достаточно поздно и спонтанно — просто появилось несколько сюжетов и чувство, что их необходимо записать.

ПЛАЦ

Я — Плац. Точнее, полностью меня зовут «Стреловой плац войсковой части 65111». Но, если уж быть совсем точным и не врать самому себе, то, наверное, так меня звали когда-то. Трудно считать себя полноценным военным объектом, если между твоими плитами растёт трава, а две бетонные плиты с северной стороны утрачены. Сам себя я называю теперь «Плац в отставке».

Наш военный городок, весьма удалённый от населённых пунктов, имел всё, что положено иметь любой уважающей себя воинской части: штаб, КПП, три казармы, столовую, котельную, автопарк, караульный городок, водонапорную башню, клуб и баню. Поодаль стоят общежитие для молодых офицеров и прочих кормящихся при части людей, и даже пятиэтажка для офицеров семейных. Мои ближайшие соседи, Казарма и Столовая, стоят на противоположных, западной и восточной, моих сторонах. Казарма из красного кирпича и с черепичной крышей — очень старая, её построили немцы в то время, когда ни меня, ни Столовой, ни даже прапорщика Возница ещё не было на свете. С Казармой есть о чём поговорить, но, к сожалению, она слишком высокомерна и любит повторять, что, если бы не она, то никого из нас и даже вообще воинской части здесь бы не было. Я думаю, что она говорит так, потому что, как всякая старуха, хочет чувствовать, что она кому-то ещё нужна. Столовая же, наоборот, слишком молода и мало что знает о жизни. К тому же, когда её лишили всего, чем она так гордилась, она замкнулась в себе и перестала отвечать на вопросы.

Я сделан из плотно пригнанных друг к другу железобетонных плит. Бетон — дальний родственник камня, и потому память его гораздо длиннее, чем человеческая или кошачья. Я, например, помню запах перегара от рабочего, подносившего арматуру и мат сварщика, делавшего скелет для плиты, ставшей моей восьмой с южной стороны. Ему попался бракованный электрод, а был конец месяца. Но это память, я бы сказал, частичная, фрагментарная. Как единое целое я стал чувствовать себя с того момента, когда командовавший укладкой плит прапорщик Возница, улыбнувшись каким-то своим мыслям, пошарил в кармане гали-

фе, вытащил оттуда большую блестящую монету с надписью по кругу «1870-1970» и положил её под мою центральную плиту. С этой секунды я помню всё: и тот солнечный летний день, и дизельный выхлоп «КрАЗа», и озабоченное узкоглазое лицо крановщика — ефрейтора Курамова, и то, как прапорщик Возница, полюбовавшись на юбилейный рубль, вытер носовым платком фуражку изнутри и прикрикнул на Курамова: «Ну чего ждёшь, опускай!»

Прошло несколько лет, и после долгого строительства на свет появилась Столовая. Тогда белоснежная, с огромными сверкающими окнами, она, к своей гордости, была оборудована по последнему слову: у неё были и сверкающие нержавеющейкой автоклавы, и агрегат для чистки картошки, и даже посудомоечная машина. Я помню очень хорошо, как, выходя из Столовой, проверяющий генерал похлопал по плечу нашего командира части: «Молодец, Павлов! Обязательно доложу!» А вокруг навтыжку стояли начальник столовой старший прапорщик Атаманюк и весь кухонный наряд в белых куртках и начищенных сапогах.

Время идёт быстро. Три раза в день, сделав сначала три строевых шага, из Казармы в Столовую и обратно шла рота, и я всегда знал, сколько бойцов сегодня в строю. Сменялись призывы, громко топали по моим плитам молодые солдаты, а я в меру сил пытался помочь им не сбиться с шага. Вразвалку проходили дембеля, и я знал, что всей душой они хотят больше никогда меня не увидеть. И я не виню их в этом. Ведь я прекрасно помню, как, будучи духами, они, впрягшись по трое в огромный «самолёт» убирали зимой снег, укладывая его вокруг в выровненные по нитке сугробы, а в остальное время года щекотали мётлами, сметая пыль, жёлтые листья или просто потому, что так захотелось деду или старшине. Гремел барабаном небольшой военный оркестр, развевалось знамя и — «Шшагом Мм-а-а-рш!» — мощно печатал шаг строевой смотр, держа равнение на трибуну из белого кирпича с нарисованной масляной краской красной звездой. Я чувствовал себя необходимым, и знал, что без меня не обойтись. Это было именно так. Ведь вся жизнь части: утренняя

зарядка, праздничные и обычные построения, развод – всё было на мне. И если чего-то и не хватало, так это того, с кем можно было бы поделиться своими мыслями. Столовая была тогда слишком хороша и слишком занята собой, а Казарма, как всегда, погружена в воспоминания и озабочена приближающейся старостью. Прапорщика Возницу я считал кем-то вроде своих родителей, а, во-первых, с родителями можно говорить далеко не обо всём, а во-вторых, прапорщику и не пришлось бы в голову разговаривать с плацем, ибо его военная карьера закончилась бы тогда раньше срока.

И тогда однажды тёплым весенним утром появился Кот. Никто не знал, откуда он взялся, так как пришёл он не со стороны общежития и пятиэтажки, а с противоположной. Сам Кот о своём детстве никогда не рассказывал. Может, потому что не хотел, а, может, просто не помнил. Появился он в виде тощего кошачьего подростка, посидел немного возле казармы и, быстро поняв, что, кроме не очень нужного ему сейчас «кис-кис» от солдат ничего не добьёшься, перебрался, едва заметно ступая по моей бетонной груди мягкими лапками, на другую сторону, к Столовой. Насколько я помню, Кот всегда был таким: грязно-белым, с рыже-полосатым хвостом, несколькими рыжими пятнами, местами свалывшейся шерстью и взглядом немного исподлобья. Обойдя Столовую вокруг, Кот расположился у служебного входа и стал ждать. Тут его и заметил начальник столовой толстый старший прапорщик Атаманюк, и сначала хотел прогнать, но его любовница, такая же, как и он, полная вольнонаёмная повариха Нелли Семёновна не разрешила и вынесла в алюминиевой миске оставшуюся с ужина жареную рыбу. Кот поел, приободрился и так и остался жить при части. А после того, как Кот притащил к заднему входу Столовой придушенного им крысёнка, Кота стал уважать и взял под свою опеку и сам старший прапорщик Атаманюк. Да, Кот всегда умел себя подать. Однако коты любят далеко не все и иногда, чего греха таить, ему доставались и пинки. Но потом Кот научился разбираться в людях не хуже пожилого ротного старшины и избегал нежелательных встреч. Только начальник медицинской службы капитан Парсонов, инспектируя столовую, всякий раз смотрел на Кота долгим взглядом, но так ничего и не сказал.

Нелли Семёновна назвала Кота Мишей, в честь прапорщика Атаманюка. Тот на это несколько обиделся и всегда называл Кота Тишей. Впрочем, Кот одинаково презирал обе клички, предпочитая отзывать на слово «кушать».

Наступило лето, небывало жаркое, самое жаркое из всех, что я помню. Под солнцем мои плиты раскалялись так, что не успевали остыть к утру. После захода Кот стал приходить ко мне, чтобы

полежать на тёплом бетоне. И тогда я решил заговорить с ним. Долго думал, как к нему обратиться. Выбрал нейтральное: «Здравствуйте, Миша». Кот нисколько не удивился. Ведь коты всё чувствуют, понимают и знают гораздо лучше людей. Они не глухи, не слепы и не самовлюблённы, как люди. «Какой Тиша-Миша, – ответил Кот. – Меня зовут Кот. Коротко, ёмко и с достоинством. А что касается кличек – я ведь тоже даю их людям, но только разве кто-то откликается на них? А значит, и я не должен». Всё лето мы разговаривали с Котом по ночам. Я рассказывал ему о звёздах, ибо кто же ещё знает о звёздах больше, чем тот, кто обречён вечно смотреть в небо. Кот рассказывал мне про травы, про звуки, про запахи, про мышей и, конечно, все новости части. Сейчас мне кажется, что это было лучшее лето моей жизни.

За этим летом наступила такая же тёплая осень. Кот приходил ко мне играть с опавшими листьями, но становилось всё холоднее, и однажды вечером Кот сказал: «Ты извини, но зимой я приходить не буду. Коты любят тепло. Но ты не переживай. Лето ещё обязательно наступит, и не раз, ты знаешь это лучше меня». И пришла зима, такая суровая, что начальник медслужбы капитан Парсонов запретил проводить утреннюю зарядку, и её заменили утренней прогулкой. На моей памяти такое было только в ту зиму. Так всё в жизни: было жаркое лето – будет морозная зима. И если тебе было хорошо, то жди неприятностей.

Наконец в апреле снег начал таять, и аккуратные снежные брустверы почернели и потеряли форму. Весной прапорщик Возница ушёл на пенсию. Семьи у него не было, места при части ему не нашлось, из общежития его выгнали, и он куда-то уехал. В последний раз, одетый уже по гражданке, он обошёл всю часть, постоял на моей центральной плите, под которую он когда-то положил монетку. И пошёл к КПП, пошёл, не оборачиваясь, наверное, затем, чтобы я не увидел слёзы в его глазах.

Потом стали происходить события, которые раньше никто и представить себе не мог. В весенний призыв не пришли молодые, и вообще солдат и офицеров в части и машин в автопарке становилось всё меньше. Из Казармы вывозили имущество, а в Столовой демонтировали и увезли её знаменитое оборудование. Сначала мы не очень волновались. Когда я решил обсудить происходящее со своими соседями, Столовая со свойственной ей легкомысленностью сказала: «А, ничего страшного! Они уехали на учения, поэтому и котлы с собой забрали, надо же им там что-то есть, это, наверное, какие-то особые, большие учения. Помнишь, несколько лет назад в части только караул оставался. К осени вернутся». Казарма на это ответила: «Вы умеете только болтать. Здесь дело

куда серьёзнее. Я уверена – началась война, и все они ушли на фронт. Я знаю, со мной это уже было. Победят – вернутся те же, проиграют войну – придут солдаты в другой форме. Тебе, Плац, какая разница, кто будет тебя подметать – наши бойцы или противника? Я через это уже прошла, и как видите, стою. И вокруг меня целую часть построили». Мне не очень приятно было такое слышать, но в душе я понимал, что Казарма в чём-то права. И я подумал, что надо поговорить об этом с Котом. Он сказал: «Ну, вы даёте. Какая война? Какие учения? Часть расформировали, они уходят и не вернутся никогда».

– А как же мы? Что будет с нами? – спросил я.

– Ничего не будет. Теперь ты Плац в отставке, – ответил Кот. – Отдыхай, смотри на звёзды и вспоминай прошлое.

– Нет, – ответил я. – Лучше я буду считать себя в запасе.

– В запасе так в запасе, – сказал Кот. – Это сути не меняет. А суть в том, что здесь мы больше никому не нужны.

– А ты, – спросил я. – Что будешь делать ты?

– За меня не бойся, – ответил Кот. – Понимаешь, в чём дело? Вот ты – Плац в отставке...

– В запасе, – поправил я.

– Извини, – продолжил Кот. – А ты когда-нибудь слышал про котов в запасе? Мы, коты, умеем приспособливаться и делаем это всю жизнь. Посмотрю, что в общежитии, там ещё останутся люди, там печное отопление. В пятиэтажке можно жить только до зимы, потому что кочегарка работать больше не будет. Меня, честно говоря, больше ты беспокоишь. Как у тебя получится жить без солдат?

– Придумаю что-нибудь, – ответил я. – Ведь я же всё-таки военный, пусть и в запасе. Но ты будешь приходить ко мне?

– То-то и оно, – сказал Кот. – Конечно, буду.

И вот в начале лета настал день, когда утром на разводе на мне стояли всего четыре солдата. Они забили досками крест-накрест двери Столовой и Казармы, связали проволокой створки ворот на КПП, сели в кузов последнего ГАЗ-66 и уехали. Я долго слушал удаляющееся гудение мотора.

Через несколько дней ко мне пришёл Кот. Он долго лежал, греясь на солнце, на самой моей середине, а потом сказал: «Что ж, в этом есть и свои плюсы. Разве смог бы я раньше вот так, среди бела дня, валяться на плацу? Обязательно кто-нибудь прогнал бы. А теперь всё это – моя территория и охотничьи угодья».

И всё-таки я не верил до конца ни Коту, ни Казарме, мне больше нравилась мысль Столовой об учениях. Но когда осенний шторм разметал стоявшие вокруг меня сделанные из ДСП стенды с изображением подтянутых солдат с ногами, навеки зас-

тившей в положении «Делай р-раз!», описанием боевого пути части и портретами героев, нарисованными клубным художником сержантом Хабибуллиным, а никто и не подумал их вернуть на место, я понял, что ждать придётся долго. Потом снег укрыл меня толстым одеялом, и впервые за много лет его никто не убрал. Той зимой я научился спать. Мне снилось лето, разводы, присяга, порой так явственно, что мне казалось, что я чувствую запах новеньких сапог молодых солдат.

А весной в часть на ржавом оранжевом грузовичке приехали мужики. Сначала я надеялся, что возвращаются наши. Но эти, несмотря на то, что были одеты в камуфляж, совсем не были похожи на военных. Они работали несколько недель, срезали и увезли металлические рамы, оставшиеся от стоявших вокруг меня стендов, вытащили и забрали из Столовой и Казармы всё, что представляло хоть какую-то ценность и можно было вывезти. Они сняли и увезли огромные оконные рамы Столовой, и с тех пор она ослепла и перестала разговаривать. Они попытались даже выдернуть мои плиты, но сил у воров оказалось маловато, сломав две штуки с северной стороны, бросили это, разрезали напоследок ворота КПП с красными звёздами и уехали.

Потянулись долгие годы зимнего сна и летнего безделья. Казарма очень переживала и всё время говорила, что за утрату военного имущества ей придётся отвечать. Потом она замкнулась в себе, тем более, что у неё начались проблемы со здоровьем – начала гнить лишённая местами черепицы крыша, а дождь, проникая внутрь через разбитые окна, стал подтачивать деревянные перекрытия и полы. Столовая, когда-то такая красавица, совсем махнула на себя рукой и только выла ветром в пустом зале. Кот заходил часто, он сильно похудел, шерсть стала ещё более свалявшейся. Он рассказывал, что ему всё-таки удалось пристроиться в общежитии, но у тех людей, что его подкармливали, иногда было нечего есть самим.

Очень редко в часть приезжали люди. Однажды приехали трое, среди них я узнал рядового Тихонова и младшего сержанта Масюлиса. Они походили по части, пофотографировались на фоне казармы, долго смеялись, найдя на тыловой стене Столовой надпись краской «ДМБ-86», выпили бутылку водки, разбили пустую о мою плиту и убрались. Ещё один раз приезжали на машинах, похожих на военные, какие-то странные люди. Увидев их, я сначала подумал, что сбывлись слова Казармы о солдатах противника, потому что одеты эти люди были в защитные костюмы, на лицах у них были маски, а в руках – необычного вида автоматы с раструбом сверху. Но когда они принялись с криками бегать по части и стрелять друг в друга шариками с разноцветной краской, я понял, что

они не имеют никакого отношения ни к нашим, ни к вражеским солдатам, ни к армии вообще.

Однажды апрельским днём, когда Кот, поймав и съев мышь, сидел на моих плитах и умывался, со стороны общежития появились двое. Один, с громким голосом и фотоаппаратом на запястье, шёл впереди. За ним шёл нескладный, с фотоаппаратом на животе, с рюкзаком за спиной и в красной куртке. Эти двое тоже обошли всю часть, фотографировали, в основном Казарму, зашли в Столовую. Нескладный увидел Кота, достал из рюкзака пакетик кошачьей еды, выложил её на картонную тарелку и предложил Коту. Кот вежливо понюхал, но есть не стал. После этого нескладный с громкоголосым ещё о чём-то поговорили, посмотрели на карту, потыкали пальцами в горизонт и пошли обратно.

Прошло ещё несколько лет. Кот заходил, но всё реже, а потом и совсем пропал. Я очень скучаю по нему. Ничего не происходило и ничего не менялось. Даже маленькие события, вроде этих визитов, стали приобретать значение. Но сегодня что-то произойдёт, я это знаю точно. С самого утра я слышу приближающийся шум двигателей и всем телом чувствую дрожание земли от тяжёлых машин. Я давно уже не верю в то, что сюда могут вернуться солдаты. Кому нужны развалины с забетонированной площадкой посередине, само предназначение которой давно забылось. Проще и дешевле построить новое, чем возиться со старьём. Праздные посетители не приезжают на такой технике. И поэтому здесь есть только один вариант: на мои вполне добротные ещё плиты и на кирпич Казармы нашёлся покупатель.

Наконец я вижу, что сюда подъезжает целая колонна: два экскаватора, кран, несколько грузовиков и автобус с рабочими. Это не те жалкие мародёры на своём ржавом «Мерседесе». Эти спра-

вятся. Просить пощады у них бессмысленно, да я и не буду это делать, я всё же военный. Не теряя рабочего времени, экскаваторы занимают позиции: один возле казармы, а второй на моей северной стороне. Ревут моторы, и почти одновременно ковш первого вгрызается в стену Казармы пониже крыши, а другой приподнимает мою первую плиту. Я слышу неожиданно сильный и красивый голос Казармы: «Gott, gib mir Gelassenheit, dinge hinzunehmen, die ich nicht ndern kann...», который заглушается грохотом падающих кирпичей. И я понимаю, что мне осталось ровно столько, сколько потребуется им, чтобы добраться до центральной плиты, под которой спрятано моё сердце. И я кричу, кричу, что есть сил: «Товарищ прапорщик! Разрешите обратиться! Строевой плац войсковой части 65111 поставленную задачу выполнил! Прощай, Кот! Прощайте, солнце и звёзды! Всё было не зря!»

Когда под очередной бетонной плитой разбитаго плаца давно заброшенного военного городка что-то блеснуло, стоявший рядом рабочий подал знак экскаваторщику. Подошёл, наклонился, подобрал советский юбилейный рубль с надписью по кругу «1870-1970», повертел его в руках, и, широко размахнувшись, забросил его далеко в высокую траву.

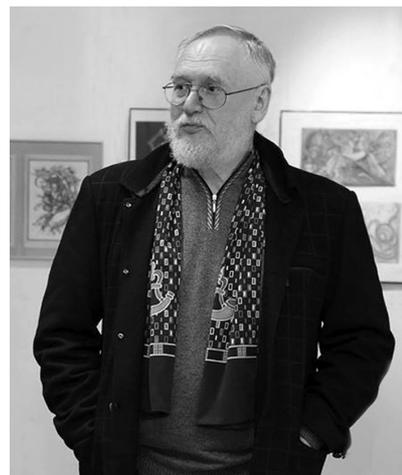
Во время этого полёта я увидел сверху нашу часть. На какой-то миг мне показалось, что всё в части так, как было тем летом: ярко светит солнце, десять молодых солдат усердно метут плац, офицеры, в ожидании приезда очередной проверки, торопятся куда-то, у заднего входа в Столовую с деланным безразличием сидит Кот. А по аллее молодых берёзок, оживлённо жестикулируя, с двумя рядовыми ко мне идёт прапорщик Возница. Усы его черны, а сам он молод и бодр. И только упав в траву, я узнал, где всё это время пропадал Кот.

И я остался с ним навсегда.

***Поздравляем автора с юбилеем!
И приглашаем его с новыми произведениями теперь уже в рубрику
«Проза и поэзия».***

*Поздравляем
с 60-летним юбилеем!*

Борис Нухимович Бартфельд родился в 1956 году в Калининградской области. Окончил Калининградский государственный университет. Является автором и руководителем ряда культурологических проектов. Автор четырёх краеведческих книг и двух книг стихов. Стихи переводились на литовский, польский, немецкий языки. Лауреат премий «Сопричастность» и «Вдохновение». Председатель Калининградской писательской организации Союза российских писателей.

Дорогой Борис Нухимович!

Примите самые добрые и сердечные поздравления с юбилеем от писателей калининградской организации, которую вот уже более пяти лет вы успешно возглавляете. За короткий срок вы сумели доказать, что Калининградский край является действительно одним из самых литературных мест России.

Фестивали и конкурсы, проводимые по вашей инициативе, создание ассоциации литературных объединений, ежегодный выпуск альманаха «Эхо», активное участие в выпуске журналов «Балтика» и «Мурр+», налаживание тесных связей с писателями приграничных стран, проведение Года литературы способствовали значительному повышению роли литературы. Вам мы обязаны приездом в нашу область самых известных поэтов и писателей. Вы многое сделали для раскрытия роли русских писателей в истории нашего края.

Трудно переоценить и вашу работу по сохранению культурного наследия, благодаря реализации ваших проектов нам стали ближе и Кант, и Гофман, и Донелайтис, и профессора «Альбертины». Создание вами Международного дома писателей в будущем привлечёт к нашему краю внимание творческих сил не только нашей страны, но и зарубежных стран.

Наряду с этой бурной деятельностью за короткий срок вы вошли в литературу, выпустив ряд поэтических сборников, а теперь и написав большой многоплановый роман «Возвращение на Голгофу». Вы на деле возвращаете в поле культуры истинные ценности, своим примером воспитывая молодое поколение в духе толерантности и уважения к культуре и литературе. Вся ваша деятельность являет пример любви к родному краю, к его богатому историческому прошлому.

К своему юбилею вы подошли в расцвете творческих сил. От всей души желаем вам сохранить свой творческий запал, свою энергию, пыл своей, души столь необходимые в нашем общем деле развития литературы. Неиссякаемого вам вдохновения, издания новых книг и дальнейших успехов на нашем непростом литературном поприще.

Будьте счастливы и успешны во всех своих начинаниях!

Калининградские писатели,
Союз российских писателей.

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ БОРИСА БАРТФЕЛЬДА

*Во время съёмок телеочерка к юбилею Бориса Барфельда
мне довелось пообщаться с ним более тесно.
Он многое рассказывал, читал стихи.
И во время наших встреч у меня выстроилась
некая «Теория относительности Бориса Барфельда».*
Марина Иргашева

У каждого города – своё время и своё пространство, которое приобретает необходимую глубину и уникальность лишь в постоянном творческом движении. Борис Барфельд умеет присмотреться и увидеть в этом пространстве образы, события, судьбы. Наблюдая за родным краем в разные временные отрезки его развития, он выстраивает свою теорию относительности любимого города. Как утверждает квантовая теория, пока не появится наблюдатель, ни времени, ни пространства не существует вообще. И это хорошо понимает Борис Барфельд, физик по образованию.

Пространство не должно быть пустотой, и Барфельд легко и смело раздвигает не только культурно-жизненный объём, но и временные рамки, и заселяет его людьми и событиями из разных эпох. В его системе координат рядом по одной земле шествуют философы и варвары, императоры и мастеровые, ученые и поэты. Здесь нет ненужных и незначительных элементов, каждый – необходимая грань в историческом калейдоскопе.

Теория относительности Барфельда включает ещё одну ось, которая не объясняется физическими законами. Помимо трёхмерного пространства и времени, есть ещё одна важная составляющая – собственное отношение к происходящему и происходившему. Родившись на этой земле, он наблюдает за её судьбой не со стороны с холодно-фактическим метроном анализирующего историка, а горячо, действительно сроднившись с этой землей. В разговоре с Борисом Нухимовичем невольно становишься обращенным в эту веру – веру человека, который врос в родную землю всеми жилами. Он по праву чувствует себя её частью, узаконенной частью – исторически, по рождению, и по зову сердца. И не зря многие считают, что Борис Барфельд в своей жизненной философии ориентируется на будущее, и что он – большой кёнигсбержец, чем многие из немцев, некогда покинувших Восточную Пруссию. Сама фамилия Барфельд звучит многослойно и чужестранно, с одной стороны. С другой – включает в себя близкое и понятное нам и в тоже время необъятное слово «фельд» – поле. Чем не поле для деятельности?!

Сегодняшнее время постоянно пытается низвести человека к уровню более низменных, мате-

риальных ценностей, но Борис Барфельд относится к тем людям, которые упорно хотят приподнять человеческие устремления. Поэтому он никогда не был просто наблюдателем. Он активно видоизменяет культурологическое полотно региона, старается обогатить его, устанавливая более высокую планку.

Ставить высокие планки ему не раз приходилось и перед самим собой, выстраивая свою жизненную систему координат. Родился в маленьком поселке Новостроево Озёрского района Калининградской области. Окончив школу и отслужив в Армии, получил университетский диплом с отличием. Сделал хорошую профессиональную карьеру – руководил исследовательскими работами Калининградского научно-технического учебного тренажёрного центра. А в 90-е, когда жизнь заставляла решать многие неразрешимые задачи, Борис Барфельд смог предугадать направленность экономических процессов и начал развивать собственный гостиничный бизнес. Но параллельно он всегда увлекался философией, писал стихи и продолжал изучать многовековое культурное и историческое наследие нашего края. Так возник его первый культурологический проект «Альбертина», связанный с историей Кёнигсбергского университета.

Борис Барфельд нанёс энергичной рукой и новую географическую точку на карту замечательного городка Светлогорска, где теперь появился небольшой и уютный переулок имени Гофмана. Благодаря ещё одному культурологическому проекту здесь также возник Дом сказочника.

У мистика Гофмана была своя система координат. Двумирие Гофмана – в сплетении вымышленного мира и реальности. Его герои, одержимые идеей утверждения в жизни Красоты и Искусства, чем-то напоминают в своих устремлениях Бориса Барфельда. Дом сказочника вышел далеко за рамки частного бизнеса и стал одной из достопримечательностей Светлогорска. А детский музыкальный конкурс имени Гофмана – одним из самых ярких культурных событий края.

Борис Нухимович умеет смотреть на любые проявления жизни сквозь призму эмоционально-чувственную. Отсюда его трепетное отношение к

большой поэзии. Много читает наизусть, особенно Бродского, и уверен, что поэзия должна звучать, её нужно читать вслух. С ранних лет физик Бартфельд и сам выражал мысли в стихах, но решился вынести на суд слушателей свои строки значительно позже. Он постепенно заявлял о себе как творческий пишущий человек. Вступил в Союз российских писателей, издал шесть книг, работает над историческим романом.

Борис Бартфельд делает очень многое, чтобы наш регион стал максимально открытым для «большой» российской культуры. Только в рамках фестиваля «Дни Литературы» наш край увидел и услышал писателей, поэтов, искусствоведов и публицистов России и Европы большой величины, имена которых вызывают трепет у всех, кто так или иначе имеет отношение к культуре и литературе: Евгений Рейн, Андрей Битов, Юрий Кублановский, Максим Амелин, Игорь Волгин, Кшиштоф Шатравский, Сергей Морейно и многие другие. Возможно, Бартфельд смог нащупать пульс культурной жизни этого уникального города, оказавшегося способным, опираясь на глубокие исторические традиции, развиваться дальше, двигаться в тенденциях мировой и русской культуры, сохраняя всё самое лучшее.

При поддержке Бартфельда издаются журналы, литературные альманахи, проводятся творческие

встречи деятелей культуры и науки, международные пленэры художников, конференции. За просветительскую деятельность Борис Нухимович удостоен звания лауреата премии Калининградской области «Сопричастность».

Мир Братфельда многогранен, в нём несколько измерений, множество смещений и параллелей. В обнаружении неслучайных случайностей, неожиданных встреч, необъяснимых совпадений – настоящее открытие и особое удовольствие исследователя. Эта конструкция пространства и времени должна быть в постоянном движении. Все-таки главный пункт устремления – будущее. Обращение к прошлому – не самоцель, его взаимосвязь с настоящим – и этого не достаточно. Будущее становится полноправным участником запущенных процессов. Бартфельд – предприниматель, меценат, писатель – имеющий за плечами весомый арсенал опыта, знаний и установившихся мировоззрений, совершенно легко идёт на эксперименты. Он человек открытый и современный.

В многогранном многоцветном пространстве должны звучать музыка и ученые диспуты, читаться стихи, писаться книги и научные труды. Город живёт, если в нём живут и творят такие люди, как Борис Бартфельд – самый лиричный физик, увлечённый и несторонний наблюдатель за временем и пространством.

Борис Бартфельд

* * *

О, Слово ловчее,
человечье.
Оловом горло обволокло.
Весло о лодку гремело.
Поэт, твое ремесло –
звук и тело.

* * *

Люпины –
В изысканно синий
Высь неба высинили.

Люпины –
Окрасили синью
Морского залива глубины.

Люпины –
Синью насильно
Поле заполонили.

И даже глаза любимых
Наполнены синью
В это шальное лето,
Лето синих люпинов.

* * *

Только влюблённым,
Влюблённым только
Доступно молиться
Под куполом неба,
Любому Богу
Истово и иступлённо,
Где и когда угодно,
На любой латыни,
Понятной лишь детям,
Влюблённым и птицам,
Летящим над морем.

* * *

Мой август не вернется никогда,
не упадет с небес вода
на пыльные поля
и в мягкие ладони
вечерняя дрожащая звезда
не ляжет угольком костра –
Я тройку в третью степень возведя,
тебя не встречу на своей дороге.

* * *

В моём королевском городе – день.
Солнечные часы на стене умолкли:
без солнца ничто не рождается,
даже тень
от гномона не падает,
деля циферблат на – до и после.
Странички блокнота в кармане промокли.
Тюль занавесила небо пилотам
на средних широтах.
Нехотя, день разгоняется,
приближая июль,
лето тонет в дожде,
как поэт в житейских заботах.

ПРЕДЕЛЫ

Берег – предел для моря,
Предел для суши – вода,
Межа – для плодородного поля,
Предел для звука – глухая стена.
Беспредельность пространства не осознать,
Воображение достигнет предела раньше,
Чем Евклид с Декартом поднимут рать
На Эйнштейна и Лобачевского,
искрививших пространство.

Ключочая проволока – предел для свободы,
Властная догма – предел для ума,
Предел для власти – пустая сума,
Предел совершенства – слиянье с природой.
Пределы любви – за пределами роли,
Предел терпения достигнет дна,
Возможность спасенья – за границами воли,
За пределами жизни, за пеплом холодным,
за пределами сна.

ОТКРОВЕНИЕ

И мы нырнули в этот омут,
Где нету боли,
Где нега разлита по телу,
И вены стонут от кипенья крови.
Где нет ни времени,
Ни чьей-то злобной воли,
Краюха счастья в руке
Да щепоть соли.

И я глотал из тёмных окон
Туман промозглый,
Поил тебя до одуренья брагой ночи,
И вился по подушке чёрный локон,
И телеграф давился телеграммой срочной.
Но мерный рокот серых волн залива
Нас охранял от глаз и волчьей пасти,
И в эту ночь нас обошли напасти.

Когда через казённые портьеры
Ночь уползла в свою сырую нору,
Что мне осталось от минувшей эры,
Что унести сумела ты в ладонях?
Но если снова нашу ссору злую
В минуту одиночества ты вспомнишь,
Мой верный друг – залива свежий ветер –
Её разгонит, как завесу дымовую.

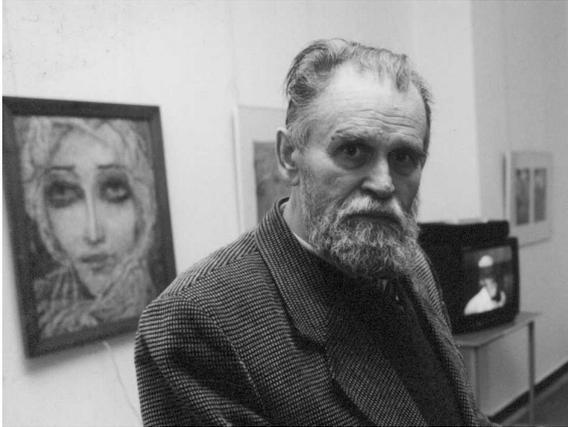
* * *

Я вхожу в этот город с рассветом,
каждым утром, прямо из сна.
Весной – обнимаю его дома,
купаюсь в озёрах летом,
зимою – в снегу, таком белом,
как платья невест
танцующих у Медового моста.
Переплетаю руки с его реками,
как с жарким телом
возлюбленной на закате дня,
когда лёгкий норд-вест
освежает проспекты и улицы.

Мне с тобою мой город
не надо сутулиться,
сегодня мы вровень: Ты и Я.
Что кланяться этой дате –
шестьдесят мне,
Ты – всего на семь сотен старше.
Века у тебя впереди, века сзади,
считай мы ровесники по мерке
человеческой жизни
и городской истории.
Что юношам думать о тризне,
любовью затопим улицы,
нежностью площади выстелем,
Канта стихами разбудим,
пусть студентов университета
мучает лекциями по философии.
А мы – будем
любить жизнь и радоваться музыке.

* * *

Человеческой памяти
глубина –
три дня:
Вчера
сегодня
завтра.
Было ли позавчера?
И будет ли послезавтра?
Хана!
Не сбежишь со двора.

СУДЬБА ТВОРЦА

85 лет

Юрию Николаевичу

Куранову

Считаю, что нашему краю очень повезло, когда сюда в 1982 году перебрался Юрий Николаевич Куранов. Сумел уговорить его тезка Юрий Николаевич Иванов, с которым они встретились на конференции по проблемам Нечерноземья. Да и до этого побывал Куранов в Калининграде в шестидесятые годы, был одним из руководителей семинара молодых авторов. Был я в числе участников и представил на семинар злополучную повесть о доках, которую местные власти запретили печатать. Куранов всех этих обстоятельств не знал, возможно, и получил какие-нибудь указания от местного руководителя семинара, но был он человек независимый и никогда и ничьих указаний не признавал. Повесть он одобрил, но не скажу, что мы тогда близко сошлись. Темы были разные – у него природа, жизнь деревни, у меня – верфь судостроительная и море. Возможно, море и привлекло его на крайний запад страны. Но все это произошло через десяток лет после семинара. А тогда нас сблизила любовь к псковским местам. Псковщина была моей родиной. Куранов прожил там тридцать самых творческих лет. И особенно нас единила любовь к Михайловскому. Я еще в студенческие годы познакомился с хранителем пушкинской обители Семеном Степановичем Гейченко. Куранов дружил с ним, по его рекомендации Гейченко был принят в Союз писателей. Я же один из самых лучших своих каникул провел в келье Святогорского монастыря, которую мне выделил Гейченко. Писал я тогда стихи, и по утрам ходил к могиле Александра Сергеевича и читал свои стихи. Был я, как и все мои молодые друзья, самонадеянным, воображал себя гением. Прошли годы, в которые я осознал, что поэт из меня, если получится, то средний, а вот проза – это для меня.

После семинара я разыскал книги Куранова и был приятно поражен его мастерством, короткие лирические миниатюры были полны света, очень точны по слову. В этих миниатюрах он заставил слово проявиться всей гаммой заложенных в него звуков и смыслов, сделал звук цветным и светосносным. И я понял, что судьба послала мне встре-

чу с человеком, сущность которого не делима с его творчеством. Ни в его прозе, ни в его поступках не было ни грани фальши. Один примечательный эпизод с того первого семинара мне запомнился. Был в составе участников рабочий паренек из города Светлого по фамилии Тёмный. Все его не иначе как Тёмный из города Светлого не называли. Повесть он представил неплохую, со свежим взглядом на жизнь, естественно, правдивую. Вызвала она критику со стороны руководителя семинара – местного писателя, который после выявления всех недостатков, сказал Темному: вот есть у вашей нации привычка скрываться за псевдонимом. – Так это же моя настоящая фамилия! – возмутился молодой писатель. Юрий Куранов поддержал его, сказал, причем здесь фамилия, важно то, что человек написал. Куранов не терпел проявлений антисемитизма. Во всяком случае, этого местного писателя он позднее выставил из своего дома.

Если бы Куранов просто сочинял свои великолепные миниатюры, он бы прожил, вероятно, безбедно. Хотя и все эти миниатюры тоже были даже стилистически не совместимы с той лакировочной литературой, которая процветала в те годы. Главное неприятие властей вызывало то, что Куранов не мог спокойно взирать на творимое зло и беззаконие. Где бы он не жил, повсюду он выступал в защиту справедливости. Напрасно власть предержавшие деятели от литературы хотели приручить его. Так всесильный секретарь Союза писателей Георгий Марков взял с собой в поездку в Португалию, приглашал Куранова на престижные встречи и конференции, но не обрел в молодом писателе союзника. Куранову претила официальщина. Потом, когда мы сблизились, я стал председателем писательской организации и опирался на его поддержку, а он, во время своих приездов из Светлогорска в Калининград оставался ночевать в моей квартире, и о многом порассказал мне. Говорили и спорили мы ночи напролёт. Жена упраскивала, потише, люди кругом спят. Но мы не могли говорить спокойно. Я тогда был полон эйфории, а он

остужал меня реалиями жизни. Красочно расписывал подловатость московских писательских начальников и издателей. Рассказывал о встречах в Вешенской, превращавшихся в оргии. Авторитетов у него не было, ни в настоящем, ни в прошлом. Был он бунтарём и ниспровергателем дутых величин.

Всю свою жизнь положил Куранов на алтарь литературы. Закончив в ссыльном поселении родителей школу, поехал в Москву, к тому времени стихами была исписана ни одна тетрадь. Жил у друзей, иногда приходилось ночевать и на вокзалах. Мужественно воспринимал отказы издателей. Поступил в 1950 году в университет на искусствоведческий факультет, но лекции преподавателей-ортодоксов были скучны ему. Он покинул университет. В 1954 году поступил в престижный ВГИК на сценарный факультет. Но и здесь учеба по стандартным канонам не устраивала его. Появились в печати первые публикации его стихов. Стихи перерастали в лирическую прозу. Первым заметил и поддержал его известный писатель Эммануил Казакевич. В 1959 году в журнале «Новый мир» – были опубликованы первые лирические миниатюры. Творчество молодого автора одобрили Константин Паустовский и Александр Твардовский. Паустовского называл Куранов своим учителем, впоследствии писал: «Он одним из первых учил меня ценить живое дыхание слова, пение красок, мудрую простоту повседневности, под которой скрыты глубинные движения человеческого сердца».

Калининградские писатели Ю. Куранов и О. Глушкин на встрече с читателями в детской областной библиотеке им. А. Гайдара. 2000 г.

Как точно выбраны были наставники, среди потока лакировочной лживой литературы они стояли островами правды, отстаивая честь писателей.

В те годы пробиться к типографскому станку было чрезвычайно трудно тем, кто писал правдиво и не кланялся властям. Были периоды полнейшей безысходности. Многие из талантливых писателей просто напросто спивались. Не миновала эта напасть и Куранова. Спасла его вера в Бога, он крестился и круто изменил свою жизнь. Был он религиозен в истинном значении этого слова. Я тогда писал роман «Саул и Давид», досконально изучил библию. Куранов знал не только библию, но и послания всех апостолов и жития святых. Мы могли часами спорить до хрипоты. Переспорить Куранова было почти невозможно. Иногда, правда, через несколько дней он звонил и признавался, что был не прав.

Относился Куранов к разряду людей, у которых не гнется спина. В Пскове он «воевал» с сильными мира сего. Печатали там его крайне редко. В Калининграде тоже все не сложилось. Не терпел он лжи и несправедливости, которые царили в советском обществе. И разве мог он жить в ладу с большевистским режимом, если с раннего детства испытал гримасы сталинщины. В период большевистского террора в 1937 году был арестован отец, который вместе с другими музейными работниками пытался препятствовать разграблению музеев правителями. Мать, художница, ученица Филонова была тоже репрессирована. Отца сослали на Соловки, а Юрий с дедом и бабушкой, как члены семьи «врага народа», были отправлены на поселение. Он вспоминал, как чудом выжил. Некоторые составы останавливали на глухом перегоне. Всех выгружали в лес и там расстреливали. Познал он в полной мере тяжесть бытия политических ссыльных, голод и сибирские морозы, гнёт и унижения...

В Калининграде ни в книжном издательстве, ни в «Янтарном сказе» не спешили с изданием его книг. Пришло время гласности и перестройки, время которое он так ждал и торопил, но положение с изданием не менялось. В 1991 году страна распалась, распался и Союз писателей. Юрий Николаевич был участником того памятного пленума, на котором Юрий Бондарев с призывом: «Россия на выход!» покинул пленум со своими сторонниками. Куранов на этом пленуме призвал опубликовать списки писателей, сотрудничавших с КГБ. Предложение его большинством было отвергнуто. В этом же году делегация калининградских писателей приняла участие в учредительном съезде Союза российских писателей. Была она самой многочисленной. Перед этим съездом на собрании мы по инициативе Юрия Николаевича приняли решение войти всей организацией в этот новый

Участники Курановских чтений, проходивших в Зеленоградской городской библиотеке имени Ю.Н. Куранова. 4 февраля 2016 г.

демократический союз. За это решение активно ратовали и Снегов, и Иванов, и Долгий. Председателем писательской организации был тогда я, избранный еще до распада Союза. Я успел ощутить насколько далека от моих взглядов политика тогдашнего писательского руководства, отвергавшего реформирование общества. На съезде был я свидетелем того, как Евгений Евтушенко и Тимур Пулатов предлагали Куранову возглавить Союз писателей, но Юрия Николаевича начальственное положение не прельщало. На этом же съезде он выступил с яркой речью, обличавшей соцреализм и гонения на писателей, которые устраивались не без содействия прежних писательских секретарей.

В этом же году мы создали журнал «Запад России», впервые в послевоенной истории область обрела свой художественный журнал. Юрий Николаевич включился в работу, мы опубликовали в журнале его три рассказа, пронзительные и резкие, повествующие о времени террора. Опубликовали и его сюрреалистические миниатюры, которые в советское время были опубликованы только в Польше. В антологию «Лики родной земли» включили рассказ Юрия Николаевича «Тишайший снегопад» о первом приезде его в Светлогорск зимой и заворожившем его незамерзающем морем. Несколько позже были изданы книги его стихов, но очень малым тиражом. В Москве бы издан его роман «Дело генерала Раевского», сразу ставший бестселлером. У нас пресса встретила этот роман в штыки. Мы старались поддержать писателя, зная, что у него незначительная пенсия, добились оплаты ему за семинар, который он вел с молодыми авторами. Доказали, что он по праву должен получить премию «Признание». Однако, в Калинин-

граде издания главных своих книг Юрий Николаевич так и не дождался. Он оставался прежним бунтарем и не хотел подлаживаться ни к какой системе. Дружил, правда, с «отцом перестройки» Александром Яковлевым, который несколько раз приезжал к Куранову, да и в Москве они часто прогуливались вечерами по площади Ногина и вели длительные и откровенные беседы. Эти разговоры стали основой для романа «На развалинах кровавой империи», который, к сожалению, Куранов не успел закончить. Многие Куранова не устраивало, мы видели, как плодами перестройки воспользовались те, кто бодро расхватывали народную собственность, мы ощутили на себе писательское бесправие, когда писательские организации из разряда творческих были переведены в общественные организации и лишены финансирования. Добиваться льгот у власть имущих Куранов не желал. Пригласили как-то меня с ним к губернатору. Нам назначили время встречи. Мы явились в губернаторскую приемную точно в назначенный час. Сидим, ждем. В кабинет губернатора один за другим проникают чиновники, до нас очередь все не доходит. Юрий Николаевич решительно встает, смотрит на часы – прошло пятнадцать минут. Говорит твердо: уходим. Уговорить его подождать ещё, мне не удалось. Создавался клуб интеллигенции, во главе должен был стать директор «Янтарного сказа». Юрий Николаевич узнал о том, что недавно в этом издательстве издана в роскошном переплете биография Садама Хусейна и сборник стихов московских писателей, восхваляющих этого лидера. И конечно, не промолчал, резко выступив против. После этого издание книг Куранова в «Янтарном сказе» стало невозможным. И только после

ухода писателя из жизни – очнулись власти. Бывший в то время начальником рыбного порта, а потом и губернатором Леонид Горбенко решил издать собрание сочинений Куранова. По его заданию мы долго обсуждали – сколько будет томов, сошлись на восьми. В первый том решили поставить стихи, я же стоял за то, чтобы первый том включил его лучшие прозаические произведения. Согласились со мной. Была издана книга «Тепло родного очага». Но дальше дело не пошло. Денег больше не выделили. Недавно только было издано собрание сочинений в трех томах, и составлено оно было «по гамбургскому счету» – включили только лучшее. Был издан по правительственной программе и самый значительный роман Куранова «Дело генерала Раевского».

Юрий Куранов повторил путь многих русских писателей. Говорят, в России надо жить долго, чтобы дожидаться признания. И проверяется писатель своим уходом. Если о нем забывают, то значит, его писательский авторитет был дутым, а если с годами его значение растёт, и книги его переиздаются, значит, это был настоящий мастер слова. То, что Юрий Николаевич обладает истинным талантом и является настоящим волшебником слова, я понимал с первого же прочтения его миниатюр. Но наибольшее впечатление на меня произвела повесть по мотивам жизни костромского художника Алексея Козлова «Озарение радугой». В этом, одном из лучших своих произведений, Куранов вступил в состязание с музыкой и цветом. Словами он попытался изобразить не только неизвестные нам полотна Козлова, но и многие шедевры живописи. Небольшая эта повесть стала почти музыкальной энциклопедией и энциклопедией живописи. И так пахнет с ее страниц сиренью и люпином, скошенными травами, так отчетливо звучат Скрябин и Вивальди, что всякий раз, начиная ее читать с любой страницы, невозможно оторваться от текста и хочется читать вслух.

Если человек талантлив, то талант этот проявляется в любой отрасли искусства, за которую он берется. Юрий Куранов очень хорошо знал и по-

нимал живопись. Он говорил: я родился в Русском музее. И это была не литературная выдумка, а реальность. Квартира родителей была в музее, там работала мать. Так что с младых лет мог он созерцать полотна великих художников. И впоследствии его всю жизнь тянуло к живописи. Не потому ли его черно белые строки вдруг оживают в цвете. И музыку он понимал, чувствовал сердцем, часто, когда творил, слушал Баха, Моцарта, Вивальди. Может быть, потому во всех его произведениях есть свой неповторимый ритм, они очень близки к стихам в прозе. Живопись Куранова – это ещё один его вклад в искусство. Поражает точность и точность созданных им пейзажей, они сродни его миниатюрам.

Я был частым гостем в его уютной светлогорской квартире, где живописные работы писателя украшали стены. Там, в наших беседах активно участвовала жена Юрия Николаевича Зоя Алексеевна. За долгие годы совместной жизни она сумела из простой деревенской девушки превратиться в помощницу писателя и ценителя его произведений. Она поддерживала его во время тяжелой болезни. Он долго не сдавался. Администрация выделила средства на облучение в Дубне. До Дубны он не доехал, остановился в Москве, насколько хватило денег, пробыл там, прощался с друзьями. За месяц до кончины выступал на открытии «Дней славянской письменности», говорил яростно, защищал чистоту слова. После его ухода Зоя Алексеевна уехала к дочери в Подмоскovie. Она во многом содействует нам в издании курановского наследия. Она часто приезжает в Калининград, где в библиотеке имени Куранова в Зеленоградске интересно и вдохновенно рассказывает о сложных путях творца. Бережно хранят в библиотеке все добытые курановские документы и рукописи. Проводятся конференции по его книгам. Проводят встречи участники его семинаров. И такое впечатление, что он живет среди нас. Вот войдет и начнет страстные свои речи, глуховатым, сдавленным болезнью голосом. Великий ревнитель правды и русского слова.

Олег Глушкин

Несколько четверостиший Юрия Николаевича Куранова из неопубликованной книги «Нерукотворная лампада. Четверостишия и немногострочия» :

Научиться соседа любить,
научиться страдать за другого,
в нём прочувствовать брата родного
и участливым к ближнему быть.

Весь организм приходит в нищету,
всё медленно и верно угасает,
а вот душа, пустынная босая,
стремится и стремится в высоту.

Мы все хотели бы до дна
испить фиал удач и счастья,
но жизнь полна для нас несчастья –
и слава Богу, что полна.

Нельзя бояться жизни, жизнь – тюрьма
для тех, кто тонет в жадности и злобе.
Не бойся зла и не служи утробе,
и даст тебе Господь свободы и ума.

ЖИВЫЕ УРОКИ МАСТЕРА

*У слова есть не только будний смысл,
Но есть и горный зов Святого Духа,
Его лишь целомудрствующим слухом
Вкушает целомудренная мысль.*

Юрий Куранов

Говорить о творчестве Юрия Куранова, казалось бы, просто: ведь только из названий его миниатюр можно составить поэму, или написать объёмное исследование по особенностям его малой прозы, лишь вставляя между цитатами короткие ремарки. Гораздо сложнее увидеть за кажущейся простотой восприятия творчества *целостность* такого явления, как *Юрий Куранов* – явления общечеловеческого значения, с особенной его значимостью для России.

Не претендуя на исчерпывающую всеохватную картину (которую вряд ли вообще можно создать, не говоря уже о рамках короткого очерка), всё же постараюсь не упускать из виду целостность, корни которой в религиозном мировоззрении Юрия Николаевича Куранова.

В повести «Озарение радугой» Юрий Куранов пишет:

«Если бы я мог петь гимны, я бы воспел в своём сердце гимн зимним радугам, зимнему искрящемуся по ветвям деревьев солнцу, когда оно в полдень рассыпается по каждой снежинке, по каждой искре инея...»

И не нужно даже трогать ель или березу рукой либо палкой, и без того в морозном воздухе стоят сиреневые, ало-синие и золотисто-огненные дуги света. Они переливаются, они колышут в своих потоках нежные и бесконечно радостные улыбки, от которых веет молодостью и чистотой...

Но если на ходу ты задел плечом или рукавицей ветку, стена сыпучего и огненного снега становится перед тобой и воздвигает радужные высокие ворота.

Через эти ворота нужно пройти, не закрывая глаза, чтобы в каждом из них вспыхнуло по радуге. И нужно еще совсем немного, нужно, чтобы сердце твое в этот миг превратилось в прозрачный, наполненный музыкой любви и восторга кубок. Тогда в этом кубке вспыхнет радуга – вот теперь ты поэт».

С таким поэтом я спешила на встречу каждую субботу в течение дарованного мне года (неизвестно за какие прошлые заслуги или авансом за какие будущие), проводя всю неделю в ожидании следующей встречи и подготовке своих робких литературных проб.

Великое, во всём его величие, можно разглядеть только на расстоянии. Величие Куранова, че-

ловека столь многогранно одарённого, можно было почувствовать и вблизи. И не из-за своей малости (в уничижительном смысле) рядом с ним – Юрий Николаевич не был высокомерен. В нём органично сочетались мудрость и молодой задор. Чтобы почувствовать свою малость в перспективе своего развития, надо было прикоснуться к добросердечной радушно-расширяющейся радуге его боговдохновенного величия. Яркое сияние многоцветной ауры его талантов не могло укрыться за его скромной интеллигентностью и христианской кротостью (говорящей не о робости, а о внутренней силе) – оно было доступно для чуткого сердца и от него можно было возжечь собственную радугу.

О том, каким мог восприниматься Юрий Куранов учениками его литературной студии «Дуновение дюн», можно судить по миниатюре Марины Мещеряковой (Михайловой):

... FORGET BE NOT.

В комнате, где не было стен и потолка, на полу из незабудок стоял письменный стол.

За столом сидел человек и быстро писал на листах бумаги остро отточенным карандашом.

Этот человек был похож на пирата; казалось, что в его правом ухе раскачивается золотой дублон, а голову покрывает потёртая треуголка. Но это только казалось.

Человек закончил писать.

Листы бумаги сложились в белоснежный фрегат. Из написанных слов человек соткал паруса и отправился в путь по бушующему морю незабудок.

Это было так просто.

Ведь в комнате не было стен, впереди ждала вечность, а попутный ветер был его старинный друг-приятель.

Призвание поэта Юрий Куранов почувствовал рано. Уже в стихах 19-, 22-летнего студента видна рука, в смысле мастерства, зрелого автора, но чувствуется душа непосредственная, юная и до прозрачности искренняя.

*Чем молнии дальше, тем гром осторожней.
Сначала, как будто по бочке порожней,
со звоном стуча в пересохшее дно,
вливается первой струёю вино.*

*Но вот осмелели раскаты глухие,
запели под струями доски сухие,
приветствуя гостя с полей своего
и силу, и звонкую удаль его.
А тот, ободрённый радушным приёмом,
могучим потоком с раскатистым громом
ударился тяжкой струёю в бочонок,
и доски хохочут, гремя обручённо,
а в людях окрестных будя ароматом
желанье быть сильным, любимым, богатым.*

*Вот так же сверкнёт на странице строка,
по смыслу иль чувству пока далека.
Но вот поползли со страницы раскаты,
сначала робки, высоки, легковаты.
Но сердце на эти далёкие звуки
откликнется тотчас приветственным стуком,
и вот уж радушьем его ободрён
гремит из строки накаляющий гром.
Повеет по векам и скулам бессонным
порывистым ветром, пропахшим озоном,
и смыслом гремучей строки озарён
ты снова свободен, здоров и влюблён.*

Так, как отклик сердца на отдалённый всплеск чувства и мысли – рождается вдохновение и поэзия.

Твардовский, назвав манеру молодого автора «блоковщиной», не принял его стихи в печать, видимо, в силу их юной дерзновенности, устремлённой вширь и ввысь от приземляющей и выравнивающей направленности принятых установок.

Миниатюры Юрия Куранова были напечатаны, и смертвлёнными однообразием трудовых будней соотечественниками восприняты как родниковые струи. Он получает сотни писем от благодарных читателей. Для некоторых его произведения стали судьбоносными. В одном из писем – признательность за спасение от самоубийства.

«Как знать, не прибывает ли в самой жизни после таких книг чистоты, ясности, внимания ко всему живому», – это из статьи официального критика.

Миниатюры об очень для человека важном, представленном в такой простой, казалось бы, легко воспринимаемой форме, и всё же вызывающие духовное напряжение, и как результат – соперничество, сочувствие, понимание того, что хочет передать поэт (все миниатюры дышат поэзией), и важности того, что происходит со мной, с моей душой: она оживает, сочувствует, сорадуется, любит – она есть!

Желание Куранова уловить за внешними проявлениями некий скрытый смысл передаётся читателю. Сквозь обыденность загадочно просвечивает нечто чудесное. Природа, как младенец, доверчиво открывается для общения. С цветком, ручейком, зарницей, облаком, дождём можно вступить в диалог и многое узнавать о природе и о себе.

«В мире внимательного общения трав друг с другом, и в то же время с человеком, высветивалась и чуть-чуть обнажалась с деликатностью необычайной аналогия: жизнь – всюду жизнь, и вся она держится на трепетности, на священном чувстве любви».

«Цветы... просто наслаждаются тем, что живут, что видят свет, и свет для них – любовь...» А, может, цветы живут и для того, чтобы сердце человека отозвалось на их красоту, и душа человека, ожив и осознав своё существование, стала способной услышать «горный зов». Высшие смыслы, возможно, специально от человека сокрыты, чтобы он духовно рос для их осознания.

Юрий Куранов пишет в «В воспоминании о детстве»:

«Среди самых дорогих моему сердцу ощущений я всё чаще и чаще вспоминал одно. В шестилетнем возрасте я оказался в ссылке с родителями моего отца. А сам он заключен был на Соловки. И вот впервые попал я в настоящий цветущий лес. И какая-то деревенская девочка показала мне в глубине лесной ароматно расцветший огромный цветок. Я поражён был этим цветком настолько, что мне даже не пришло в голову сорвать его. Я лишь склонился над этим цветком и долго смотрел в него, чувствуя, как он светит мне в лицо, я дышал его благоуханием. Там, среди сосен и елей, среди берёз и осин, в прохладе леса. В чистоте его».

От этого воспоминания – отдалённого «горного зова» – и начинается путь, приведший к Богу.

*Явленье в жизни красоты
Не Духа ль Святого дыханье,
В миру людском благоуханье
Надмирной райской чистоты.*

В литературных произведениях Юрия Куранова многие воспринимают преимущественно эстетическую сторону. Но таким творчество Куранова предстаёт, если и не совсем поверхностному взгляду (для восприятия даже только эстетической составляющей текстов Куранова необходимо духовное сосредоточение), то и не очень углублённому.

Красота языка эта внешняя форма многопланового целого, включающего глубину интуиции, синтетичность мысли, чуткость сердца и гениально адекватное им речевое выражение, такое, что читатель способен прийти в состояние автора и воспринять дух этой целостности.

В части восприятия целостности это относится к малой прозе и повестям. Для восприятия целостности романа «Дело генерала Раевского» необходимо духовное напряжение, почти непосильное для современного читателя. Целостность этого романа, несмотря на грандиозность исторических пространственных и временных пер-

спектив, многоплановость, многотемность, изобилие персонажей, достигается тем, что автор всем повествованием ищет ответ на главный вопрос, стоящий перед каждым человеком: в чём смысл жизни? И подводит читателя к тому, чтобы каждый сам для себя ответил на него.

К Юрию Николаевичу Куранову ответ на этот вопрос придёт с обретением веры в Бога.

«Жизнь сама по себе – чудо. Однако только истинно верующий в Бога может проникнуться всей глубиной этого».

«С тех пор, как я сознательно стал верить в Бога, каждый день превратился для меня в праздник. Это – праздник жизни, праздник дыхания, сияния, стремления, борения и страдания моей души. Но теперь страдание... для меня осмысленно, возвышенно, и я стремлюсь к нему, я его со страхом и трепетом ожидаю. Но этот страх не животного происхождения, он возвышает и делает меня лучше».

«В сущности своей вера в Бога не признак примитивности, слепого повиновения, а глубоко творческий акт возвышенной преданности, неземной восторженной любви человека к всемогущему благородному и бесконечно родному существу, без которого жизнь лишена смысла, красоты и самой сути своей».

Вера в Бога – это путь бесконечного творческого познания во всё более и более возрастающей степени, по мере очищения и совершенствования. Познания истинного».

В эссе «Воспоминание о детстве» Куранов пишет: *«Теперь, когда меня спросят, чему я хотел бы уподобить своё перо, я знаю, что ответить. В 1585 году вблизи Оки, недалеко от Белёва, Святой Макарий Жабинский основал монастырь. А в 1615 году был монастырь истреблён польским отрядом пана Лисовского. Но Макарий вернулся на пепелище и возродил пустынь. Он часто уходил в лесную глушь, чтобы предаться в одиночестве молитве. И вот однажды он услышал стон и увидел обессиленного поляка, рядом с которым валялась сабля его. «Пить», – просил тот слабый голосом. Святой Макарий возмолился ко Господу и ударил своим посохом в землю. И тотчас же хлынул из земли родник, чтобы утолить умирающего. Вот и я хотел бы, чтобы перо мое уподобилось этому посоху».*

Для меня не только перо Юрия Куранова было таким посохом, но и живое общение с ним, и я благодарна Юрию Николаевичу за родниковые струи и Богу, за то, что в моей жизни есть Юрий Куранов.

Юрий Куранов

Отрывки из рукописи «НЕРУКОТВОРНАЯ ЛАМПАДА. Четверостишия и немногострочия»

... Как известно, один из величайших святителей Григорий Богослов читал и ценил «Илиаду».

Её действительно есть за что ценить, с огромной наглядностью там изображено, как люди ещё не освобождённые искупительной жертвой Иисуса Христа, с удивительной яростью истребляют друг друга и весь окружающий их мир, разжигаемые демонами. Им эти демоны представляются богами и богинями, люди поддаются стравливаниям и демоническим иллюзиям своих якобы покровителей, которые ещё в миру, на воле земной, ещё не было Воскресения Христова, и они ещё не загнаны в ад.

Гомер со всею силой поэта, правда, не случайно слепого – но провиденциально, показывает губительную участь человека, подвластного силе преисподней.

Жрецы войны, насилия и зла,
свирепо отвергающие Бога,
решительны до смертного порога
вершить свои кровавые дела.

У тела есть свои пределы
в пространстве, времени, судьбе;
душа и дух – иное дело,
они бессмертные в тебе.

Бесплотность, бесплотность, бесплотность –
духовный канон красоты,
телесная грубая потность
низводит нас всех с высоты.

Не надобно нам задираться
пред смертью, недугом, бедой:
строги эти сёстры и братцы
и ходят не сами собой.

Неужели не ясно, что Божьи
неизбывны и сила и власть,
так зачем клеветой и ложью
на Него вы вздуваете страсть?

Господь посылает страдания
и Он же нам силу даёт
прочувствовать как назиданье
их весь искупительный гнёт.

Ты всем чужой и только Богу ты
родной и бесконечно драгоценный,
для всех ты, как играющий со сцены,
но Бог с тобой страдает с высоты.

Слава Богу, соблазнов всё меньше
и всё меньше иллюзий земных,
нет надежд на мирских этих женщин,
хорошо, что не будет иных.

Искусство живёт подтасовкой,
мираж выдавая за суть,
сгоняя нас всех в мышеловку,
где страсти нам душу сосут.

Скоморохи, одни скоморохи
в мире нашем плодятся, как вши,
о величии мнимом эпохи
изолгались до визга души.

Навстречу смерти твой телесный путь,
но у души всё будут крепнуть крылья,
телесность, осознавшая бессилье,
во Господе отыскивает суть.

Так много, так много страдающих,
безбедных, безгорестных – нет,
но много ли к Богу взывающих,
целителю всех наших бед.

Народ, не способный к смиренью,
проходит сквозь дьявольский гнёт:
иль волю Господню поймёт –
иль сгинет во зле и смятенье.

С такою безной грязных дел,
какою ты свой путь означил,
с тобою надо бы иначе –
ещё до смерти на вертел.

... В Оптиной пустыни хорошо помнили, что Достоевский не раз приезжал к старцу Макарию и сживал против него в кресле. Отцу макарию Достоевский как-то сказал, что он раньше ни во что, даже в Бога, не верил.

– Что же заставило вас повернуться к вере? – спросил писателя великий подвижник.

– Да я видел рай! – воскликнул Достоевский. – Ах, как там хорошо, как светло и радостно! И насельники его так прекрасны, так полны любви. Они встретили меня с необычайной лаской. Не могу я забыть того, что пережил там, и с тех пор повернул к Богу.

В Оптиной пустыни говаривали, что Достоевский, покинув земные пределы, спасся.

Ты и в раю затеешь блажь,
пусти тебя туда такого,
и никому нигде ни слова,
ни слова вымолвить не дашь.

Пока талант не служит Богу,
он весь в метаньях, в маяте,
он не найдёт свою дорогу,
дороги будут, но не те.

Ты видишь, какие мученья,
тебе дарованья влекут,
пока ты не в Божьем служеньи,
не вышел из дьявольских пут.

Талант, он страшнее снаряда,
опасней, чем яростный зверь,
безбожным отравленным ядом
он ломится в каждую дверь.

Не злобствовать нужно, а верить,
не буйствовать надо, а ждать,
стучаться в Господние двери
и слушать Господнюю Мать.

Далеко за пределами тела
цель и смысл твоего бытия,
грянет час, и, глядишь, опустела
вся земная скорлупка твоя.

Мысль – приблизительная формула того,
что в глубине души твоей клубится,
лишь общий знак, лишь плоская страница
объёмного сознания твоего.

В безбожье мысль – оборванная нить,
порою, может быть, и золотая,
иль в небе пролетающая стая,
осенний лист, опавший, чтобы сгнить.

И душа там, в небесном свечении,
будет вольная Божья раба,
и у каждой своё назначение
и своя неземная судьба.

Украшать нужно душу – не тело,
украшать нужно дух, а не плоть,
чтобы душу в Господни пределы
словно голубя принял Господь.

ГОСТЬ НОМЕРА — КОНСТАНТИН КЕДРОВ:

Константин Кедров – человек, многообразие интересов которого поражает. Известный поэт, филолог, много лет преподававший в Литинституте, доктор философских наук, создавший теорию метакода.

Кедров родился 12 ноября 1942 года в семье Александра Бердичевского (1906-1991, Москва) и Надежды Юматовой (1917 - 1991, Москва) – артистов театра города Рыбинска Ярославской области, где они временно находились в эвакуации до 1945 года.

В 1956 году, в 14 лет, получил письмо из Италии от основоположника сюрреализма своего двоюродного деда Павла Челищева с открыткой знаменитой картины «Каш-Каш» или «Игра в прятки», созданной в год рождения К.Кедрова в 1942-ом. Поэт изображен в виде рождающегося младенца, как единственный продолжатель Калужско-Дубровской линии древнего дворянского рода Челищевых. Живопись Павла Челищева оказала большое влияние на поэзию Кедрова.

В 2008 году на канале «Культура» был показан фильм о Павле Челищеве «Нечетнокрылый Ангел» по сценарию К. Кедрова и Н. Зарецкой, снятый в Москве и в Нью-Йорке.

Первым на литературную одарённость Кедрова обратил внимание журналист Яков Дамский. В газете «Комсомолец Татарии» в 1958 году Дамский впервые опубликовал подборку Кедрова с таким предисловием: «Стихи Константина Кедрова радуют и удивляют всех, кому приходится их читать. Трудно даже поверить, что эти зрелые мысли, эти яркие образы принадлежат перу пятнадцатилетнего школьника».

В 1960 году Константин Александрович приезжает в Москву и поступает в МГУ на факультете журналистики. Тогда же познакомился с А. Крученых и показал ему свою поэму «Бесконечная»: «Я вышел к себе через-навстречу-от и ушел под, воздвигая над».

Через год, после отчисления, переводится в Казанский университет. Окончив историко-филоло-

«Я настаиваю на том, что смысл жизни создает поэзия. Философия осмысливает это или не осмысливает, в зависимости от своих возможностей. Но смысл создает поэзия. И она ведет, расширяя сознание – человек приобретает все больше и больше».

гический факультет Казанского университета, возвращается в Москву и в 1968 году поступает в аспирантуру Литературного института Союза писателей.

В 1973 году защищает кандидатскую диссертацию, после чего 12 лет работает старшим преподавателем кафедры истории русской литературы в Литературном институте имени Горького.

В это время К. Кедров знакомится с учеником П.А. Флоренского – А. Ф. Лосевым. Здесь же вокруг него формируется круг поэтов из числа студентов, заинтересованных в авангардной линии развития русского стиха. В 1983 году Кедров сформулировал общий принцип их поэзии как **метаметафору**:

Метаметафора – это метафора, где каждая вещь – вселенная. Такой метафоры раньше не было. Раньше все сравнивали. Поэт как солнце, или как река, или как трамвай. Человек и есть всё то, о чём пишет. Здесь нет дерева отдельно от земли, земли отдельно от неба, неба отдельно от космоса, космоса отдельно от человека. Это зрение человека вселенной.

В том же году Кедров написал поэму «Компьютер любви», которая отмечается критикой как «художественный манифест метаметафоризма». А ещё через год Кедров провозгласил создание группы «ДООС» (Добровольное общество охраны стрекоз).

В 1986 году в связи с обвинениями в комполитизме и антисоветской пропаганде К. Кедров переходит «на творческую работу», т.е. по сути дела становится безработным вплоть до 1991 года.

Тяжёлое материальное положение вынуждает продавать полученные в наследство картины Павла Челищева, в числе которых портрет бабушки Софьи Челищевой (в замужестве Юматовой), написанный Павлом Челищевым в 1914 г. в родовом имении Дубровка Калужской губернии, принадлежавшем прадеду К. Кедрова, помещику Федору Сергеевичу Челищеву.

Впервые за границу Кедров выехал в 1988 году для участия в фестивале советского авангардного искусства в Иматре (Финляндия).

В 1989 году К. Кедров вместе с Андреем Вознесенским проводит вечер во Дворце Молодежи «Минута немолчания». На сцене Г. Айги, И. Холин, Г. Сапгир, И. Кутик, Е. Кацюба и другие поэты андеграунда. Вознесенский зажигает с помощью К. Кедрова «свечу Пастернака» и предлагает полутысячному залу встать и издать вопль по ненапечатанным текстам. «Минута немолчания» оказалась чрезвычайно громкой.

В 1989 году в издательстве «Советский писатель» вышла монография Кедрова «Поэтический космос», в котором наряду концепцией метафоры развивалась, с привлечением широкого литературного и мифологического материала, философская идея метакода – единого кода живого и неорганического космоса. «Литературная газета» об этой книге Кедрова писала:

«...Кедров придаёт художественным образам наукообразность, облакает поэзию в философию, <...> «расшифровывает» астрономическую символику литературных сюжетов, от Библии до народных сказок, и «открывает» «метакод» – «устоявшуюся систему астрономической символики, общей для разных ареалов культур».

В 1990 году выходит первый сборник «Компьютер любви» в издательстве «Художественная литература». Предисловие к нему было написано Андреем Вознесенским:

«Constanta Кедрова

Константина Кедрова можно назвать Иоанном Крестителем новой волны метафорической поэзии. Его аналитические поэмы не имеют ни начала, ни конца; они как процесс природы и творческого исследования могут быть бесконечно продолжены, обманывая неискушенного читателя юродством и скоморошеством».

На презентации в ЦДЛ книги «Компьютер любви», вышедшей с фотографиями А. Годунова в издательстве «Бегемот» (М., 1994) А. Вознесенский так отозвался на новое издание:

«Это действительно событие огромное, и у меня трепет в руках, когда я это смотрю. Но я думаю, что вот это сочетание «компьютер любви» – это не просто. Это вещь давняя, может быть, но она издана именно сейчас, потому что именно сейчас это сочетание для России точное. Потому что именно, думаю, вот школьники, студенты – они сейчас приникли к компьютеру, и именно сейчас – возраст любви. Перефразируя нашу известную формулу, можно сказать: Россия – это должна быть любовь плюс компьютеризация всей страны!»

Кедров не просто поэт такой герметический, это орган какого-то литературного процесса. Я думаю, что если бы его не было, у нас все пошло бы наперекосяк... И потом, одно слово, полслова –

Константин Кедров с режиссёром Юрием Любимовым поставил мистерию «Сократ-оракул» в Театре на Таганке.

это минимализм, это образ сжатый донельзя, который и в 21-ом веке останется, а не те тонны слов лишних, которые написаны».

По сообщению Космического Дайджеста РФ К. Кедров стал лауреатом премии «ВЫСЬ–2014» за поэму «Компьютер любви», которая на протяжении многих лет украшала стартовые площадки космодромов Байконура и Пле сецка.

В 1991-1998 годах Кедров работал литературным обозревателем газеты «Известия», по мнению Евгения Евтушенко:

«Ни на кого не похожий – уникальный и в своих эссе и в своих поэтических экспериментах, и в своем преподавании уникального, словом, уникалист, теоретик современного взгляда на искусство, защитник новой волны, считающий, в отличие от пессимистов, что сейчас не расцвет литературы, а её распад; как редактор литературного отдела «Известий», превратил его из рупора официоза в проповедь авангарда».

За это время в «Известиях» были опубликованы: первое в России интервью с Натальей Солженицыной, интервью с Главным проповедником Америки и духовником трех президентов Билли Грэмом, серия статей против смертной казни и интервью с будущим главой Комиссии по помилованию при президенте РФ писателем Анатолием Приставкиным, интервью с Галиной Старовойтовой о правах человека и нормах международного права, статьи о ранее запрещенных и полузапрещенных писателях и философах (В. Набоков, П. Флоренский, В. Хлебников, Д. Андреев), а также о неизвестных в то время широкому кругу читателей В. Нарбиковой, Е. Радове и о поэтах андеграунда (Г. Сапгире, И. Холине, А. Еременко, А. Парщикове, Н. Искренко, Г. Айги, А. Хвостенко). После раскола в редакции «Известий» вместе с редактором Игорем Голембиовским перешёл в газету «Новые Известия».

В 1994 году на ТВ выходит телепередача студии «Лад» «Другой голос», где на вечере Константина Кедрова с участием А. Вознесенского, Г. Сапгира, И. Холина, Р.Элинина Елена Кацюба поясняет сущность ДООСа: «ДООСа как организации не существует, но в поэзии так устроено, что часто то, что есть, того нет. А то, чего нет, есть». Генрих Сапгир тотчас прочел свой перевод Омара Хайяма:

«Поскольку все, что в мире существует,
Пройдет, исчезнет, а куда – Бог весть,
Все сущее, считай, не существует,
А все несуществующее есть».

А Андрей Вознесенский рассказал, как он ознакомил поэтов на Международном фестивале в Роттердаме со сборником «ДООС-анаграмма»:

«Что такое поэзия, не знает никто. Но есть поэзия в чистом виде, все время поэты пытались создать чистую поэзию. Но я думаю, что поэзия – это прежде всего энергетика поэзии. И вот Константин Кедров – это сгусток поэтической энергии, создающий мир, космос. Это может проявляться в словах, это может проявляться в идеях, может проявляться визуально. Но самое главное, что существует такое явление – орган, излучающий эту энергию. Его книга «ДООС» – это тоже такой организм поэзии. Случайно вот так совпало, что я был на фестивале поэзии. Есть такой город Роттердам, и он знаменит еще и тем, что там лучшие в мире фестивали поэзии, как я думаю. Был 25-й юбилей этих фестивалей поэзии в Роттердаме. На этот раз собрались и нобелевские лауреаты, Энциесбергер и другие, все приехали праздновать. И была теоретическая дискуссия, и надо было показать, что делается в современной русской поэзии. Я просто вынул эту книжку и рассказал. Почитал немножко, поговорил, и это было физическое доказательство этой энергии. Без перевода по залу пробежала такая энергетическая дрожь от этого симбиоза, который у нас был. И сразу все ожило. Все почувствовали дыхание новой поэзии».

В 1995 году вместе с другими членами ПЕН-клуба (А. Вознесенским, Г. Сапгиром, И. Холиным, А. Ткаченко) Кедров основал «Газету ПОэзия» (вышло 12 номеров), в 2000 году преобразованную в «Журнал ПОэтов» (вышло 10 номеров). Двадцать выпусков были переизданы в 2007 году под одной обложкой с названием «Антология ПО».

На поэтическом вечере Константина Кедрова в ЦДЛ в 1997 году ведущий Андрей Вознесенский отметил:

«Поэзия живет, и живет она мощным таким генератором, который называется Константин Кедров».

Раньше у нас было какое-то разделение на непрофессиональных критиков, которые профессионально пытаются судить о поэзии, и поэтов, которые дилетанты в философии. Наконец пришел человек, который все соединил. Это Константин Кедров. Он создает «Газету ПОэзия», но она могла бы называться Константин Кедров, потому что там все делает он. Он собирает людей, он делает настоящую серьезную поэзию, которая не дилетантская. Это не рассуждения кого-то, кто что-то о чем-то слышал. Это сам поэт, который делает серьезные теоретические выкладки, которые помогают нам жить».

В 1996 году в Институте философии РАН К. Кедров защитил докторскую диссертацию.

21 марта 2000 года по инициативе и под руководством Кедрова впервые в России был отмечен Всемирный День Поэзии ЮНЕСКО в Театре на Таганке с участием руководителя театра Юрия Любимова, поэтов Андрея Вознесенского, Елены Кацюба, Алины Витухновской и Михаила Бузника, актёра Валерия Золотухина. За что получает благодарность Комиссии по делам ЮНЕСКО в РФ. Праздник становится ежегодным. Андрей Вознесенский в этот день сказал:

«Когда-то было сказано, что Есенин – это орган чувствования, это уже не человек, это орган. Орган поэзии сейчас – это Кедров. Это удивительная личность, он еще доктор философских наук. По-моему, ни один поэт в России не был таким умным и образованным. Вот сейчас вы услышите «Компьютер любви». Это удивительная вещь. Это божественное такое, разложенное на математику, это прекрасно. Я хочу, чтобы вы послушали его и полюбили».

Кедров избран президентом ассоциации поэтов России, ЮНЕСКО (ФИПА). С 2001 года Кедров – декан Академии Поэтов и Философов Университета Натальи Нестеровой.

В 2003 и 2005 годах за поэму «Компьютер любви» Кедров становится лауреатом премии Грэмми-ру. За него голосуют 15000 пользователей Интернета. Одновременно радиостанции Эхо Москвы, НТВ, CNN, ОРТ, Европа-Экспресс сообщили, что Кедров номинирован на Нобелевскую премию. Поэзия Кедрова переведена на все основные языки мира.

1-го марта 2013 года К. Кедров стал лауреатом международной престижной Южнокорейской премии имени буддистского подвижника и поэта Манхэ. Среди награжденных ею 4 лауреата Нобелевской премии: Мандела, Далай-Лама, китайский писатель-правозащитник Ма-Юнь, томящийся в тюрьме, и экс президент Южной Кореи. Торжества прошли под Сеулом во дворце Спустившегося Небо вблизи буддистской обители Манхэ.

Константин Кедров по мнению Европейской Комиссии стран ЕС входит в десятку лучших писателей и поэтов Европы.

15 мая 2013 года Совет Европы провел в Болгарии акцию Европейские поэты – Ночь поэзии, где в девяти городах страны актеры и известный переводчик Румен Шомов читали стихи Константина Кедрова на болгарском языке.

В российскую ночь Музеев 18 марта 2013 года под радостные возгласы молодых поэтов Константин Кедров-Челищев был увенчан почетной короной Короля поэтов.

В 2014-ом поэт награжден Международной немецкой премией ДОМИНАНТА за выдающиеся успехи в философии и в поэзии, создание новых эстетических принципов.

14 февраля 2007 года в Московской Академии Образования презентацию «Антологии ПО» ведут Андрей Вознесенский и Константин Кедров.

Константину Кедрову посвящены три стихотворения Андрея Вознесенского:

1. «Эфирные стансы» (1993), написаны в прямом эфире в Останкино. На вечере Константина Кедрова в салоне «Классики XXI века» (Российское телевидение. Передача «Другой голос». 1994 г.) Вознесенский рассказывал:

«Однажды была ночная телепередача прямого эфира. Там сидишь, как на углях, ничего написать нельзя. Нет одиночества, нет божественного наития какого-то. Но так как рядом сидел Кедров, то он заряжал меня своей энергией, и я сказал: «Давай, пока они там болтают, я напишу стихи». И вот мы вместе писали. Я ему говорил: «Хорошая строчка? Плохая строчка?» Что получилось, я вам попробую прочитать:

ЭФИРНЫЕ СТАНСЫ

Посвящается Константину Кедрову

Мы сидим в прямом эфире.
Мы для вас, как на корриде.
Мы сейчас в любой квартире.
Говорите, говорите...
Костя, не противься бреду,
Их беде пособолезнуй,
В наших критиках (по Фрейду!)
Их история болезни.
Вяжем, уши растопыря,
В фосфорическом свету,
Точно бабочки в эфире
Или в баночке в спирту.
Вся Россия в эйфории,
Митингуют поварики.
Говорящие вороны,
Гуси с шеей Нефертити
Нас за всех приговорили
Отвечать здесь –
Говорите
Костя, Костя, как помирим
Эту истину и ту?
Станем мыслящим эфиром
Пролетая темноту!

2. Стихотворение

«Демонстрация языка» написано как предисловие к полному собранию поэзии К.Кедрова «ИЛИ» (М., Мысль, 2002).

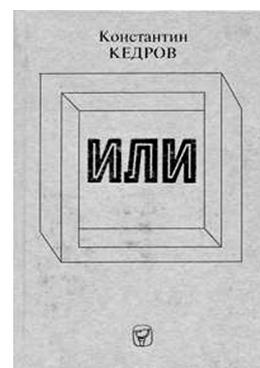
Вознесенский так представил эту книгу на презентации в Русском Пен-клубе 29 ноября 2002 г.:

«Я очень люблю стихи Кедрова. Это абсолютно лишённые пошлости вещи. Сейчас в нашей литературе самое страшное – пошлость, все эти сентиментальности, все эти кубики, квадратик стихов. Но Кедров с самого начала до конца своей книги цельный совершенно, это удивительно неизменяемый человек. Главное здесь – стихия языка, которая опережает поэта. Мы все уходим в язык. Это наше бессмертие или смерть, все равно. Я написал стихи «Демонстрация языка», как предисловие для этой книги.

Я прочитаю стихи, которые я написал. Интересно, что эта книга построена от последних годов к началу. Не всякий поэт может решиться на это. Обычно бывают хорошие стихи вначале, а потом начинается уже дребедень, такая уже девальвация. У Кедрова же видно, что сейчас он более матерый, более точный мастер. Моя любимая вещь у него всегда была – «Компьютер любви», написанный где-то в 70-х. А вот последняя, «Тело мысли», она такая же, как «Компьютер любви».

ДЕМОНСТРАЦИЯ ЯЗЫКА

Константирует Кедров
поэтический код декретов.
Константирует Кедров
недра пройденных километров.
Так, беся современников,
как кулич на лопате,
константировал Мельников
особняк на Арбате.

Для кого он горбатил,
сумасшедший арбайтер?
Бог поэту сказал: «Мужик,
покажите язык!»
Покажите язык свой, нежить!
Но не бомбу, не штык –
в волдырях, обожженный, нежный –
покажите язык!
Ржет похабнейшая эпоха.
У нее медицинский бзик.
Ей с наивностью скомороха
покажите язык.
Монстры ходят на демонстрации.
Демонстрирует б...дь шелка.
А поэт – это только страстная
демонстрация языка.
Алой маковкой небесовской
из глубин живота двоякого
оперируемый МАЯКОВский
демонстрирует ЯКОВА...
Связь тротила и рок-тусовки
константирует Рокоссовский,
что, тряся бородашкой вербальной,
константирует Бальмонт
Эфемерность евроремонтов

константирующий Леонтьев
повторяет несметным вдовам:
«Поэт небом аккредитован!»
Мыши хвостатое кредо
оживает в компьютерной мыши.
Мысль – это константа Кедрова.
Кедров – это константа мысли.

3. Двустиие НАСТАНЕТ ЛАДА КРЕДОВА КОНСТАНТА КЕДРОВА

Вознесенский продиктовал по мобильнику из-под дерева Будды в Индии для «Газеты ПОэзия» в 1998 году: «Я стою босой. Я чувствую рядом священное дерево, под которым когда-то медитировал Будда. Дереву 2300 лет. Оно древнее нашей христианской цивилизации. Собственно и вид у него такой. Корневая система слилась со стволом до уровня третьего этажа примерно. К стволу примыкает прямоугольный навесик. Над местом статуи Будды. В плане, я думаю, это похоже на ПО, только там «п» поменьше – пО».

4. А также стихотворение Юнны Мориц «Туманность дыханья и пенья».

Константин Кедров-Челищев

* * *

Андрею Вознесенскому, поэту и другу

Сапфо фиалкокудрая
Сапфо фиалкогрудая
Сапфо фиалкорукая
Сапфо фиалкомудрая
Купите фиалки
фиалки Монмартра
фиалки для Сартра
для Сартра фиалки
Цветы растут друг из друга
И мы с тобой друг для друга
В солнце макая маки
пишут Ван Гога маки
пишут Моне кувшинки
пишет тебя сирень
Все мы друг друга пишем
гроздьями каждый день
Сколько кистей в палитре
столько в лугах цветов
Сколько цветов в палитре
столько цветов
«Возвратитесь в цветы»* –
говорит Вознесенский
возвратится Андрюша и я и ты
а когда возвратимся

то вновь возродимся
и конечно же в нас возвратятся цветы
ты конечно же ирис
это каждому ясно
и рисуют тебя
все живые цветы
и рисуют нас звезды
небесные астры
и рисует нас сад
из цветной наготы
звездный сад состоит не из звезд
а из света
свет из звёзд –
аромат из цветов
Это лето поэтов
из звёздного цвета
ароматного цвета цветов
Кто-то дарит цветы
Кто-то делает деньги
Словом каждый при деле
«какникрути»
Ну а вечное дело
цветов и поэтов
отцветать и цвести

*) Поэма А.Вознесенского. Посвящение Борису Гребенникову

Отцветать и цвести
 Нам нельзя возвращаться в тюльпаны и в маки
 Горл бутоны готовы
 И еще неизвестные монстры Ламарка
 вырастая из горл
 возвращаются в слово
 Сад словесный ночной гиацинтовый росный
 Соловьи айлавьют свои гнезда из горл
 Как разряд освежающий нежный и грозный
 сад словесный рыдающий как Кьеркегор
 Мы не можем ждать милости от сирени
 Мы не можем ждать милости даже от роз
 потому что все Сирины осиротели
 без сирени отрубленных Врубелем слез
 Под душистою веткой сиренью расстрелян
 князь великий К.Р.
 По призыву поэта
 Растрелли расстрелян
 Все расстреляны
 кто не отрёкся
 от звёзд
 от цветов
 и от вер
 Отверзаются дверцы
 хрустального цвета
 в алтаре где Флоренский служил литургию
 где Флоренции мраморная невеста
 прикрывает от копоти плечи нагие
 Прорастает в руинах трилистник Баженова
 Прорастает Растрелли ростками в раструбе аркад
 Всё расстреляно
 даже трилистник расстрелян
 Всё расстреляно
 даже цветов аромат
 От Растрелли до расстрела
 в гулком сумраке ночей
 раздаётся хрип команды
 о-гол-тельных стукачей
 На расстреле фиалок фиалка – Флоренский
 вросся в вечную мерзлоту
 Лепестками фиалок раскрылась Флоренция
 там где Данте стоял на ажурном мосту
 Я стоял рядом с ним
 Улыбался Флоренский
 Этот взорванный мост
 тем теперь знаменит
 что какой-то безумец оккультно-немецкий
 убегая успел подложить динамит
 Нам бы памятник при жизни полагается конечно
 Заложили динамит –
 а ну-ка дрызнь
 Закопчённый Дант во тьме кромешной
 воспевает вечно Nova Жизнь
 Так Флоренский смешивая водоросли
 извлекал из них взрывную смесь
 Год от года цвести нашей бодрости
 Обожаю всяческую смерть

Обожал безбожник жизнь безбожную
 Говорят сам выстрелил в себя
 Сам или другие
 Все возможно
 Он в себя стрелял из несебя
 В страсть его уже никто не верил
 Даже обожаемая лилия
 И в социализм он вряд ли верил
 Лишь маячила его фамилия
 Лилия Брик кровавая Офелия
 в ручейке из крови от него плыла
 Так швырнул поэт в ручей своё пустое тело
 в будущие мёртвые тела
 Проплывало тело мимо Данте
 Он стоял на взорванном мосту
 Маяковский выругался:
 – Нате –
 Данте плюнул и ушёл к Христу
 Но печален был фиалковый Флоренский
 он стоял на взорванном мосту
 вглядываясь в меркнувшие фрески
 где Иуда припадал к Христу
 Там и я стоял у фрески Джотто
 среди фиалок цвета всех цветов
 Справа был Флоренский
 слева Данте –
 два живых священника цветов
 Облачаются розы в ризы
 опадающих лепестков
 Облачаются ризы в розы
 розы ризы
 цветы цветов
 Гроздь гроз извергают розы
 и рыдают слезами звёзд
 гиацинтов слёзная россыпь
 всё оплачет звёздами слёз
 Мани-мани Мане
 Маки-маки Моне
 Отцвели уж давно
 хризантемы в саду
 хризантемы в аду
 хризантемы в раю
 Умирай ум и рай
 Ум и рай умирай
 Я в саду
 как в аду
 и в аду
 как в саду
 Из заоблачных мордочек Анатем
 вырастают головы хризантем
 Отцвели уж давно тамплиеры в кострах
 а зола ещё жжёт
 ещё жжётся зола
 Тамплиеры в кострах
 Хризантемы в садах
 Все созвездия стары
 в астрологии астры

Из расстреливаемых растров
 выдвигается раструб
 В наведённом на резкость
 глазном окоёме
 выступают нарезки
 окуляров из сердца
 Так из лилии вышел Христос
 и по водам
 шел в одежде из лилий
 общаясь с народом
 Эта лилия словно
 небесное лоно
 породила весь мир
 и царя Соломона
 «Даже царь Соломон
 так не выглядел прежде
 как небесная лилия
 в белой одежде»
 Так и вы облачитесь
 в одежды из света
 Бог воздаст вам за это
 воздаст вам за это
 Мы прошли по земле
 как Христос по воде
 оставляя лилий следы
 Мы прошли по земле
 и остались в земле
 как в земле остаются сады
 Семена наших душ
 прорастут как цветы
 и цветами осыплется сад
 А над нами на небе другие сады
 звёзды гроздьями света висят
 Вся галактика – ветка сиреневых слёз
 обронённая Богом в ночи
 Пью горечь тубероз
 пью горечь речи
 горечь пью
 из нежной горечи

КАНТ

Пишет Кант «Трактат о вечном мире»
 Ну а всюду вечная война
 Вот и я пишу о вечном мире
 Мне и Канту не нужна война
 Критикует Кант и мысль и разум
 Ну а я уже не критикую
 С «Похвалою глупости» Эразма
 Над трактатом вечности воркую
 Кант увидел противоречивость
 Всех суждений обо всем на свете
 Ну а мне чужда велеречивость
 Как на том, так и на этом свете
 Канту я не очень доверяю
 Слишком Кант серьезен и разумен
 Я же мысль свою всегда вверяю
 Тем, кто с Кантом чуточку безумен

Есть еще там «Пралегомены»
 Я их не читал и не прочту
 Но в китайской «Книге перемен»
 Иероглиф мысли с Кантом чту
 Кант открыл, что мысль в себе таится
 Мысль всегда в себе как в небе птица

ШОПОТ ШОПЕНА

Шопот Шопена
 Шопена шопот
 Гогот Гогена
 Гогена хохот
 Шуберта шуба
 Шумана ум
 Шумана Шумана
 Шумана шум
 Скерцо Шопена
 Шопена скерцо
 Сердце Шопена
 Шопена сердце

ПРОЩЕНИЕ

Зачем писать когда всё ясно
 всё ясно кроме одного
 Бог умещающийся в ясли
 И я не мог спасти его
 Молю – меня простите братья
 Хотя прощенье не в чести
 Что от проклятья и распятья
 Не смог Спасителя спасти
 И если даже вы простите
 И если даже Он простит
 Я не прощу себя – Простите
 Кто могий это да вместит

СКРЯБИН

Радуга играла Скрябиным
 Скрябин радугой играл
 Нотный стан стал звукорадугой
 Звукорадужный хор ал
 Прометеем электрическим
 Добывал из звука цвет
 Стал финал его тагический
 Звукорадужный Завет
 В зодиак цветной играя
 Он извлек аккорды Рая
 Просиял его Грааль
 Проиграл его рояль

С уважением,
 Konstantin Kedrov

*К 75-летию начала Великой Отечественной войны***И МАЛЬЧИШКИ ВОЕВАЛИ...**

В жизни каждого писателя и журналиста бывает немало интереснейших встреч. В силу разных причин итоги таких встреч не всегда выплёскиваются на страницы газет, журналов или книг. Но проходит определённое время, и память возвращает автора к событиям прошлых дней. Именно так случилось и в этот раз...

...В далёкие шестидесятые годы прошлого века во время служебной командировки довелось мне встретиться с писателем Валентином Савичем Пикулем, тогда уже признанным маринистом-романистом. Разговор состоялся в небольшом рабочем кабинете писателя, расположенном в доме неподалёку от Рижского железнодорожного вокзала. И разговор этот, естественно, шёл о временах недавней войны – Великой Отечественной...

– Я ведь попал на Северный флот, на эскадренный миноносец, после окончания Соловецкой школы юнг, – с определённой долей ностальгии вспоминал писатель. – А командовал той школой превосходнейший моряк капитан 1 ранга Николай Юрьевич Авраамов...

Фамилия этого доблестного офицера была в то время, как говорят, на слуху. Однако не поленился, посмотрел некоторые справочники и исторические книги. Уточнил для себя, что родился Николай Юрьевич в далёком уже 1892, а вскоре после окончания Великой Отечественной, в 1949, умер. Был он офицером старой закалки: окончив Морской корпус, участвовал в боевой деятельности Балтийского флота в годы Первой мировой войны. После Февральской революции Авраамов единодушно избрали командиром эсминца, и он успешно перевёл свой корабль из Гельсингфорса в Кронштадт во время знаменитого Ледового похода Балтийского флота...

Но вот грянула Великая Отечественная война, и Николай Юрьевич возглавил вновь созданную Чудскую военную флотилию. Через три месяца он стал заместителем командующего Ладожской военной флотилии. Когда же жернова войны перемололи эти новые формирования, опытный моряк капитан 1 ранга Авраамов стал начальником курсов младших командиров Балтийского флота, потом – начальником Школы юнг...

Это были самые трудные времена: враг захватил огромные территории нашей страны. Не стихали бои на подступах к осаждённому Ленинграду. Фашисты, вскоре отброшенные от стен Москвы, цеплялись за очередные рубежи на её подступах. Гремела страшная по накалу Сталинградская битва. Страна напрягала все силы, чтобы изгнать захватчиков. Новые и новые защитники Родины шли на фронт. Не оставались в стороне и

малолетки. Ведь Родина была в опасности! Подrostки осаждали военкоматы и райкомы комсомола, а когда не находили понимания, писали письма в ЦК комсомола, в Наркомат обороны. Порой они незаметно пробирались в теплушки, идущие на фронт, чтобы бить проклятых фашистов!

Именно в эти тяжёлые для страны дни Народный комиссар ВМФ издал приказ о создании школ юнг. Тысячи мальчишек хлынули на Соловецкие острова, где была учреждена одна из таких школ. Были среди них вчерашние школьники, были паренки, потрудившиеся на колхозных полях или у заводского станка, а порой – «бывалые» воины. Такие, скажем, как пришедшие из смоленских партизанских лесов Лёша Ющенко, Саша Радьков и Боря Усов, которые до того сумели уничтожить около сотни фашистов, более десятка полицаев, взорвали несколько фашистских складов и пустили под откос немало эшелонов врага. Они с гордостью носили на груди заслуженные ордена: Ющенко – орден Красного Знамени, а Радьков и Усов – ордена Красной Звезды.

В Соловецкой школе юнг было чуть более полутора тысяч таких вот рано возмужавших мальчишек. Они не дрогнули, когда обратившийся к ним начальник школы капитан 1 ранга Авраамов ещё и ещё раз напомнил, что им будет очень трудно, поскольку военное дело не терпит послаблений, и предложил передумавшим выйти из строя. Они не дрогнули. Они преодолели все трудности. Они пересилили себя, когда в жуткие морозы строили жильё и учебные помещения. Они не сдались, борясь с неподдающимися мальчишеским усилиям огромными валунами. Они учились военному делу прилежнее, чем в школьном классе до войны. Ведь они готовились сражаться с фашистами!

А накануне отправки на боевые корабли юнги дали клятву:

«...Мы клянёмся с достоинством и честью оправдать оказанное нам доверие, умножать боевые традиции советских моряков, хранить и оберегать честь школы юнг ВМФ... Если же ослабнет воля, если подведу товарищей, если трусость постигнет в бою, то пусть презирают меня в веках, пусть покарает меня суровый закон Родины!»

И клятву эту мальчишки военных лет сдержали. В книге «Балтийцы сражаются», написанной бывшим командующим Балтийским флотом в годы войны адмиралом Трибуцом В.Ф., мне встретились строчки, посвящённые юнгам и курсантам Валаамской школы боцманов. «В составе 4-й бригады морской пехоты немало было курсантов и юнг из флотской Валаамской школы боцманов, – писал

адмирал. – Многим из них тогда не исполнилось и семнадцати. Однако это были воины, готовые принять бой. Уже в августе сорок первого года, когда враг прижал к берегу Ладожского озера бойцов 168-й стрелковой дивизии полковника А.А.Бондарева, на своих шлюпках и моторно-парусных шхунах «Учёба» и «Практика» они принимали активное участие в эвакуации войск этой дивизии. А в середине сентября, оставив Валаам, юнги и старшины прибыли в Осиневец, с ходу совершив 50-километровый марш, прибыли на плацдарм Невской Дубровки, а оттуда ранним утром с бойцами морской пехоты форсировали Неву и с боем ворвались на левый берег реки...»

Да, это был крохотный плацдарм – всего около 1000 метров по фронту и около 900 метров в глубину. Но он был жизненно важен для осаждённого Ленинграда. И воины, в том числе предшественники юнг Соловецкой школы, стояли здесь насмерть. Батальон капитана Никанорова, в котором они сражались, в кровопролитном бою метр за метром отвоёвывал этот крохотный клочок земли. Когда же немцы на одном из направлений бросили против моряков танки, и сложилась критическая обстановка, потому что командир роты моряков лейтенант В.Павловский был убит, а политрук Д.Лапин тяжело ранен, командование принял на себя старшина 2 статьи Б.Ивашкевич. Моряки, в том числе юнги, выстояли!

Командование высоко оценило этот подвиг. «Мы в течение двух недель не смогли осуществить форсирование Невы, – писал командир Невской оперативной группы, – а моряки первым броском выбили немцев. С таким народом можно воевать!»

Многие из выпускников Соловецкой школы юнг, наследники славы Валаамской школы, воевали на Северном флоте. Так, на прославленном гвардейском эсминце «Гремящий» их было двое – Лев Симаков и Борис Старков. На гвардейском же эсминце служил и собеседник мой, ставший впоследствии добрым приятелем, Валентин Пикуль. На торпедных катерах Северного флота неплохо воевали Узбек Идрисов и Алексей Болдырев. На Черноморском флоте участвовали в боях рулевым крейсера «Красный Кавказ» Василий Емельянов, а в освобождении Севастополя и Крыма проявил себя Василий Чураков. На одном из тральщиков Балтийского флота отличился Владимир Лукоянов. Защищал Ленинград электрик Краснознамённого линкора «Октябрьская революция» Владимир Татаринов... Невозможно перечислить всех этих рано повзрослевших мальчишек, ставших военными моряками и не жалевших крови своей, а порой и жизни ради защиты своей Родины.

Вчерашние юнги в послевоенное время тоже не сдали своих позиций. Они привыкли быть лучшими, они привыкли всего себя отдавать избранному делу. Например, Вадим Коробов стал подводником на атомоходах и дослужился до звания контр-адмирала. Ставший капитаном рыболовно-

го сейнера Владимир Вологин удостоен звания Героя Социалистического труда, как бригадир Воронежского завода радиодеталей Сергей Савин и железнодорожник из Перми Михаил Балуев. Николай Махонин стал доктором технических наук и лауреатом Государственной премии.

И в области культуры бывшие юнги впереди: стал народным артистом СССР бывший юнга Борис Штоколов. Много книг написали признанные писатели и журналисты Валентин Пикуль и Виталий Гузанов... Этот список можно продолжать до бесконечности, и жаль, что невозможно перечислить всех их, мальчишек времён войны, ставших прекрасными воинами и замечательными послевоенными тружениками.

Но меня, как историка флота, флота, прежде всего подводного, больше занимала и занимает сейчас судьба Михаила Золотарёва. Он, житель осаждённого Ленинграда, двенадцатилетним мальчишкой прибил к катерникам, которые тогда базировались на реке Неве. И даже участвовал в некоторых выходах катеров в Финский залив. Но мальчишка хотел стать подводником, чтобы нанести фашистам как можно больший урон – за то, что они изуродовали его прекрасный родной город, за то, что погубили своей блокадой так много его сверстников-мальчишек, многих его близких и родных.

И Миша упросил принять его юнгой на подводную лодку «С-13», которой командовал прославленный командир капитан 3 ранга Александр Маринеско. Правда, команда, любя этого смыслёного, разбитного мальчишку, старалась не брать его в боевые походы. Только не уследили взрослые. Миша Золотарёв всё-таки «проскользнул» на лодку, отправляющуюся в свой последний боевой поход. Затаился в одном из отсеков. И объявился только тогда, когда лодка уже вышла в открытое море. Как же старался он в том походе – будто настоящий матрос-подводник! Наравне со всеми членами экипажа подвергался он опасностям подорваться на минах или погибнуть от глубинных бомб преследующих лодку фашистских кораблей. И недаром за тот боевой поход мальчишка награждён был самой ценной и самой красивой морской медалью – медалью Ушакова.

Кстати, Михаил Геннадьевич Золотарёв – один из немногих оставшихся нынче живыми из Краснознамённого экипажа «С-13». Живёт он в Израиле и уже несколько лет руководит крупной организацией ветеранов Великой Отечественной войны в этой стране.

Вот уже в семьдесят пятый раз страна наша переживает этот День Скорби. И каждый раз мы с особой остротой и благодарностью вспоминаем тех, кто принёс нам радость победы. Не все, далеко не все они сегодня среди нас, но в памяти народной они остались навсегда!

Виктор Геманов, член Союза писателей России.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ: КИЧАТОВ ФЕЛИКС ЗИНОВЬЕВИЧ (13.04.1936–27.08.2009)

Изящная книжечка «Летопись деятельности Калининградского областного общества почитателей А.С. Пушкина», вышедшая к 15-летию общества в 2003 году, особо характеризует творческую увлечённость и системность мышления Феликса Зиновьевича Кичатова, инициатора создания и вдохновителя общества калининградских пушкинистов на целых 22 года.

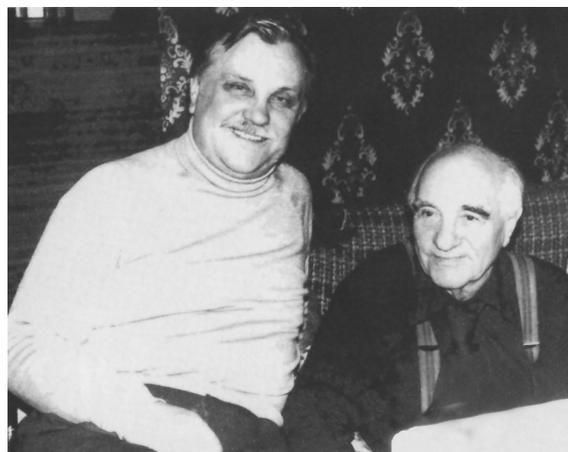
Калининградское областное отделение Советского (Российского) Фонда Культуры, созданное в ноябре 1987 года, и возглавляемое писателем и общественным деятелем Юрием Николаевичем Ивановым, в конце 80-х годов выдвигало и поддерживало многие новые идеи и инициативы. Пушкинская программа в те времена была одной из ведущих во множестве судьбоносных идей академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва, президента Советского Фонда Культуры. И наше областное отделение фонда культуры один из первых благотворительных вечеров в концертном зале филармонии посвятило памяти А.С. Пушкина, где был представлен проект пушкинского сквера архитектора Альбины Гараниной. Поэтому идея Ф.З. Кичатова о создании в Калининграде пушкинского общества была поддержана с большим воодушевлением Советом нашего фонда культуры, и первая организационная встреча, которая состоялась по предложению Ф.З. Кичатова в фойе Калининградского театра кукол, стала точкой отсчёта жизни общества. Театр кукол был выбран не случайно, в его зрительном зале в 1988-1990 годы проходили бурные заседания дискуссионного клуба «История. Экология. Культура», которые собирали широкую аудиторию любителей и знатоков истории нашего города. В летописи эта памятная встреча Ф. Кичатовым описана так: «20.12.1988. Первое организационное (учредительное) заседание Общества. Присутствовали: А.З. Дмитровский, Ф.З. Кичатов, О.Ф. Крупина, Г.Н. Мазина, К.Н. Медведев, Н.П. Перетяка, В.Н. Потехинский. Определили цели и формы работы Общества. Председателем избрали Ф.З. Кичатова. По предложению Г.Н. Мaziной обществу дали наименование: «Калининградское областное общество почитателей А.С. Пушкина». Художник Галина Мазина оставила пушкинистам

прекрасный портрет Пушкина в технике линейной графики, который был напечатан на многих афишах, пригласительных билетах и в Пушкинском сборнике статей 1993 года. Ныне Г. Мазина живёт в Израиле.

Вопрос создания памятника и сквера А.С. Пушкина стоял на повестке общества как самый главный. Следует заметить, что в январе 1988 года в дар нашему отделению фонда культуры уже был передан в Москве Союзом художников России бюст Пушкина работы И.Шульца, который украшал комнату фонда культуры в здании Калининградской областной детской библиотеки им. А.П. Гайдара, а ныне эта замечательная работа скульптора передана в фонды Калининградской художественной галереи.

Для сквера требовалась большая уличная скульптура, и продолжался поиск места для сквера. Почти сразу же были установлены контакты с народным художником России Михаилом Константиновичем Аникушиным, автором калининградского пушкинского памятника, а место сквера на углу улиц Леонова и Чайковского выбрал в 1992 году Виктор Васильевич Денисов, тогдашний советник по вопросам архитектуры и строительства главы администрации Калининградской области Юрия Семёновича Маточкина. Памятник был открыт 6 июня 1993 года. Это стало большим событием для всей культурной общественности, которое ежегодно отмечается в день рождения поэта.

Но самый значительный праздник состоялся в год 200-летия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, в 1999 году. Этот год отмечен особым вдохновением пушкинистов. Многие дела

*Дружба Ф. З. Кичатова с М.К. Аникушиным
началась в 1992 году.*

были по плечу калининградским пушкинистам, в юбилейный год в канун дня рождения поэта по инициативе общества было присвоено имя «Александр Пушкин» кораблю Балтийского военно-морского флота КИЛ-926 при поддержке командующего адмирала Егорова Владимира Григорьевича.

Калининградское общество почитателей А.С. Пушкина оставило очень заметный культурный след во всей деятельности нашего фонда культуры и российской пушкинианы. Феликса Зиновьевича можно смело назвать настоящим просветителем, он очень ревностно относился ко всему пушкинскому и даже испытывал душевные страдания от непросвещённости людей, или их равнодушия к гению поэта. Ему удалось вовлечь в пушкинскую тему ведущих профессоров Калининградского университета (нынешнего БФУ им. И.Канта), в общество вступали, как индивидуальные, так и коллективные члены – преподаватели и ученики общеобразовательных школ, музыкальных школ и музыкального колледжа им. С.В. Рахманинова. На пушкинских вечерах Слово и Музыка были в полной гармонии. Самыми яркими пушкинистами, блистающими словом и знаниями в 90-ые годы, были Татьяна Буруковская, Валерий Коломиец, Сэм Симкин, и продолжают это благородное дело и в наши дни Леонард Калининков, Олег Глушкин, Зоя Кузнецова, Алексей Дмитриевский, Анатолий Лукин, недавно ушедшие – Анатолий Лунин, Геннадий Полищук, и многие другие.

Большими усилиями Феликса Зиновьевича – составителя и редактора – издавались сборники с пушкинскими статьями и исследованиями «Внимая звуку струн твоих...», всего с 1992 по 2002 годы вышло пять сборников, при его участии был издан юбилейный номер журнала «Запад России» в 1999 году. Ф.З. Кичатов написал три прекрасных книги пушкинских исследований и воспоминаний о жизни поэта и делах калининградских пушкинистов «Я сам обманываться рад...» (1999), «Пушкин. Взгляд из зарубежной России» (2005), «Кофейный портрет» (2006).

Регулярные заседания общества почитателей Пушкина А.С. собирали аудитории до 50-70 человек, местом встречи часто был Государственный архив Калининградской области, который гостеприимно встречает на протяжении 25 лет и калининградских краеведов. Во многих организаци-

Судно-килектор БФ «Александр Пушкин» предназначено для постановки-съемки боно-сетевого заграждения и рейдового оборудования, расчистке и разметке фарватера, а также различных гидротехнических работ.

онных вопросах пушкинского общества заметную роль играла член Совета фонда культуры Щеглова Галина Игнатьевна, а заместитель председателя общества Титкова Марта Алексеевна создала уникальную Пушкинскую школу на базе Калининградской музыкальной школы им. Р.М. Глиэра, а затем в Зареченском детском доме (Гвардейский район). Наиболее запомнившимися событиями для взрослых и детей были поездки по пушкинским местам: Михайловское, Болдино, Царское Село (Пушкин), Санкт-Петербург, Москва.

В период с 1994 по 1998 год Ф.З. Кичатов возглавлял Калининградское областное отделение Российского фонда культуры. В это время основным направлением деятельности регионального фонда была Пушкинская программа, которая очень заметно вписывалась в российское культурное пространство. Её руководители в РФК – учёный-филолог Леонид Матвеевич Аринштейн и Ирина Юрьевна Юрьева, были большими друзьями и соратниками Феликса Зиновьевича. Калининградские пушкинисты очень часто получали Пушкинские грамоты, медали и благодарственные письма за подписью президента РФК Никиты Сергеевича Михалкова.

Феликс Зиновьевич Кичатов оставил очень заметный след в жизни нашего калининградского региона, подвижник и энтузиаст свою жизнь он построил на глубоком признании и любви к А.С.Пушкину, и была она полной, вдохновенной и осмысленной гением творца.

*Н.П. Перетьяка,
кандидат культурологии,
председатель Калининградского регионального
общественного фонда культуры*

К 240-летию Эрнста Теодора Амадея Гофмана

Э.Т.А. ГОФМАН. СТАНОВЛЕНИЕ (Прощание с Кёнигсбергом?)

«...Прости, милый и любезный град, и прости навеки... Небо да сохранит тебя от всех зол, могущих случиться над тобою, и да излиёт на тебя свои милости и щедроты. Ты был мне полезен в жизни, ты одарил меня сокровищами бесценными, в стенах твоих сделался я человеком и спознал самого себя... Ты возвал меня на путь священный и успел дать почувствовать все прелести оного. Сколько дней, преисполненных весельем, прожито в тебе мною... и при вечере дней моих буду ещё вспоминать все приятности, которыми в тебе наслаждался. Слеза горячая, текущая теперь из очей моих, есть жертва благодарности за вся и всё, полученное от тебя! Прости навеки!..»

Андрей Болотов

Звезда, в положенное ей время, появлялась над городом и первым делом смотрелась в спокойное зеркало воды Замкового пруда – находила себя достаточно яркой, чтобы затем спокойно заглядывать в окна домов, улыбаться и желать спокойной ночи её постоянным почитателям. Потом она любовалась городскими силуэтами и, медленно скользя по реке, исчезала на востоке... В январском окне его маленькой комнаты, выходившем на пруд, опять появилась его любимая звезда, возможно, из-за мороза, в этот поздний вечер она не была яркой. Не изменяя привычке, они преданно смотрели друг на друга, как старинные приятели, без слов, посвящая друг друга в свои сокровенные тайны. Но на этот раз Эрнст даже не почувствовал, в какой миг мощная невидимая волна подхватила его и понесла навстречу к его звезде... Приблизившись, он увидел, что звезда оказалась чудесной сверкающей планетой, внутри которой всё бурлило и клокотало, и переливалось неожиданными и фантастическими красками, из неё вырывались звуки невиданной красоты музыки и эта музыка звучала везде, она окутала всё его существо божественными вибрациями, ритм как пульс, воспринимался сердцем как единственно возможное существование в этом чудесном мире, и только в этом гармоничном мире он хотел остаться навсегда и он хотел – жить, жить, жить...

Как быстро взрослеют дети, ещё недавно отрочество бежало навстречу юности, и вот – на пороге первые серьёзные испытания молодости и уже взрослые проблемы: любовь, надежды, планы на будущее счастье...

А ведь ещё год назад... Эрнст в письме (от 12 января 1795 года) своему приятелю Гиппелю: «Я почитал бы за величайшее счастье в своей жизни, если бы благосклонная судьба навсегда соединила меня с тобой».

Известно, что культ неожиданного и чудесного порождает в молодых людях надежду на то, что судьба укажет им жизненный путь. Поэтому они и

читали романы, виртуозно скрывавшие в себе искусство придания привычному – таинственного. Особой популярностью пользовался роман Карла Гроссе «Гений» (1791). Молодой Людвиг Тик прочитал его за один присест и при этом так перевозбудился, что опасался за собственный рассудок. Ему потребовалась неделя, чтобы прийти в себя. Не миновала сия участь и юного Гофмана. В письме от 19 февраля 1795 года Гиппелю: «*Был прекрасный вечер, когда я дочитывал последнюю часть «Гения», устроив пиришество для своей фантазии. Было одиннадцать часов, когда я отложил книгу в сторону. Кипение бесчисленных страстей оглушило и парализовало мой рассудок... В состоянии, одинаково далеком от сна и бодрствования, я лежал на моей кровати; легкое шуриание – словно порыв ветра пронесся по моей комнате – заставило меня очнуться, и я узрел своего Гения...»*

Сердечные отношения двух приятелей пока что ничем не омрачены. Хотя Гиппель начинает постепенно исчезать в своей социальной среде, куда Гофману нет доступа, но Эрнст ещё тешит себя надеждой, что его друг не расстанется с тем искусством, благодаря которому, они связаны друг с другом. Из письма Гиппелю от 28 февраля 1795 года: «*Я читал твои горячие заверения в дружбе, и сердце мое наполнялось сладкой грустью; с твоим письмом в руке я погружался в тихий мечтательный экстаз – я люблю тебя, я боготворю тебя, ты единственный, кто понимает потаенные движения моего сердца».*

И вот 22 июля 1795 года Гофман сдает первый экзамен по юриспруденции (на год позже Гиппеля), успешно оканчивает университет и становится судебным следователем при Кёнигсбергском окружном управлении. Тем самым он становится материально независимым от дёрферовской семьи. Вновь начинается его двойная игра: днём он ведёт жизнь добросовестного немецкого служащего, а ночи и выходные дни посвящает любимому делу – различным своим

музыкальным, художественным, литературным интересам.

Гофман пишет Гиппелю в Мариенвердер (Квидзин – 70 км от Данцинга): *«По сути говоря, мы теперь находимся в совершенно различных ситуациях: ты в маленьком городе играешь роль светского человека, вращающегося в самых различных кругах, я же в более крупном веду уединенную жизнь домоседа... Если же серьезно, то, полагаю я, ты не можешь составить себе верное представление о моей теперешней жизни. Уединение, сопряженное со счастливыми часами творчества, начинает мне нравиться»* (25 октября 1795).

Убывала «всепоглощающая страсть» к Доре, и им сразу овладевает лишь «фурия сочинительства музыки, писания романов и т. п.». Однако спустя два месяца возвращается фурия любви или, вернее говоря, ревности. Очевидно, Дора (не желая порвать ни с одним из своих любовников), дала ему повод. Тон письма от 19 декабря 1795 года тоскливо-подавленный. Оно начинается со стихотворения Гердера о «слабком безумии», мешающем весело сбросить «бремя жизни». *«Если бы возлюбленная, – пишет далее Гофман, – которая была для меня всем, сама обманула и забыла меня, какое доброе божество тогда оберегло бы меня от отчаяния?»* В таком настроении он не испытывает ни малейшего желания сочинять музыку и писать. Вместо этого он предается мыслям о некоем «решительном поступке» и делает туманные намеки на это. Быть может, снова дуэль?

Для друга, жившего в Мариенвердере, это уже чересчур. Об этой истории давно судачат все знакомые, и Гиппель настоятельно советует приятелю *«вырвать свое сердце»* из «парализующей» обстановки в Кёнигсберге. Гофман должен *«взять себя в руки»* и переселиться к нему в Мариенвердер, чтобы там вместе с ним *«двигаться по служебной стезе»*. Он даже снял для него комнату. Но до Гофмана невозможно достучаться, ведь он уже давно заметил разницу между реальностью их отношений и «романом их дружбы», который поддерживается исключительно благодаря переписке. Гофман полагает, что Гиппель больше не понимает его – а ведь еще каких-нибудь восемь месяцев назад он заверял его: *«Ты единственный, кто понимает потаенные движения моего сердца»*.

10 января 1796 года он пишет: *«Ты учел всё, кроме того, что я её безумно люблю, и что именно в этом состоит мое несчастье»*. Наступило горькое прозрение – она отнюдь не любит его той необузданной любовью, которая самого его «лишает разума, и покинь он Кёнигсберг, она, возможно, и поплачет один день, чтобы потом забыть его, он же никогда не сможет забыть её» – и так далее. Прекращены всяческие отношения

между нею и мной», – писал Гофман 23 января 1796 года. С упрямой гордостью он в том же письме признается другу: *«Ты и сам это поймёшь, если поразмыслишь над тем, что, когда на сердце лежит такой груз, лезут в окно, если дверь закрыта. Правда, при этом недолго и шею сломать, но что значит шея по сравнению с тем, что творится внутри!»* («Вероятно, будут ещё неприятные сцены») (Очевидно, что Гиппель потом забыл вычеркнуть это место!)

В письме Гиппелю от 25 января 1796 года Гофман признавался: *«Ещё никогда моё сердце не было более восприимчивым для добра и никогда ещё более высокие чувства не переполняли мою грудь... Пошлые умы не имеют и представления о вышем напряжении и называют это утомлением... Ничтожный сброд, порой окружающий меня, считает меня глупцом... а между тем я ещё ни разу не метал свои перлы перед свиньями, и я чувствую, что обладаю некоторым достоинством»*. Он старался только отыскать и сохранить в себе самом достаточно сил для обороны от «вздорных капризов деспотов», от «роя мошек» и «людей-машин». То, что Гофман этой весной возлагает столь большие надежды и ожидания на дружбу, имеет и ещё одну особую причину: наметился конец его первой большой любовной связи, и дружеский союз должен теперь заменить ему то, что он может потерять в любви. Положение Гофмана в Кёнигсберге невозможно более спасти, ему надо уезжать. Возможно, это единственный выход избавить семью от бесконечных пересудов, круживших по городу, терпение клана было исчерпано. Теперь он и сам понимает это. В начале февраля 1796 года он заявляет родным, что собирается к другу в Мариенвердер. Дядя и тетя хотя и высокого мнения о Гиппеле, однако, друг не кажется им достаточно надёжным попечителем для их племянника. В конце концов, принимается решение о переезде его к дяде в Глогау (Польский Глогув около Познани). Поначалу Гофман испытывает чувство облегчения. Он рассуждает: *«Что это за любовь была бы, если бы она забылась на удалении в 78 миль»* (22 февраля 1796). Он с головой уходит в работу. *«Из осознания необходимости я изучаю свое jus, а по страстному влечению заполняю музыкой часы отдыха»*.

В течение ещё какого-то времени сам Гофман пребывает в нерешительности, ехать ли в Глогау. *«С *** я нахожусь в отношениях, которые дарят мне душевное блаженство, но при этом сулят роковую погибель, если я не найду в себе мужества исполнить своё решение»*, – пишет он 13 марта 1796 года. И он находит в себе довольно мужества, чтобы уехать, хотя сердце его «обливается кровью». Однако это ещё не конец его любовной истории. В 1797 году она ещё раз расцветёт на крат-

кий миг. Правда, для дальнейшего жизненного пути Гофмана важным оказалось лишь то, что предшествовало его отъезду в Глогау.

Прежде всего, эта любовная история сформировала его стиль, став для него парадигмой большой любви, которая всегда должна оставаться нереализованной. «Я люблю, но проклятие природы лежит на этой любви», – пишет он в апреле 1797 года. «Проклятие природы» заключается для него в невозможности найти в любви то удовлетворение, которое она будто бы обещает. Из опыта отношений с Дорой, как свидетельствует позже Гиппель, он вынес «тоску по высокой любви» и вместе с тем убеждение, что такая «высокая любовь» невозможна. Он предается меланхолическому искусству переживания «в ежедневных свиданиях ежедневных расставаний» и, находясь в «полноте наслаждения», ощущает «неизбежность утраты». Он проходит начальный курс романтической любви, наслаждение которой позднее он будет резко отделять от нежной приятности любви «для домашнего употребления». Любовь к Доре научила его ещё и тому, что страсть должна рисковать, нарушая нравственные запреты и пренебрегая приличиями. Нельзя быть робким, если хочешь следовать зову собственного сердца. Гофман даёт себе возможность испытать «вертеровскую» вседозволенность, занять позицию самовлюбленного противления миру «филистеров», который из страха перед хлещущей через край страстью тратит время «на сдерживание и отведение грозящей в будущем опасности» (Гёте, «Вертер»).

Встреча друзей, по случаю похорон дяди (умер 23 апреля 1896 года), разочаровала Гофмана. Он отчетливо почувствовал охлаждение. «Я нашёл тебя не таким, как ты представлялся мне по многим выражениям из твоих писем», – писал Гофман 28 мая 1796 года, вспоминая их встречу на похоронах. Тогда Гиппель выражал готовность говорить только об умершем дяде, у Гофмана же совсем другое было на сердце, о чём он, натолкнувшись на холодность друга, не решился завести речь, и лишь теперь, в этом письме, высказался – наполовину элегически, наполовину раздраженно: «Ты знаешь, – писал он, – что мои планы в отношении тебя и меня безграничны». Гиппель теперь богат и независим. С досадой Гофман констатирует, что у друга, похоже, совсем «нет таланта быть счастливым». Чего только не предпринять бы сейчас! Можно было бы, например, отправиться в дальнее путешествие, о чём они давно мечтали. Гофман даже обещает раздобыть денег. Разумеется, это всего лишь прозрачный намёк – ведь у Гиппеля теперь денег полно и он мог бы хоть что-нибудь инвестировать в дружбу! Можно было бы также предпринять нечто большее, нежели путешествие, например, поселиться где-нибудь и вес-

ти жизнь вдали от служебных обязанностей, целиком посвятив себя дружбе и искусству. Гофман, который и сам не прочь пожаловаться, в этом письме отказывает своему другу в праве на жалобу: «Ты ничем не пользуешься, – пишет он, – и всё скрывается под цветочным ароматом мечты». Он упрекает друга за то, что тот «сразу же не сбросил с сердца траурный покров и прямо не сказал, где и как мы будем жить вместе с тобой». Гофман обычно любит поговорить о «мечтах», но теперь, полагает он, мечты могли бы воплотиться в реальность. Правда, и сам он не нашёл в себе мужества для такой откровенности. Приятели так и не высказались при встрече, поэтому в письме Гофмана и звучит элегически: «Будь же здоров, ты единственный, соединившись с которым я мог бы быть совершенно счастлив...»

В отличие от Гофмана, Гиппель глубоко почувствовал, чего ждали от него отец и дядя. Он полагал, что сможет в полной мере реализовать себя, если последует по пути, предназначанному ими. В своём дневнике в 1797 году он записал: «Когда я стану лучше, устойчивее, чище... я возвращусь в объятия моего отца и постараюсь быть счастливым».

В июне 1896 Гофман переезжает в Глогау. Впредь он будет лишь время от времени навещать свой родной город.

Дёрферы ощущают себя в Глогау людьми светскими. Они устраивают званые вечера, на которых собирается цвет этого небольшого силезского городка. Никто не хочет чувствовать себя провинциалом, поэтому все соблюдают правила хорошего тона. Гофману не доставляют особой радости, такие утонченные формы обхождения, однако он приноравливается к ним. Благодаря его чувству юмора его здесь ценят, дамы считают его «сносным собеседником». И уже 18 июля 1796 года всё кричит о «ледяной корке», о «лихорадочном холоде», о «порожденном отчаянием смиреннии», о «безумном стоицизме», о «невыразимом ощущении пустоты». В письме Гиппелю от 17 сентября 1796 года: «В Глогау я удалён от всего, что мне дорого, и я, как это посоветовал Гамлет своей матери, выбросил большую половину собственного сердца, чтобы тем счастливее жить с другой».

В начале 1797 года, незадолго до своего дня рождения (21 января 1797), он чувствует себя особенно плохо: «В сегодняшний январский вечер я... ощущаю такой ледяной холод, что могу невероятно разумно сказать тебе, что испытывая лишения, не имея возможности наслаждаться, в состоянии полного морального и физического *far niente* (сладкое ничегонеделание) вдруг обретаешь самый большой покой... что, собственно говоря, никогда не следует любить, находить удовольствие в очаровании и красоте, а следует преда-

ваться размышлениям, пока не отправишься вместе с шекспировским Фальстафом спать».

Гофман получил сообщение, что 27 апреля 1797 в Инстербурге умер его отец.

В мае Э. Гофман едет в Кёнигсберг, живёт там до июня и тогда же, в июне 1797 года, он пишет о своем прощании: *«При расставании в Кёнигсберге я так раскис, что плакал, точно дитя. Такая чувствительность противоестественна, противна моему характеру, моей манере выражать подобные чувства. Быть может, примешивалось предчувствие, мучительное для меня, что я никогда больше не увижу её»* (от 27 июня 1797).

Дора Хатт пережила расставание легче и вскоре нашла замену. В конце 1797 года, Гофман сообщил своему другу, при этом его чувства колеблются между яростью и печалью: *«Часы прекраснейших мечтаний, которые я провёл вместе с нею, наполняли меня райским блаженством, я вдыхал лишь аромат сладострастия – цветочное море наслаждения плескало вокруг меня свои волны! Но упоение прошло, и я наткнулся на острые шипы там, где раньше, как мне казалось, ступал по розам!»* В начале 1798 года со всей этой историей было покончено: *«С Кёнигсбергом я окончательно рассчитался»* (дата – 25 февраля 1798). Гофман усердно писал своему другу в течение всего лета. Ему надо было высказаться о своих надеждах и своих печалях. Однако, Гиппель упорно молчал на протяжении семи месяцев. В этот сложный для себя период, Гофман принимает важные решения. Семья ведь не случайно отослала «непутевого» Эрнста к дяде Иоганну. У него уже подрастала дочь Минна (Minna Doerffer), с которой Гофман виделся каждый день, поскольку жил в их доме. Но и случилось так, что не без помощи родственников Гофман обручился со своей кузиной по имени Софи Вильгельмина Константин («Минна»), это произошло в 1798 году. Гофман не сопротивлялся.

Именно в Глогау произошли важные для Гофмана встречи. Здесь он познакомился с Иоганном Самуэлем Хампе, одаренным музыкантом, который, как и Гофман, вынужден был тянуть чиновничью лямку. Дружба с Хампе связывала Гофмана потом всю жизнь. Не менее важной была и встреча с художником Алоизом Молилари. Вместе с ним Гофман расписывал церковь иезуитов в Глогау. А для театральной постановки Гофман создаёт декорацию – Памятник Эскулапу на фоне ионических храмов.

Быть может, Гофман учился у Молилари не только живописи; не исключено, что этот страстный человек ввёл молодого судебного следователя и в искусство чувственных наслаждений, ибо Молилари воплощал собою тип демонического художника, которому сильная чувственность не

даёт покоя. На это указывают в письмах Гофмана несколько хвастливые намеки на «роковые» наслаждения и развлечения; об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что Гофман после отъезда Молилари сразу же сдружился с Юлиусом фон Фоссом известным в Глогау повесой, который наделал долгов, вероятно, благодаря азартным играм, имел несколько любовных интриг. Фос пробовавал себя в качестве любителя во всех видах искусства – рисовал, сочинял музыку и писал. Гофман в свой последний берлинский период возобновил отношения с этим ставшим к тому времени уже весьма знаменитым автором. В Глогау же Фосс был известен пока лишь своей распутной жизнью. *«Одурманивание, чувственное одурманивание было единственным моим спасением»*, – писал Фосс, оглядываясь на годы, проведённые в Глогау. Сколь же активно Гофман участвовал в этом *«чувственном одурманивании»*, доподлинно не известно, однако весьма показательно, что о своём общении с Фоссом он не обмолвился добропорядочному Гиппелю ни единым словом (?!).

Страстная любовь разочаровала Гофмана, и теперь пришло отрезвление, и он стал доступен для соображений, которые подсказывали ему, что брак с кузиной, как-никак дочерью чиновника, полезен для его собственного продвижения по карьерной лестнице. Своему другу он сообщает об этом побудительном мотиве с той оговоркой, что Минна является для меня *«шёлковой нитью»*, на которой висит всё его будущее, – *«оборвётся она, и господин государственный советник in spe (в будущем) окажется в дерьме! К этому гостеприимному гнезду я прикован узами, которые охватывают целостность и меня самого»*, – пишет он Гиппелю 1 апреля 1798 года. Перспективы, открывающиеся благодаря помолвке, становятся ещё более заманчивыми, когда дядя и будущий его тесть узнает о своём назначении на должность советника Верховного трибунала в Берлине. Гофман, таким образом, может переселиться вместе с Дёрферами в большой город, что представляется ему весьма многообещающей переменной в жизни. И после путаницы предыдущих лет просто нуждается в таком ограничении, чтобы окончательно не потерять самого себя...

Усердные занятия Гофмана юриспруденцией в последние месяцы жизни в Глогау приносят свои плоды. 20 июня 1798 года он выдерживает второй экзамен с оценкой *«исключительно хорошо»*. Свежеиспеченный жених, успешно сдавший экзамен на должность, теперь он может сделать следующий шаг на пути, ведущем под *«сень хлебного дерева»*. Гофман ходатайствует в Берлине о предоставлении ему должности референдаря в апелляционном суде. 4 августа 1798 года он туда принят.

Прежде, чем переселиться с Дёрферами в Берлин, Гофман отправляется путешествовать в Исполинские горы. Его спутником в этом путешествии является не Гиппель, прочно осевший в своем имени и связанный сословными и супружескими обязанностями, и не Хампе, уже отгулявший свой отпуск, а друг семьи Дёрферов – старший окружной советник Ф.Г. Ягвиц. Он был начальником и экзаменатором Гофмана. Ему понравился экзаменуемый так, что он изъявил готовность взять на себя все расходы по путешествию. Ягвиц был одним из тех оригиналов, что всегда нравились Гофману. После нескольких недель совместного путешествия спутники расстались. Гофман смог в одиночку продолжить путь через Богемию в Дрезден. У него появились деньги в кошельке, вероятнее всего, благодаря удаче, улыбнувшейся ему в Вармбрунне за игорным столом, и он потом косвенно признается в этом, хотя и утверждает, что не поддался пагубной страсти (Пристрастие к азартным играм лишь слегка обнаруживает себя в жизни Гофмана).

До этого времени литературные опыты не приносили Гофману успеха. Его роман «Таинственный» так и остался незавершённым. Теперь же он решил использовать путешествие, чтобы ещё раз поупражняться в литературе. Как и прочие образованные современники, он вёл путевой дневник, и не просто так, а с намерением сделать из него книгу. Он ведёт счёт написанных страниц в печатных листах: *«Мой дневник лежит неоконченным... Это кокон из пяти листков, из которого я должен выткать произведение листов на 15»* (письмо Гиппелю от 15 октября 1798 года). Этот «кокон» не сохранился. Выдержки из дневника он посылал на пробу своей невесте в Берлин. В семействе Дёрферов позднее вспоминали эти письма как *«интереснейшие юношеские творения»* несостоявшегося зятя, однако после расторжения помолвки Минна в гневе уничтожила их все до одного.

В Дрездене при посещении картинной галереи с полотнами «великих»: Тициана, Корреджо и Рафаэля он почувствовал собственную мизерность и как художника: *«При виде этих сокровищ я скоро понял, что совершенно ничего не могу. И тогда я выбросил краски и стал рисовать этюды как начинающий – таково моё решение»*, – писал он Гиппелю (15 октября 1798).

В первый берлинский период (с 1798 по 1800 гг.) жизни Гофмана опять одолели сомнения – ведь он оказался в блистательном литературном Берлине как раз тогда, когда заставляют говорить о себе «гении» нового поколения – братья Шлегели, Шлейермахер, Арним, Brentано и Тик.

Гофман поселился в одной из *«больших квартир для зажиточных людей»*, у своего дяди, тай-

ного советника Верховного трибунала Дёрфера, в бельэтаже дома 66 по Ляйпцигерштрассе, Фридрихштадт. Престижный адрес. Гофман с комфортом проводил свое время в квартире Дёрферов и в апелляционном суде. Он вращается преимущественно в том элитном районе – Фридрихштадт, в котором невероятно велика плотность лихорадочно производимой и потребляемой культуры. Он работает в суде, но выполнение чиновничьих обязанностей тяготит его в меньшей мере, чем в Глогау, т. к. молодая прусская столица стремилась не отстать в организации светской жизни от своих старых европейских сестёр. За образец для подражания был взят Париж. Бурлящая жизнь Берлина нравилась Гофману. Столица сразу захватывает его в водоворот городской жизни: он посещает концерты, театры, музеи, общества художников, пробует азартные игры. Нет, он не устраивал необузданные кутежи, как это будет лет через пятнадцать, всё было вполне благопристойно. Гофман вхож в литературные, музыкальные, оперные круги в городе. Да и в доме дяди, не лишённого чувства прекрасного, также собиралось общество, пользовавшееся доброй репутацией, и даже появлялись собственной персоной некоторые литературные знаменитости – находившийся в самом зените литературной славы Жан Поль. Ещё большей предрасположенностью к изящным искусствам отличался друг и коллега дяди, советник Верховного трибунала Иоганн Зигфрид Майер. Гофман ищет сближения с театральным миром, чем и объясняется его дружба с Францем фон Гольбейном, который оставил свою карьеру императорско-королевского чиновника по проведению лотерей, чтобы посвятить себя игре на гитаре и пению (под именем Франческо Фонтано он дебютировал осенью 1798 года на концерте в Берлине). Гофман окунается в водоворот театральных страстей, бушевавших тогда в Берлине. В 1796 году знаменитый актер и драматург Август Вильгельм Ифланд был назначен директором Королевского Национального театра. С его именем связана блестящая эпоха этого театра. В его труппе выступали лучшие артисты и певцы Германии: исполнители Маттауш, Бешорт и Флекк и исполнительницы Унцельман и Шикк. Особый ажиотаж царил вокруг Маттауша. Рассказывали, что дамы вырезали его имя из театральных билетов и, размешав бумагу в кофе, глотали её, чтобы таким способом сблизиться со своим кумиром.

Оперы Моцарта в начале девяностых годов начинают свое триумфальное шествие. Гофман имел в Берлине возможность достаточно хорошо познакомиться с его творчеством. Все великие оперы венского мастера были в репертуаре Национального театра. «Волшебная флейта» пережила в 1802 году своё сотое представление. Однако на

Гофмана производили впечатление и великие итальянские оперы, которые шли исключительно в Королевском оперном театре. В Берлине он впервые познакомился с ними. 24 января 1799 года он писал Гиппелю: *«Ты не можешь, например, иметь представление о великой итальянской опере. Волшебство шедевров Вероны, небесная музыка – всё объединяется в прекрасное целое, которое, несомненно, не оставило бы тебя безучастным».*

В Берлине Гофман берёт уроки музыки у кёнигсбержца, композитора Иоганна Фридриха Райхардта (1752-1814) и Гоезэ. В 1799 он пишет зингшпиль «Маска» (Singspiel – драма, короткая опера) и даже пересылает её королеве Луизе с просьбой о протекции, но... увы, скорее всего она об этом не узнала. «Маску» нигде не играют. Также Гофман пишет свою первую композицию «6 песен к гитаре и пианино». Знакомится с Карлом Марией фон Вебером (Carl Maria von Weber, театральный деятель). Он копирует произведения античных мастеров, совершенствуется в портретной живописи, оттачивает своё мастерство как рисовальщик но... мир искусства не помешали Эрнсту Теодору продвигаться по карьерной лестнице – 27 марта 1800 года он блистательно сдаёт Третий Юридический Государственный экзамен (отметка «превосходно»), и в мае его назначают в древний польский город Познань на должность ассессора при Верховном суде, он приехал туда в середине лета.

Берлин Гофман покидал с неохотой, но перевод в Познань, давал, наконец, ему освобождение от гнета дёрферовской семьи.

В июне 1800 года Гофман в сопровождении Гиппеля, который вскоре возвратился в своё имение, прибыл в Познань и поселился на квартире в доме типографа Деккера на Вильгельмштрассе. После столичного общества атмосфера Познани кажется Гофману невыносимой. А культурное общество Познани с радостью приняло так разносторонне талантливого человека, остроумного собеседника, и настолько радостно, что ежедневные попойки стали для Гофмана обыденным делом. Этому способствовали и обычаи, согласно которым ты вынужден пить везде, куда бы ни ступила твоя нога, и притом пить крепчайшее венгерское вино, ... вольность нравов и просто очарование польских женщин и т. д. В *«этом водовороте было очень трудно удержаться».* Гофману, во всяком случае, это не удалось – к сожалению, именно с этого времени он пристрастился к алкоголю...

Однако совсем без пристрастия Гофман не оставался в Познани. Его соседом по дому был правительственный советник Иоганн Людвиг Шварц, остроумный человек, сочинитель и любитель музыки, который вместе со своей женой и её сестрой взял на себя заботы о молодом ассессоре. Уже после нескольких недель знакомства они задума-

ли совместно написать зингшпиль, причем Гофман должен был сочинить музыку, а Шварц – либретто. Из этого ничего не вышло, зато они реализовали другой проект – «Кантату на празднование нового столетия», которая и была исполнена 31 декабря 1800 года. «Зюдпрройсише цайтунг» с похвалой отзывалась о «чудесной музыке», сочиненной «правительственным ассессором Гофманом».

В это время Гофман пишет новым зингшпиль – «Шутка, хитрость и месть» на текст Гёте. Трехактное произведение композитор Гофман переделал на одноактное. В 1801 году драма была впервые сыграна на сцене в Познани труппой Карла Деббелина (1727-1793). Гофман счастлив – осуществилась его мечта, его талант увидела и оценила широкая публика, а не только узкий круг друзей. Но судьба посылает ему удар – однажды в театре вспыхивает пожар и партитура и голоса сгорели (снять копии не успели). Зингшпиль выдержал всего несколько спектаклей. Гофман опять в глубокой депрессии. Он находит утешение в ночной кабацкой жизни: пьёт до галлюцинаций, пока из углов не показывались химеры и духи, пока домовые не начинали греметь в темной комнате, а он слушал их тайный страшный диалог. Таким образом, он уходил от реальности. Гофман говорил, что жалеет порой, что когда он трезвеет, фантазия не оборачивается реальностью, но остатки кошмара остаются в его работе – злое врывающиеся в настоящий мир. Время, проведённое в Познани, Гофман позже обозначил, как: *«самый странный год в жизни».* Оглядываясь назад, признается своему другу Гиппелю: *«Борьба противоречивых чувств, намерений и т. п. уже несколько месяцев бушевала внутри меня – я хотел одурманить себя и стал тем, кого школьные наставники, проповедники, дядюшки и тетушки называют «распутниками». Ты знаешь, что излишества достигают своей высшей цели только тогда, когда им предаются преднамеренно, и так было со мной»* (письмо от 25 января 1803 г.).

Когда судьба свела его с очаровательной полькой Михалиной Рорер-Тищинской, высокой, голубоглазой и тёмноволосой Мишей, он, не раздумывая, обвенчался с ней 26 июля 1802 года. Для этого ему пришлось принять католичество (ранее он принадлежал к протестантам). Всю жизнь Миша (так он ласково называл её) будет помогать ему – просто, бесстрастно, неромантически, и всегда прощать своему талантливому Эрнсту его злоключения, и не бросит даже в самое тяжёлое время. Она была прекрасной хозяйкой и верной спутницей. Мягкая и терпеливая Михалина стала верным другом и опорой для Гофмана, разделив с ним до конца все тяжелейшие испытания, которых в их жизни было немало.

Но брак с дочерью городского писаря, стал поводом для окончательного разрыва с семейством Дёрферов. Гофман не мог больше рассчитывать на поддержку влиятельного дядюшки. Непростое положение, в котором оказался Гофман, осложнилось тем, что на городском бал-маскараде в 1802 году распространяли карикатуры, отмеченные удивительным портретным сходством с известными в городе людьми. Автора карикатур обнаружили без особого труда. Расправа с *«осмелившимся взорвать общественное мнение»*, последовала молниеносно. Вместе с молодой женой Гофман должен был покинуть Познань. Он пришёл в ужас и отчаяние. Плоцк, отдаленный польский городишко, становится для него местом «изгнания». Гофману казалось, что он ещё при жизни сделался «духом, отторгнутым от тела». В Познани он собирался пустить корни, а теперь его изгоняют в «пустыню». Слишком много испытаний для одного человека!

Его финансовое положение весьма затруднительно и барон (теперь уже барон) Гиппель даёт ему в долг. Была у Гофмана попытка оправдаться перед Гиппелем, которому он излагает «дело» таким образом, будто другие *«с дьявольской изощренностью»* использовали его *«как орудие хорошо продуманной мести»* (февраль 1803).

Если Познань казалась ему провинциальной, то здесь, без театров и музыкальных кружков, Эрнст Теодор совсем бы пал духом. Но вследствие доброты и положительного влияния Михалины Гофман вновь становится «приличным» человеком и свои чувства изливает в дневнике, который он завёл здесь, пытаясь преодолеть чувство отчаяния. 3 октября 1803 года он пишет Гиппелю: *«Если бы ты мог представить себе, каких усилий стоит окончательно не погрузиться в это болото!»* Чаще других в дневнике встречаются записи: «Заурядный день», «Dito черный день» и возглас отчаяния: *«Я остаюсь прозябать – я забыт!»*

17 октября 1803 в дневнике он пишет следующее: *«О, боль, я всё больше становлюсь государственным советником! Кто мог подумать об этом года три назад! Муза убегает, сквозь архивную пыль будущее выглядит тёмным и хмурым... Где же мои намерения, где мои прекрасные планы на искусство?»* Записи, сделанные им, свидетельствуют о настойчивых попытках Гофмана прорваться сквозь *«архивную пыль»* к высотам искусства. Однако он не позволяет себе расслабиться и предаётся художественному творчеству так, будто дело идёт о его жизни. А ведь дело именно и шло о его жизни! Он сочиняет сонаты, «Великую фантазию для пианино», церковную музыку, и кое-что из этого исполняется в церкви монастыря ордена премонстрантов. Он изучает теорию музыки, страницы дневника пестрят суждениями о музыке Моцарта, Гайдна, Бетховена, он

рисует портреты и копирует как раз в то время ставшие известными росписи этрусских ваз. Чего Гофману не доставало, так это компетентной оценки его работ, его таланта.

И всё же годы, проведённые в Плоцке, не потеряны зря: Гофман много читает – кузен присылает ему из Берлина журналы и книги; к нему в руки попадает популярная в те годы книга Виглеба «Обучение естественной магии и всевозможным увеселительным и полезным фокусам», откуда он почерпнёт кое-какие идеи для своих будущих рассказов; к этому времени относятся и его первые литературные опыты.

Именно в плоцком заточении у Гофмана оформляется желание обратиться к литературному труду.

17 ноября 1803 года он записывает: «А теперь я хочу написать книгу». И в этом же году город узнал Гофмана-писателя: берлинская «Независимая» газета публикует его эссе «Письмо монаха к своему столичному другу». В дневнике Эрнст Теодор отмечает: *«Увидел себя в первый раз напечатанным в «Независимом» – раз двадцать оглядывал листок умиленным, полным отцовской любви и радости взглядом – славные виды на литературную карьеру»*. В этом же году он печатается как музыкальный критик, и имеет успех. В частности, одной из тем статей стало взаимоотношение пения и декламации в драме Шиллера «Мессинская невеста».

В конце 1803 года он узнает, пока что неофициально, что в обозримом будущем его переведут в Варшаву, и одновременно приходит весть о смерти его кёнигсбергской тетушки Иоганны Дёрфер. Он надеется, что наследство сделает его «состоятельным человеком» и, быть может, он сумеет исполнить свою *«мечту о творческой жизни свободного художника»* (Гиппелю 1 января 1804). Примерно 18 января 1804 Эрнст Теодор – в Кёнигсберге, где оглашается долгожданное завещание – совсем близкая надежда как-то поправить свое финансовое положение. Однако на пути к наследству встает нелюбимый дядя Отто, которому тетушка предоставила право пользования состоянием. Но Гофману хотя бы удаётся добиться от дяди в виде подарка ко дню рождения солидной денежной суммы из наследства. Дом дяди Отто без тети Иоганны стал совсем неприветливым, и, чтобы избавиться от скуки и однообразия бесед с дядей и знакомыми, Эрнст Теодор каждый вечер посещает театр, только что переехавший в новое здание и переживавший свой блистательный период. Он смотрит спектакли и оперы: В. Мюллера, Э. Н. Мегюля, К. Диттерсдорфа, арии из опер Моцарта, смотрит пьесы Ф. Шиллера и А. Коцебу. Он встречается со своим другом Гиппелем, вместе они строят планы поездки в Италию, которой так и не суждено будет осуществиться.

Утром 12 февраля 1804 года все газеты Кёнигсберга сообщили о смерти Канта. Гофман, видимо, не обратил на это ни малейшего внимания. Другое событие оказалось для него несоизмеримо более важным.

В день смерти Канта его посетила дочь его бывшей кёнигсбергской возлюбленной Доры Хатт. *«12 февраля. Происшествие!.., юная цветущая девушка, прекрасная, как Магдалена Корреджо с фигурой грации предстала вечером передо мной! Это была Мальхен Хатт (старшая дочь Доры Хатт; в то время ей исполнилось семнадцать) «Неведомая сладостная тоска охватила меня» Она несколько раз выразительно посмотрела на меня – конечно, я был для неё не менее интересен, чем она для меня. Мамзель Ринк представила меня <...> Напрасно я старался придать разговору интересное направление, я хотел заключить цветущую девушку в объятия своего духа, я хотел незаметно ввести её в магический круг своего воображения – несколько выразительных взоров вознаградили бы меня за смертельно скучное однообразие минувшей недели...»* (запись в дневнике от 13 февраля 1804 года). Тогда он и узнал, что неделю назад Дора Хатт умерла). 15 февраля 1804 Эрнст Теодор навсегда покинул город детства, с тем, чтобы больше никогда сюда не вернуться.

Со всех концов Германии в Кёнигсберг прибывали почитатели и друзья Канта, желавшие проводить в последний путь великого философа, чтобы дать им возможность приехать, похороны были намечены на 28 февраля. Многотысячная траурная процессия сопровождала гроб, звонили все колокола города...

Гофман не дождался этого достопамятного дня. Ещё раньше он уехал к Гиппелю в Лейстенау, где провёл в непринужденной обстановке несколько радостных дней, и в конце февраля возвратился в Плоцк. 28 февраля 1804 года он пишет другу Гиппелю: *«Пёстрый мир, полный магических явлений, мерцает и сверкает вокруг меня; такое чувство, будто вскоре должно случиться нечто великое, какое-то художественное творение должно явиться из хаоса – будь то книга, опера или картина – quod diis placebit – «что будет богам угодно»* (он часто употребляет это выражение). *«Как ты думаешь, не должен ли я ещё раз спросить как-нибудь Великого Канцлера, не создан ли я художником или музыкантом?...»* (Многие пытались отгадать, кого именно Эрнст Теодор именовал Великим Канцлером, и толкования получались самые разные – от Господа Бога до совершенно реальных людей).

Итак, пока из намерения сделаться *«состоятельным человеком»* ничего не выходит. Зато весть о скором переводе в Варшаву подтверждается. 10 марта 1804 года Гофман получает официальное

уведомление о переводе в качестве государственного советника Прусского Верховного суда. Однако, охваченный нетерпением, он ещё прежде снимает в Варшаве квартиру, в предвкушении скорого перевода. И опять судьба улыбается ему. Это ведь его старинный друг Гиппель, не только дает взаймы (как окажется – безвозмездно) приличную сумму, но и ухитряется выхлопотать отмену ссылки, и к тому же получить прибыльное место в Варшаве.

В 1804 году Гофман в Варшаве. Здесь он весь свой досуг посвящает музыке, сближается с театром, добивается постановки нескольких своих музыкально-сценических произведений, расписывает фрескам концертный зал (Потом он изредка ездит в город Лейстенау (Leistenau), возможно к Гиппелю).

Впоследствии он проявит себя как превосходный музыкант – композитор, дирижер, певец, как талантливый художник – рисовальщик и декоратор, как выдающийся писатель; но он был также знающим и успешным юристом. Обладая огромной работоспособностью, этот удивительный человек ни к одному из своих занятий не относился небрежно и ничего не делал вполосилы.

Примечание:

Некоторые исследователи Гофмана утверждают, что Кант оказал существенное влияние на писателя. Гофман действительно выделял Канта. Както оказавшись на лекции по физической географии, которую волей случая в тот день преподавал великий философ, Гофман очень умело, по мнению друзей, его передразнивал. Правда, чаще студент Эрнст лекции Канта прогуливал, предпочитая им занятия по фортепиано. Также утверждают, что Гофман был неподражаем, изображая Канта в буфете. Так что, ко всем прочим его талантам можно прибавить и актёрский. Позже Кант был с иронией изображён в некоторых произведениях Гофмана – в роли чудаковатого, далёкого от жизни ученого-идеалиста. Вот такое влияние.

15 февраля 1804 года, Гофман навсегда покидает Кёнигсберг. Он живёт в Варшаве, Берлине, Бамберге, Лейпциге, Дрездене. Плодотворно работает в театрах (сочиняет музыку к спектаклям, режиссирует, пишет декорации, заведует репертуаром), пишет и издает «Фантазии в манере Калло», «Ночные рассказы», «Серапионовы братья», «Эликсир сатаны», «Житейские воззрения кота Мурра».

Э.Т.А. Гофман родился в Кёнигсберге, в Пруссии, 24 января 1776 года.

Умер в Берлине 25 июня 1822 года.

Алла Мишкевич

ПОРТРЕТ

(портрет Э.Т.А. Гофмана работы Нелли Смирнягиной)

Дух великого Гофмана, великий дух романтики и иронии тревожно кружит над моим городом... Поэт родился зимой, в заснеженном январе. А когда же иначе мог родиться автор самой завораживающей зимней сказки, заставляющей в одинаково нетерпеливом восторге биться сердца и взрослых, и детей!..

В этом году исполнилось 240 лет со дня его рождения. Двести сорок?! Но смотрит на меня с портрета юное прекрасное лицо с классически правильными чертами.

Лицо Гофмана? Но известно нам, что поэт был низкоросл, угловат, с желтоватым цветом лица и узкогубым ртом.

Лицо Гофмана – каким его увидел художник? Вне сомнения...

Лицо Гофмана – каким его видел Гофман? Наверное, да...

Лицо Гофмана – каким его ХОТЕЛ БЫ ВИДЕТЬ Гофман! Понимая, что – не он это, не совсем он, совсем не он, но страстно желая, чтобы – именно так!

Гофмановский мир, гофмановская жизнь, с ее двойственностью и разорванностью содержания и формы, сплавом фантастического и реального, смешением ясной гармонии и трагических мучительных бездн – в этом портрете.

Почему мне все время хочется сказать – «прижизненном портрете», даже «фотопортрете»?

Ах! как легко соблазниться и поиграть цветом, красками, создавая портрет великого сказочника, мистика, романтика! Но безупречно выбранная однотонность сепии, имитирующей фактуру старой фотографии, заставляет нас поверить нас в невозможное – в подлинность изображения.

Гофман и при жизни придумывал, переименовывал себя, став – в честь боготворимого им Моцарта – Амадеем.

Портрет объединяет, совмещает черты обоих Амадеев. В легком абрисе лица – юная невесомая моцартовская гармония, но – ложится жёстким штрихом горькая, гофмановская, складка у рта.

Портрет не так прост. Художник вовлекает нас в мистическую, причудливую гофмановскую игру

с зеркалами, лукаво зашифровывая в портрете и вполне узнаваемые черты своего лица. Ибо не наши ли черты предлагает нам на рассмотрение маэстро Гофман – и в уродливом карлике Циннобере, но и в прекрасной Гамаhee, у которой вырастают крылья, потому что принц целовал ей плечи?..

И не дорисована – не прорисована! – часть лица. Словно на наших глазах ускользает, растворяется в пространстве и времени портрет этот. Словно на мгновение заглянул Гофман в наши глаза – души – сердца – и вновь уходит, ранимый, ироничный, так до конца и не разгаданный (вот она, магия не прорисованных черт!) в тот мир, где в тени бузинового куста, хрустальным колокольчиковым голосом солнце, играя золотыми нитями в зрачках изумрудной змейки, шепчет ошарашенному студенту Ансельму: «Я обливаю тебя горящим золотом, но ты не понимаешь меня».

Кстати, у портрета есть двойник. Как это по-гофмановски! (Как это по-гоголевски!). Цветной двойник, в фейерверково-карнавальных сполохах разлетающихся шутих и разрывных хлопшек. Это Гофман – парадный, Гофман нестрашных шелкунчиковых превращений, где в финале отважный Дроссельмейер обязательно увезёт Мари «в золотой карете, запряженной серебряными лошадьми», в страну «сверкающих цукатных роц и прозрачных марципановых замков», где она, конечно же, станет королевой. Это Амадей – летящий, смеющийся, которому не прокричали еще о страшном суде трагические скрипки «Реквиема». Его имя легко покалывает язык лопающимися пузырьками шампанского. Но есть Амадей – иной.

Кисть художника синими, желтыми, алыми мазками стремительно впечатывает в холст разноцветные траектории пушенного чьей-то весёлой рукой серпантина. Или впечатывает она в души наши мистическую траекторию кёнигсбергской кометы по имени Эрнст Теодор Амадей Гофман?

Два портрета, два Гофмана всматриваются один в другого. Так мистически играют зеркала в колдовском зале гофмановского музея в Бамберге.

Сладкой жутью из-за угла
наползает сизая мгла...
Как легко скользить в зеркалах!..
Не ходи гулять в зеркалах!..

Опустив капюшон плаща,
не спешу нарушать запрет,
бойко пфеннигами бренча,
заплатив за входной билет.

Ну, уж что ж, уж коли войдѣшь
в этот обморок, морок и яд,
отражений ломкую ложь
не спеши принимать за явь.

Начинается справа игра,
начинается слева игра,
по зрачкам зеркала бьют, слепя,
за тобой следят зеркала.

Словно лезвие, грани остры,
пол зеркален и потолок:
над затылком висят топоры,
под ногами расколется лёд

Кто там смотрит из-за плеча –
проводящий? фантом? судьба?
отшатнись, не узнай, крича...
Зеркала не услышат тебя...

Ты всё ж выберешься на свет
и, дрожа, натянешь пальто.
Только так и не вспомнить тебе –
кто остался в зеркале, кто?..

Два Гофмана, цветной и в сепии, не мигая, гля-
дят друг на друга, присматриваются один к друго-
му, узнавая и не узнавая...

Я не знаю, какой из этих Гофманов был придуман и написан первым. Мне это неважно. Мне ближе Гофман не цветной, непарадный. Но их – двое. И в этом – ещё одна загадка художника, автора обоих портретов. И в этом – ещё одна из загадок того, кто изображён на обоих портретах.

А Гофман уходит, живой, ранимый, ироничный – ломающийся абрис лица, жесткий штрих горькой складки у рта! – в свой «великолепный, пестрый, волшебный мир».

И когда я невольно делаю движение, чтобы задержать его, уходящего, Гофман, неожиданно приближаясь, в упор смотрит на меня.

*Аполлинария Зуева
31.01.2016*

Мероприятия Калининградского областного историко-художественного музея в 2016 году, приуроченные к 240-летию со дня рождения Э.Т. А. Гофмана

25 января – возложение цветов к мемориальному камню на месте дома Э.Т. А. Гофмана,

28 января – открытие выставки «Архитектор собственного одиночества» в Арт-ателье Калининградского историко-художественного музея. Анонсирование Гофмановского международного литературного конкурса, который пройдет 28 января – 15 апреля 2016 года.

4 февраля – открытие выставки «Гофман-Моцарт» (Вена, Австрия).

4 марта – открытие выставки «Встречи с Гофманом. Русский круг» во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы имени М.И. Рудомино (Москва).

15 марта – открытие выставки Л.А. Мишиной «Воспоминание об Инстербурге. Гофман» в Арт-ателье музея.

Апрель – Подведение итогов конкурса открытки «Щелкунчик», объявленного в декабре 2015 года:

Май – Выставка иллюстраций к произведениям Э.Т.А. Гофмана художников М. Гавричкова и В. Трауготова (Санкт-Петербург).

7-11 июня – объявление победителя Гофмановского литературного конкурса.

Июль – Художественная выставка Союза дизайнеров. Проект Музея Э.Т.А. Гофмана.

Июль-август – Выставка И. Пчелинцева «Венецианские сны» (по мотивам повести Э.Т.А. Гофмана «Дождь и догаресса») в Арт-ателье музея с выступлением учащихся детской музыкальной школы им. Гофмана.

Сентябрь – «Щелкунчик». Спектакль театра «Третий этаж» в Калининградском историко-художественном музее.

Октябрь – Литературная презентация библиотеки им. Гайдара «Сказочник с Французской улицы».

Ноябрь-декабрь – Подготовка к открытию Музея Э.Т.А. Гофмана.

24 января – вручение литературной премии «Русский Гофман».

25 января 2016 года на набережной Нижнего озера, в 500 метрах от места, где стоял дом, увидевший рождение Э.Т.А. Гофмана, прошла церемония возложения цветов к мемориальному камню.

Год Прокофьева в России

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОМПОЗИТОРА С.С. ПРОКОФЬЕВА

Творчество Сергея Сергеевича Прокофьева неразрывно связано с музыкальной жизнью первой половины XX века. Отдав дань различным художественным течениям, характерным для искусства этого времени, Прокофьев сумел сохранить свою индивидуальность, выработать свой особый стиль. С первых же шагов композиторской деятельности он приковал к себе внимание самобытностью таланта, смелым новаторством, темпераментным и плодотворным стремлением «рубить впереди всех». Живое чувство современности, всегда ощущаемое в музыке Прокофьева, не допускало равнодушного отношения, вызывало горячие споры, острые дискуссии. В них композитор нередко находил то ценное, что помогало ему оттачивать свой талант, совершенствовать мастерство, и вместе с тем отвергал всё, что противоречило его эстетическим убеждениям.

С.С. Прокофьев оставил автобиографию, охватывающую период от ранних лет до года окончания композиторского отделения консерватории. Почти всю жизнь композитор писал дневник.

Сергей Сергеевич Прокофьев родился 23 апреля 1891 года в селе Сонцовка Екатеринославской губернии. Отец, Сергей Алексеевич, родился в Москве, окончил Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию и служил управляющим имения Сонцовых. Роль отца в семье была менее заметной, так как большую часть времени он проводил вне дома, в разъездах. Замкнутый, молчаливый, внешне даже суровый человек, он, тем не менее, относился к сыну с глубокой нежностью.

Матушка, Мария Григорьевна, урождённая Житкова, была незаурядным организатором быта семьи. Воспитание сына, всецело находившееся в её руках, было планомерным и целенаправленным. Немало времени Мария Григорьевна посвящала музыке – место за роялем было для неё самым любимым. Вместе со столичными журналами и газетами семья выписывала много новых нот, пополнявших домашнюю библиотеку.

Учить музыке маленького Серёжу не пришлось. Мир звуков вошёл в него с раннего детства и был так же понятен, как родная речь. Когда матушка заканчивала играть, мальчик садился на её место

и бурно фантазировал. Постепенно его импровизации становились более упорядоченными, первоначальный хаос звуков приобретал выразительность. Когда Серёже исполнилось пять лет, ему очень хотелось услышать своё «сочинение» в исполнении мамы. Пришлось объяснять сынишке элементарные основы нотной грамоты, рассказывать о ключах, нотоносцах, тактовом делении. После этого они вместе стали записывать небольшие Серёжины пьески.

К этому времени относится ещё одно увлечение, сохранившееся на всю жизнь, – шахматы. В качестве партнеров Серёжа испытал всех домочадцев и приезжавших гостей. Один из них подарил мальчику «Руководство шахматной игры». Спустя несколько лет в семье Прокофьевых стали выписывать немецкий шахматный журнал.

Регулярные занятия музыкой для мальчика начались с семи лет. К девяти годам Серёжа умел хорошо читать ноты с листа, мог транспортировать, что было необходимо для музыканта-профессионала. Он любил импровизировать за роялем. Мать всемерно стремилась закрепить в сыне любовь к музыке.

Огромное впечатление произвело на Серёжу знакомство с оперным театром. Родители использовали очередную поездку в Москву, чтобы показать сыну слышанную им ранее музыку в отрывках. Роскошные костюмы, декорации, красочное звучание оркестра, масса публики произвели ошеломляющее впечатление на мальчика, и, вернувшись в Сонцовку, Серёжа заявил матери: «Я хочу написать оперу». Через несколько месяцев он показал толстую нотную тетрадь с надписью: «Великан. Опера в трёх действиях, соч. Серёженьки Прокофьева». В постановке принимала участие вся молодая прислуга.

Следующий Серёжин приезд в Москву был знаменателен встречей с С.И. Танеевым, который отнесся к нему с большим вниманием и посоветовал, не откладывая, начать серьёзные и систематические занятия по гармонии и теории композиции. Тогда же состоялось знакомство с молодым Р.М. Глиэром, сумевшим в короткий срок привить мальчику композиторские навыки. По воспомина-

ниям Глиэра уже тогда будущий композитор в свои одиннадцать лет обладал сильным характером и волей к труду, большим самолюбием, особенно проявившимся в работе.

В летний период Серёжа помимо регулярных занятий по русскому, французскому, немецкому языкам и математике, увлекался верховой ездой, крокетом, ходьбой на ходулях, шахматами. Он очень любил цветы, знал названия и характерные признаки многих растений. С удовольствием слушал мелодии украинских песен, доносившихся из деревни. Эти детские впечатления дали будущему композитору то глубокое и тонкое ощущение народного музыкального языка, которое полно и ярко проявилось во многих его зрелых произведениях.

В 1904 году Серёже Прокофьеву – 13 лет. Время поступать в гимназию, но по настоянию А.К. Глазунова он сдаёт вступительные экзамены в Петербургскую консерваторию. Система обучения в консерватории как бы совмещала два звена – среднее, так называемые «научные классы», приравненные к гимназическому общеобразовательному циклу, и высшее – «художественные классы», включающие собственно музыкальную подготовку.

На экзамен, который прошёл «довольно эффективно» и продолжался долго, Прокофьев представил четыре оперы, две сонаты (фортепианная и скрипичная), симфонию и несколько фортепианных пьес. Был проверен слух и «чтение в ключах». Так началась учебная пора.

Общеобразовательные предметы юноша посещал не долго, т.к. время занятий совпадало с уроками гармонии. Родители стали готовить его частным образом и экзамены Серёжа сдавал экстерном. Независимость и смелость суждений снижали Прокофьеву уважение учащихся, которого за глаза стали называть «профессор».

В связи с январскими событиями 1905 года и увольнением Н.А. Римского-Корсакова, А.К. Глазунова и А.К. Лядова, консерватория то закрывалась, то открывалась. Учащиеся устраивали митинги, занятия срывались. Только со следующего учебного года консерваторская жизнь наладилась. Глазунов становится первым выборным директором Петербургской консерватории. Наступает творческое оживление и в композиторском классе.

Серёжа много сочиняет, проявля удивительную трудоспособность и организованность в работе и в жизни, успевая заниматься и гимнастикой в обществе «Сокол», зимой – регулярным катанием на коньках.

В декабре 1908 года в Концертном зале при Реформатском училище состоялось первое публичное авторское выступление С. Прокофьева на вечере современной музыки. Он исполнил семь своих фортепианных пьес. Матушка, Мария Григорьевна, вырезала все рецензии и наклеила их в тетрадь, что положило начало целой коллекции

Девятилетний Серёжа Прокофьев с партитурой своей первой оперы «Великан»

таких тетрадей. Отзывы были как в петербургских газетах, так и в газете «St.-Petersburger Zeitung», выходящей на немецком языке.

Чтобы расширить свой кругозор и познакомиться со всей «звучащей музыкой», юноша активно посещает оперу и симфонические оркестры, тщательно составляя списки прослушанных произведений. Из побочных увлечений Прокофьева только шахматы подчас соперничали с профессиональными интересами. Он – член Шахматного собрания, участвует в турнирах, и играет по переписке. Весной 1909 года Сергей Прокофьев участвует в сеансе одновременной игры чемпиона мира Э. Ласкера против двадцати пяти противников. После пятичасового поединка их партия закончилась вничью. Об этом было оповещено в газетах. В год окончания консерватории в экзаменационный период Сергей участвует в сеансе одновременной игры с Х.Р. Капабланкой, тогда ещё претендентом на звание чемпиона мира. Партию С. Прокофьев выиграл.

Юноша довольно часто начинает участвовать в академических концертах, как в качестве пианиста, так и в роли аккомпаниатора.

В 1910 году Сергей Прокофьев дебютирует в качестве дирижёра. Так, на консерваторском вечере, сбор с которого поступал в фонд вновь учрежденной стипендии им. Л.Н. Толстого, была исполнена симфоническая картина С. Прокофьева «Сны» под управлением автора и прозвучала его Первая соната. В одном из писем он пишет: «Я выступил в нём сразу как композитор, дирижёр и пианист, не правда ли, шикарно?..»

С этого времени начинается активное звучание произведений С. Прокофьева и выступление его самого: в Москве в Народном доме, в пригороде Петербурга Павловске... Наступает период забот юного композитора об издании своих опусов.

В 1914 году Сергей Прокофьев оканчивает консерваторию. Исполнение сольной программы было отмечено высшим балом – пять с плюсом. В протоколе Художественного совета о сорок девятом

выпуске учащихся Петербургской консерватории ученик Сергей Прокофьев отмечен званием свободного художника по отделу игры на фортепиано. Там же была запись: «...ежегодно жертвуемый в память 50-летнего юбилея А.Г. Рубинштейна рояль фабрики К.К. Шрёдера – присужден Сергею Прокофьеву».

После окончания консерватории С. Прокофьев вступает в творческий период, насыщенный как внешними событиями, так и внутренней активностью и созревания таланта. Современники обозначили этот период как период «бури и натиска». Молодой композитор стремительно завоёвывает одно из ведущих мест в музыкальном мире Петербурга, Москвы и даже за рубежом.

За успешное окончание консерватории Сергей Прокофьев получил от мамы обещанный подарок – поездку за границу. Он едет в Лондон. Там знакомится с энергичным поборником русской культуры С.П. Дягилевым, встреча с которым открывает Прокофьеву двери многих музыкальных салонов. Сергей Прокофьев едет в Рим, Неаполь, где проходят его первые за границей фортепианные вечера.

Дягилёв подписывает с Прокофьевым контракт на написание балета «Сказка про шута, семерых шутов перешутившего» по сказке Н.А. Афанасьева. Вернувшись в Россию, композитор работает над произведением. Закончив балет, Прокофьев отправляет рукопись в Италию Дягилеву.

В 1915-1919 годы Прокофьев трудится над первой большой оперой, открывающей счёт произведения с детства любимого жанра, – «Игрок» по Достоевскому, которая создавалась вопреки советам авторитетных деятелей искусства, считавшим оперу жанром устаревшим, отжившим свой век. Теоретическая подоплека этой точки зрения была такая: «Опера... связана со словом, а слово неизбежно приносит с собой рассудок, и потому чуждые чистому искусству элементы». Молодой композитор дерзко отстаивал в прессе своего «Игрока». В опере не было закругленных номеров. Она стала оперой диалогов, оперой бесед.

Не ослабевало внимание композитора и к фортепианной музыке. Им создаётся цикл миниатюр «Мимолетности» (1915-1917). В них впервые раскрылись привлекательные стороны прокофьевского лиризма, в котором молодому музыканту долгое время отказывали. Для многих в те годы имя Прокофьева было синонимом ниспровержения классических основ искусства.

Тогда же С. Прокофьев создаёт десять романсов, отразивших его увлеченность современной поэзией. Это стихи В. Горького, З. Гиппиус, Б. Верни, К. Бальмонта, Н. Агнiewiczа, А. Ахматовой. В них Прокофьев вырабатывает свою манеру вокального письма, в значительной мере основанную на гибкой напевной декламации.

Сергей Прокофьев выступает на многих концертных площадках Петербурга, Москвы, Воронежа, курортных пригородов. Погружённость в творческую работу, напряжённая жизнь концертанта в значительной мере заслонили от него те колоссальные сдвиги, которые происходили в общественной жизни страны. Находясь в дни Февральской революции в Петрограде, он воспринял её чисто эмоционально.

В эпоху грандиозного общественного подъёма, революционного движения масс, пробудивших к жизни и требовавших её преобразования, огромное значение приобретала в искусстве тема радости, утверждения красоты человека. По мнению В.В. Маяковского среди современных композиторов, утверждающих в музыке путь к радости, являлось творчество С. Прокофьева.

«Солнечный» экстаз этих лет запечатлён и в любопытнейшем альбоме автографов, который заполнялся на протяжении 1916 – 1921 годов. Срок восемь записей выдающихся музыкантов, поэтов, шахматистов дают ответ на вопрос С. Прокофьева: «Что вы думаете о солнце?» Записи в этой книжице говорят о том, что современники ощущали своеобразную солнечность таланта самого Прокофьева. Так, дирижёр Г. Фительберг написал: «Вы, милый Серёжа, и Ваша музыка – как Солнце». К. Бальмонт назвал Прокофьева «солнечным богачом». Уже много позже Г. Рождественский писал: «Действительно, солнечность Прокофьева многообразна, его музыка ярка, как солнце, тепла, как солнце, и земной шар охватила, она, как охватывают его солнечные лучи».

В эти годы Сергей Прокофьев выступает и в качестве критика-публициста, сотрудничает в журналах «Музыка» и «Музыкальный современник».

Происходящие революционные события наметили расслоение среди интеллигенции.

15 и 17 апреля 1918 года состоялись успешные первые концерты С. Прокофьева в Советской России. Однако композитор решает покинуть страну, и обращается с этой просьбой к А.В. Луначарскому. Прокофьев получает заграничный паспорт и сопроводительный документ, в котором указывалось, что он едет по делам искусства и для поправки здоровья. Срок поездки не был обозначен. Обстановка в России и за рубежом была настолько сложной, что в течение 18 дней композитор добирался до Владивостока, изрядное количество недель провел в Японии, и только в начале сентября, то есть спустя три месяца, он прибыл в Нью-Йорк.

В Америке Прокофьев сразу ощутил иную атмосферу музыкальной жизни. Дух предпринимательства, коммерческого ажиотажа был непривычен для него и действовал отталкивающе. Система контрактов и договоров опутала музыканта. Прокофьев делал первые шаги. Барометром успеха служила пресса, склонная к сенсационным выс-

туплениям. На Прокофьева обратили внимание и вскоре написали, что у него «...стальные пальцы, кисти стальные, бицепсы и трицепсы стальные». Американская публика не была приучена принимать большими дозами новую музыку.

Прокофьева-пианиста встретили благосклонно, но чувство неудовлетворенности не оставляло его. Об этом времени он вспоминал: «Иногда я бродил по огромному парку в центре Нью-Йорка и, глядя на небоскребы, окаймляющие его, с холодным бешенством думал о прекрасных американских оркестрах, которым нет дела до моей музыки...».

Проблеском стал заказ оперы «Любовь к трём апельсинам» по пьесе Карла Гоцци Чикагским оперным театром, но внезапная кончина его дирижера К. Кампинини, отсрочила премьеру на два года.

На гастролях в Париже и Лондоне С. Прокофьев встречается с С. Дягилевым, который решает поставить «Сказку про шута...». В связи с этим композитор пересмотрел музыку балету. Репетиции начались на следующий год и проходили успешно. Дягилев, заботившийся об успехе спектакля, для афиш заказал карандашный портрет С. Прокофьева художнику А. Матиссу.

Постановка «Сказка про шута...» принесла Прокофьеву сенсационный успех, запечатлевшийся в памяти парижан как один из самых блестящих дягилевских спектаклей.

Завершился год премьерой оперы «Любовь к трём апельсинам», которая состоялась в Чикаго 30 декабря 1921 года.

Оба произведения – балет «Сказка про шута...» и опера «Любовь к трём апельсинам» – имеют много общего. Они построены по типу комедийно-игрового действия, близкого народным ярмарочным представлениям. В музыке балета и оперы преобладают юмористические настроения, она покоряют ритмами, стремительностью движения. Ставший знаменитым марш из оперы «Любовь к трём апельсинам» обошёл все концертные эстрады мира, оставаясь и сегодня одним из самых популярных произведений С.С. Прокофьева.

Будучи связанным договорами и выступлениями, Прокофьев всё откладывал возвращение на родину. Но композитор активно переписывался с московскими и петроградскими друзьями. Положение осложнилось и семейными делами: длительная болезнь и смерть матушки, женитьба и рождение сына.

Женой Сергея Прокофьева стала певица Каролина Кодина (1897-1989), выступавшая под псевдонимом Лина Любера (в других источниках Любера). Её отец – певец – был испанцем (каталонцем) – Хуан Кодина-и-Любера, а мать – Ольга Владиславовна Кодина (урожд. Немысская). Лина родила двух сыновей – Святослава и Олега. Судьба первой жены Прокофьева сложилась непросто: прошла сталинские лагеря.

Семья Прокофьева в 1936 году.

Летом на склонах баварских Альп С. Прокофьев работает над оперой «Огненный ангел». Живописные горы, поросшие лесом, напоминая о ведьмовских шабашах, описанных В. Брюсовым, настраивали на романтическое восприятие сюжета. Образ гордого человека, его мятежный свободолюбивый дух, стремящийся из жестоких тисков суеверия, захватили творческое воображение композитора.

Тогда же он завершает Третий фортепианный концерт, тематический материал которого был почти полностью сочинен ещё на родине. К. Балмонт, впечатлившись произведением, посвящает ему сонет. Прокофьев, в свою очередь, пишет пять романсов на стихи поэта.

В редкие часы летнего отдыха Сергей Сергеевич с увлечением предавался любимым занятиям: составлению гербария и изучению звёздного неба.

Для Прокофьева никогда не прекращался процесс сочинения: во время прогулок, в гостях он мог вынуть из кармана карандаш и записную книжку, чтобы внести туда родившуюся тему. Иногда его рабочий день длился четырнадцать часов. Сочинял композитор обычно без рояля, проверяя лишь отдельные звуко сочетания.

В 1925 году С. Прокофьев по заказу С. Дягилева пишет балет «Стальной скок» на сюжет трудовой жизни советской страны. Премьера, состоявшаяся через два года в Париже, а затем в Лондоне, была обставлена Дягилевым блестяще. В прессе было много рецензий. Через несколько лет «Стальной скок» был поставлен в Нью-Йорке в театре Метрополитен.

18 января 1927 года С. Прокофьев посетил родину. В Москве композитора встретили друзья и музыкальная общественность столицы, а также оркестр Персимфанс, который исполнил марш из оперы «Любовь к трём апельсинам». Опера в СССР впервые была поставлена за год до приезда Прокофьева. А.В. Луначарский так отозвался об опере: «... «Три апельсина» – бокал шампанского».

24 января состоялся первый концерт С. Прокофьева, встреченный публикой единодушно – восторженно. Далее были поездки композитора в Киев, Харьков, Одессу.

В ноябре 1929 года состоялся второй приезд С. Прокофьева на родину. Целью поездки были пе-

реговоры о постановках. Большой театр собирался ставить балет «Стальной скок». Композитор познакомился и с постановкой спектакля «Любовь к трём апельсинам».

В начале 1930 года Прокофьев совершает турне по Америке. Двенадцать симфонических и одиннадцать камерных концертов с участием жены композитора, камерной певицы Лины Любера, продемонстрировали изменившееся к композитору отношение публики и прессы. Лучшие оркестры исполняли его произведения, он выступал в крупнейших залах страны. Нью-Йоркский театр Метрополитен вёл переговоры о постановке «Огненного ангела».

В этой поездке у композитора было много знаменательных встреч. Одна из самых ярких – с прославленным дирижёром Артуро Тосканини. Но ещё более глубокий след оставила встреча с Сергеем Рахманиновым. В ходе их беседы Рахманинов интересовался поездками Прокофьева в СССР, расспрашивал подробно и с пристрастием, в котором чувствовалась скрытая тоска по родине.

Всё больше ощущалась она и С.С. Прокофьевым. Новые работы почему-то мало удовлетворяли, навязчиво возникали одни и те же вопросы о простоте и сложности музыкального языка, о новизне выразительных средств.

Общение с западноевропейскими музыкантами, ознакомление с духовной культурой других народов, несомненно, расширив кругозор С. Прокофьева и обогатив арсенал выразительных средств его музыки, не изменили самобытного пути музыканта.

Прокофьев оставался типично русским композитором, с особым складом характера и восприятия действительности, со специфическим отношением к мелодике и средствам её развития. Во Франции Сергея Сергеевича провозгласили приемником «кучкистов», настолько отчетливо европейской критике слышалось в музыке композитора русское начало, связь с национальными традициями. В этот период он особенно остро ощущал необходимость связи с родной землёй, со

Сергей Прокофьев и Наталья Сац. 1935 г.

своим народом. Он писал: «...здесь я лишаюсь сил. Мне грозит опасность погибнуть от академизма. Да, друг мой, я возвращаюсь...».

В 1932-1933 годах композитор улаживает дела за рубежом: ставится в Париже новый балет «На Днепре», проходит первое исполнение Пятого концерта, осуществляется гастрольная поездка по Америке, но его творческие замыслы уже связаны с советской Россией.

Вернувшись в СССР, С. Прокофьев сразу оказывается в самой гуще музыкальной жизни страны. Он выступает на страницах газет «Вечерняя Москва», «Известия», журнала «Советская музыка», делится впечатлениями о современном искусстве, рассказывает о своих планах, о желании работать над произведениями крупной формы, о поисках сюжета, утверждающего положительное начало, героическому строительству, нравственную красоту и величие человека.

Композитор пишет музыку к кинофильму «Поручик Киж» по повести Ю. Тынянова.

Сергей Сергеевич концертирует, выступая в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Челябинске.

Прокофьев работает с поразительной интенсивностью. Он пишет кантату, посвященную 20-летию Октября, сонаты, несколько массовых песен и маршей для военного оркестра. Особое место занимают произведения к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина: музыка к драматическим спектаклям «Борис Годунов», «Евгений Онегин», к кинофильму «Пиковая дама». Музыка эта тогда не прозвучала. Через 24 года она была впервые исполнена под управлением Г. Рождественского, тщательно изучившего сохранившиеся рукописи и составившего из трёх произведений сюиту под названием «Пушкиниана».

С.С. Прокофьев общается с выдающимися театральными режиссёрами Е. Вахтанговым, В. Мейерхольдом, А. Таировым. В 1935 году директор Центрального детского театра Наталья Сац предложила Прокофьеву написать симфоническую сказку, которая помогла бы познакомить ребят с музыкальными инструментами. Композитор с радостью соглашается. Музыкальная сказка получила название «Петя и волк». Произведение имело огромный успех. Театр получил много восторженных писем.

Тогда же был написан цикл детских пьес и песенок, которые принесли С. Прокофьеву популярность среди детворы. С некоторыми ребятами композитор поддерживал переписку через журнал «Пионер».

Шекспир. Балет «Ромео и Джульетта» – хореографическая драма. Первый вариант произведения был закончен 16 мая 1935 года и балет имел счастливый конец, не ввязавшийся с общим строем шекспировской пьесы. Композитор сосредоточил

основное внимание на психологической стороне образов, использовал выразительные средства, не свойственные балетной, в обычном понимании слова, музыке. Камерность лирических сцен, частая смена ритмов создавали определенные «неудобства» для артистов балета. Но в последствие Г. Уланова писала: «Его музыка – родоначальник и душа танца, его Джульетта – моя любимая героиня, средоточие того света, гуманизма, духовной чистоты и возвышенности, которые пленяют едва ли не в каждом произведении Прокофьева». Балет был в репертуаре крупнейших театров мира.

Значительное место в творчестве С. С. Прокофьева занимает и массовая песня – жанр наиболее показательный для музыки тех лет.

В 1938-1939 годах Сергей Сергеевич Прокофьев пишет героико-патриотическую кантату «Александр Невский», музыка которой вначале была написана для одноименного кинофильма режиссёра С. Эйзенштейна. Концертное исполнение произведения впервые состоялось 17 мая 1939 года в Большом зале Московской консерватории под управлением автора. «Александр Невский» был для композитора первым опытом воплощения большой героической темы. Вторично к этой теме он обратился в опере «Семен Котко» по повести В.П. Катаева «Я сын трудового народа», рассказывающей о событиях гражданской войны.

Позже Прокофьев обращает своё внимание на музыкальные театры. Для Камерного театра он пишет одно из обаятельнейших произведений – лирико-комическую оперу «Обручение в монастыре» по пьесе Р.Б. Шеридана «Дуэнья».

Весной 1941 года появляется первый вариант сценарного плана оперы «Война и мир» по роману Л.Н. Толстого, одновременно Прокофьев сочиняет музыку к сказочному балету «Золушка». В этом году Сергей Сергеевич уходит из семьи.

Так в расцвете таланта и творческих сил, готовый осуществить интереснейшие замыслы, встретил С.С. Прокофьев своё пятидесятилетие.

Великая Отечественная война прервала мирную жизнь советских людей. Композиторы, чувствуя себя мобилизованными, стремились вооружить народ боевыми патриотическими песнями и маршами. С. Прокофьев тоже обращается к военной тематике. В начале августа композитор вместе с группой профессоров Московской консерватории был эвакуирован на Кавказ, в Нальчик. Здесь он уже активно работает над написанием оперы «Война и мир», выбирая две сюжетные линии: лирическую, связанную с судьбой Наташи Ростовской, и народно-патриотическую, рассказывающую о подвиге русского народа в Отечественной войне 1812 года.

Осложнившаяся обстановка на фронте вынуждает С.С. Прокофьева к переезду в Тбилиси.

С.С. Прокофьев и С.М. Эйзенштейн в киностудии за работой. 1943 г.

Затем композитор по вызову С. Эйзенштейна переезжает в Алма-Ату для совместной работы над кинофильмом «Иван Грозный». Музыка к фильму в значительной мере продолжает героико-эпическую линию с её ярко выраженной народно-песенной основой.

Насыщенная контрастными образами партитура «Ивана Грозного» получила доступ и на концертную эстраду. В конце 70-х годов на сцене Большого театра СССР Ю. Григоровичем был поставлен балет «Иван Грозный».

В Алма-Ате С.С. Прокофьев стал одним из ведущих композиторов объединенных киностудий Москвы и Ленинград. Он пишет музыку к фильмам «Котовский» (реж. А. Файнциммер), «Тоня» (реж. А. Роом), к нескольким эпизодам картины «Лермонтов». Им создаются эскизы комической оперы «Хан Бузай» на материале казахского фольклора, редактирует «Дуэнья» в связи с предполагаемой её постановкой в филиале Большого театра. Ленинградский театр оперы и балета им. С.М. Кирова, эвакуированный в Пермь, предлагает Прокофьеву завершить работу над балетом «Золушка». Композитор, переехав в Пермь, продолжает с неутомимой энергией реализовать свои замыслы.

За время войны С. Прокофьев побывал во многих городах Кавказа, Средней Азии, Сибири, Урала. Он помогает становлению профессиональных композиторских школ Кабардино-Балкарии и Казахстана.

В октябре 1943 года Прокофьев вернулся в Москву, где в Большом театре начались репетиции оперы «Война и мир». Однако в силу многих обстоятельств это произведение появилось на сцене театра только в 1959 году. Концертное же исполнение «Войны и мира» состоялось в октябре 1944 года, затем в июне 1945 года. Успех был огромный. Музыка С. Прокофьева приумножила праздничное настроение первых мирных дней.

Героико-патриотические образы, преобладающие в творчестве С. С. Прокофьева военных лет, усилили в его музыке эпические черты, столь ха-

рактёрные для русской классики, заняли особое место в творческом наследии крупнейшего мастера.

Весной 1945 года С. Прокофьев по настоянию врачей находится в санатории в Подмоскowie. Сказалось огромное напряжение многих лет. Врачи запрещают читать, писать, сочинять. Но у композитора нескончаемы творческие замыслы и новые планы. В тайне от врачей он во время прогулок сочиняет «в голове».

Композитор поражает окружающих неиссякаемым запасом душевных сил, бодростью, остроумием. Он в курсе событий, с увлечением включается в споры по вопросам литературы и живописи, театра и кино, техники и спорта.

Лето и начало осени С. Прокофьев проводит в ограниченном режиме в ивановском Доме творчества. Там он общается с друзьями и коллегами. Укороченный рабочий день не мешает ему много сочинять: закончена оркестровка «Оды на окончание войны», вокальные дуэты, возобновляется работа ко второй серии «Ивана Грозного».

Произведения композитора исполняются на крупнейших сценах страны.

В 1947 году Прокофьев обращается к только что изданной «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого. Совместно с будущей женой, Мирой Александровной Мендельсон (1915-1968), композитор создает либретто в своей обычной манере, сохраняя подлинные тексты и диалоги первоисточника. На закрытом просмотре «Повесть о настоящем человеке» в Театре оперы и балета имени С.М. Кирова опера получила неблагоприятную оценку.

Но к этому времени уже новый замысел владел воображением С. Прокофьева. И, со свойственной ему силой воли преодолев глубокое огорчение, композитор полностью переключается на создание ба-

С. Прокофьев с Мирой Мендельсон. 1948 г.

лета по уральским сказам П.П. Бажова. Им был выбран «Сказ о каменном цветке», ставшем национальным русским балетом. Произведение, законченное в clavire весной 1949 года было показано художественному руководству Большого театра. Балет был встречен приветливо. Надеясь на близкую постановку, композитор торопится написать партитуру, но постановка «Каменного цветка» была осуществлена лишь спустя четыре года.

Параллельно С. Прокофьев сочиняет сонату для виолончели и фортепиано в трёх частях. В результате перенапряжения состояние здоровья композитора ухудшается. Но не писать он не мог. Творчество было постоянной и необходимой потребностью его жизни. С радостью он пишет несколько танцевальных пьес и симфоническую сюиту для детей «Зимний костёр», откликнувшись на предложение музыкального отдела Всесоюзного радио. Тогда же он приступает к написанию оратории о мире на тексты поэта С. Маршака. Премьера, которая состоялась в декабре 1950 года в Колонном зале Дома Союзов, вызвала много восторженных отзывов.

Вместе с сюитой «Зимний костёр» оратория «На страже мира» была отмечена Государственной премией.

В это же время композитор задумывает написать для детского радиовещания несложную симфонию. Но в процессе сочинения замысел получил иной поворот – последняя, Седьмая симфония, стала своего рода лирической исповедью композитора, его «лебединой песней», где впечатления жизни, образы, запомнившиеся с детства, сплетались с думами о пройденном пути, мудрым взглядом в будущее. Симфония как бы синтезировала всё богатство красок и оттенков прокофьевской лирики, задумчиво-созерцательной, восторженной, поэтически-одухотворенной, лирики философских раздумий. Премьера симфонии состоялась 11 октября 1952 года в Колонном зале Дома Союзов в исполнении оркестра Всесоюзного радио под управлением С.А. Самосуда. Это было последнее присутствие С.С. Прокофьева на исполнении своего произведения. В 1957 году, уже после смерти С.С. Прокофьева, музыка Седьмой симфонии была удостоена Ленинской премии.

5 марта 1953 года жизнь Сергея Сергеевича Прокофьева оборвалась.

Несмотря на систематический напряженный труд, С. Прокофьев не замыкался в себе, щедро рачтал свой талант и человеческое обаяние. Узы дружбы связывали его с драматургом А.Н. Афиногеновым, тесное знакомство – с писателями К. Фединым, К. Чуковским, Вс. Ивановым, Л. Кассилем. Близок он был с художником П. Кончаловским. Дружески всю жизнь был неразлучен с композитором Н.Я. Мясковским, восторженно относился к музыке Д. Шостаковича. Много приносило ему

общение с талантливыми исполнителями: Г.Г. Нейгаузом, С.Т. Рихтером, В.В. Софроницким.

Не было для Прокофьева более желанного партнера по шахматам, чем Давид Ойстрах, живший в том же доме. Сергей Сергеевич всё так же страстно, как в юности, любил шахматы и часами готов был сидеть за шахматной доской. Встречались композитор и скрипач и как болельщики на международных состязаниях, и как участники матча, организованного Центральным домом работников искусств.

Прокофьев никогда не занимался педагогической деятельностью. У него нет прямых учеников, но последователей – огромное количество. На музыке С.С. Прокофьева выросло не одно поколение исполнителей: дирижёров, режиссёров, балетмейстеров, вокалистов, инструменталистов. Сергей Сергеевич Прокофьев – явление мирового значения. Композитор – признанный классик музыки XX века. Его творческое наследие составляют славу и гордость культуры, является знаменем реалистических тенденций прогрессивного мирового музыкального искусства.

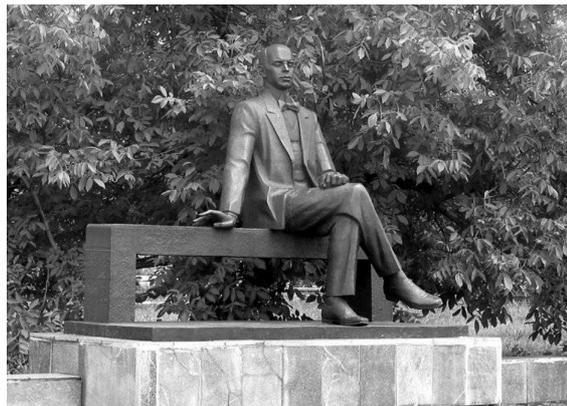
Следует согласиться со словами актрисы и режиссёра С. Бирман: «...великий композитор, художник неповторимой индивидуальности – Сергей Прокофьев до глубины сердца был откровенен и искренен в музыке: черными значками нот он выразил самые глубокие свои чувства, самые высокие думы о жизни, о человеке».

Сергей Сергеевич Прокофьев сочинил восемь опер, семь балетов, семь симфоний, девять инструментальных концертов, свыше 30 симфонических сюит и вокально-симфонических произведений, пятнадцать сонат, написаны пьесы, романсы, музыка к театральным постановкам и кинофильмам. В 1955-1967 годах были изданы двадцать томов собраний музыкальных сочинений композитора.

Заслуги С.С. Прокофьева перед музыкальным искусством отмечены орденом Трудового Красного Знамени, медалями, почётными званиями заслуженного деятеля искусств РСФСР и народного артиста РСФСР. Творчество композитора шесть раз удостоивалось Сталинской премии, Государственной премией (посмертно). С. Прокофьев был членом Королевской шведской музыкальной академии.

Первый музей С.С. Прокофьева был открыт в 1966 году в Москве, в музыкальной школе № 1, которой было присвоено имя композитора. В экспозиции находились вещи музыканта, книги и ноты, пианино, мебель, фотодокументы семьи Прокофьевых. Позже возле школы был установлен памятник С.С. Прокофьева.

В 1966 году в Париже, на доме, где жила семья С. Прокофьева была установлена памятная доска.

Памятник С.С. Прокофьеву на его родине в селе Соңцовка Днепропетровской области

В Челябинске установлен памятник С.С. Прокофьеву, а концертному залу присвоено имя композитора.

1991 год, в ознаменование 100-летнего юбилея со дня рождения композитора, ЮНЕСКО объявил Годом С.С. Прокофьева. В этом же году были выпущены юбилейная монета СССР достоинством в 1 рубль и почтовая марка СССР, посвященные Прокофьеву, подготовлен документальный фильм «Сюита жизни». На родине композитора, в селе Красное Красноармейского района Донецкой области (Украина), был открыт музей С.С. Прокофьева.

В Санкт-Петербурге ежегодно проводится международный конкурс имени Сергея Сергеевича Прокофьева по трём специальностям: композиция, симфоническое дирижирование и фортепиано.

Прокофьев, обладая литературным даром, написал почти все либретто к своим операм, писал рассказы, которые были опубликованы в 2003 году. В этом же году прошла презентация трёхтомного издания «Дневников» Сергей Прокофьева, изданного в 2002 году в Париже наследниками композитора. Дневники объединяют записи композитора 1907-1933 годов. На экраны вышел документальный фильм «Гений Прокофьева». Самолет Аэрофлота Airbus A319 (VP-BWA) носит имя «С. Прокофьев».

В 2008 году в Москве, в Камергерском переулке, открыт музей-квартира С.С. Прокофьева. Здесь собраны нотные и литературные автографы композитора, редкие фотографии, документы и личные вещи Прокофьева. На доме, где он жил, установлена мемориальная доска.

6 августа 2012 года в честь С.С. Прокофьева назван кратер на планете Меркурий.

И этот – 2016 – год также объявлен в России Годом Прокофьева.

Н.Г. Макарьева

ГУМИЛЁВСКАЯ ОСЕНЬ

К 130-летию поэта Николая Гумилёва

Мир поэзии – это мир красоты и доброты, которых нам всем так не хватает в это сложное время, когда всем в нашей жизни правит Золотой телец, когда пышным цветом цветут самые низменные человеческие пороки, когда повсюду на нашей маленькой, но такой красивой планете полыхает пламя междоусобных войн. И так приятно, что в стране есть люди, которые бережно относятся к нашему культурному наследию, бескорыстно восстанавливают потерянное, пропагандируют его, делают доступным большинству.

В апреле 2016 года любители творчества Николая Степановича Гумилёва отмечают две значительные даты, связанные с этим именем: 130 лет со дня его рождения и 30 лет с момента его возвращения в русскую литературу, то есть отмены запрета на его творчество для российского читателя. Хотя в период жёсткой цензуры в СССР произведения Н.С. Гумилёва публиковались на Западе, на Родине его стихи могли появиться только переписанными от руки, ксерокопированными (знатоки говорят, что иногда у букинистов можно было найти пожелтевшие от времени томики, вышедшие ещё в начале двадцатых годов прошлого столетия, сразу после смерти поэта).

В конце восьмидесятых в СССР проходила Перестройка. Её лозунгами были: гласность, всесторонняя демократизация сложившегося в стране общественно-политического и экономического строя. Понемногу начали печатать стихи запрещённых ранее Пастернака, Мандельштама, Цветаевой, Ахматовой. Николая Гумилёва продолжали замалчивать. Но приближалось 100-летие со дня рождения поэта (апрель 1986 г.). Благодаря письмам в ЦК КПСС и выступлениям таких известных общественных деятелей, писателей, художников, как Д.С. Лихачев, В.Г. Распутин, Е.А. Евтушенко, В.А. Каверин, И.С. Глазунов и др., практически, впервые после 1923 года в журнале «Огонёк» (№ 17, 1986 г.) были опубликованы материалы о Н. Гумилёве и его лучшие стихи: «Волшебная скрипка», знаменитые «Капитаны», «Жираф», «Андрей Рублев», «Лес», «Когда из темной бездны жизни» и другие. Это и положило начало новой жизни произведений ярчайшего представителя «серебряного века», русского поэта, поэта-воина, поэта-путешественника, создателя школы акмеизма, переводчика, литературного критика – Н.С. Гумилёва.

Для нас, жителей Краснознаменского района, 2016 год ознаменован ещё и тем, что по сложившейся доброй традиции в октябре в нашем городе в пятнадцатый раз будет проводиться праздник «Гумилёвская осень».

А начиналось всё так: в 2002 году по инициативе историка-краеведа, профессора БФУ им. Канта, доктора исторических наук Кретьнина Геннадия Викторовича и главы администрации района Пискарева Федора Георгиевича (к сожалению, уже ушедшего из жизни) в пос. Победино, на территории школы был открыт мемориальный памятник Н. Гумилёву. В дни и месяцы Первой мировой войны 1914 года судьба забросила Николая Гумилёва на границу Восточной Пруссии в район городов Ширвиндт и Шелленин (Кутузово и Победино Краснознаменский район). Лейб-гвардии уланский полк, в котором служил вольноопределяющимся Николай Гумилев, прибыл в Россеняй на территории Литвы. Оттуда через Ширвиндт эскадрон прибыл маршем в Шелленин. 26 октября 1914 года Николай Гумилев был здесь примерно полдня, но этого времени ему хватило для того, чтобы написать эти, часто цитируемые теперь строки:

«Как собака на цепи тяжёлой,
Тявкает за лесом пулемёт.
И жужжат шрапнели, словно пчёлы,
Собирая ярко-красный мёд»

Основы военной лирики закладывались в этих местах. Гумилев был награжден двумя солдатскими Георгиевскими крестами. Один «Георгий» он получил уже в конце 1914 года, в том числе и за бои на этой земле.

Памятник в Победино представляет собой огромный валун серого цвета, на котором помещена Памятная Доска с текстом: «Осенью 1914 года в боях за Шелленин (ныне посёлок Победино) участвовал великий русский поэт, кавалерист Николай Гумилев».

Авторы Памятной Доски – калининградские художники-скульпторы Людмила Богатова и Олег Сальников. Торжества по поводу открытия памятной Доски проходили 26 октября. Несмотря на то, что в этот день с самого утра шёл дождь, к назначенному времени во дворе школы собралось много народу. Кроме жителей поселка, сюда подъехали горожане, гости из Калининграда, журналисты областных газет и телевидения, гости из подмосковного города-побратима Краснознаменска.

Митинг открывал бывший глава районной администрации Фёдор Георгиевич Пискарёв. Он пообещал тогда всем присутствующим, что праздник «Гумилевская осень» будет проводиться ежегодно, и сдержал своё слово. Каждый год, в конце октября, в посёлок Победино приезжают организаторы и гости праздника, чтобы возложить цветы к основанию могучего камня, отдав, таким образом, дань памяти поэту. Побывавший на празднике в октябре прошлого года вице-предводитель западного дворянского собрания, секретарь Калининградского отделения историко-родословного общества в Москве, секретарь инициативной группы Калининградского общества потомков участников Первой мировой войны Лев Ремирович Берников высказал свою благодарность всем присутствующим за установку и сохранение знака Н. Гумилёву в пос. Победино и традицию проведения «Гумилёвской осени».

До 2009 года включительно литературные чтения после короткого митинга проходили в актовом зале Побединской школы. В связи с закрытием этой школы с 2010 года было решено (после возложения цветов к памятнику) праздник проводить в городе Краснознаменске, в Центре культуры (с января 2016 г. – Центр культуры, музейного и библиотечного обслуживания). За прошедшие четырнадцать лет на празднике побывали известные в области писатели и поэты, заслуженные работники культуры, работники областного министерства культуры, певцы, композиторы, учителя, библиотечные работники, артисты театров города Калининграда. Принимают участие в литературных чтениях любители поэзии из других городов области. Были гости из Москвы и Санкт-Петербурга. Почти на каждом празднике бывают гости из Литвы. Хочется назвать имена некоторых из них: калининградские поэты А.С. Галенко, А.А. Лунин, писатели В.М. Карпенко, В.П. Лебедев-Шапранов (ныне покойный), В.Б. Соловьёва, Б.Н. Бартольд, краевед Б.Н. Адамов. В 2009 году с презентацией своей книги о Гумилёве «Поэт и воин» побывала калининградская писательница И.А. Головкина. В списке желанных гостей один из ведущих Калининградских писателей Олег Борисович Глушкин, директор издательства «Кладезь», главный редактор журнала региональной культуры «Балтика» Лидия Анатольевна Фролова, историк-краевед,

земляк краснознаменцев, Крети́нин Геннадий Викторович, которые являются, практически, постоянными участниками гумилёвских чтений и нашими добрыми друзьями. Все гости приезжают с подарками: картинами, книгами, журналами, песнями, стихами, интересными рассказами. Артисты литературного театра (режиссёр А.С. Михайлов) в 2002 году показали участникам праздника пьесу Н. Гумилёва «Игра», актрисы «Другого театра» Т. Белова и С. Бондаренко в 2007 году презентовали мини-спектакль по поэзии Серебряного века «Потерянный рай». Замечательный мини-спектакль «Шестое чувство», в котором под музыкальное сопровождение прозвучали стихи Н. Гумилёва, подарили зрителям актёры театра «Третий этаж» в 2015 году. Перед участниками праздника выступали: областной оркестр русских народных инструментов, учащиеся Калининградского областного музыкального колледжа имени С. Рахманинова, балерины из Советского колледжа культуры и искусств, преподаватели и учащиеся музыкально-художественной школы г. Советска. В праздничных мероприятиях часто принимает участие Багратионовский военно-исторический клуб, неся почётный караул у памятника поэту. На прошлогоднем празднике работники клуба подали краснознаменцам приятный сюрприз: зал ахнул, увидев на сцене живого Гумилёва в военной форме со шпагой. Он полностью соответствовал Гумилёву, представленному на его портрете.

В 2006 году Гумилёвским чтениям был присвоен статус областного праздника. Он входит в программу ежегодных областных Дней литературы. Краснознаменцы с нетерпением ждут гостей и сами принимают активное участие в его подготовке. В первую очередь, это работники Центра культуры, музейного и библиотечного обслуживания: директор Шахова Ольга Вениаминовна, замечательная ведущая всех праздников Коковкина Алёна; это и наша, известная в области, поэтесса, член Союза российских писателей Н.И. Цветкова, которая почти на каждый праздник приходит с новым поэтическим посвящением Николаю Гумилёву, а её стихотворение «Гумилёвская осень» положено на музыку Калининградским композитором А. А. Морозовым и уже несколько лет является визитной карточкой праздника; работники городской и сельских библиотек, преподаватели и ученики Краснознаменской детской школы искусств; участники фольклорных ансамблей «Старинушка» и «Беседушка» (руководителями соответственно являются преподаватели ДШИ Инна Степановна Романовская и Ольга Васильевна Цыганкова, концертмейстер Иван Сергеевич Немолочнов); учителя литературы общеобразовательных школ района; чтецы, самодеятельные песенные ансамбли «Чеботуха», «Фантазия», созданные нашим известным музыкантом и компо-

зитором Ю.В. Беспаловым (музыкальные руководители этих ансамблей также И.С. Романовская и О.В. Цыганкова, аккомпаниатор – И.С. Немолочнов); недавно сложившийся ансамбль из посёлка Тимофеево «Калина красная», путёвку в большую жизнь которому дала одноимённая песня (слова и музыка преподавателя Алексеевской общеобразовательной школы С.А. Татаровой).

Но главное, чем гордятся организаторы праздника, это то, что им удалось привить любовь к поэзии Николая Гумилёва учащимся общеобразовательных школ района. Каждый год ребята принимают участие в гумилёвских чтениях. Но предварительно они проходят конкурсный отбор в своих школах. На сцену городского Центра культуры выходят победители. Сколько чувства и своей детской души чтецы вкладывают в прочтение стихов полюбившегося им поэта.

Подрастают школьники и вступают в самостоятельную жизнь, унося в своих сердцах, своей памяти впечатления от «Гумилёвских чтений», своей причастности к ним, выученные и рассказанные со сцены стихи известных поэтов, спетые песни на эти стихи, и, не исключена возможность, что кто-то из них сам начнёт писать. А родной город с большой радостью примет потом на своём празднике именитого земляка.

На моё творчество праздник «Гумилёвская осень» оказал огромное влияние. До 2000 года я серьёзно не относилась к написанию стихов. Были стихи для детей, поэтические поздравления к юбилеям. Но после близкого знакомства с биографиями Н. Гумилёва, А. Ахматовой, М. Цветаевой, их творчеством на второй «Гумилёвский» праздник я пришла, практически, с первым серьёзным стихотворением «Поэтам “серебряного” века». Потом были и другие стихи, посвящённые поэту Гумилёву: «Не забыть мне тебя, Абиссиния!», «Гафиз и Лери», «Последнее счастье», «Мечта и Муза», «Незримые связи». Праздник познакомил меня со многими писателями и поэтами Калининграда и области.

Я серьёзно увлеклась поэзией, ещё раз, уже более осмысленно, перечитала стихи самых известных поэтов «золотого» и «серебряного» веков и многих других. Стала писать сама, выпустила три поэтических сборника и продолжаю писать. С волнением и огромным желанием прихожу на праздник «Гумилёвская осень».

Историки до сих пор спорят о подлинных причинах и обстоятельствах гибели Николая Гумилёва. Участвовал ли он в контрреволюционном заговоре, существовал ли этот заговор вообще, или просто «сеть была раскинута слишком густо», и поэт не мог в неё не попасть. Несомненно, одно – он встретил смерть с тем неподражаемым мужеством и спокойствием, что его смелостью не могли не восхищаться даже его палачи: «Этот ваш Гумилев... нам большевикам это смешно. Но зна-

ете, шикарно умер. Улыбался, докурив папиросу. Фанфаронство, конечно.

Но даже на ребят особого отдела произвёл впечатление. Пустое молодечество, но все-таки крепкий тип. Мало, кто так умирает...»

Но помимо «великого и загадочного» Николая Гумилёва всегда будет существовать и просто Гумилев – реальный человек со своей сложной судьбой, самозабвенно любящий свою Родину, но не избежавший участи многих талантливых русских поэтов, которых Родина отправила на плаху.

«Лишь красотой удивляет слово,
Но всё же не смогли его понять,
Поэта, Николая Гумилёва,
Расстрелянного властью в тридцать пять».

Людмила Быкова

ТАЛАНТ ПОЭТА НЕ УМРЁТ

Николаю Гумилёву

Как снег под солнцем, время тает,
Бегут стремительно года.
Что впереди, никто не знает, –
Где вспыхнет новая звезда?

Нет ничего сильнее слова,
Оно всех нас переживёт.
Бессмертны мысли Гумилёва, –
Талант так просто не умрёт.

Поэт в бою не ведал страха,
Не ждал за творчество наград.
Он воспевал в стихах жирафа
И водоём чудесный – Чад.

Заря над озером пылает,
Звезда вечерняя горит.
Поэт о будущем мечтает,
Стихами с нами говорит.

Его глаза, как цвет лазури,
Душа ранима и чиста.
Певца невзгоды не согнули, –
Жива заветная мечта.

Уже в воспетую им пулю
Залит расплавленный свинец.
Он сам предвидел долю злую
И свой трагический конец.

Когда смертельный выстрел грянет,
Беду фламинго прокричат.
Поэт стихи писать не станет
И не увидит больше чад...

Нина Цветкова
22.01.2016

К ЮБИЛЕЮ ПОЭТА НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

При упоминании о поэте Н. Гумилёве невольно возникает потребность вернуться в эпоху столетней давности к началу века двадцатого, одного из жестоких веков нашей эры, потрясшей потомков кровавыми событиями и трагизмом. Львиная доля боли и его трагической судьбы выпала на Россию. Современным поколениям это доподлинно известно. Но людям, вступающим в двадцатый век, ещё только предстояло увидеть и пережить его катаклизмы. Первыми начали болезненно предчувствовать надрыв и грозные раскаты нового века по неуловимым признакам, отзвукам неясных земных вибраций и посылов свыше люди искусства – художники, поэты, музыканты. После золотого века просвещения, в конце девятнадцатого столетия и начале двадцатого вновь сконцентрировался деятельный процесс творческих людей, искусство которых, в том числе поэзия, ярко освещается мыслями, устремлёнными от земных страданий души к пророческим видениям, к красоте космических велений. Нарождалась новая по органике музыка, на сцене жизни появлялись самобытные художники, которые удивляли и покоряли не только российские вершины, но и европейский Олимп. Европа была поражена выставками российских художников-новаторов, иконописными работами, балетным искусством, музыкальными концертами гениальных композиторов и исполнителей. В это же время в Париже начинают печататься стихи Николая Гумилёва и Анны Ахматовой. Это было время прорыва в искусстве на стыке века уходящего и нарождающегося. Русские служители слова, словно предчувствуя исчезновение просвещённого сословия общества, целого эстетического пласта созданной ими культуры, заполнили даже не поэзией, а мистерией пространство России, ощущая запредельные грани грозных и зловещих предзнаменований. Изыскивая новые способы самовыражения, поэты устремились к символизму, с его тайными знаками и завуалированным смыслом, затем к футуризму, в противовес которым Н. Гумилёв и С. Городецкий создали новое литературное течение – акмеизм, образовавшийся из литературного объединения «Цех поэтов». Туда входили молодые И. Мандельштам, А. Ахматова – сейчас уже великие имена в российской литературе, а тогда поэты своего времени, занятые поисками непознанных вершин в поэзии, став подлинными мастерами цеха акмеизма. В полемике и спорах молодёжь отвоёвывала своё место под солнцем в русской литературе.

«Серебряным веком» будет назван их творческий период, лебедиными крылами по серебряным струнам растекались их мысли по древу познания. По запрещённому древу Богом, но человек раз вкусивший его, продолжал этот путь волей или неволей, жертвуя жизнью, разумом и судьбой. А. Блок на картину Васнецова пишет стихотворение «Гамаян – птица вешая», прозорливо и со страхом вглядываясь в век грядущий, оторвавшись от земных дел и устремлений, он делает прорыв в мир невидимый, но для чувственного А. Блока осязаемый, и его стихи становятся туманными и пророческими. Почти антипод ему Н. Гумилёв.

Путешественник и романтик, в поисках края Ойкумены страстный искатель приключений, из которых он черпает вдохновение, заглядывая в глубины земного бытия. Ему дороги изысканность и богема Парижа, но он не чурается нищеты и прокажённости чёрной Африки, самоотверженно преодолевая тяготы, собирает её экзотические легенды. Он прямо смотрит в глаза, как светлой, так и тёмной сторонам явленной жизни, остро чувствуя их существование и силу. И всё – в стихи, в стихи: жемчуга и огонь, пропасти и бездны внизу и прорыв от земного притяжения в бесконечное пространство неба, но везде в его стихах гимн жизни с верой в Бога, его Провидение.

Можно только удивляться совпадению, но одновременно, хотя и по-разному смерть настигла А. Блока и Н. Гумилёва в августе 1921 года. Два великих поэта, две своеобразные дороги в литературе, две личности заняли каждый свою достойную нишу в русской поэзии серебряного века.

«Убит поэт, невольник чести...» – эти лермонтовские строки слово в слово подходят к Н. Гумилёву и бьют в самое сердце. Он пал одним из первых жертвой русского страшного бунта, великого разрушения и падения царства Российского. Его расстреляли без суда и следствия и даже без причины, в силу классовой ненависти революционных бойцов, и не существует на нашей грешной земле могилы поэта.

Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

В нашем городе на Доме искусств установлен барельеф поэту Н. Гумилёву, где ему оказана большая честь – называться сыном России. Для меня он и является таковым.

В 1918 году за своей смертью и славой он возвращается в революционную Россию, уже страшную, голодную, разорённую и воинственную. Новая власть старательно уничтожает всё доброе и вечное, чем держалась веками Россия, разрушаются святыни земли русской, богоборчество – одна из важных задач новой власти. Не будучи офицером, Н. Гумилёв носит военную форму, на виду у всех крестится и кланяется православным храмам, и это даже не вызов – это прощание со смертельно больной Родиной, со святостью некогда избранного ею пути. Он и жил, как писал, служа людям, тем же солдатам и матросам, которые ему близки по дальним морским походам и экспедициям, читал стихи на кораблях, учил быть мужественными, любя жизнь, верить в Божественный промысел для любого человека. Он – будто вольный ветер на просторах земного океана:

Не по залам и по салонам,
Тёмным платьям и пиджакам –
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю – как араб в пустыне
Припадёт к воде и пьёт,
А не рыцарем на картине,
Что на звёзды смотрит и ждёт.

Но кто он – Николай Гумилёв для меня? Ирина Щербинская написала, что персонажи оживают в нашем воображении тогда, когда мы берём в руки книгу и начинаем её читать. А до тех пор это просто печатные листы, лежащие на полках библиотек в покое. В забвении прошли десятилетия с тех жгучих революционных лет, и лишь в конце восьмидесятых двадцатого века появились книжечки, маленькие, отпечатанные на газетной бумаге с инициалами автора – Н. Гумилёв, и разошлись по стране. Я держала в руках такую книжицу, и на меня с рисунка смотрело в прищур насмешливое лицо, ничем не привлекательное, но в то же время ни на кого не похожее. И вот он – мой позор!

Открыв невзрачную книжицу, пролистав несколько страниц, я пробежала глазами на ходу стихотворения, и книжечка, будто сама по себе вырвавшись из рук, летит и даже ещё какое-то время катится по полировке стола: «Мне не нравится! Он мне совсем не понравился этот поэт!» Так это было, к моему стыду. В ту пору мы ещё жили в Литве.

И время пошло дальше отсчитывать года...

На наших глазах начался развал той страны, в которой мы родились, жили, в трудах и простоте растили детей. Рушился могучий колосс, и то, что считалось неистребимо могущественным, оказалось видимостью силы глиняного истукана. Так быстро всё разваливалось на части. Смятение,

страх и нескончаемые вопросы для осмысления происходящего, для понимания и отличия правды ото лжи, разумности от глупости, сил добра и зла, которое неожиданно близко подступило и заглянуло в глаза. Нужны были ответы, и я начала их поиск в книгах, вчитываясь в оригиналы начала двадцатого века. А ещё заглядывала в премудрость древних философов разных религий, но мучительно думалось о гибели Ешуа и лучезарности его ухода с земли. До сих пор мучаюсь вопросом – неужели полная Красота на нашей земле обречена? За эти годы я изменилась, жадно искала и жадно читала разные книги, а ответ где-то был близко, но не находился. Воображение воспринимало прочитанное буквально, и казалась возникшая мысль – открытием чего-то нового, до меня неизвестного, как тут же мне попадалась другая книга, где эта мысль была ясно описана. Века прошли и люди успели разгадать многие тайны нашего бытия и успели их сказать каждый по-своему, и я поняла, что новое есть, но только для меня.

В такой период своей жизни я вновь держала в руках книгу, взяв её с книжного прилавка организованного на ступеньках магазина «Океан», был такой богатый морскими продуктами магазин. Показалось в сумраке лицо на книжке похожее на мой вчерашний рисунок, прочитала – Н. Гумилёв «Чужое небо». Тот самый, не прочитанный мной? Формат как раз по сумочке, решила, что прочту его в Друскининкае! Я как раз уезжала с мужем на отдых в Друскининкай. Теперь я уже понимаю, насколько мощно я была внутренне подготовлена для восприятия его поэзии. Воображение зашкаливало, и каждая строка ложилась музыкальным аккордом на сильно натянутые нервы. Поэт и читатель, наверное, должны совпасть, как говорится – это твой писатель или твой поэт, чтобы веления души и строй мыслей одного силой искусства захватили чувства другого.

Самый первый: некрасив и тонок,
Полубивший только сумрак рощ,
Лист опавший, колдовской ребёнок,
Словом, останавливающий дождь.

Я люблю избранника свободы,
Мореплавателя и стрелка,
Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака!

Всё так знакомо, и застывший дождь над головой, и радость окружающей жизни, и стремление к Высшему благу бытия, несмотря на тяжёлые жизненные испытания. Познание сущего мира в его беспредельности и любовь к родной стране приходило к поэту через лишения и боль, которых он немало испытал в военных походах и далёких африканских экспедициях, и пишет о себе так в стихотворении «Память»:

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутою грудь.

Я – угрюмый и упрямый зодчий,
Храма восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах и на земле.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

И тогда повеет ветер странный –
И прольётся с неба страшный свет,
Это Млечный путь расцвёл внезапно
Садом ослепительных планет.

Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо, но всё пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла летящего к нему.

Узнаю картину Рафаэля «Шестой день творения»,
облекаемая словами поэта, она зримо предстала
передо мной, где и лев, и орёл, и всякая тварь
земная льнёт к своему создателю Богу, где всякое
дыхание да хвалит Господа!

Крикну я... Но разве кто поможет,
Чтоб моя душа не умерла?

Книга открыта и в моём сознании стёрлись грани бытия и небытия, живое воображение оживило образы, звуки заиграли музыку невозможных сфер, а потому, не раздумывая, по зову сердца в храме Друскининкая я встала с зажженной свечой и молитвой за душу поэта Н. Гумилёва, слезами смывая горе не встреченной потери. Такова великая сила искусства и поэтического слова поэта Гумилёва! Точно выверенного слова, будто под резцом мастера засверкавший алмаз, служащего гармонии – великой магии земной и небесной Красоты посредством русского языка.

Но что нам делать с розовой зарёй
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?

Так, век за веком – скоро ли Господь?
Под скальпелем природы и искусства,
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства!

В заоблачные дали я устремилась уже не одна. Нежданному гуманоиду – Н. Гумилёву, влюблённому в наш мир, удалось свернуть мою судьбу с привычной орбиты и увлечь музыкой стихотворных ритмов, изысканностью слов, увести от обыденности к дороге, зовущей к саду ослепительных планет. С того времени я начала по складам складывать сама стихи, а потом с ними явилась к Сэму. Так открылась и для меня дорога в литературу под влиянием поэта и через глубину его мыслей, очарование слов и устремлённости к горнему, через душу, измученную нездешним. Романтизм и мужественность, стойкость в испытаниях, героизм и умение любить женщину до самозабвения, вера воле божьей в своё предназначение – всё это его поэзия. Незаурядная личность Н. Гумилёв, конечно, заглядывал и в планетарное будущее, для нас неутешительное, которое требует не допустить и не скатиться к всемирной катастрофе:

И, быть может, немного осталось веков,
Как на мир наш, зелёный и старый,
Дико ринутся хищные стаи песков
Из пылающей юной Сахары.

Средиземное море засыпят они,
И Париж, и Москву, и Афины,
И мы будем в небесные верить огни
На верблюдах своих бедуины.

И когда, наконец, корабли марсиан
У земного окажутся шара,
То увидят сплошной золотой океан
И дадут ему имя Сахара.

Самое ужасное, что в такой исход сегодня верится, полыхают пески Сахары и вблизи неё, где чёрные дымы горячей нефти заволакивают окрестности и просторы. Разрушенные города стоят как миражи пустыни, с лица земли стираются древние христианские святыни, и матери в чёрных одеждах льют сухие слёзы над детьми. Но вера поэта в жизнь и её божественность столь сильна, что хочется за ним повторять:

Храм твой, Господи, в небесах,
Но земля – тоже твой приют.
Расцветают липы в лесах
И на липах птицы поют.

Точно благовест твой весна
По весёлым идёт полям,
А весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам.

Если, Господи, это так,
Если праведно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял твою.

Перед той, что сейчас грустна,
Появись как Незримый Свет,
И на всё, что спросит она
Ослепительный дай ответ!

130 лет – юбилейная дата поэта и праздник для русской словесности, потому что Н. Гумилёв – сын литературной России, не угождающий площадям и рынкам, не употребляющий пролетарскую речь и жаргон, присущие тогдашнему и нашему времени. Он – певец со своим голосом под струны зурны и звуки водопадов, подаривший нам музыку небесных сфер, со знанием воспевающий земные глубины человеческих чувств на изысканном русском языке. Путешественник, философ, воин, без сантиментов служащий безоговорочно великому делу – СЛОВУ:

В оный день, когда над миром оным
Бог склонял лицо своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орёл не взмахивал крылами,
Звёзды жались в ужасе к луне,
Если точно огненное пламя
Слово проплывало в вышине...

Его книжка «Чужое небо» занимает своё особое место в моей домашней библиотеке, я снова

её открываю, где двадцать лет назад почти каждая строка почти на каждой странице мною подчёркнута. Сейчас я снова с упоением читаю эти стихи, заполонившие когда-то меня всю, заставившие меня поверить – не всё поддаётся рассудку, есть нечто больше нас, заставляющее любить невозможное, верить чувственным звукам и вибрациям далёкого и близкого пространства Вселенной, вмещающее до мельчайших капелек земную красоту и любовь, как чудо и тайну всего мироздания. Мы ищем ответы у физиков, заглядывающих в телескопы за пределы земли, но по Н. Гумилёву – сам человек вмещает в себя земные поющие сети жил и блистательный парад планет, в нём ещё живо и шевелится бывший до сотворения мира хаос, и в нём заключены законы гармонии, стремление к Вселенской Красоте. Есть путь, но путь этот «через тернии к звёздам» даётся людям неуспокоенным устремлённым по тропе святой. Закончить хочу стихами поэта:

Сады моей души всегда узорны,
В них ветры так свежи и тиховейны,
В них золотой песок и мрамор чёрный,
Глубокие прозрачные бассейны.
.....
Я не смотрю на мир бегущих линий,
Мои мечты лишь вечному покорны,
Пускай сирокко бесится в пустыне –
Сады моей души всегда узорны.

Евгения Гусева-Рыбникова

СБОРНИК «ЖИВАЯ ВОДА» В ЧИТАТЕЛЬСКОМ ПРОЧТЕНИИ

Каким-то чудесным образом ко мне попал альманах литературного объединения «Родник» под животрепещущим названием «ЖИВАЯ ВОДА» (2015 год). Поэтому мне не оставалось делать ничего другого, как добросовестно прочитать его от корки до корки. Более того, у меня родились кое-какие мысли от прочитанного; вернее сказать, не мысли, а некоторые впечатления. Ведь, в конце концов, издание такого альманаха – не самоцель, а заинтересованный разговор писателя с читателем. А любой разговор предполагает диалог, иначе, выражаясь футбольной терминологией, он станет игрой в одни ворота. Итак, я поймал писательский мяч и перекидываю его обратно.

Сначала немного суховатой статистики. В альманахе «задействовано» 24 автора. Из них 7 мужчин и 17 женщин. Такое соотношение являет нам наглядный пример успешной феминизации совре-

менного российского общества, которая началось ещё в 19-м веке и получила мощный толчок после революционных событий 1917 года. Этот процесс, как мы видим, продолжается по сей день.

Десять авторов представили в альманахе прозу, пятнадцать авторов явили свои стихи (один автор, Елизавета Гарина, показала стихи и прозу). Следовательно, получился некий сдвиг в сторону поэзии, что для меня несколько странно, так как я всегда думал, что стихи писать труднее, чем прозу. Как видим, жизнь опровергла мои устаревшие представления о литературе. Нынешние литераторы предпочитают не связываться с длиннющими повествованиями, а хотят порхать по веточкам поэтических вдохновений. Ох, боюсь, что и мои рассуждения могут показаться консервативными, хотя я, по мере моих стараний, пытаюсь шагать в ногу с жизнью.

Да, чуть не забыл похвалить альманах за то, что в нём повсеместно присутствует моя любимая буква «Ё», которая по непонятным мне причинам зачастую игнорируется нашими авторами и издательствами. Спасибо за букву «Ё»!!!

Начнём с прозы. Здесь соблюдено некоторое равновесие полов: четверо мужчин и шесть женщин. В общем замечании скажу, что проза, в целом, мне понравилась. Хорошо написано! Все новеллы читал внимательно. Темы самые разнообразные, не политизированные до тошноты и не утрированные до глупости.

Николай Авраменко. Я его знаю лично. Это – человек со сложной жизнью. Он мне как-то рассказывал о себе. В альманахе он показал только малую частицу своих хождений по жизненному пути. Прочитал я его воспоминания, как говорится, захлёб! Да, жизнь прожить – не поле перейти...

Елизавета Гарина. У неё, скорее, не новеллы, а меткие зарисовки. Жизненные эпизоды... Сюжетно – они не о чём. Вот случайно подслушанный разговор в кофейне – стоил ли о нём писать? Вот обручальное колечко, пропавшее в море – подумаешь, велика потеря! Но тут явно просматривается женский взгляд, как на подслушанный разговор (значит, всё-таки, есть любовь!), так и по поводу потери колечка (с потерей колечка не потерять бы любовь!)

Татьяна Голоненко. Тут верно подмечено, что твоя фамилия порой ко многому обязывает. Без лозного пафоса, без квасного патриотизма в рассказе представлен незатейливый эпизод из жизни мальчика с громкой фамилией – КУТУЗОВ.

Александр Ивкин. Не часто доводится читать о прошедшей великой войне во взгляде на неё с другой стороны, со стороны нашего врага. А здесь – простоватый немецкий паренёк из тильзитской кондитерской, мобилизованный в последние дни войны. Какой из него солдат?! Одно недоразумение... Я читал и думал: неужели такие неотёсанные парни-симпятаги с фанатичным упорством сопротивлялись в окружённом Берлине весной 1945 года, когда уже было совершенно ясно, что война Германией проиграна вчистую? На что они надеялись! Да, это – вопрос вопросов...

Вячеслав Капустин. Многообразие жизни в коротких её эпизодах. Так бы я отозвался о рассказах этого автора. Проникнута шемящей печалью повесть о «вечной» любви девушки, а потом уже и женщины, к пареньку, пропавшему без вести в горниле Сталинградской битвы. Живо и образно описан сеанс знаменитого чудотворца Вольфа Мессинга. Юмористически обыграно двойное значение слова «каток». Кстати, сходный казус случился и со мной, когда я работал на пункте проката строительных механизмов. В разгар зимы кто-то позвонил по телефону и поинтересовался, работает ли наш каток, имея в виду ледовое поле.

Я же, зацикленный на строительной технике, и имея в виду машину для укладки асфальта, ответил: «Конечно, не работает, ведь сейчас зима». Этим ответом я весьма озадачил звонившего.

Андрей Конеев. Рассказы этого автора оказались для меня несколько тяжеловатыми для полного понимания. Нет, я вовсе не против такого вида повествования. Как говорится, жанров должно быть много и разных! Просто я, видимо, был воспитан в несколько ином литературном чтении, с более чётко выраженным сюжетом и с более понятной описательной частью. Добросовестно пытался вникнуть, ничего не получилось. Но тут я не претендую на истину в последней инстанции. На вкус и цвет – товарища нет!

Екатерина Федина. Рассказ называется «Ночь Шивы». Всё, вроде бы, ясно и понятно. Некая европейская «белая» девушка (с индусским именем Калинди) оказывается в некоем индусском храме-монастыре и безропотно исполняет разные черновые работы. Наставник с трудно произносимым именем – Прабхуджи – ведёт себя несколько двусмысленно, но, в целом, её окружение весьма доброжелательное. Читал с интересом: экзотика! Но не мог себе уяснить: что именно привело «белую» русскую девушку в эту чуждую для неё среду? Чтобы читать чужие мысли? Зачем? Кроме того, постоянно спотыкаешься о непонятных слова: «йогическисиддхи», «матх», «брахмачари», «нирджал-экадаши», «матхурская улица», «баньяновое дерево», «храм Махадева», «японская Тихиро», «даршан», «сиддхи», «раса-гула», «бабось», «лакх***мантры», божество «Ладду-гопала», «тхакурджи», «тхакурджи», «карталы», «мринданги», божества Шри Шри Радха-Кришны», «лицо Шри Гоуры», «голоса Шивы, Шуки и Нарадьи», «обрела премудрость», «Шива-ратри»... Надо бы в конце рассказа поместить разъясняющий словарь.

Антонина Хатько. От неё – хороший добрый рассказ. Сюжет незатейлив, но в нём чувствуется некая внутренняя напряжённость. Это о подростках, которые скоро будут взрослыми. Это – об их подготовке к взрослой жизни. Лишь одна заковырка. Да, конечно, женщина может писать от мужского лица. Я тут сначала хотел было встрепенуться, а потом подумал: а смог ли автор-мужчина столь трепетно написать о юноше-подростке, как эта автор-женщина? Нет, у него не получилось бы...

Татьяна Шевченко. Осовременивание античности – прекрасная идея! Давно пора изложить тяжеловесное греческое стихосложение на современном русском языке. И тут – пожалуйста! Древние греческие божества заговорили на нынешнем простом русском языке. Кроме того, несомненно познавательная ценность новеллы.

Лариса Шиперёва. Её рассказ «Оптическая цепочка» может показаться сюрреалистическим по поверхностным признакам. Но на самом деле, он

глубоко реалистичен и внутренне драматичен. Да, любовь многолика, непонятна, проста и сложна.

Поэзия. К ней я приступаю с большим внутренним трепетом. «Поэзия вся – езда в незнаемое», – сказал великий поэт, кажется, Маяковский. Здесь снисхождений не ждите. Каждое слово стиха должно быть чётко выверено, проверено не только на письме, но и на слуху. Не зря же античные поэты ПЕЛИ свои песни, или ДЕКЛАМИРОВАЛИ их перед публикой.

Но сначала глянем на статистику. Поэзия в альманахе представлена тремя (3) авторами-мужчинами и двенадцатью (12!) авторами-дамами. Вот те на! Что ж получается, нынешние мужики настолько огрубели, что им стала недоступна тонкая поэтическая лирика?! О времена, о нравы! (O tempora, o mores!).

И ещё общее замечание. Да, времена и нравы поменялись. Но всё же даже в старые «религиозные» времена не рекомендовалось помянуть имя Бога всуе, то есть по любому поводу. Теперь же в поэзию хлынул духовный мир, но не во внутреннем его ощущении, как бывало в классической поэзии, а в каком-то чисто внешнем антураже. Я не поленился и выбрал условно «духовные» слова из представленных в альманахе стихов. Таковых упоминаний оказалось более 15-ти, это: душа (несколько раз), ангел и серафим (8 раз), Господь, Он (то есть Бог), Христос, библейские темы, сошествие в ад, бог, храм, дорога на небо, чётки, Святой Дух, слава Богу, чёрту слава. В одночасье наши поэты из ярых атеистов вдруг превратились в истово верующих. Такая метаморфоза слегка настораживает...

И здесь я заметил, что эти ангелы, храмы, Бог, душа – совершенно затмили важный аспект стихосложения – гражданскую поэзию. «Впрочем, может, это и не нужно» (В.Маяковский). Чего ради избличать коррумпированные власти, если с них все разоблачения стекают, как с гуся вода? А, может быть, такие стихи у поэтов есть, но составители намеренно не включили их в сборник; ведь издание альманаха финансировалось администрацией Калининградской области – зачем же плевать в колодезь? Короче говоря, робкие признаки гражданской поэзии я нашёл лишь в неясных намёках у Натальи Ивановой.

Что же касается тематики, смысловых нагрузок, отточенности мысли, то во многих стихах я ощутил какую-то незавершенность, недоработку. Куда, спрашивается, спешить-то? Почему бы ещё и ещё раз не попробовать «на вкус» каждое слово, каждую строчку, каждую мысль? «Лучше меньше, да лучше!» – изрёк вождь мирового пролетариата, и здесь я с ним целиком и полностью согласен. Каждый стих в сборнике надо бы просеивать сквозь более мелкое сито.

Теперь перейду к конкретике, да простят мне уважаемые авторы.

Ксения Август. Вот, несколько странные стихи... Не всегда понятные темы и слова. Например, простите мне мою необразованность, не знаю, кто такая ЭЛОДЕЯ (в стихотворении «Аист»); догадываюсь, что это какая-то русалка. Для разгадки музыкальных терминов, пришлось залезать в словарь иностранных слов (*allegro, sostenuto, calando, piano*). Только когда посмотрел, то смог оценить стихи! Наиболее понравился стих «Ты коснулся меня...» Но! Надо бы уточнить пунктуацию. Впрочем, может быть тут вкрасились опечатки.

Иван Асланов. Настроенный атеистически, я не могу комментировать стихи, где упоминаются «Господи», «бескрылый (?) серафим» (бедный, кто ж ему обкарнал крылья?), несколько «ангелов». Замечу лишь, что говоря об «огне и сере» поэт, видимо, имеет в виду города Содом и Гоморру, но они сгорели по иной причине, чем от алкоголизма. Ну, а те стихи, где нет ангелов, несчастного бескрылого серафима, Господа-бога, Христа, греческой богини – мне понравились. В них всё более естественно и понятно. И – есть изюминки: «клятвы читаются наспех, но навсегда»; «эх ты, ряска да трясины, чёрное болото»; «душистый сад смыкается тюрьмой».

(Не удержусь, чтобы не порассуждать по поводу стихотворения «Родной филфак». Не ясно, что значит: «Я читал поэму в кратком»? Но главное не в этом. Дело в Александре Блоке. У него в поэме «Двенадцать» Христос – не настоящий, он – Лже-Христос. Это обстоятельство А.Блок подчеркнул одним только одним словом: он написал не Иисус Христос, а Иисус Христос. Согласно догматам православной церкви, правильное написание имени Христа – ИИСУС, а написание ИСУС принято в церквях, которые, по мнению православия, относятся к церквям сатанинским, то есть попавшим под хитроумное влияние дьявола. Поэтому Александр Блок внёс ещё одно существенное уточнение: на голове у Лже-Христа не ВЕНЕЦ, а ВЕНЧИК. В слове «венчик» есть что-то пренебрежительное, «венчик» никак не подходит к «настоящему» Христу. («В белом венчике из роз – впереди – Иисус Христос»). Тут я с готов согласился, что отряд матросов, блуждая в метели, шёл в ад не за истинным Христом, а за Лже-Христом от дьявола. Но дорога в ад вымощена благими намерениями: «революционный держите шаг!» Вот такие тонкости, которые ускользают из внимания при чтении «Родного филфака»).

Валерий Батрушевич. Прекрасные стихи-зарисовки. Прямо-таки, позавидовал! Вот тут-то слово «бог», как «пернатый бог» (то есть соловей), вполне уместно. Тут это слово не несёт оттенка религиозности. Хотел я кое к чему придраться, но не буду. Просто посоветую автору чуть-чуть поработать над текстом, если будет ещё публикация.

Убрать две-три шершавости. Попробовать стих на вкус!

Наталья Борисова. Как я уже сказал, я – консерватор. Но консерватор не до такой степени, чтобы сохранить старинное древне-русское правописание, когда не было знаков препинания и слова писали без промежутков. Но после 15-го века люди придумали пунктуацию: точки, запятые, двоеточия, тире, кавычки и прочую «ненужную ерунду» с точки зрения некоторых современных поэтов. Правда, нынешние филологи утверждают, что синтаксис и пунктуация – суть свидетельства культуры письменной речи. Но некоторые нынешние поэты утверждают обратное: мол, культура поэтической речи есть полное, или почти полное, отсутствие знаков препинания. Кроме того, утверждают некоторые современные поэты, такое ретроградство, как рифма, поэтические стопы (всякие ямбы, хорей, гекзаметры) только портят стихи. Поскольку этот вопрос, как говорится, является спорным – я воздержусь от конкретных комментариев. Поэт волен творить в пространстве свободы!

Елизавета Гарина. В поэтическом написании возникла некоторая грамматическая условность: каждая строка писалась с большой буквы. По мнению некоторых поэтов – это неправильно! Правильно – с большой буквы писать только первое слово в стихотворении, а остальные строчки стиха писать с маленькой буквы, независимо от точек в конце фраз. Такой новаторский грамматический подход просматривается в стихотворениях «Я тебя не узнаю...» (не знаю, как правильно поставит ударение в слове «узнаю»?) и «Снова хочется пройти...». Про рифмы, вернее сказать, про их частое отсутствие я уже и не говорю. Поэтому не буду комментировать то, чего я не понимаю. Нет, я не против экспериментов в стихосложении, в том случае, если это вызвано творческим порывом или адресным вызовом общественным вкусам.

Наталья Иванова. Как-то неровно... Хорошо написано стихотворение «Дождя не надо». Тут я готов простить даже слово «судьб» вместо «судеб» и такие необычные словообразования, как «молниемрачно», «тучераны», «водовраны». Тут ничего не попишешь – поэт есть языкотворец! Такие нововведённые слова более-менее понятны. Но совершенно непонятны такие слова, как «Хогвартс», «маглы», «йолка»; мне не ясно словосочетание «провокация не»; и я, простите великодушно, не могу понять смысла стихотворений «Когда воротимся мы в Хогвартс» и «На тёмной стороне Майдана» – хоть убей! Перечитал по три раза – не уяснил: на какой стороне «баррикадного снега» стоит автор? Каково его кредо? Но ведь прекрасно написано стихотворение «Друзьям»! Есть сильные моменты в стихотворении «Россия-Украина-Россия»!

Александр Ковтун. Прекрасно написаны «Следы»: ни добавить – ни убавить! Не удержусь от цитирования: «Я гуляю вдоль моря границы и читаю следы на песке, их писали нездешние птицы на каком-то своём языке»; или «Я возмутительно спокоен, ты восхитительно умна. Сегодня я любви не стою, а ты, я вижу, влюблена» («Ты восхитительна»). Вот это – моя поэзия!

Татьяна Максимкина. Поэтесса представлена только одним стихотворением. Можно сказать, что это – философско-поэтическое размышление о смысле жизни. Мы рождаемся, чтобы умереть. Но, зная, что мы умрём, мы всё-таки упорно стремимся к познанию непознаваемого, к познанию Вселенной. Стихи написаны сильно!

Людмила Мещерякова. Две изумительные стихотворные зарисовки! Особенно впечатляет стихотворение «Чувство». Это ж надо так подметить и перенести природные свойства растений на человеческие взаимоотношения!

Ирина Мирзоян. Хотя стихи не в моём вкусе: в них не хватает ритмики и музыкальности, забыты классические рифмы. Но нельзя же подстраиваться только под мой вкус. «Под натиском ветра прогибается старая ива. «Она давно уже перестала плакать», – слышится мне постукивание белых клавиш»; или: «От фонаря отходит собственная тень». А стихотворение «Огни маленького города» покорило меня лаконизмом и чутким настроением.

Виктория Никитина. Поэтесса представлена одним коротким стихотворением. Оно доброе, понятное; написано по классическим канонам. Оно вполне вписалось бы в детский поэтический сборник или в детский журнал. Стихотворение может показаться простым, но написать просто – совсем непросто!

Людмила Поликарпова. Так-так-так! Перевод из Гёте! «Wandrer's Nachtlied»! Привет, Михаил Юрьевич; salut, Валерий Яковлевич! И, отчасти, небольшой приветик и мне. Ведь это мы – М.Ю.Лермонтов, В.Я. Брюсов и ваш покорный слуга перевели это стихотворение. Есть с чем сравнивать. Позвольте мне напомнить имеющиеся в моём распоряжении переводы (в хронологическом порядке):

Über allen Gipfeln
Ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vögelein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

J. Goethe

Горные вершины
 Спят во тьме ночной;
 Тихие долины
 Полны свежей мглой;
 Не пылит дорога,
 Не дрожат листья...
 Подожди немного,
 Отдохнёшь и ты.
 М.Лермонтов

На всех вершинах –
 Покой;
 В листве, в долинах
 Ни одной
 Не дрогнет черты;
 Птицы спят в молчаньи бора.
 Подожди только: скоро
 Успеешь и ты.
 В.Брюсов

Над горными вершинами
 Повисла тишина,
 Над тихими долинами
 Лишь шелест ветерка.
 Умолкли птичек стаи,
 Лес погрузился в сны.
 Тебя здесь привлекают,
 Здесь отдохнёшь и ты.
 А.Губин

Покой над холмами
 Висит.
 Объято всё снами –
 Всё спит.
 Не слышно и птиц – всюду тишь.
 Не тронет покоя тревожная дрожь.
 Уснуть и тебе предстоит –
 Подожди лишь,
 И ты отдохнёшь.
 Л.Поликарпова

Сравнивайте сами!

А ещё – приятны для чтения зарисовки «К вечеру светает» и «Последний день зимы». В них есть НЕЧТО.

Наталья Сидорина. Здесь сделал тонкое наблюдение – без шуток! – «солнце всегда анфас»! А вот изречение «трусливый хордовый» – не сразу сообразишь, что это такое? Слово «хорда» имеет два значения: 1. Прямолинейный отрезок, соединяющий две точки кривой. 2. Спинная скелетная ось у человека и у так называемых «хордовых жи-

вотных». Значит, тут надо понимать, что герой стихотворения – самый трусливый из хордовых существ на земле? Но в целом, поэзия тут как-то мрачновата; в каждом стихе: «в урну (погребальную?) бы этот смрад» (фу!), «распороть меня можно (ужас!)», «обглодать меня (кошмар, людоедство!)», «истрескав кожу (это больно!)», «моё тело схоронит лес, не снимая для мерки гроба» (кошмар!), «разъедая моё нутро (бррр!)», «кормчий выл (от чего, от боли?)... Как говорится, «memento mori» (помни о смерти)!

Наталья Усанова. Осень – современная тема в стихотворении «Пробка» в двух смыслах: пробка в бутылке шампанского и пробка автомобильная; а в целом, «тихо-тихо везут владельцев в последний путь». Сильно написано стихотворение «Пуля» о Сталинградской битве. Тут единственное моё замечание: в данном контексте слово «Бог» я бы рекомендовал написать с малой буквы «бог», так как здесь не обращение к Всевышнему, а фразеологический оборот: «слава богу».

Людмила Филистеева. Одиннадцать стихотворений под общим заголовком «В гости домой». Уже сам заголовок заставляет задуматься его абсурдностью. Но думать нет времени, надо читать. «Мы на даче пили чай» – этакая сельская идиллия, никаких проблем: ни инфляции, ни войны на Кавказе и на Украине, ни терроризма; тишь – да гладь, да божья благодать! И дальше в том же духе. Много ангелов к месту и не к месту. Здесь же «Глаза синее сциллы» – сначала подумал, что это легендарная Сцилла, подруга Харибды. Ну, а то, что слово написано с малой буквы, это ерунда: мы видели, что у поэтов бывают нелады с грамматикой. На всякий случай, полез в словарь. Оказалось, что сцилла – это растение, применяемое в цветоводстве. Позор мне за тупость в цветоводстве! Хорошо, что мне оказалось знакомо слово «кариатида», не надо было обращаться к словарям. Ну, это всё глупые придирки, стихи хороши: «Среди жасминовых метелей», «Если ты хочешь зайти ко мне в гости»... Очень жалко «ту молодницу» в светленькой кофточке и в бирюзовой юбке, что её краса «незаметно угаснет в наших убогих домах».

Сборник перелистан. Очень хотелось бы узнать про другие мнения об альманахе «Живая вода». Может быть, во многом я неправ, придирчив и субъективен. Ведь я не критик, а просто читатель. Писатель существует для читателя, а читатель – для писателя. Лично мне всегда очень интересно узнать оценки моих опусов, даже если оценки будут отрицательны и нелицеприятны. На всех не угодишь!

Алексей Губин

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ (САЛАВАТ — БАШКИРИЯ)

Сергей Шилкин

Шилкин Сергей Васильевич родился 29 марта 1954 года в городе Салавате. Окончил Ленинградский технологический институт имени Ленсовета. Публиковался во многих журналах и альманахах. Дипломант II международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна», обладатель специального Диплома министерства культуры Казахстана за перевод казахских поэтов, финалист VI Республиканского конкурса поэтического перевода 2014 (г.Уфа), лауреат премии литературного журнала «Сура» в номинации «Поэзия» за 2013.

АПОКРИФ

Закат разгорался корой апельсинной.
Шёл кто-то в хитоне и в тихом глаголе
Услышал я шелест печальной осины:
«Глумиться над тенью моею доколе

Вы будете, люди? Мне всё надоело –
Для вас я изгой. И предатель – опять я...
Я, ревностью движимый, будто Отелло,
Любимого Равви довёл до распятья».

Жевал он, в раздумьях, подвяленный бетель.
«Так лучше для всех. Всё случилось, как надо».
Во тьме его лик был пугающе светел.
Вдали грохотала грозы канонада.

Взъярилось, как зверь, Галилейское море,
Кидаясь на берег стеною прилива.
На ссохшейся в жарких ветрах сикоморе
В гнезде воронёнок сидел сиротливо.

Меня от подобных речей зазнобило,
Волной окатило холодного пота.
В зарницах сверкал храм Святого Ампила.
В миру завершалась Святая Суббота.

Испуг и сомненья меня одолели.
Бубнил он на идиш. Ни слова иврита.
Глаза его тиною болотную тлели.
На шее был шрам, и щека не добрита.

«Вы сгнули в бездну, как некогда Китеж.
Нам больше, Апостол, прошу Вас, не врите...»
Иуды всегда говорили на идиш.
С Израилем Бог говорил на иврите.

СИНДРОМ

Болят в груди – не плачу, не ворчу.
Опять пора отправиться к врачу,
Чтоб что-нибудь он сделал для здоровья.

Мне душу травит давний мой синдром –
Как только ночь, горит аэродром
На проклятой полоске Приднестровья.

Я помню треск пылающих громад.
Повсюду жуткий смерти «аромат» –
Смесь страха, пота, крови и отдушки.

Черным-черны кровавые бинты
И я смотрю, как рушатся винты
Моей, объятой пламенем, «вертушки».

Нависла грозно красная луна.
С разбитых губ солёная слюна.
Я прочь ползу от тлена и распада...

Так совесть из разлома бытия
Напоминает молча мне, что я
Не смог из пекла вытащить комбата...

БЕСКРАЙНЯЯ

Сидишь на камне, и перед тобой бескрайне расстилается, разлетается, разбегается Великая Степь. В знойном мареве колышутся далёкие, почти неразличимые шиханы, и кажется, что плывут они над такими же плоскими озёрами с горько-соленой водой. Ветер несёт волны поседевшего ковыля, закручивая порою вихри аждахи, редко жук прожужжит по своим делам, учуяв, что-то на другом конце Степи – а ведь до того края – почти Вечность. Полынь пряно щекочет ноздри –

Ему ты песен наших спой,
Когда ж на песнь не отзовётся,
Сверни в пучок емшан седой
И дай ему – и он вернётся.

– и лишь свист вечного ветра наполняет уши. Может, то слышу я свист далекой монгольской орды? Но нет, Степь спит под добела раскалённым кругом Солнца...

И никто – со мною рядом. Здесь лишь я, Степь и Вечное Синее Небо.

Полное, беспредельное одиночество.

**ПОЧЕМУ МЕДВЕДИ ЛАЗАЮТ ПО ДЕРЕВЬЯМ
И ПОЧЕМУ ЕЛКИ ВЫГЛЯДЯТ ТАК, КАК ОНИ ВЫГЛЯДЯТ**
(Сказка племени Великого Зеленого Змея из народа мускогов)

Раньше ели выглядели не так, как сейчас. Они были, скорее, похожи на сосны. Их лапы росли прямо к стволу, и по ним можно было легко подниматься и спускаться – как по лесенке. А на Краю Земли росли восемь самых могучих – две на северном конце, две – на южном, две – на востоке, и две – на западе. Они доставали до самого Неба, и когда на небе становилось скучно, его жители спускались по елям на Землю; так и земные звери, если им нужно что оглядеть сверху, например, белке – где орехов побольше, то они поднимались на Небо и оттуда разглядывали.

В те времена самым сильным на Земле было племя медведей. Их было больше, чем бизонов в прериях. А самым сильным среди медведей, самым могучим был Великий Нунг'инг'чавак. Он мог в один присест выпить всю воду в Миссури, а двумя ударами лап проделать дорогу ветрам сквозь Аппалачи. Все звери пред ним почтительно расступались.

Жила тогда на Небе Большая Медведица с Медвежонком. Медвежонку на хвост как-то звёздочка упала, и он всё с нею игрался, а Медведица-Мать ни на шаг не отходила, бродила, охраняла. Увидел их как-то Нунг'инг'чавак и возопил страшным голосом: «Хочу, чтоб моею Медведица была! Никто на Земле мне не смеет перечить, и на Небе никто не посмеет!» И полез грозный Нунг'инг'чавак по самой северной ели. Все небожители разбежались в страхе, Солнце за Луну спряталось, тьма на Земле приключилась. Лезет, а по Земле трещины идут, вода в них заливаётся, Моря волнуются, Небо накренилось. Взмолилась Медведица: «О, Ты, Кто Росою, Дождем долгожданным, Сиянием Севера Землю Ласкает! Ведь если похитит меня Нунг'инг'чавак, что станет потом с Медвежонком моим? По Небу он будет метаться, родимый, пугая все звёз-

ды, ища свою Мать, и плача, бедняжка. Звезду унесёт с собой на хвосте, Земля как найдёт тогда север себе? – За ним закружатся, порушатся горы! О, Ты, Кто всех Слышит, Спаси нас, меня с медвежонком спаси!» И всё на Земле её просьбе вторило. Стенал Человек: «Я был аллигатор, я был любопытен, хотелось увидеть, откуда течёт моя Миссисипи, что красит багрянцем Окефеноки, куда мчится ветер, уходят олени? Но как я узнаю, коль рухнет всё это? О, горе мне, горе!» Бобёр заворчал: «Зачем я трудился и ставил запруды для самых прекрасных Великих Озер? Зачем Мичигану вырыл я ложе, зачем мое имя – А'мик Усердный?» И Ворон шептал тенью над лесом: «О, Ты, Кто бессмертную память мне дал! Я вижу, как волны в море бегут – ещё их немало, – в черёд свой разбиться о скалы. Я вижу, как горы всё выше растут – они ещё сильны. Как молоды реки, тенист как уют. Не все семена, что бросили травы, покуда взошли. В вигвамах, я слышу, не все песни спеты. Не всё мы успели. Не всё мы успели...»

Кричали так звери, деревья и люди. Вдруг Небо раскрылось багровым и синим, без Солнца свет грянул, и молнии с громом. Ели в тот миг ветви свои опустили, и, беспомощно перебирая лапами и ревя, грохнулся некогда непобедимый Нунг'инг'чавак на землю, встал, потирая ушиб, и побрел прочь.

С той поры на Небо подняться очень трудно – попробуй, заберись по скользким еловым лапам, – да и спуститься тоже не легко. И те из небожителей, кто гостил на Земле, так тут и остались. Вот радуга, например, погрузила, погрузила, да и рассыпалась бабочками. Да орлы находят дорогу.

А медведи всё ещё пытаются залезть туда по деревьям, а когда не получается – режут от досады. И ели с той поры выглядят так, как они выглядят.

Александр Вдовин

Вдовин Александр Николаевич, родился в городе Салавате. Печатался в журнале «Бельские просторы», еженедельнике «Истоки». Лонг-лист премии «Северная звезда» журнала «Север». Проживает в городе Салават Республики Башкортостан.

НА ДВОИХ...

На двоих нам с тобой – 20
Мы учились вчера целоваться
Завтра буду с Серёжкой драться
На двоих нам с тобой – 20

На двоих нам с тобой – 30
Мы с тобою теперь, как птицы
Нам с тобою теперь не спится
На двоих нам с тобой – 30

На двоих нам с тобой – 40
И над нами – моря и горы
Мы с тобою умрём не скоро
На двоих нам с тобой – 40

На двоих нам с тобой – 7 десятков
На душе по-осеннему гадко
Вещи свалены в беспорядке
На двоих нам с тобой – 7 десятков

На двоих нам с тобой – сотня
Подворотня за подворотней
Мы с тобою не вместе сегодня
На двоих нам с тобой – сотня

На двоих нам с тобой – 140
Мы не кушаем жестких корок
Стороной нас обходит морок
На двоих нам с тобой – 140

На двоих нам было бы – 200
Мы с тобою навеки вместе
Правнук памятник перекрестит
На двоих нам было бы – 200

МАМЕ

Вечерами город тих
Только шорох древних пихт
Нарушает тишину
Не даёт прокрасться сну

Вечерами город наг
Тешит колокол монах
Но беззвучен медный Бог
Чьи глазницы выел мох

Вечерами город сед
В нем пророков больше нет
И святых перевели
Жестяные короли

* * *

Отражение лампы в окне...
Полуявственный зов Зазеркалья...
Я встречал Вас, возможно, у Даля.
Или всё это было во сне?

Беспричинная смесь полюсов...
Отголоски пугливых развалин...
Да, я вспомнил! Конечно, у Даля!
Глыбой мрамора в лапах усов.

Кости брошены, Ваш перевес.
Значит, снова придётся расстаться
Даль поможет во всём разобраться
Послезавтра. За завтраком. Здесь.

* * *

Скорпионы сползаются к яме
В ней поэт наказания ждёт
Он молить о пощаде не станет
И за это в мученьях умрёт

Ждёт и первый из скорпионов
Что затопчут босою ногой
Но он смерть свою примет без стопа
И ужалит, и выпустит гной.

Покорятся служители рока
Знаку древнему, мёртвым речам.
Почернело и сдвинулось око
Скорпионы ползут к палачам.

* * *

Веселее нет на свете
Снежного народа йети
Днём – охота, ночью танцы
Пляшут до утра засранцы

На желудок, на пустой
Пьют из горьких трав настой
Только раз в году серьёзны
Проклинают молча звёзды

На огонь всю ночь глядят
Человечину едят
Но зато в иные ночи
Приходи к ним кто захочет

На желудок, на пустой
 Пить из горьких трав настой
 Потому что нет на свете
 Веселей народа йети.

* * *

Я хочу далеко-далеко,
 Так, чтоб тихо, покойно и звёзды
 Подгонять необидным шлепком,
 И в ладони зачерпывать воздух.

По ночам сочинял бы стихи,
 Днём бродил по забытым долинам,
 Не калеченным зубом сохи,
 Да лепил бы фигурки из глины.

Пил бы воду целебных ключей,
 А однажды увиделся с Богом...
 Дед прищурится ласковым оком
 И покажет сто тысяч вещей!

ПОРОГ

Полночь во мне. Замираю
 Привкус вчерашних просвир
 Снова тебя вспоминаю
 Мой обетованный мир.

Души твоих обитальцев
 Вновь обступают меня
 Но деревянные пальцы
 Свято пороги хранят

Слышится плач заунывный
 Шорохи, шёпоты, бред
 Звуки так чужды, так дивны
 Мёртвых и стылых планет

Вот деревянные стражи
 Путь открывают во мглу
 И сиротливо помашут
 Мне на прощанье в углу.

Михаил Смирнов

Смирнов Михаил Иванович, родился в 1958 году в городе Салавате. Печатался в СМИ республики Башкортостан, челябинских, нижегородских, московских изданиях, в сборниках «Звезды Внеземелья-2010», «Русский Stil-2010», «Согласование времен-2010», «Спасибо тебе, ветеран!», «Острова волшебника» и др.

ВНУТРИ РАССВЕТА

Много лет прошло с тех пор, когда я впервые попал на Ивановские обрывы. Помню, меня удивило, что сюда приезжали одни и те же рыбаки, причём не все ловили рыбу, иные просто сидели по берегам на травяных полянах, о чем-то разговаривали, бесцельно и бездельно бродили среди подлеска, – такое поведение не свойственно рыбакам, большинство из них всё же добытчики, к созерцательности не очень-то склонные. Между тем раз за разом я наблюдал именно такую картину: сидят дядьки у костров часами, словно замороженные... Словом, какая-то магия была у этих мест. Околдовали они и меня. Зачастил я сюда.

...Тихо шуршали шины по мягкой земляной дороге, вьющейся среди полей с ровными рядками изумрудных озимых. Из предутренних сумерек свет фар изредка выхватывал неподвижные жёлто-коричневые столбики сусликов, торчавших по обочинам. Тонко и сладковато пахло пылью.

Машина остановилась недалеко от крутого спуска в просторную долину. Брат включил дальний свет – недалеко появились очертания десятка старых домов, беспорядочно разбросанных по низине. Там и сям пепельно светились тропинки, по одной деловито спешила собака по своим собачьим делам. Я уже знал, что многие дома давно

осиротели, брошены, заколочены, зарастают вездесущей крапивой и татарником. На иных и крыши просели, обнажив стропила, похожие в сумраке на рёбра неведомых чудовищ. Повсюду буйно цвела сирень, словно желая своей дикой красотой сокрыть убогость брошенного жилья. Покосившись, поваленные заборы открывали надворные постройки, тоже шаткие, словно притулившиеся друг к другу, чтобы окончательно не упасть и не рассыпаться. Журавль колодца сиротливо торчал на обочине, ведро на серебрящейся цепи поблескивало – значит, есть в деревеньке люди, и жизнь теплится.

Я открыл окно в машине, потоком ворвался аромат сирени и земли, видимо, тут недавно узкой полосой прошёл дождик. Кругом запустение, необжитость, но земля всё так же призывно пахнет, словно зовёт к себе живых. Меня всю жизнь восхищает запах сырой земли.

Мы медленно спустились вниз. Лучи фар выхватывали из слабеющей тьмы избу: в окошке мелькнул и тут же исчез багровый огонек лампадки в красном углу. Сердцу стало тепло: ещё одно подтверждение, что жизнь не окончательно покинула эту деревеньку.

Сразу за околицей открылась река. Запахло водой и речными травами, дымом костров. Галечная коса реки. Невдалеке по сторонам долину обрамляют тёмные стены – это и есть Ивановские обрывы. Видимо, поэтому возникает ощущение замкнутого, но уютного пространства.

Брат суетился, загремел багажником, принялся доставать наши рыбацкие причиндалы.

– Не шуми пока, а? – попросил я его. – Давай просто посидим, посмотрим.

Брат взглянул с удивлением:

– А чего сидеть-то? Утро короткое, так всё и просидим.

Потом пожал плечами, словно поняв меня:

– Ну ладно. Посидим...

Но сам принялся устанавливать катушки на спиннинги и удочки.

Странное, слегка тревожное, но и восторженное чувство охватывает человека, когда он оказывается в теснине предутренней полутьмы. Помигивают последние высокие звёзды, холодные волны речного ветра скользят по телу, хочется вдыхать и выдыхать тонкие ароматы воды, трав, тумана. Человек – маленькая пылинка природы, из праха пришедший и в прах возвращающийся. В такие моменты чувствуешь невыразимую горечь неизбежности расставания со всей простой прелестью окружающей природы. Протестует ум человеческий, но душа радуется опущенному присутствию в этом утреннем мире. И полнится душа благодарностью к природе и скромным, но драгоценным дарам ее.

Я сидел на сырой траве, стараясь уследить каждое колебание камыша, осоки, таяния остаточных клочков тумана, всматривался в открывающуюся гладь реки, по которой смутными подвижными дорожками легли отблески костров, надеясь увидеть прогон щуки или жереха. Чуть доносился говор рыбаков, позвякивали их котелки и кружки. Разговорился и картавый пережат. Бух, бух, бух! – рыбаки начали бросать в воду шары прикормки.

– Вон, мужики уже всюю... – проговорил брат недовольно. – А мы всё чего-то смотрим и смотрим. Что тут смотреть?

– Природу, – вздохнул я, и обвёл рукой окоём, словно был хозяином его.

– А чего её смотреть-то? – повертев башкой, пробурчал брат. – Природа она и есть природа. Никуда не денется. А утро пройдёт.

... И то, правда, брательник. И утро пройдёт, и мы пройдем, а природа останется.

Сумерки превращали прибрежные кусты в пришедших на водопой горбатых животных. Недалеко длинный остров, поросший осоками – они тоже превратились в рать грозных великанов, сте-

регающих воду. По мелководью с беспорядочными всплесками, хлопая пастью, наконец-то пронеслась неловкая щука, преследуя верховую рыбку. И сердце мое сдалось:

– Да, пора, пожалуй, – сказал я брату.

– Давно пора, – недовольно пробурчал он.

– Место-то, брательник, не ахти какое рыбное.

Куда спешить?

Брат напялил рюкзак, собрал удочки в пук.

– Как хочешь, а я пошёл. Если не рыбное, так зачем ты решил сюда поехать? Можно было под Соморовку, там омута настоящие.

Что мне ответить брату? Соморовские омута, конечно, знаменитое место, никто не спорит. Только уж очень мрачно там, близкие крутые берега очертенело позаросли непроходимым лесом, на омутах всегда темно, даже днём. Не люблю, брат, я теперь эти знаменитые омута, хотя было время, сам ловил там трёхкилограммовых сазанов.

– Иди, иди, – сказал я. – Скоро спущусь к тебе.

– Чудной ты стал, Мишаня, – сказал брат. – Другой бы ещё по темноте уже был бы на берегу, а ты...

И ушёл бодрой походкой к реке. А я всё сидел на земле, над рекой и внутри рассвета.

Оповестил в деревне о себе первый петух. Тут же началась их перекличка. Слабенько проблеяли овцы, мыкнула корова, наверное, пастух идёт по деревне, собирает стадо.

Из-под обрыва вылетела стая ласточек-береговушек и понеслась над рекой, некоторые задевали воду, оставляя на ней тонкие штришки, усы.

Внизу, у воды, уже всюю пылал костер. Молодец брательник, на рыбалке костёр – главное дело.

А я сидел и осматривал окрестности – в рассвете всё меняется на глазах. Счастливо успокаивалась душа – всё суетное, насущное забылось и отлетело. И я стал частью утра.

Вот, наверное, в чём разгадка любимых моих обрывов, вот в чём магическая привлекательность этого места и причина моей любви к нему: именно тут мне удастся достичь блаженной гармонии между мной, сырым и смертным, и бессмертной красотой природы. Природа, конечно, везде поразному прекрасна, но у человека, кажется мне, всегда есть именно то «окно», то любимое место, река, опушка, долина, где он лучше всего ощущает её: вспомните свои самые длительные путешествия, и перед внутренним взором предстанет какой-то конкретный уголок, где все предметы – растения, камни, ручей и облако над ним – сложились в единственную незабвенную гармоничную композицию. Это и есть твое окно в природу, человек суетный.

Андрей Лавров

Лавров Андрей Викторович родился в 1968 году в г. Салавате. Поэт. Окончил Салаватское музыкальное училище. Публиковался в еженедельнике «Истоки», журналах «Бельские просторы», «Литературный Башкортостан». Проживает в Салавате.

* * *

Наверное, писать не нужно,
Когда решишь, что ты – поэт,
Когда не больно и не душно,
Когда на всё готов ответ,

Когда над «i» наставишь точек,
И всё разложишь на места,
Когда за чередой строчек
Не видишь чистого листа...

Когда все рифмы, будто слуги,
Шлифуют рамку под чертёж,
Когда ты спазмы и потуги
За трепет лиры выдаёшь...

ТЕНИ

Тени на полу лежали,
Тени крались по стене,
Их бесплотные скрижали
То скользили, то дрожали
В чуткой лунной тишине.

Тени, кто во мраке ночи
Вас рождает? Друг иль враг?
Тайну ваших многоточий,
Ускользящих подстрочий
Мне не уловить никак.

Сколько небyleй и былей
Затаил ваш тёмный лик?...
Безответно тени плыли,
Лепестками чёрных лилий
Рассекая лунный блик.

Появились вы откуда
В тихой комнате моей?
Из кошмара иль из чуда?
Нет! Пытаться я не буду
Свет пролить на мир теней.

Ваше тихое дрожанье
Лучше шумной суеты,
Ваше тёмное мерцанье
Ближе мне дневных сверканий
Многоцветной пустоты.

Вторя вам печалью зыбкой
Звёздной россыпью огней

Голос одинокой скрипки
Заскользит серебристой рыбкой
Из глубин души моей.

И всю ночь по лунной воле,
По межзвёздной ворожбе,
Буду я в ночной юдоли,
Вняв призыву давней боли,
Возвращать себя себе.

Утром звёздочки сирени
Высветлит густая даль...
Ничего не скажут тени,
Горечь тайных откровений
Спрячут в чёрную вуаль.

А когда рассвет пугливо
Их пронзит лучом своим,
Тени, так же молчаливо,
Без упрёка, без надрыва,
Побледнеют сиротливо
И растают, словно дым...

ИВА

Над рекою, у обрыва,
Ветви в воду опустив,
Ива плачет, плачет ива
За себя и за других.

Словно руки, сиротливо
Ветви заломив в мольбе,
Ива плачет, плачет ива
Обо мне и о тебе.

Не крикливо, без надрыва
Боль свою несёт одна,
Так безмолвно плачет ива –
То не ведает волна,

Что под нею беззаботно
Держит путь свой на восток,
Солнце брызжет светом, что-то
Шепчет травам ветерок,

Лютик изогнул красиво
Стебелёк свой и не жаль
Ничего ему, лишь ива
Чью-то чувствует печаль...

Пусть тебе, моя родная,
Станет легче, лучше - пусть.
Что же плачешь ты, вздыхая,
Ощущая чью-то грусть?...

Я в тени твоей присяду,
Ствол руками обойму,

Сквозь листву печальным взглядом
Даль окинув, вдруг пойму:

Не речные здесь разливы
Катят воды в свой покой,
Это льются слёзы ивы
Полноводною рекой.

Андрей Овчинников

Андрей Овчинников родился в 1963 году в г. Бирске. Публиковался в еженедельниках «Литературная Россия», «Истоки», журналах «Север», «Бельские просторы», «Луч», «Природа и человек. XXI век», «Бег», «Петровский мост» и др. Живет в Республике Башкортостан, город Салават. Член Союза журналистов РФ и РБ.

ВСЕ ДЕТИ МЕЧТАЮТ СТАТЬ КОСМОНАВТАМИ

Я знаю, что раннее утро – самое необыкновенное время. Никакое другое время суток не может сравниться с ним по чудесам. В это время привычные вещи преобразуются до неузнаваемости. Не только краски, но и звуки, запахи – всё другое.

Коротко пискнув, громко, по-утреннему, хлопнула за мной дверь. Гулко застучали в коридоре каблуки сандалий. Слетая по лестнице, слышу – звук отстает от меня, его эхо разносится где-то на верхних этажах. Я уверен, что эхо в нашем подъезде живёт всегда, но утром оно раздражительное, потому как ещё сонное.

Распахиваю дверь подъезда, и вот оно – серое утро встречает меня уличной прохладой. В футболке с короткими рукавами становится зябко. Слегка поёживаясь, стою у дверей подъезда со спасительным теплом внутри, понимая, что идти всё равно придётся. Успокаиваю себя тем, что скоро станет тепло, а потом даже жарко. Лето в этом году выдалось необыкновенно знойным. Сейчас, несмотря на мурашки, даже наслаждаюсь кратковременной прохладой.

Выходной день. Во всем квартале тишина. Но вот пустоту родного двора нарушает треск мотовелосипеда одинокого рыбака. Вскоре затих и он.

По заведённому когда-то давно церемониалу задираю голову, дабы разглядеть верхние этажи высотки. Думаю, многоэтажки для того и строят, чтобы люди хоть изредка поднимали головы и смотрели на небо. Если на улице облачно, то кажется, что высотка плывёт, разрывая углами крыши облака на лоскутья. Но сегодня ясный день, и потому она стоит величаво, надменно взирая на меня сверху вниз своими верхнеэтажными глазами-лоджиями.

У меня нет времени глазеть на неё. У меня – Дело. Я перехожу пустынную улицу и направля-

юсь в сторону, где из-за стоящих костяшками домино домов, жёлтыми огоньками высвечивающих причудливые соотношения странных чисел, чуть виднеется игла телевизшки.

Небо, розовевшее над крышами домов, начинает желтеть. Утренняя калька тает, воздух становится прозрачнее. Светает. Надо поспешить, если я хочу успеть. Прибавляю шаг. Волнение от предстоящей встречи всё больше одолевает меня. Наконец, не выдержав напора переполнивших чувств, срываюсь на бег.

Бегу долго, пока не перехватывает дыхание. Сбиваюсь на быстрый шаг, потом перехожу на спокойный, и вдруг замечаю, что дошёл до конца новостроек. Дальше меня ждёт спуск под откос, где частные домики, словно опята, облепили крутой склон вплоть до самой реки Белой.

Спускаюсь – то по деревянным брускам сходень, то по вырубленным в земле ступеням, то просто по извилистой тропинке, вьющейся вдоль оврага, который застёжкой-молнией разрезал склон на две половины.

Там, наверху, за спиной, всё дальше отдаляется гордость уфимцев – чугунный исполин на могучем коне. Всадник сдерживает коня на самом краю пропасти, а тот копытом отбивает валуны с её кромки. Скоро его совсем не будет видно.

Наконец я на месте. Сижу на перевернутой днищем вверх лодке и жду. Бакенщик дядя Саша обещал, что Он обязательно придёт. Он всегда появляется с первой «Ракетой»...

Дядю Сашу соседи считают ненормальным, но я ему верю. Верю даже в то, что у него в подполе живет греmlin-раскольник. А как не верить, если старенький, лодочный «Вихрь» дяди Саши, всегда работает, как часы, и даст фору любому новому мотору. Дядя Саша объясняет это тем, что по

ночам ремонтом занимается его греmlin. Он зовёт его уважительно – Степанычем или ласково – Степашкой.

Дядя Саша поведал мне по секрету, что именно после встречи с Ним, он и стал капитаном дальнего плавания. Так как дяде Саше много больше ста лет (он об этом никому не рассказывает), то ему пришлось походить (моряки и речники ходят, а не плавают) и на колёсных пароходах, и даже на одном из последних парусников.

Главное, что у Него можно попросить всё, что угодно, и желание обязательно сбудется.

Больше всего на свете я люблю судоходные реки, белоснежные теплоходы, самоходные баржи и маленькие, но сильные буксиры. Я попрошу у Него, чтобы он сделал меня капитаном-речником судна класса «река-море».

А пока приподнимаю тяжёлую лодку за край и достаю из-под неё заботливо припрятанный дядей Сашей газетный свёрток. Разворачиваю его прямо на днище плоскодонки. На газетном листе «Правды» рождается натюрморт: рядом с тремя матово поблескивающими яичками – два пунцовых помидора. Их кожица, кажется, с трудом сдерживает напор сока. Зелёные перья лука свисают с края лодки. Тут же спичечный коробок со щепоткой соли вместо привычных спичек. В углу газеты, оставляя жирные пятна, расположилась главная деталь картины – филигранно нарезанные ломтики сала. Белые, с розоватым оттенком, с тремя (!) красно-коричневыми прослойками.

Я отчетливо представляю картину, как дядя Саша, достав свой складничок с чёрной пантерой

на рукоятке, нарезает сало. Ломтики настолько тонкие, что кажутся прозрачными и потому загораются, как стружка из-под рубанка.

Сглатывая слюну, беру в руки необычайно огромный, мясистый помидор, надкусываю. Обильно посыпаю солью место надкуса и, брызгаясь томатным соком, откусываю кусок побольше.

Розоватые пластинки сала укладываю на кусочки слегка зачерствелого ржаного хлеба. И, о чудо! Замечаю маленькую баночку горчицы. Ничего вкуснее чёрствых дяди Сашиних бутербродов быть не может! Жую и думаю: придёт или не придёт?

Наконец в утренней тишине раздаётся долгожданный гудок, совсем и не гудок, а сирена. Из всех пароходных гудков, её никогда не спутаешь с другими.

Вот показалась и она – «Ракета»! Значит, успел!

Белоснежно-стремительная, с поднятым вверх носом, пролетает она передо мной. Волны начинают биться о борт лодки. Сначала ласково, потом ожесточенно, и, наконец – яростно и неистово...

...Ярослав встряхнулся от нахлынувших воспоминаний и посмотрел на дисплей бортового компьютера. До Марса оставалось не более двух часов лету. Он глянул в иллюминатор. За толстым стеклом всё та же вечная темнота. Как же она ему надоела! Хотелось солнца и голубого неба, зелени водных глубин и белых бурунов за кормой. Ему вдруг показалось, что он отчетливо слышит шум бьющих о борт волн.

И зачем он тогда сказал, что хочет стать космонавтом?..

ЧАПАЕВ

Он вышел на берег предрассветным утром 9 июня в районе Уфимской пристани. Хорошо, что было пасмурно. За время его второй, гораздо более долгой жизни, он успел отвыкнуть от яркого солнца. Там, в зелёных глубинах, даже в самые ясные дни свет, которому удавалось проникать сквозь толщу воды, никогда не был таким ярким, как сейчас, в это хмурое утро, когда он впервые за без малого сотню лет вышел на поверхность.

Он хорошо помнил, как после того злополучного утра в Лбищенске его крутило и волокло течением по камням, песку, илистому дну, то прибывая к корягам, которые цепко хватались за английское сукно гимнастерки многочисленными пальцами-отростками, то закручивая водоворотом в глубокие омуты под обрывистыми берегами.

Потом весенние паводки силой своих бурлящих потоков всегда освобождали его из плена валунов, брёвен-топляков и других тюремщиков, пока он не оказался в море. Там, напившись солёной водой,

он вдруг ощутил, что обрёл силу, способную преодолеть любое течение.

И он пополз против течения, упрямо цепляясь за корни деревьев, торчащих из подмытых берегов, или за гладкие камни перекатов, что попадались ему на пути. Он двигался в направлении Уфы – города своей воинской славы. Именно здесь он должен увидеть прекрасное пролетарское будущее – Мировой коммунизм.

Обросший тиной и моллюсками, беспрестанно пощипываемый серебрящейся рыбьей мелочью легендарный комдив лежал во время отдыха на дне и, глядя на медленно покачивающиеся водоросли над головой, мечтал о всемирном пролетарском счастье. Он думал о том времени, когда, через сто лет, на Земле не останется ни «казачишки поганого», ни «интеллигентшишки гнилого», ни «попа-толстобрюха», а будет царить один гегемон – мировой пролетариат и кормящее его крестьянство, вернее, та часть, что из сознательных.

Оставляя за собой мокрые следы и раздавленных пиявок на серой асфальтной дороге, Василий Иванович, прочитав на табличке название улицы – «Заки Валиди», – вспомнил его, того предводителя башкир в очках-велосипедах и с усиками, что со своим небольшим отрядом в начале 1919 года перешёл на сторону большевиков. Молодцы потомки, не забывают красных командиров!

Когда от галифе отвалилась последняя двусторчатая ракушка (раки отцепились ещё у самого берега), он почти дошёл до монумента Дружбы.

Чапаев хорошо помнил это место. Раньше здесь находилась большая каменная церковь, в которой его бойцы – бесшабашные, всегда гораздые на выдумку молодые ребята – выложили кучками из человеческих экскрементов, прямо посередине алтаря, похабное слово из трёх букв. Он тогда вместе со всеми посмеялся над их выходкой.

Теперь церкви нет. Значит, снесли. Правильное решение – в светлом будущем не должно остаться места «опиуму для народа»!

Где-то здесь закопан тот смешной попик, который бросился на защиту своего храма, да тут же схлопотал прикладом в висок от верного ординарца Исаева.

Здесьние мракобесы ещё легко отделались. Ниже по реке, в верстах ста от этого места, в купеческом городке Бирске сразу пятерых долговолосых закопали возле храма на Галкиной горе. А сколько расстреляли в стоящем неподалеку монастыре – никто не считал. По донесениям он помнил, что это дело рук ребят из 242-го крестьянского полка 27-й дивизии. Запомнилось только из-за названия горы – Галкина. Эх, Галка, Галка! Боевая подруга, скрашивающая походные ночи, не убежала ты, не затаилась во время разборки между своими же бойцами. Тогда стойкие латышские стрелки чего-то не поделили с мобилизованным мужичьем. Судьба-злодейка!

А этот тогда все карами грозил. Где оно было, твое воинство небесное? Куда смотрел грозный Михаил? Заступились они за тебя?

Шум мотора и визг тормозов отвлек от размышлений, оглянувшись через левое плечо, Чапаев увидел автомобиль.

Василий Иванович машины любил и, получив назначение комдивом двадцать пятой, всегда держал несколько авто для своих передвижений.

Этот автомобиль был необычной – округло-покатой формы, небесного, белого с голубым цветом.

Из машины вышли двое в незнакомой форме. На плечах блеснули ненавистные золотые звездочки. «Один в чине штабс-капитана, другой поручика, – отметил комдив. – Белье!»

– Эй, ты, бомжара, стой! – раздался грозный окрик.

Василий Иванович схватился за шашку. С трудом вырвав из ножен ржавый обломок, он бросился на офицеров.

– Брось нож, придурок! – вскрикнул поручик, и потянулся к кобуре.

Пуля, пробив левую руку насквозь, звякнула о фонарный столб. Из пробитого отверстия чуть повыше локтя вывалился пучок спутавшихся водорослей. «Словно в то злосчастное утро», – подумал Чапаев и бросился к реке.

– Это же сипайловский маньяк, быстро за ним! – скомандовал старший по званию.

Василий Иванович уже ступил на прибрежный песок, когда его догнал свет фар, он обернулся, и тут же схлопотал пулю в живот.

«Де жавю» – вспомнилось заграничное слово. Только нет теперь рядом надёжных венгров-интернационалистов, которые помогали ему тогда переправляться на бухарский берег Урала.

Шагнув в воду, он почувствовал, как третья пуля горячей пчелой впилась в голову, напомнив о ранении во время штурма Уфы, когда пилот «Ньюпора» полоснул пулемётной очередью по трясущемуся на кочках чапаевскому «Форду».

«Ничего, – подумал он. – Родная стихия примет, чай, не святоша какой!»...

...Полицейские стояли на берегу и наблюдали, как сипайловский маньяк, попытался нырнуть в глубину, но его, словно пробку, выбросило на поверхность. Река подхватила распластавшееся в форме пятиконечной звезды тело и величаво понесла вниз по течению...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ (АРМЕНИЯ)

ЗАЛОЖНИКИ ЭПОХИ

Заметки о новейшей армянской поэзии

1. Кто они, крушители традиций?

Как только их не называли – и «семидесятниками», и «литературными хулиганами», и «крушителями традиций», и «возмутителями спокойствия», и «авангардистами». Вызов был во всём – и в содержании, и в форме, и в построении поэтических образов и ассоциаций, и в пренебрежении к пунктуации. Отношение к ним со стороны читателей и литературных критиков колебалось в очень большой амплитуде – от безоговорочной влюбленности до органического неприятия. Своими литературными «предтечами» они считали не Туманяна, Чаренца и Терьяна, и даже не более близких по времени Севака, Ширази и Сагияна, а Элиота, Рильке, Превера, поэзию битников. Это не было данью моде, не было поветрием, это было их сущностью, убеждением, мироощущением.

Это Славик Чилоян, Давид Ованес, Генрих Эдолян, Аревшат Авакян, Артем Арутюнян, Ованес Григорян, Армен Мартиросян, а также пришедшие несколькими годами позже Грачья Сарухан, Армен Шекоян, Эдвард Милитонян, Гукас Сирунян, Акоп Мовсес, Грачья Тамразян, Манвел Микоян.

Они активно печатались, отстаивали своё место под солнцем, своё право на собственное видение и понимание мира, жизни, человеческих отношений, право на новую поэтику, на «заземлённость» языковых и изобразительных средств.

Именно благодаря их задору, настойчивости, активному самоутверждению семидесятые и восьмидесятые годы ознаменовались заметным оживлением литературного процесса. Литературная периодика регулярно проводила дискуссии о современной поэзии, и в ней принимали участие, как литературные критики, так и сами поэты.

В пылу полемики они бросали вызов нормам и канонам традиционного, классического армянского стиха, создавали в противовес фундаментальной поэтике старшего поколения свою «антипоэзию», не останавливаясь перед возможным обвинением в иррациональности, в нарочитом эпатаже читательского воображения. Они словно жонглировали парадоксами. В стихотворении «Это всё не моё» Э.Милитоняна читаем:

Не мой это слезы –
это ржавая лава потопа спускается с гор,
это падают гнёзда
со сломанных с треском деревьев.

Не мой это голос –
это камни крошатся, отрываясь от скал,
это взрывается крик
возвращающегося журавля.

Не моё это сердце –
меня весна уронила в потоп,
несущий ягнят и баранов,
меня буря угнала за пашни, поля и луга.

Это я написал,
но древняя почва сдвигается,
молча стирает всё это
и учит писать на камнях.
(Перевод Гургена Баренца)

Они выплеснули на бумагу и в эфир своё душевное смятение, дискомфорт, своё неприятие навязываемой теории бесконфликтности, стремление разбить вдребезги навязываемые, насаждаемые представления и каноны, нежелание быть и восприниматься маленьким винтиком, тоненьким голоском в общем хоре «одобрямса» и невольным участником тотальной, всеобъемлющей фальши и лжи. Была в этом протесте и неприятии традиций и плохо скрываемая ревность к ушедшим и живущим классикам – не к их творческому наследию и заслугам, а к народной славе и известности.

Но даже это воспринималось как крамола, как непростительное «вольнодумство», как выступление против режима и как «бунт на корабле».

Они протестовали против стереотипов, прокрустова ложа расхожих понятий и дозволенного в жизни и искусстве, бросали вызов идеологизированному восприятию действительности, истории, межличностных отношений.

А ещё они расширили версификационные возможности армянского стиха, подняли на новый уровень верлибр, сделав его, наряду с классическим и свободным, разностопным рифмованным стихом, одной из самых распространённых форм сегодняшней армянской поэзии.

Их усиленно заключали в «обойму», в «упряжку», в их стихах искали типологические сходства, – словом, их рассматривали как плеяду, как одно поколение. И хотя они были очень разные, такой подход имел свою мотивацию и логику.

Другой немаловажной отличительной чертой этого поколения поэтов является глубокое, осно-

вательное знание мировой литературы и философии. В их произведениях мы то и дело встречаем реминисценции из древнегреческой, древнеегипетской, древнеримской поэзии.

Деление поэтов на «полемистов» и «метафористов», введённое в обращение критиком А.Топчаном, само по себе довольно условное и зыбкое, вполне прижилось, хотя, на наш взгляд, правильнее говорить об «экстравертах» и «интровертах», правда, и в этом случае нет чётких различительных границ. «Полемисты» строили метафорические поэтические образы и ассоциации столь же виртуозно и выразительно, как и «метафористы», а те, в свою очередь, защищали свои «поэтические территории» и завоевания не менее рьяно и азартно, чем «полемисты».

Наиболее показательные образчики экстравертной поэзии, обращённой ко внешнему миру, созданы «полемистами» Давидом Ованесом и Ованесом Григоряном. В стихотворении «Говорит камень» Д.Ованес пишет:

Я – древность. Подойди, чтоб лучше видеть.
Я – летопись и духа бытие.
Я – твоего грядущего провидец.
Твоё сегодня. Прошлое твоё.

Не надо украшать меня. От века
Таким я был, таким пребуду впредь.
Но лучше всех я знаю человека
И знаю, как помочь ему прозреть.

Я – собеседник. И склонюсь пред теми,
Кто выслушать меня всегда готов.
На мне, замшелом, начертило время
Несметное число имён и слов.

А если ты не извлечёшь урока –
Исчезни, точно ветер, без следа.
Таких, как ты, я перевидел много.
Я камень. Я останусь. Навсегда.

(Пер. Альберта Налбандяна)

К «метафористам» и «интровертам» без особых натяжек критики причисляют Генриха Эдоюна, Аревшата Авакяна, Армена Мартиросяна, Артема Арутюняна. В критических работах справедливо указывалось, что в их стихах была несколько размыта категория времени, отсутствовали приметы и реалии эпохи. Так, стихи А. Авакяна невольно напрашиваются на сравнение с литературными витражами. Он, подобно андерсеновскому Каю, создал свой виртуальный мир, в котором он строит из образов завораживающие конструкции. Его стихи мозаичны, статичны, они являются своеобразным продолжением и литературной иллюстрацией живописных работ. Вообще поэзии «метафо-

ристов-интровертов» присуща определенная созерцательность, камерность.

Но применительно к другим поэтам такая типологизация и классификация даёт сбой и сразу же ощущается её надуманность и «притянутость за уши».

У каждой истории есть своя предыстория. Мятежный дух поэтов новых поколений не возник на пустом месте, из ничего. До них называли вещи и явления своими именами П.Севак и Ованес Шираз. Они первыми бросили камень в рутинное болото. Ованес Шираз протестовал против Системы и тотального оболванивания народа не только своими стихами, но и вызывающим поведением, своей ершистой жизненной позицией, бесконечными колкими репликами, мгновенно обретаемыми крыльями и становящимися фольклором, и «серые кардиналы», партократические функционеры, осуществлявшие культурную политику, отомстили ему, объявили его конфликтным, взбалмошным и неуживчивым человеком, то и дело подвергали его домашнему аресту, и уже после смерти столь известного и крупного поэта вдруг выяснилось, что за всю свою жизнь он не был отмечен ни одним орденом, ни одной правительственной наградой, так и не был избран почетным академиком. И это в те годы, когда ордена, награды и звания раздарились направо и налево – нужно было просто стать «номенклатурой», поддакивать функционерам, да ещё благополучно дожить до юбилейного возраста. Не дожил до юбилейных лавров и Паруйр Севак, который открыл новые возможности для стиха и показал ранимого, уязвимого и незащищённого человека в сборнике «Человек на ладони», во весь голос заговорил о геноциде армян в поэме «Неумолкаемая Колокольня», на другую программную книгу которого («Да будет свет») был наложен арест и трагическая гибель которого до сих пор оставляет множество открытых вопросов.

2. Гримасы глобализации

Новейшая армянская поэзия переживает не самые лучшие времена. Вопросом вопросов остаётся – принимает ли она более или менее деятельное участие в формировании общественного сознания, является ли она для него ориентиром, путеводной звездой?

Самоочевидно, что «опасная вакансия поэта», который сумел бы стать собирательной совестью и мудростью народа, так и осталась пуста.

Можно, конечно, посетовать, что поэты, громко заявившие о себе ещё в начале семидесятых и продолжающие задавать тон в сегодняшнем литературном процессе, по прошествии трёх десятилетий активной творческой деятельности, имея за плечами десятки книг и уже издав свои итоговые однотомники, так и не обрели всенародной извест-

тности, не стали «властителями дум» для миллионов своих соотечественников. Но здесь, конечно, следует сделать большую поправку на произошедшие политические и социально-экономические сдвиги, когда были утеряны, растрочены жизненные ориентиры, когда не только поэзия, но и наука, театр, музыка, изобразительное и прикладное искусство, книгоиздательское дело, вообще вся культура в одночасье потеряли своё место и назначение в жизни общества, оказались на задворках, стали не востребуемыми, выпали из всех расходных статей госбюджета, перестали представлять для государства стратегический интерес.

Девяностые годы, в особенности первая их половина, по-видимому, войдут в историю армянской литературы как годы поэтического кризиса, безвременья. Поляризация, социальное расслоение общества, девальвация и дискриминация творческого, умственного труда – всё это не могло не найти своего самого прямого отклика в творчестве поэтов, не могло не отразиться на общем состоянии поэзии.

Развал социалистической державы и национально-освободительная борьба армянского народа повлекли за собой не только экономическую, но и информационную блокаду Армении, в результате чего армянская литература стала «вещью в себе» и перестала восприниматься в контексте литератур других народов. Все эти процессы – неизбежные и необратимые, они происходят со всеми суверенными народами, странами и литературами постсоветского пространства, но это уже – «другая история», тема особого разговора.

Потребовались годы, чтобы наконец прошли растерянность, оторопь и онемение, принесённые «сумгаитом» и разрушительным землетрясением, развалом Союза и издержками переходного времени, чтобы из стихов постепенно стала выветриваться газетная плакатность и обличительная публицистичность. Для Армении и армянского народа это были годы мрака, годы затянувшегося летаргического сна – я бы назвал это временем растерянности, отчаяния, потери мировоззренческих ориентиров. Начался массовый исход армян, публицисты заговорили о заговоре, о начавшемся «белом геноциде» против народа, осуществляемом новым руководством.

Поэзия, которой – вспомним В. Брюсова – изначально предписано «быть с людьми, когда шумит гроза», должна была уследить за самыми неуловимыми, нюансовыми движениями человеческой души, избегая при этом дешёвого популизма, заигрывания с особенно болезненными, наболевшими темами и проблемами.

Словесный изыск, велеречивость, метафорическое восприятие действительности – всё то, что делает поэзию поэзией, в судьбоносные и смутные годы стало рассматриваться совсем иначе,

приобрело оттенок фальши и стало звучать несколько анахронично.

Часто приходится читать и ещё чаще слышать, что в сегодняшней поэзии нет запоминающихся, западающих в душу стихов, стихов, которые попали бы «в самое яблочко», стали бы хлебом насущным, бальзамом для страждущих и жаждущих ответов на мучительные вопросы. Не могу с этим согласиться. В сегодняшней армянской поэзии нет недостатка в действительно хороших стихах, и если они не запоминаются, то причину здесь скорее нужно искать в том, что читаются они в общем неохватном потоке новостей, читаются вполглаза, слушаются вполуха, второпях, между дел, и воспринимаются скорее не как стихи, а как информация.

Конечно же, наметившийся в нашем обществе конъюнктурный, прагматический, во многом даже откровенно потребительский подход к искусству вообще и к поэтическому искусству в частности, не мог не предопределить обратной связи, ответной цепной реакции. Депрессия, разочарование в народе неотвратимо обернулось апатией в поэзии. К счастью, она оказалась временной.

3. Вперед – к Туманяну!

Что нового, какие новые тенденции наблюдаются в армянской поэзии последних лет? Говоря о тенденциях и закономерностях развития современной армянской поэзии, нельзя не отметить, что все направления её жанровых, тематических и нравственных исканий проецируются в изображении признаков нашей эпохи, объединяются в отображении происходящих сдвигов в сознании и ощущениях отдельной личности и всего поколения. Если прежде это было вневременное пространство, «страна знаков», то теперь стало значительно больше конкретики, реалий времени, «знаков страны».

В сегодняшнем литературном процессе деление поэтов на поколения, на старших, средних и молодых потеряло свою актуальность, стало условным. Теперь уже нет прежнего мировоззренческого водораздела, противостояния между старшими по возрасту Людвигом Дуряном, Татулом Болорчяном, Размиком Давояном и поэтами, пришедшими в литературу тридцатью и даже сорока годами позднее. Сегодня решающим фактором стал не биологический возраст, а творческая активность, молодость духа. Не наступая на мозоли старших и не противопоставляясь им, стали полноправными участниками литературного процесса поэты, заявившие о себе в 90-е годы.

Поэты во все времена особенно остро ощущали происходящие в общественном сознании перемены, близость нависшей над нацией опасности и угрозы. Сегодняшняя армянская поэзия находится в оппозиции к самодовольству, сытости и пресыщенности, к равнодушию и цинизму новоявлен-

ных «поводырей» нации, профессиональных демагогов и краснобаев. Честная жизненная позиция, чувство ответственности перед народом за все испытания, выпавшие на его долю в последние два десятилетия, стали для армянской интеллигенции лакмусовой бумагой, выявляющей и определяющей истинный патриотизм и озабоченность судьбами людей.

Не скажу ничего нового, если скажу, что большое общество не может иметь здоровой поэзии. И в нашей до предела (или до беспредела?) политизированной действительности поэзия тоже неизбежно политизируется – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Сегодняшняя Армения – это страна, имеющая олигархический парламент, в котором большинство не имеет сколько-нибудь чёткого представления о законотворческой деятельности.

Года два-три назад один депутат в своем выступлении разъяснял нам, что его работа оплачивается хорошо, потому что он «создаёт продукт», а учёные, деятели культуры и искусства, поэты и иже с ними живут плохо, потому что не создают «продукта». Этому парламентарии не дано понять, что народ и его поэты живут плохо, потому что он и его коллеги-депутаты работают плохо, потому что в нашей маленькой стране жирует огромный управленческий аппарат. И уж совсем ни в какие ворота не лезет, когда абсолютно ничем себя не проявившие народные избранники пытаются всеми правдами и неправдами сохранить за собой сытный депутатский паек, то есть пытаются обмануть своих избирателей по второму кругу. Об этом нужно говорить с ядовитой иронией, с издевательским сарказмом. В книге Ованеса Григоряна «Половина времени» много хлёстких стихов-пощечин, об одиозных персонажах и уродливых явлениях он говорит языком гротеска и мистерибуфф («Полицейская хроника», «Многопартийная панихида», «Торжественное заседание, посвящённое концу света и завершению истории человечества», «Конституция»).

...На исходе двадцатого века,
в четырнадцать часов пятнадцать минут,
армянский народ вышел из своей страны
и не вернулся...

Приметы: древний, многострадальный,
талантливый, трудолюбивый, терпеливый,
в глазах – бесконечная грусть,
в сердце – глубокие трещины...
Просим всех, кто его видел,
срочно сообщить об этом в парламент,
которому на несколько дней
нужен народ
в связи с приближением новых выборов...

(пер. Альберта Налбандяна)

Усилились публицистические интонации и в стихах Давида Ованеса. Его поэзия совершила заметный крен от общечеловеческих проблем к общеармянским. «Знаки страны», приметы времени, реалии политических катаклизмов, на гребне которых оказалось человеческое отребье, «пена», возомнившие себя трибунами и наконец-то дорвавшиеся до руля управления и до больших аудиторий «терситы» и «храбрые назары», – всё это стало неотъемлемой атрибутикой нашей сегодняшней действительности, а значит, и отражающих эту действительность стихов («Агамемнон», «Вечный армянин», стихи о Геноциде армян). Прозрачная аллегория стала неотъемлемой составной частью в стихах Гукаса Сируняна («Пена», «Жила-была на свете лампа»). Философское осмысление уроков истории и их реминисценции в сегодняшней жизни стали предметом раздумий для Эдварда Милитоняна (сборник «История древнего мира»). Остается верен своим стилевым особенностям и разработанным с годами творческим принципам Грачья Сарухан в сборнике «Нимб любви». Исполнительность и доверительная интонация, глубоко личное и личностное восприятие действительности являются по-прежнему отличительными качествами стихов Армена Шекояна. В стихотворении «Свет» он пишет:

То, что имею, – моё несомненно.
Кто смеет на долю мою посягнуть?
Свет, предоставленный мне, как знаменьё
Сопутствует мне, указуя мне путь.

Безмолвно пошёл я за светом по саду,
Я снова родился в пути и, смеясь,
Жизнь меня встретила в пёстром наряде,
Я испытал её тысячу раз.

Я пробовал жить без врагов – безуспешно.
Друзья мои – птицы, и небо – в груди.
Мы стаей летим в этой сини кромешной,
Вон там наше счастье – бежит впереди.

Бежит впереди. Без него, как без крыши.
Мы снова похожи на наш силуэт.
И мы одиноко взбираемся выше,
На гранях судьбы оставляя свой след.
(пер. Гургена Баренца)

Как обычно, повышенным спросом во все времена пользуется детская поэзия. Детям нет дела до взрослых проблем, до душевных и творческих кризисов у поэтов. Им нужны добротные, умные и непременно жизнеутверждающие стихи. В этом непросто и очень ответственном жанре активно и плодотворно работают Саркис Мурадян, Юрий Саакян, Эдвард Милитонян, Ерванд Петросян.

Главным испытательным «полигоном» для детских писателей являются иллюстрированные журналы «Цицернак» («Ласточка») и «Ахпюр» («Родник»).

Характерная примета наших дней: тенденции глобализации нашли своё отражение не только в мироощущении, но и в поведенческой модели современного армянского общества. Интерес к поэзии, спрос на поэзию резко упал. Поэтические книги издаются сегодня в Армении мизерными тиражами (в среднем по 300, в лучшем случае по 500 экземпляров). Век информационных технологий, помноженный на резко усилившуюся меркантилизацию современного человека, с неизбежностью привёл к его отчуждению от книги. Даже «химический состав» человека девяностых годов претерпел разительные перемены, метаморфозы. Прагматизм, мещанство и вещизм стали приобретать совсем уж уродливые формы. Чтение благополучно заменили латиноамериканские слащавые сериалы, этот дешёвый «опиум для народа». Столь же успешно выключает мозг подростков компьютерная жвачка в виде «стратегических стрелялок». Образно говоря, сегодня идёт процесс «компьютеризации», а ещё точнее, «интернетизации» общественного сознания. Понятно, что поэзия в силу своей специфики не может стать рейтинговой шоу-программой, не в состоянии соревноваться и конкурировать с заполонившими телеэфир раскрученными развлекательными передачами, причём безотносительно к их художественным достоинствам, к их уровню и качеству. Телевидение и радио, газеты и журналы – за исключением литературных или литературно ориентированных – насковозь политизированы, открыты настежь для высокорейтинговых развлекательных программ, для духовной порнухи разных «больших стирок». Понятно, что все они смотрят на литературу как на «бедного родственника» и являются для поэзии закрытой зоной. Сегодня самый захудалый политик или участник пошленького рекламного ролика известнее самых лучших поэтов. Это вовсе не локальная, не «армянская» проблема, это, скорее, ещё одна ужимка, гримаса глобализации. Впрочем, во всем этом можно усматривать не только «беду», но и «вину» современной поэзии, потому что, если бы она всегда находилась на должной высоте и выполняла своё высокое назначение, то не оказалась бы обойденной читательским вниманием, не оказалась бы невостребованной.

И всё же хочу с удовлетворением отметить, что в последние годы наметились обнадеживающие

тенденции и симптомы, свидетельствующие о росте интереса к поэзии. На эстрадные помостки, в концертные залы вернулась классика. Стали периодически проводиться поэтические вечера, посвященные Чаренцу, Севаку, Ширазу, Сагиану. Спрос на классику не замедлил затронуть и современную армянскую поэзию. Она также вновь оказалась востребованной, необходимой, важной. Наладившаяся обратная связь с читателем стала для новых поколений армянских поэтов живительным глотком воздуха, стимулом для творческой деятельности.

Армянская поэзия, почти два десятилетия ваврившаяся в собственном соку и замкнувшаяся в своих проблемах, вновь становится участником мирового литературного процесса. Вновь стали налаживаться и восстанавливаться контактные творческие связи. Как и в добрые старые времена стало можно «на людей посмотреть и себя показать», а для поэтов и поэзии это – глоток живительной влаги. В разных странах и на разных языках стали снова издаваться антологии многовековой армянской поэзии, армянской литературе стали посвящать свои страницы и даже специальные номера самые престижные российские издания. Пусть сегодня это носит скорее спонтанный характер, но позитивные перемены налицо.

Грант Матевосян как-то рассказывал, что когда он в школьные годы учил наизусть стихи Туманяна, его отец не переставал удивляться и говорил: «Не могу себе представить, как можно изучать Туманяна. Ведь мы и так его знаем». И это было действительно так. Поэзия Туманяна текла в венах народа, была у всех на устах, была у всех на слуху. Паруйр Севак писал о Туманяне: «Это наш хлеб-лаваш». И хотя «золотой век» армянской поэзии остался в истории, для наших современных поэтов он остаётся тем критерием и ориентиром, той недосыгаемой планкой, к которой нужно всегда стремиться, на которую нужно равняться. Это – стремление к абсолютному совершенству, которое в своей перспективе бесконечно и безгранично. Это – равнение на высшие этические и эстетические ценности поэтического творчества, которые продолжают оставаться неизменной категорией. Именно в этом стремлении сегодняшней поэзии во всей полноте выражается её двусторонняя открытость, её обращенность «к городу и миру». Аккумулируя в себе происходящие в мире процессы, она возвращает читателям их художественную, поэтическую и поэтизированную проекцию, их глубинную сущность.

Гурген Баренц

Гурген Баренц

Родился в 1952 г. в Ереване. Поэт, прозаик, переводчик, журналист, литературовед. Член Международной академии литературы и искусства. Автор однотомника избранных стихотворений «Уроки Дороги» (Ереван, 2010), однотомника «Избранная проза» (Монреаль, 2014) и более 2000 публикаций в периодических изданиях. Стихи и переводы печатались в десятках антологических сборников современной армянской поэзии. Участник, дипломант и лауреат многих международных литературных премий. Пишет и публикуется с 1978 года.

ВОЗМОЖНО, РАНО ПОДВОДИТЬ ИТОГ. . .

МОЛИТВА

Все деньги мира
Отдай банкирам.

Преуспеянье –
Последней дряни.

Благополучье
Отдай везучим.

Власть над планетой –
Ворам отпетым.

А мне, поэту,
Дай власть над словом.
Пусть рифмы станут
Моим уловом;

Чтоб я, как в тире,
Стрелял по цели,
Чтобы банкиры
Навзрыд ревели.

* * *

В последнее время ночью,
во время бессонницы,
в самом ярком изображении
вспыхивают в воображении
все совершённые глупости,
все совершённые подлости.

Мне кажется, я начал репетировать
Свой отчет перед Богом.

* * *

– Это кровь моя, пейте! –
Сказал Бог людям,
Протянув им чашу с вином.
Люди выпили. Очень понравилось.
С тех пор они стали придумывать
Самые разные способы,
Чтобы пить кровь друг друга.

* * *

Став под рукою ваятеля
Произведением искусства,
Гранитная глыба сказала:
– Подумать только,

Что я столько лет
Была такой неотёсанной!..

* * *

Обычно стихи, как и дети,
Рождаются от любви.
Но бывает – от нечего делать.

* * *

Большие деньги, я слышал,
Портят людей.
И всё-таки очень печально,
Что мне реально грозит
Умереть неиспорченным.

* * *

И всё-таки приятно сознавать,
Что мои стихи являются
Моей интеллектуальной собственностью.
Какая-никакая, а всё-таки собственность...

* * *

Возможно, рано подводить итог,
Но дерево давно уже посажено,
И даже не одно, а целый сад;
Дом тоже выстроен,
Хоть не большой, но всё же;
Сын тоже есть, у сына – две сестры, –
Ну, в общем, все свои дела земные
Я вроде завершил, и вроде бы – успешно.

Теперь я встал перед другой проблемой:
Живу без стимула, живу без интереса.
Пропал азарт, и жизнь теперь не в жизнь.

Нет, что бы люди там ни говорили –
Для смысла жизни трёх позиций – мало...

* * *

Беда не в том, что истина
Бывает всегда обнажённой,
А в том, что она нередко
Стыдится своей наготы,
И ханжам, пуританам
Очень нравится,
Красуясь перед телекамерой,
Надевать на неё одежды.

МОНОЛОГ АНТОНИО САЛЬЕРИ

Всё Моцарту. Всё Моцарту. А мне?
 Корпеть над каждой нотой и сонатой?
 Вымучивать созвучья в тишине?
 И изнывать из-за больной простаты?

Всё Моцарту. А мне – лишь тяжкий труд.
 За музыкой всю жизнь свою профукал.
 Но все мои труды со мной умрут.
 Я – пленник нот. А он – властитель звуков.

При этом он сгорает, как свеча
 Не дорожит собой, своим здоровьем.
 Он Божий дар расплещет сгорая,
 Дар выйдет через горло вместе с кровью.

И что мне делать? Сдаться без борьбы?
 Ведь я же лучший концертмейстер. Первый.
 Смотреть, как этот баловень судьбы
 Шутя, штампует новые шедевры?

А музыка его способна греть.
 Она лучится. Всё в округе меркнет.
 О, Боже! Боже! Лучше умереть,
 Чем примириться с тем, что я низвергнут.

Низвергнут? Кем? Зарвавшимся юнцом?
 Меня подкосит это, как измена.

Я был ему наставником, отцом.
 Он гений и дурак одновременно.

Как мне гордыню усмирить свою?
 Она давно мне душу растравила.
 Его заслуги честно признаю,
 Но ведь и я – не муха-дрозофила.

Клянусь, не причиню ему вреда,
 Хотя во сне не раз мне это снится.
 То, что ему даётся без труда,
 Меня изводит, словно роженицу.

Он – выскочка, фронтёр и баламут.
 Где он берёт волшебные созвучья?
 От музыки его – в душе уют.
 Пошли ему, Господь, благополучье.

Какая легкомысленность во всём!
 И безответственность. Циркач блаженный!
 А в музыке – воздушен, невесом.
 Да, он дурак. Дурак, хотя и гений.

Как мне его спасти? И чем помочь?
 Как помешать его самосожжению?
 Смерть любит гениев.
 И ей не скажешь: «Прочь!»

Прощай, мой друг. Прощай, дурак и гений.

Нелли Григорян

У меня вызывает недоумение тот факт, что Нелли Григорян, вполне сложившаяся профессиональная писательница, умеющая строить сюжет, вести повествование, размышлять, заинтриговывать, увлекать мало известна за пределами интернета и городка Вагаршапат (Эчмиадзин), где она живет с той поры, как ее семья была вынуждена бежать из Баку, города, в одночасье ставшего для азербайджанских армян чужим. Знаю, что она, так и не получившая волею судеб качественного высшего образования, сама превратила себя в высокоинтеллектуальную персону, тексты которой, возросшие на сугубо национальной почве, заставляют вспоминать французских символистов или немецких экспрессионистов. Ее философские притчи, максимы, афоризмы, эссе, стихи, пьесы – это целый удивительный мир, созданный ею вопреки всему: бытовому неустройству, бедности, одиночеству, отсутствию литературной среды, в которой она могла бы развиваться более ровно, более спокойно, более качественно. Только отсутствием обратной связи, а отнюдь не таланта, можно объяснить то, что некоторым из того множества текстов, что ею созданы за годы напряженной и безответной работы, требуется доброжелательная редакторская или дружеская рука, которая устранила бы мелкие стиливые погрешности, длинноты, смысловые неточности. И, конечно же, Нелли Григорян, пишущая по-русски, должна широко публиковаться. Без нее молодая армянская литература XXI века – неполная, если перефразировать знаменитую фразу Андрея Платонова. Да и русская, пожалуй, тоже. В добрый час, Нелли! У Вас многое впереди, и это многое зависит и от Вас, а не только от окружающего мира.

Евгений Попов. Москва, 2014 г.

ЖИЛЕЦ ЗАБРОШЕННОГО ДОМА

В старом доме на слом устроили ночлег бродячие коты и собаки. Их лай, вой и жалобные завывания, пожалуй, единственное, что нарушало томительную тишину. А ведь скорее всего ещё недавно в нём кипела жизнь, звучал детский смех и прово-

дидились торжества. И печальные моменты, конечно же, не обходили его стороной. Одним словом, дом был жив. Он жил, пока в нём жили люди.

Хотя и сегодня, в этом, казалось бы, убогом безжизненном царстве есть территория, на кото-

рой всё ещё теплится жизнь. Человеческая жизнь. Это чердак. Тёмный, окутанный паутиной и тайнами уголок, куда и в густонаселённом-то доме мало кто заглядывает, а в доме на слом – подавно.

Нельзя не заметить, что эта каморка сильно отличается от обычного чердака. Она обустроена под жилое помещение. Всё просто, но со вкусом. Что-то похожее на прикрытие, место тайных встреч и явок, где возможно плетутся сети, и сотканы они явно не пауком. У столь загадочного жилища, наверняка, и жилец неординарный. Должны быть весомые основания для того, чтобы устроить себе пристанище вдали от человеческих глаз, в таком малопривычном, богом забытом месте.

А вот и он, стоит возле маленького проёма в стене, который даже трудно назвать окном. Скорее это лазейка для проникновения воздуха и слабого солнечного света. В такое окно уж точно всего света не втянешь. Это отнюдь не грязный бродяга, прихрамывающий на обе ноги и пьяный настолько, чтобы не отличать день от ночи. Такой бы не стал прибираться и обустраиваться, а просто воспользовался бы заваленным чердаком, как местом для ночлежки. Пристально всматривающийся вдаль, словно высматривающий кого-то субъект, человек совершенно иного склада и характера. Это молодой, ухоженный и довольно привлекательный мужчина. Сшитый, как по фигуре, тёмно-синий костюм прекрасно сочетается с врождённой бледностью. Пиджак расстёгнут, и это позволяет атласной с фигурными пуговками рубашке, не стесняясь выставлять свою, слепящую белизну на всеобщее обозрение.

Кто же он? Что привело его сюда? Может, наблюдение поможет что-то разъяснить. Нет, мы не будем следить, просто на какое-то время станем его незримой компанией.

Итак, он перед нами во всей красе. Вот он обращается, неспешно подходит к небольшому столу, берёт пластмассовую кружку, и набирает воды из ведра, стоящего здесь же, под столом. Оставив кружку с водой на столе, он возвращается к так называемому окну, берёт маленькую коробочку, припрятанную в углу крошечного подоконника, и вынимает оттуда... бритвенные принадлежности. Неужели он собирается бриться? Похоже, именно это у него на уме. И главное, бритва у него какая-то допотопная. Где он её отыскал, в чемодане у бабушки? Ладно уж, пускай бредется, только очень осторожно, чтобы часом не пораниться.

Нужно признать, что первое знакомство ничего не прояснило. Личность его, как была загадкой, такой и остаётся. Учитывая его манеры и недешёвый гардероб предполагать, что убогое чердачное помещение является его постоянным местом жительства, неуместно. Наверняка у него есть семья, родители, жена, возможно, дети. Среда их обитания, несомненно, гораздо больше и привлекательней этой коморки. Зачем, по всем признакам пре-

успевающему в жизни молодому человеку чердачное помещение в заброшенном доме?

Пока суд да дело, молодой человек заканчивает нудную и малопривычную процедуру, умывается и, всматриваясь в своё отражение, нежно поглаживает лицо руками. Гладко выбритый, обрызганный дорогим одеколоном, он кажется ещё привлекательней. Внимательно рассматривая себя в зеркале, приколоченном здесь же, возле столика, он поглаживает влажной рукой свои волосы, заправляя чёлку назад. Всё это проделывается им аккуратно, бережливо, без суеты и суматохи. Похоже, наш незнакомец крайне щепетильно относится к своей внешности. Хоть что-то начинает проявляться.

Окончив марафет, предмет нашего внимания аккуратно раскладывает всё по своим местам, поправляет коврик, слегка подмятый табуретом, и осматривается. Что же дальше?

А дальше, он подходит к сундуку, придвинутому к стене у окна, вынимает из кармана штанов небольшой ключ и вставляет его в отверстие замка, что на сундуке. Секунда, и сундук распахнут. Он переполнен, но не в этом суть. Любопытство вызывает то, что в нём. А это женские вещи. Целый склад женской одежды: платья, юбки, блузы, свитера, коллекция нижнего белья и, что характерно, всё из высококачественного сырья и прекрасного покроя. Сразу видно – сшито на заказ. Здесь же, в специальном отсеке припрятана обувь, и тоже, исключительно женская. Откуда всё это, а главное, на что?

Мысль, пришедшая в голову первой, не добавляет приятных ощущений. Но, возможно, она ошибочна? Скорее всего, сундук и его содержимое принадлежат супруге незнакомца или возлюбленной. Не зря у него на пальце нет обручального кольца. Вот только почему они находятся здесь, в этой дыре? Может, у молодых проблемы с родителями? Например, девушка не подходит ему по статусу или же значительно старше. Вот родители и отказываются благословить. Хотя, кто их сейчас спрашивает?! Как бы там ни было, чердак аварийного здания – не самое подходящее место для проживания.

А что, если тут другой вариант? Мужчина заподозрил любимую в измене, разыскал место тайных встреч голубков и вот теперь ждёт. Вот только почему он чувствует себя здесь, как дома? Больше похоже, что это его любовное гнёздышко. Место свиданий с любовницей или возлюбленной.

Запутанная ситуация. Уж и не знаешь, какая версия предпочтительней.

Аккуратно, без суеты перебирая вещи, незнакомец достаёт из недр сундука шёлковое бежевое платье и нежно тербит его в руках. Затем, медленно, не торопясь он подходит к зеркалу и прикладывает наряд к себе. Раздосадованный и обозлённый, он выкрикивает в воздух ряд недобрых слов, и, похоже, находит решение волнующей его проблемы. Используя вместо вешалки левую руку, и повесив на неё платье, он подходит к табуретке

и правой рукой пододвигает её к зеркалу. Почти не затрачивая времени и усилий, он сменяет свой прикид на женский. Секунда, и он уже верхом на табурете мило любит себя своим отражением. Напевая какой-то там романс, он спрыгивает с табурета, снова подходит к волшебному сундуку и вынимает из него нижнее бельё, идентичного платью оттенка. Не прерывая торжественного песнопения, молодой человек начинает раздеваться. Интересно, насколько далеко зайдёт этот стриптиз?

О-го-го! Танца нет, зато демонстрация сексуально привлекательного тела налицо. И чем дальше, тем интереснее. Оказавшись в чём мать родила, красавчик с такой лёгкостью облачается в женское бельё, словно это ему невпервой. Осторожно взяв в руки уже облюбованное платье, он сливается с ним в одно целое и снова взбирается на табурет.

Полное перевоплощение. Точнее, почти полное. Приподняв подол платья, он осторожно спускается и, коснувшись босыми ногами коврика, облегчённо вздыхает. Конец игры?

Но, нет. Он снова у дел. Достав из сундука чёрную с золотистыми брошами сумку, он вынимает из неё косметичку и... начинает наносить себе макияж. Как ловко у него получается: тут подвёл, там подкрасил – просто и изящно, и с такой скоростью, раз-два и готово. Идеальное перевоплощение, единственное, что не вписывается во всю эту идиллию – это волосы. Чёрные, коротко подстриженные, они плохо гармонируют с образом.

Но не стоит забегать вперед. Кажется, это можно поправить. Инь-ян вновь наклоняется над сказочным ларцом и достаёт из него светлые туфельки на шпилька-каблуке и большой, бумажный пакет. Надев туфли, оно вываливает содержимое пакета на стол, а там парики и шиньоны, искусственные волосы на любой вкус и цвет. Примерив с десяток, он останавливается на светлом парике «Аля Монро», который, безусловно, прекрасно завершает образ.

Признаться, женщина получилась эффектная.

Что может означать подобная метаморфоза? Неужели пришедшая первой на ум мысль была пророческой? Жаль, очень жаль. Такой стильный, складный молодой человек и, пожалуйста. Хотя, некоторые просто любят переодеваться в одежду противоположного пола, без транссексуальных наклонностей.

Постойте-ка. И как это мне сразу в голову не пришло. Он – актёр. Конечно же, вот и листы бумаги со словами. Он репетирует.

Нет, это не репетиция. Листы сложены вчетверо и спрятаны в сумочку. Беспольный наблюдаемый вновь осматривает каморку и покидает её пределы, прикрыв за собой дверцу. Зачем актёру разгуливать в образе? Уж не для лучшего ли вживания в роль?

Торопливо спустившись по ступенькам, оно практически добежит до перекрёстка, и тормозит такси. И вот машина понеслась по автостраде, уно-

ся с собой и его со своей тайной. Проехав пару кварталов, такси останавливается, и оно выходит из машины, не забыв расплатиться с таксистом. Вот оно грациозно движется по бульвару, оставляя за собой вмятины от тоненьких остреньких каблучков. Сидящие на скамеечках курсантки военно-морского училища, не стесняясь, одаривают очаровашку комплиментами. Знали бы они, что скрывается за привлекательной внешностью.

Часа два продолжалась прогулка по многолюдному бульвару. Временами, перевоплотившийся герой прекращал ходьбу, и, устремив взгляд в морскую даль, о чём-то шептался, то ли с самим собой, то ли с голубым, всепонимающим и принимающим морем. Наконец, то ли устав от шума морской волны, то ли ещё по какой причине, инь-ян зашагало прочь от бульвара. Оно шло и шло, пока не оказалось рядом с многоэтажкой, не то, чтобы рухлядью, но порядком обветшалой. Не прибегая к услугам лифта, оно поднялось на девятый этаж, отворило ключом, который видимо всё время был у него в руках, дверь, на которой красовался номер восемнадцать, и растворилось в квартире. Побродив по дому, оно остановилось в самой большой по квадратуре комнате, в зале, как принято говорить, и осмотрелось по сторонам, словно желая убедиться, всё ли на месте. Уверовав, что так оно и есть, оно улыбнулось и развалилось на диване. Отдохнув немного, оно протянуло руку к журнальному столику, что у дивана, и взяло в руки толстую книгу, которая почётно, словно украшение, лежало в центре столика. Это был фотоальбом. Как и полагается – в нём фотографии, в основном семейные. Многие за сроком давности почти истёрлись, но есть и свежие, сделанные за последние несколько лет. Наскоро перелистав первые несколько страниц, оно дошло до снимка, который пробудил в нём неподдельный интерес. Лицо его переменялось. Оно больше не беззаботно-отрешённое, а полное боли и страдания. Недавно расплывающиеся в улыбке губы нервно подёргиваются, а глаза блестят от слёз. Посапывая носиком, беспольный индивид пристально рассматривает фотографию и с его уст слетает вздох отчаяния и сожаления.

Что это за снимок? Кто на нём изображён? Может, это фото поможет разгадать его тайну?

А изображены на снимке двое. Юноша на фотографии однозначно наш беспольный, только моложе. Здесь ему лет двадцать. Что касается второго лица, это крайне любопытный экземпляр. Дело в том, что и это тоже он, только в том обличье, в котором сидит сейчас на диване. Лишь одно отличие: волосы на фотографии длинные, прямые и тёмные. Но не думаю, что это проблема: другой парик, другие волосы. Как такое возможно, фотомонтаж? Но зачем, чтобы любоваться или же сравнивать?

Принимая во внимание, в каком он сейчас состоянии, это вряд ли. Его руки нежно поглаживают снимок, слёзы, недавно застывшие в глазах,

бесперывным потоком текут по щекам. Что происходит с несчастным? В чём суть проблемы?

Ответ непрост и драматичен.

Начнём с фотографии. На ней действительно изображён наш таинственный незнакомец, вот только рядом не его видоизменённое естество, а сестра-близнец. Родились они, как и полагается, в один день, в один час, с разницей в несколько минут. Причём, девочка родилась первой и абсолютно здоровой, в то время как мальчик появился на свет слабеньким, почти бездыханным. Врачи остерегались, что он не продержится и ночь. К счастью, всё обошлось, малыш выжил, правда, долго ещё оставался болезненным и малоподвижным. Краснощёкая и бойкая сестричка во всём превосходила брата, но это ничуть не отражалось на их взаимоотношениях. Как и большинство близнецов, их связывала невидимая нить, и дети почти никогда не расставались. С возрастом, связь не только не ослабла, но стала ещё прочнее и весомей. Вкусы близнецов совпадали во всём, вплоть до выбора профессии. Юноша моделировал одежду, а сестра воплощала его идеи в жизнь. Они были счастливы, довольны жизнью, пока десять лет назад, сестру вдруг не погубил страшный недуг. Боль от потери тяжело переживали все, но страшнее всего она сказалась на брате. Он практически перестал жить, не ел, не пил, отказывался общаться с окружающими. Мир, состоящий из двоих, рухнул и потащил его за собой. Образ и голос сестры неустанно следовали за ним по пятам, преследовали днём и ночью. Однажды, это даже чуть было не обернулось трагедией.

С момента кончины сестры, юноша много времени стал проводить на крыше. Там он был предоставлен самому себе, никто не задавал лишних вопросов и не приставал со своей заботой и вниманием. К тому же, там были голуби, которых так любила сестра. Она называла их ангелами. И эти ангелы теперь были единственными, с кем юноша чувствовал себя спокойно. Они будто служили соединяющим звеном между двумя разлучёнными половинками.

В тот злосчастный день, он, как обычно, проветривался на крыше дома и гонял голубей. Вдруг, один из голубей, точнее белогрудая голубка, оторвалась от стаи и полетела в сторону. Юноша, пустился вдогонку, размахивая руками, будто крыльями, и чуть было не сорвался вниз. К счастью, всё обошлось, и родители, нет, не он, а родители, отделались небольшим испугом. Когда они попытались выяснить у сына, что же произошло, он объяснил, что это душа сестры вселилась в голубку и позвала его за собой в полёт. Родители были в шоке. Они боялись даже думать о том, что может произойти. Но на все их просьбы и мольбы обратиться к специалистам, сын отвечал сухим отказом. Он не болен и не нуждается ни в чём участии, а тем более помощи.

После этого случая всё стало нормализовываться. Голоса и образы испарились. Видимо, осознав,

к чему может привести её вмешательство, сестра решила оставить брата в покое. Первое время он очень страдал, но затем успокоился, принял всё как должное, и тут же в его жизни произошли перемены. Спустя год, после едва не случившейся катастрофы, он встретил замечательную девушку и влюбился, как говорится, с первого взгляда. К всеобщему восхищению, возникшие чувства были взаимными, и уже через полгода, молодые решили сыграть свадьбу. Когда юноша увидел свою возлюбленную в подвенечном наряде, сердце его пронзила страшная боль. Он глядел на свою избранницу, лёгкими шагами приближающуюся к нему, а перед глазами стоял он – неизменный образ сестры. Ему вспомнился день, когда, надев на себя собственноручно сшитый свадебный наряд, сестра вертелась перед зеркалом, хохотала и разъясняла брату фасон платья, которое она сошьёт себе на свадьбу. Какой она была красивой! Говорят, в свадебном наряде прекрасна любая девушка, но она... Она была просто божественна!

Заметив замешательство сына, родители перепугались. Неужели опять? Но всё обошлось. Образ сестры улетучился так же внезапно, как и появился.

Семейная жизнь потекла спокойно, даже слишком. Новоиспечённый супруг всё своё время уделял работе, чтобы как можно скорее закончить лекцию, посвящённую памяти сестры, а его новая половинка ушла с головой в домашнее хозяйство. Изменения наступили когда, спустя несколько месяцев супруга сообщила ему, что он станет отцом. Счастье охватило его целиком. Окрылённый папаша с нетерпением ждал дочку. Он просто мечтал о ней. Представляя, как он будет нянчить маленькую дочурку, названную именем сестры, он весь светился от переполняющих его чувств. Наконец-то он сможет поделиться недоданной сестре любовью, и не с кем-нибудь, а с родным дитём.

Но этого не произошло, супруга подарила ему пухленького краснощёкого сынишку. Молодой отец выглядел разбитым. Не то, чтобы он не испытывал отеческих чувств, просто того великого, необъятного восторга, с каким он ожидал появления дочери не было. Сын – это всего лишь сын, кусочек от его плоти и крови, в то время как дочь была бы его половинкой, такой же, какой для него была сестра.

Молодая мамаша, конечно же, ожидала большего участия со стороны супруга. Но она не устраивала истерик, не била посуду. Она просто молча ждала. Ждала, когда всё переменится, уверенная, что сладкий пузатый малыш не оставит отца равнодушным. Вот только, сколько на это потребуется времени? Их брак лишён был чего-то важного, и она понимала это.

А между тем, время не стояло на месте, ребёнок рос, а его отец с каждым днём больше и больше отдалялся от семьи. Коллекция была завершена, уже и показ состоялся, и молодой человек словно почувствовал себя ненужным, лишним в

этой жизни. У него не оставалось ничего, к чему хотелось стремиться. Он стал часто отлучаться из дому, не оставляя свои координаты, практически забросил работу. Его словно подменили. От того юноши, что красиво ухаживал и писал любовные стихи, не осталось и намёка. Размышляя над ситуацией, анализируя происходящее, женщина пришла к выводу, что у неё появилась соперница. Поведение супруга только укореняло в ней подозрения.

Наконец её терпение лопнуло. Когда муж в очередной раз вышел из дому, она, якобы вспомнив, что забыла купить подгузники, последовала за ним. Она шла на приличном расстоянии, стараясь не привлекать внимание, хотя, будь она даже совсем рядом, объект её слезки всё равно бы не заметил. Он, словно загипнотизированный, шёл по намеченному пути и ничего вокруг не видел. Женщина, отставая на этаж, поднималась за «неверным» супругом к месту преступления, а сердце её бешено колотилось. Когда супруг открыл дверь и вошёл в квартиру, первое, что пришло ей на ум – бежать, бежать, куда глаза глядят, лишь бы подальше. Однако, взяв себя в руки, она решила, что не стоит спешить и делать скоропалительных выводов. Спустившись вниз и пошатываясь с полчаса по многолюдным вечерним улицам города, женщина вернулась к квартире под номером восемнадцать и прежде, чем позвонить в звонок, схватилась за дверную ручку и налегла на дверь. Она оказалась незапертой. «Неужели я опоздала? А может подлая разлучница, просто не явилась на свидание?»

Не торопясь, на цыпочках, она вошла в квартиру, остановилась в прихожей и стала вслушиваться в тишину. Из квартиры не доносилось ни звука. Тогда она решила пройти в комнату, дверь которой была распахнута настежь. Как женщина не старалась, двигаться бесшумно ей не удавалось, полы под половицами страшно скрипели. Оказавшись у дверей комнаты, она заглянула туда, и то, что предстало перед ней, оказалось во сто крат хуже любых её предположений. На стуле, перед зеркалом, сидел некто и подводил сурьюю глаза. Лицо, которое она увидела в зеркальном отражении, было ей хорошо знакомо. Это было лицо её мужа. Крик, вырвавшийся из груди несчастной, заставил сидящего перед зеркалом обернуться. Да, сомнений никаких, это он, человек, с которым она намеревалась прожить всю жизнь, деля радости и печали, отец её ребенка. Не произнося ни слова, женщина бросилась наутёк.

Через два месяца, оформив дела о разводе, она забрала сына и переехала в родительский дом. Несчастный застуканный так и не сумел объяснить супруге суть возникшей ситуации. Да и как тут объяснишь.

А дело в том, что, как только надежда обрести в дочурке переродившуюся сестру рухнула, у мо-

лодого человека снова начались галлюцинации. Сестра снова стала навещать его, разговаривать и звать за собой. И вот в один осенний день, ноги сами привели его в дом, где когда-то проживала ныне покойная. Она жила там недолго, каких-то, два последних года, но стены дома уже успели впитать в себя её дух и энергетику. Войдя в дом, он сразу же ощутил её присутствие. Осмотревшись по сторонам, он совершенно случайно заглянул в зеркало и ахнул. Как же они похожи. Тогда-то он впервые и примерил женскую одежду, нанёс свой первый в жизни макияж и в образе сестры, занялся уборкой в доме. Сестра ненавидела пыль, а тут она была повсюду.

С тех пор, он регулярно, раз в неделю исполнял этот таинственный ритуал. Однако, после того, как супруга так некстати раскрыла его тайну, он решил найти себе другое место для перевоплощения, и приходил сюда уже в образе женщины, которая вполне могла быть новой владелицей квартиры. В больших домах мало кто из соседей знает друг друга в лицо, а соседи по лестничной площадке, те вообще поселились в доме уже после кончины сестры. Так что обнаружить их внешнее сходство, было практически некому. Тогда-то ему и бросился в глаза старый, полуразрушенный дом, неподалёку от места, где он проживал с родителями и с семьёй. Мысль, воспользоваться его чердаком настолько вдохновила его, что он незамедлительно приступил к осуществлению плана переселения. Конечно же, он понимал, что рано или поздно дом снесут и тогда... Но что думать об этом? Ведь никто не знает, каким будет его завтра. Освободив каморку от ненужного хлама, проведя генеральную уборку, молодой человек перенёс в неё всю сестрину одежду. Причём переносить ему приходилось под покровом ночи, что значительно осложняло задачу. Надо было выскальзывать изпод одеяла, да ещё так, чтобы супруга не обнаружила его отсутствия. Но трудности и препятствия существуют для того, чтобы их преодолевать. И он справился, справился со всем должным образом, в чём мы имели возможность убедиться ещё вначале нашего с ним знакомства.

После того, как переселение состоялось, чердак заброшенного здания стал его любимым местом. Хотя, раз в месяц он все же посещал квартиру сестры, дабы предаться воспоминаниям и протереть накопившуюся пыль.

Чердак и сегодня остаётся местом его уединения. Там и только там он полностью расслабляется и выпускает наружу вторую, нашедшую в нём приют душу. Душу сестры-близнеца. Со временем, сестра всецело растворилась в нём. Теперь они уже единое целое, гуляющее по земле то в мужском, то в женском обличье. А родители до сих пор ничего не знают об этом. Они уверены, что брак сына распался по причине измены. Может, так оно и лучше. Что зря расстраивать стариков?!

Тагевос Тоноян

Поэт, литературовед, кандидат филологических наук. Родился в 1961 году. Автор нескольких поэтических сборников. Стихи публикуются, как в Армении, так и в зарубежной периодике, и антологиях современной армянской поэзии. Лауреат республиканских премий. Главный редактор детско-юношеского журнала «Ахбюр» («Родник»). Представленная подборка взята из сборника «Ангелы матерей» (Ер., 1997, на западноармянском языке). Перевёл с западноармянского Гурген Баренц.

МИР КРЫЛЬЯМИ ВЗМАХНУЛ И УЛЕТЕЛ...

ТВОРЕЦ

Душа летать стремится, рвётся ввысь,
А тело бrenно, тело – лишь оправа.
Несовершенны мы и наша жизнь,
И лишь Творец реально миром правит.

Наш рай захвачен, рая больше нет.
Там правит нож, там праведников травят.
Колокола молчат. Прозрачен свет.
Но как всегда, Создатель миром правит.

Бессильно время и повсюду кровь,
И жертвенные агнцы ждут расправы.
В глазах святых – смиренность и любовь.
И как всегда, Создатель миром правит.

Погасли свечи, смолкли голоса
Молящихся в церквях золотоглавых.
Умолкла скорбь, умолкли небеса,
И лишь Господь всё так же миром правит.

Да, всем на свете заправляет Бог,
Несовершенны мы, в нас боль гнездится.
Хоть тело бrenно и всё ближе срок,
Но рвётся ввысь душа, летать стремится.

КРЕСТ И ГРАНАТ

Мне в путь пора – так надо, мать, так надо.
Твой сын уходит прочь от суеты.
Там, справа, сад, и там растут гранаты,
А слева – лишь кресты, кресты, кресты...

Иду к крестам, испытывая муки,
Хоть не распят ещё среди крестов.
К гранатам я протягиваю руки,
Но нет ещё созревших там плодов.

Иду вперед – так надо, мать, так надо.
Твой сын стремится прочь от суеты.
В чужих руках – незрелые гранаты,
Они себя возводят на кресты.

И проливают сок незрелых зёрен
На руки и на ноги, словно кровь.

Любой из них так ловок и проворен, –
Убийца, говорящий про любовь.

И эта ложь страшной любой потравы,
Их ложь смешалась с кровью на клинке.
Но я вернусь, вернусь сюда по праву.
И крест в одной, гранат в другой руке.

Там, справа, сад, и там растут гранаты,
А слева – лишь кресты, кресты, кресты...
Дождусь Творца – он правых, виноватых
Рассудит с Божьей, высшей высоты.

НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ

Не хочу умирать:
Мои сироты останутся в мире одни,
Голенькие – под дождями,
Босоногие – в белых снегах,
Сгрудившиеся в чёрном мраке ночи
Вокруг жалобного огонька.
Не хочу умирать:
Среди великих держав
Они останутся одни, совсем одни.
В скорби будут смеяться,
За столом для торжеств
Они будут давиться от слёз.

Не хочу умирать:
Я буду по ним тосковать
В недрах земли и на небе.

Не хочу умирать, не хочу:
Их не будут жалеть,
Или будут жалеть - не любя.

* * *

Не верь, сынок,
Если скажут, что я умерла.
Не верь –
Я живу,
И в подтвержденье слов моих
Этой ночью взойдёт над тобой
Солнце памяти.

ЗАСТУПИТЬСЯ ЗА НАС ПЕРЕД БОГОМ

Ты не бойся, сынок,
Ты не один в этом мире;
Все сироты нашлись и сплотились,
Их души вместе сейчас,
Их матери тоже вместе,
Они тоже друг друга нашли.
Они пошли
Заступиться за нас перед Богом.
Представляешь, какая бы жалость была,
Если бы мы их опередили?
Им нужно первыми отправиться в дорогу,
Чтоб подготовить место и для нас:
Что может быть приятней, чем заснуть
В постели, застеленной мамой?
Ведь мы же помним,
Мы прекрасно помним -
С тех пор как ушли наши мамы
Мы в наших постелях не можем
Даже немного вздремнуть...

СЛАДОСТНАЯ И ХОЛОДНАЯ

Смерть – воспоминанье для меня;
Жизнь – воспоминанье для меня...

Вы понимаете,
Я так истосковался!
Вы понимаете,
По матери своей тоскую я!
Вы понимаете,
Хочу земли – родимой и холодной,
В объятья матери своей хочу,
Я в землю, в землю лечь хочу;
Заснуть, заснуть, заснуть хочу;
И больше ничего я не хочу...
Смерть – воспоминанье для меня;
Жизнь – воспоминанье для меня.

О ЖИЗНИ

О жизни поёт пичужка,
Что крыльями бьёт в моём сердце;
Жизнью дышит порхание бабочки,
Что уселась на мои веки;
О жизни говорит молчанье рыбы,
Которая резвится в моих глазах;
Жизнь светится в мерцании звезды,
Которая упала в моё сердце...

Насколько, о Боже, насколько
Усилилось прикосновенье смерти,
Что живущие стали так часто
Вспоминать о жизни,
А мёртвые – совсем о ней забыли...

МОЛИТВА

Отче,
Я – возвращённый Тобой сирота,
Из народа, который ни разу
Не отвратил от Тебя своего лица;
Я прошу Тебя, Отче,
Возлюби мою маму
И поднеси её к своим стопам...

БАБОЧКИ НЕЖНОСТИ

Возможно, это всё – лишь сон,
Как синий сказочный цветочек;
Осенний близится сезон,
Он смерть несёт и смерть пророчит.

Вкруг юной девушки в гробу
Цветные бабочки порхают.
Мечту, вобравшую судьбу,
Как хороводом, окружают.

Она ещё меж двух миров –
Воспоминаний и реалий.
Сон предлагает ей свой кров
И неизведанные дали...

МИР КРЫЛЬЯМИ ВЗМАХНУЛ И УЛЕТЕЛ

В высоком небе прячем наши раны,
А тайны наши – под землёй храним.
Восходит солнце
И цветёт земля,
Твоя могила мёрзнет утром ранним,
К воспоминаньям тянется своим.

Могильный холм почти что не заметен,
А годы катятся, теперь уж больше нет
Небесной манны,
Благодати хлебцев,
Земля дымится, всюду рвы отметин,
Кометы падают и гаснет в небе свет.

Кто там прошёл?
Куда ведёт дорога?
И сколько их у нас – таких дорог?
Один ли человек
Или народ?
В душе живёт неясная тревога.
Суд будет справедлив, хотя и строг.

Могильный холм опять покрыт цветами,
И раны прячутся в подземный свой удел,
Погасло солнце,
Стынет вновь земля;
И тайны наши в небе, хоть и с нами.
Мир крыльями взмахнул и улетел...

АНГЕЛЫ

Вы, ангелы,
 Вы с вечностью дружны,
 И крылья ваши нам несут спасенье,
 Вы смотрите с небесной вышины,
 Как звёзды, указуя направленье.

Мы здесь, внизу,
 Не ведаем, что вы
 Благословляете нас в каждом начинанье,
 Ещё мы живы, но почти мертвы,
 Вся наша жизнь – одни воспоминанья.

И наши души
 Покидают нас,
 И мы обречены сражаться с мраком,
 Но ангелы не сводят своих глаз,
 Готовы поддержать нас каждый раз,
 Смешавшись с космосом,
 Став знаком Зодиака.

ЖИВУ КАК ОТСТУПНИК

Ты слышишь, мама,
 Я от тебя отступился,
 Раз я до сих пор не у тебя.

Живу как отступник.

Живу так, словно предал те клятвы,
 Чьими свечами позднее, намного позднее
 В своих мыслях твой гроб окружил;
 Лишь позднее я понял,
 Что песни, как свечи, горят,
 И что я ухожу вместе с ними.
 Да, я умираю, поскольку –
 Мама, ты слышишь меня? –
 Я живу как отступник,
 Раз я до сих пор не у тебя...

Армен Шекоян

Родился в 1953 году в Ереване. Окончил филологический факультет Ереванского педагогического института имени Х. Абовяна, затем – Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР в Москве. Работал в республиканской литературной печати, в издательствах. Автор более десятка книг. Произведения широко публикуются на страницах литературной печати, переведены на украинский, эстонский, русский, чешский и другие языки. Перевел Гурген Баренц.

ОТЧУЖДЕНИЕ

В душе так много боли накопилось,
 Что справиться мы с нею не смогли.
 Мы не устали от суровой были,
 От векового неба и земли.

В душе так много боли накопилось –
 Друг другу разучились доверять.
 Стихии необычной мы дивились:
 Нам от нее не суждено устать.

В душе так много боли накопилось –
 Не узнаем друг друга мы давно.
 Здесь, в атмосфере копоти и пыли,
 Нам зеленеть уже не суждено.
 Мы не устали, но не суждено нам
 Зазеленеть весеннею порой.
 Не вырасти в заказнике зеленом
 Из старых строк и из земли сырой.

В душе так много боли накопилось –
 Мы от своих измен не устаем.
 Не устаем – уже мы научились
 От боли отдаляться с каждым днем.

МУЗЫКАНТ

Давно мое занятие известно:
 Свой выбор сделал не моргнув, в момент.
 Тот, кто открыл мне двери в мир чудесный,
 Мне подарил волшебный инструмент.

Он ноты разложил передо мною,
 Чтоб я исполнил что-нибудь для вас.
 Играю необученной рукою,
 Я научусь – придет мой звездный час.

И тот, кто чудо музыки открыл мне,
 Мне сказочную арфу подарил.
 Я тронул струны – и, расправив крылья,
 Над днем своим минувшим воспарил.

И расцветают перед нашим взглядом
 Дороги, по которым нам идти.
 И чувства наши оказались рядом,
 Не помышляя об ином пути.

И перед нами жизнь восходит снова,
 К сердцам влюбленным слух склоняя свой.
 Играю я. Плачу судьбой и кровью:
 Ты, чудо-арфа, – крест извечный мой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

По бесконечной вьющейся дороге,
По кручам и ступеням облаков
Взбираясь вверх и в кровь поранив ноги,
Сюда добрался я. Смотрите – жив-здоров.

Я стал тщеславен, растерял в гордыне
Своих немногих близких и друзей.
С утратой не смирился я поныне.
Друзья, я каюсь в глупости своей.

Оставив день минувший с настоящим,
Ушел я от житейских передряг.
И смерть пустая факелом горящим
Из тайника мне подавала знак.

Она за мною шла, слова шептала –
Мне не постичь их дьявольскую суть.
Меня в бреду горячечном застала
И все звала с собою в дальний путь.

По бесконечной вьющейся дороге,
По кручам и ступеням облаков
Взбираясь вверх и в кровь поранив ноги,
Вернулся я. И вот я с вами вновь.

ЧТО ЭТО ЗА СИЛА

Не слышал я в свой самый трудный час
Ни слова утешенья или ласки.
Но что это за сила каждый раз
Влечет меня своей всемогущей властью?

Ну что это за сила держит нас
Своей магической, магнитною улыбкой?
Но все, что смог увидеть я хоть раз,
Я жизнью звал – изменчивой и зыбкой.

Но все, что смог увидеть я хоть раз,
Я сердцем очень плохо понимаю.
Ну что за сила, боже, держит нас?
Я в гуще жизни или где-то с краю?
Я в гуще жизни или в стороне?
Своей мне тайны жизнь не приоткрыла.
Ну что за сила помогает мне,
Который ничего понять не в силах?

СВЕТ

То, что имею, – мое несомненно.
Кто смеет на долю мою посягнуть?
Свет, предоставленный мне, как знаменье
Сопутствует мне, указуя мне путь.

Безмолвно пошел я за светом по саду,
Я снова родился в пути и, смеясь,
Жизнь меня встретила в пестром наряде,
Я испытал ее тысячу раз.

Я пробовал жить без врагов – безуспешно.
Друзья мои – птицы, и небо – в груди.
Мы стаей летим в этой сини кромешной,
Вон там наше счастье – бежит впереди.

Бежит впереди. Без него, как без крыши.
Мы снова похожи на наш силуэт.
И мы одиноко взбираемся выше,
На гранях судьбы оставляя свой след.

УЖЕ НИКОГДА

Не встретимся мы больше. В добрый час!
Не будем тешиться надеждой воскресенья.
Не знаем мы с тобой цены спасенья.
Наш старый мир не сблизит больше нас.

Жизнь упорхнула пестрым мотыльком,
Нас одарив блаженным, скудным прошлым.
Нам было мало этой хлебной крошки,
Но миг блеснул и скрылся за холмом.

Не встретимся. Не будем тосковать.
Не будем знать, что дали пахнут гарью.
Кто победил?.. Не будет рыжий парень
Души своей бумаге предавать.

ВОДОВОРОТ

Вода приходит и уходит,
Отсчитывает день за днем...
И в ясный день, и в непогоду
Иду за ней ее путем.

И я лечу, подобно птице,
И бесконечен мой полет,
И нет преград, и жизнь струится
И чистым голосом поет.

Тысячелетняя эпоха
Соединяет даль и близь...
Я здесь лечу, мне здесь неплохо,
Хотя я знал другую жизнь.

Взмываю ввысь, срываюсь в пропасть,
Мои – лишь жизнь да два крыла.
И сердцу – так легко, так просто,
И счастье – близко, боль – светла.

ПОЭТ

Человек пришел из дальних мест
И говорил,
Что он уже все перевидал.
Он был печален,
Потому что потерял в дороге
Все свои песни.
Был печален –
Песен, сочиненных в дороге,
Также не мог он петь.

Он говорил, что пришел сюда,
Чтобы проникнуть в людские души,
Но на плечах у него
Была дорожная пыль,
А у него уже не было сил
Стряхнуть эту пыль с себя.

И поскольку он пришел из дальних мест,
И поскольку он очень устал,
Он на землю присел,
Чтобы чуточку передохнуть,
Но запах земли
Был настолько родным и знакомым,
Да и тело его
Так сильно отяжелело,
Что он смешался с землей.

ВОСПОМИНАНИЕ

Что за безмозглые придурки
Сорвали ночью мой цветок?
Куда девалась сивка-бурка?
Зовут нас запад и восток.

Вчерашний день – он сказка или
Жизнь, прожитая наяву?
Мы помним, помним, не забыли,
Как жил я, как теперь живу.

ЗАКОНЧИЛОСЬ

Всегда от солнца светлого рождались
Мечты несовершенные мои.
Хорошими солдатами не стали,
Теперь вот в генералы метим мы.

Душа не стала стержнем и основой,
Бессмысленную жертвой лишь была...
Вопрос извечный вновь звучит, как новый;
Бежим за ним, кусая удила.

Мы снова всё врагам своим простили;
Ложь в них живёт, и зависть, и навет.
Мы нашу злобу ветру подарили,
В нас злобы нет. В нас больше злобы нет.

Эдвард Ахвердян

Родился в 1952 году в Тегеране (Иран). С 1970 года живет в Армении, в г. Эчмиадзине. Окончил Ереванское художественное училище имени М. Сарьяна. Работал на киностудии «Арменфильм», затем в посольстве Исламской Республики Иран в Армении, в журнале «Нор-Дар». С 1991 года и по сегодняшний день работает в детско-юношеском журнале «Ахбюр» и с 1999 года – в ирано-армянском журнале «Михр». Является также директором объединенной дирекции мэрии Эчмиадзина «Культура». Познакомил армянского читателя с образцами персидской литературы (сказки, стихи, проза, драматургия) в своих переводах. Перевел Гурген Баренц

АРЕСТАНТ

Мне нужно пространство –
Протяженностью в голос,
В приветствие...

Рыбы плавают не только в воде,
И пространство океанов ограничено...
Они плавают
В небе, отраженном водой,
В звездах,
В луне
И в солнце.

Я кликнул солнце
И нарисовал небо
На стенах, что меня окружают,

Но решетки
Рубили, сжимали мое пространство,
И мой голос приглушается
В кричащем молчанье застенков.

Между нами – застенки,
Взятые в плен молчаньем.
И решетки, решетки,
Которые бездумно
Разрушают мое пространство.

Если однажды придешь
И не застанешь меня, –
Разрушь решетке на моей могиле
И принеси мне в подарок
Пространство –
Величиною с приветствие.

ДРОВОСЕК

Деревья на тротуарах
 Не могут обнять друг друга:
 Их руки всегда подрубают,
 Так же, как руки мои,
 Что бессмысленно растянуты в пространстве
 И в этом молчанье,
 Что стало дровосеком
 Между мной и тобой.

В птице – птица,
 В птице – птица,
 В птице – душа.

В душе – душа,
 В душе – душа,
 В душе – свет.

В свете – свет,
 В свете – свет,
 В свете – жизнь.

ПРОЩАНЬЕ

Стоял.
 Не курил,
 Не улыбался,
 Сухими глазами
 Молча смотрел
 На свою необратимую потерю
 И ни о чем,
 Ни о чем не просил.

В жизни – жизнь,
 В жизни – жизнь,
 В жизни – пустота.

В пустоте – пустота,
 В пустоте – пустота,
 В пустоте – мы.

Мы –
 Душа и сердце – птица,
 Мы –
 Душа и сердце – свет,
 Мы –
 Пустота в свете.

Стоял
 И не мигая смотрел
 На ту трепещущую руку,
 Что медленно растворялась
 В вечерних сумерках.

Душа света – птица,
 Душа света – кровь,
 И птица – в крови.

ПОСЛЕ МОЛЧАНИЯ

После молчания –
 Безудержные руки,
 Решительные шаги
 И человеческий голос.

В ЭТОЙ КОМНАТЕ

В этой комнате
 Предметы одевают другие цвета,
 Подобно печали человеческой души,
 Здесь все старо и таинственно.

После молчания –
 Кровь,
 Огонь
 И вздох.

В этой комнате
 Твою грусть ничего не спасет, –
 Ни свет свечи,
 Ни букетик колючек,
 Ни горсть камней,
 Упавших с неба, словно капли слез,
 И необъяснимые
 Линии и краски
 Этих картин,
 Которые вечно меняются.

После молчания –
 Истерзанное тело,
 Сырая камера без окна,
 Заржавевший ночной горшок
 И кровать из бетона...

После молчания –
 Следы пуль на стене
 И... на сердце...

В этой комнате
 Клинок боли
 Доходит до космного мозга
 И в одно осознанное мгновенье
 Предметы безудержно плачут
 Или хохочут,
 Как сумасшедшие.

ПТИЦА

В клетке – клетка,
 В клетке – клетка,
 В клетке – птица.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЭКЛОГА» (КАЛИНИНГРАД)

К 85-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ Ю.Н. КУРАНОВА

5 февраля 2016 года мы отметили 85 лет со дня рождения талантливого русского писателя Юрия Николаевича Куранова. Светлогорцы считают его своим земляком. Он жил и работал в городе около 20 лет, переехав в 1982 году из Пскова. К этому времени он уже был известным писателем не только в нашей стране, но и за рубежом. Его произведения переведены на 22 языка мира.

Проживая в Светлогорске, он не был простым созерцателем его красот. С душевной щедростью делился с жителями и гостями своими энциклопедическими знаниями, своим умением видеть прекрасное в повседневной жизни. Объединив интеллигенцию города, привлекая именитых гостей курорта, создал клуб «Любителей художественного слова». Встречи с писателями, известными музыкантами, искусствоведами стали проходить постоянно. Организовал писатель и студию малых литературных форм «Дуновение Дюн».

Занятия посещали, как молодёжь, так и убеждённые седины любители литературы. Это были настоящие мастер-классы, где каждый мог получить и добрый совет, и профессиональную помощь на пути к творчеству.

Писатель ушёл из жизни, но дело, которому он отдавал часть себя, продолжили его бывшие студийцы и ученики. Руководить студией стал Б. Попов – член Союза свободных писателей «Эклога». Студия влилась в Союз спустя несколько лет после ухода Ю.Н. Куранова. Но именно он открыл таланты. Многие из них связали свою жизнь с литературой. Студийцы работали с увлечением. Ежегодно выпускался альманах «Дуновение Дюн». Часто проходили творческие встречи с жителями и гостями области, студентами и старшеклассниками. В Интернете открыт сайт свободных писателей «Эклога». Его успешно вела И. Корнелюк, которая в течение ряда лет была заместителем руководителя организации, и на сайте отражались все значимые события Союза.

По заданию студии на основе воспоминаний вдовы писателя в 2009 году вышла книга А. Киселёвой «Юрий Куранов: страницы жизни». В 2011 году, к 80-летию со дня рождения писателя, усилиями студийцев и при содействии мэрии г. Калининграда и председателя Областной Думы издан сборник «У слова есть не только будний смысл» под редакцией Ю. Чекмуриной, Л. Поликарповой. Изданы в Калининграде самые крупные его произведения: «Дело генерала Раевского», «Тепло родного очага» и собрание сочинений в трёх томах.

Не забыты и живописные его работы. Состоялись выставки акварелей в Светлогорске, Калининграде.

К сожалению, активность организации время от времени прерывалась. Сменилось руководство, поредели ряды. В настоящее время Союз «Эклога» пополнили новые талантливые литераторы, работа стала оживляться. Готовится к выпуску новый альманах.

Прошло 15 лет, как нет Юрия Николаевича с нами, но каждый раз, соприкасаясь с его творчеством, ощущаешь его живое присутствие, благодаря светоносному, выразительному, такому одушевлённому его слову. Каждая былинка, лист, капля дождя в его рассказах дышит, чувствует, живёт. Мне довелось много общаться с писателем. Я поражалась удивительной чистоте его языка, не захламливаемого никакими иностранными заимствованиями. Перебирая его книги, невольно чувствуешь поэзию в самом их названии: «Тепло родного очага», «Озарение радугой», «Заозёрные звонки», «Звучность леса». А читая его произведения, ощущаешь такое созвучие красок, света и внутренней поэзии!

Недаром с первых публикаций читатели называют его прозу именно поэзией.

Так, Вячеслав Чурасов из Челябинска написал восторженное письмо писателю на 4-х страницах: «В ваших рассказах музыка, мелодия, “берёзовые напевы”. Это – поэзия!»

Наш земляк из Светлого под воздействием книги Ю. Куранова решил изменить свою жизнь: *«После Ваших рассказов, я стал лучше любить и понимать природу, больше того, я решил вернуться домой... Это лучшее, что мне приходилось читать из лирической прозы.* Михаил Иванов, машинист котла ГРЭС, город Светлый».

Другая читательница, объясняя себе чарующее воздействие курановской прозы, задаётся вопросами: *«Как писать, сохраняя всё полководье чувств? Чтобы писать прозу, слишком похожую на поэзию... Может, это счастливое умение превращать мечту в реальность и упорно плавать всю жизнь под алыми парусами?»*

Эти короткие выдержки из пожелтевших от времени писем – яркие свидетельства удивительного дарования достигшего совершенства автора. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать лирическую повесть Ю. Куранова «Озарение радугой». Это не просто книга – это энциклопедия искусства, это путеводитель по жизни, отвечаю-

щий на вопросы, волнующие и взрослых, и молодёжь. Такое прочтение способно изменить восприятие мира. В книге ответы на вопросы: что такое Родина? Что такое любовь, патриотизм, нравственность? Эта повесть позволяет заглянуть в сокровищницу мирового искусства, понять влияние его на творческую личность, исторические процессы, в жизни целых континентов. Писатель погружает в магию звучания скрипки, флейты, органа. Поэзия, музыка, живопись, оттенки цвета и света на страницах книги завораживают...

А целая поэма о руке, способной творить?! А блистательный ответ на вопрос вопросов «быть или не быть?», вопрос объёмный и мучительный, который рано или поздно задаёт себе каждый.

«Да, быть, пока ты волен думать, творить, дерзать и восхищаться, и верить сердцем свету и теплу.... И сердце, в котором под снегопадом, под мягкими крупными хлопьями горят вечерние свечи, встречается с тобой. Эти свечи звучат, возносятся в человеке своего прекрасной мелодией, от которой даже среди снегопа-

да, по сугробам на закованных льдами озёрах расцветают цветы».

Читая эти строки, вдруг начинаешь слышать музыку, звучащую в тебе, очищающую до слёз, и просыпается в душе понимание святости всего живого. Это творение мастера должно изучаться в школе, потому что позволяет разобраться в жизненных ситуациях, обогащает знаниями, учит пониманию искусства во всём многообразии его жанров и, особенно, в таком сложнейшем явлении жизни человека, как творчество.

И ещё хочется подчеркнуть: автор подарил нам удивительный язык – лёгкий, как говор весеннего ручья, яркий и выразительный, как звучание скрипки или органа.

Говорят, «слово – это мелодия сердца и души человека». Курановское слово – это целый вдохновенный живой оркестр, рождающий ощущение гармонии, радости и гордости, что мы – носители этого языка, красу которого так ярко показал в своих творениях Ю. Н. Куранов.

Адель Киселёва

Анатолий Мартынов

ПРИЗРАК

1
Оказывается, у неба есть лицо.
Такого лица не бывает у подлецов
Кажется, Иосиф Бродский сказал
В жемайтском местечке,
прикрыв на секунду глаза:
«Только море способно взглянуть в лицо небу»,
Ничего для себя не требуя.
Только море,
у которого живу от рождения сорок шестого.
Пруссия. Бывшая. Призрак, бредущий с шестом.

2
Ночь. Дома погружаются в сон.
В тучу, как в засаленный халат, одет горизонт.
Дождь, распадающийся на молекулы
нужности и ненужности,
Сыплет в городской квадратуре окружности.
И булыжник в равнодушном свете фонарей
Мерцает словно лысина страдающего имажиниста,
Который Вечно путает ямб и хорей,
И увлекается карточной игрой – вистом.

3
Призрак бредёт по булыжнику одинок.
В паруса девятнадцатого дует попутный ветер...
Бломберг. Ещё не написана сказка
«Повелитель блох»,

Да и «Серапионовы братья»
ещё не появились в свете,
и судебным приставом жизнь не скомкана,
и Юлия Марк пока живёт незнакомкой
на одной из тихих берлинских штрассе,
где, быть может, встречались и Моцарт, и Штраус.

4
Два века с тех пор прошли-пролетели.
Нет Кёнигсберга и королевского замка нет.
Лишь призрак идёт по булыжнику грустен и нем,
опираясь на трость частью здорового тела.
Где-то в окопе памяти кричит Кандагар.
Запах серы и пота, жестокого боя угар.
В том окопе немало «серапионовых братьев» лежат,
Но памятных ли, хотя бы одной из держав?

5
Призрак выронил трость, немо вдруг закричал,
И как незнакомец у Гофмана внезапно пропал.
Я, шагавший за ним, поднял трость и присел с
растревоженным сердцем на мокрый рельс.
Запоздалый трамвай дребезжит за спиной
железякой трёхтонной полупустой.
Он всё ближе и вот... пробегает по мне.
Я сижу, как сидел, только там, в стороне,
перебитая надвое, светится трость,
как сознание моё и плоть.

КОШМАР

Для кого-то кошмар – на улице Генделя. Для меня кошмар – аббревиатура? Вечером получил такого пендаля, что моя нехилая натура докатилась колобком до улицы Гофмана. Уж лучше б катиться до самого горизонта и дальше, где давно в боевом прикиде ожидает длинноногая амазонка. Но во мне на любую войну затаилась обида. Словом, я докатился до улицы Гофмана, чьи закоулки не видели год меня, подтвердив тем самым теорию притягивания разноимённых зарядов. Морщу пиво, разбавленное мелодией Гофмана, и в дыму сигаретном невидимый голос рядом, но как будто где-то извне, вымаливает у знакомого парня дозу, отражаясь слепыми глазами в окне. Хоть и лето в природе, а холодно, холодно мне. Пусть и пьян я, и месяц блестит огурцом в рассоле, но глаза, в которые Люцифером вполз страх, колоколят не страхом, а болью. Бьют в висок, под колени и в пах. Познакомимся, право: Константин Шалвович Марр. Текущий адрес: улица Гофмана, пивбар... Кош-мар-р.

ДРУГУ

Как часовой, пройдя по кругу,
Я возвращаюсь в свой квадрат.
Ты только мой, Калининград.
Такое говорю лишь другу.

НАДПИСЬ

1
И был апрель, и был тот бой.
Отец мой штурмом брал Собор.
Сквозь шквал огня, разрывы мин
в атаку шёл он не один.
Взвод водрузил на башне флаг.
Хотя был храбр и стоек враг,
но сдался тем, кто крепче волей.
Земной тебе поклон, советский воин!

2
С тех пор немало минуло апрелей.
Но ТОТ мне в память передан отцом...
И вновь апрель. Теперь его качели
раскачивают внука под окном.
А мой отец – солдат и трудоголик,
отстроивший родной Калининград,
ушёл на небеса без званий и наград,
сжав зубы от сердечной боли.
Стою я с внуком у могилы Канта,
Ищу глазами то, что писано солдатом
в далёком том победном сорок пятом.
Неужто в Лету эта надпись канула:
«Теперь ты понял – мир материален?»
Кладу на камень я гвоздики алые.

Маргарита Беседина

Своим родным городом считаю Калининград. Здесь закончила Калининградский педагогический. Стихи писала с детства. «Не могу не писать» наступило позже. Печаталась в журналах «Балтика», «Параллели», «Связь времён», в Международном альманахе «Муза» и других печатных изданиях. Издано два поэтических сборника и сборник прозаических произведений.

НАЧАЛО

Они ещё одни на свете.
Чисты, как дети. Смелы, как дети.
Как те они простосердечны,
Они не ведают забот.
Как пташки Божии беспечны,
Но зреет тот
запретный плод.

Плод всех страстей и искушений!
Плод первородного греха!
Любви!
Надежды и крушений!
Всех радостей земных!
Лишений!

Плод созиданий!
Разрушений!
И сотворённого стиха.

...Всё началось ещё тогда,
Когда лукавый змей из рая,
Ревнивой завистью стгорая,
Изгнать замыслил навсегда
Обманом, хитростью – навеки(!) –
Творенье Бога – Человека,

Когда хитрец шептал на ушко
Наивной деве «Скуш-ш-шай! Скуш-ш-шай!»,
Когда совсем нагая Ева,
Ещё не знавшая стыда,
Решилась плод сорвать со древа,
Вкусить запретного плода!

Всё началось ещё тогда...

С КОВШОМ ПОУТРУ

По мотивам произведений Ю. Куранова

На крыше проснётся ветер,
Подлетит и прильнёт к окну.
Поднимусь к нему на рассвете
И листвы ковшом зачерпну.

Той листвой, неостывшей от бега,
Я напысь и омою лицо
Влагой листьев, как талостью снега.
Эй, прохожий, взойди на крыльцо!

Не стесняйся, напейся, умойся,
И тогда, может быть, через год
И в тебе золотая осень
Зашумит! Зацветёт! Запоёт!

Ты услышишь песнь листопада,
Хоть в квартирную спрячешься глушь.
Песня вышла – из парка, из сада,
Только ты её не нарушь.

Не спугни равнодушным взглядом
Или словом каким невпопад.
И она закружится рядом –
Листопад! Листопад! Листопад!

Протяни спелым листьям ладони.
Пусть присядут они отдохнуть.
Скоро ветер их снова погонит,
И нелёгко их будет путь.

Пусть в тебе пламенеют осины,
И берёзы шумят листвой.
Небо будет высоким! Синим!
Из ковша свою душу омой!

* * *

Я по белому снегу скучаю
В эту долгую чёрную зиму.
Хмурый день так уныл и печален –
Говорят, что меняется климат.

Я скучаю по нежной снежности,
Я б лизнула снежинку – так вкусно!
И земля задышала бы свежестью,
И мороз под ногами похрустывал.

Помнишь зиму... двор госпитальный...
Ты меня поджидал у ворот,
И в квартире своей коммунальной
Мы встречаем с тобой Новый год.

Ёлка пахла так хвоей с мороза –
Подарил мне случайный прохожий!
И бутылка портвейна, и роза,
Мандарины в оранжевой коже.

Совершалось обычное чудо,
Как положено, всё всерьёз:
Эта ёлка – почти неоткуда –
И явившийся вдруг Дед Мороз.

Он смутился, портвейн опрокинул
И сказал, позабыв, что он дед:
«А жена ваша очень красива!»
...Сколько ж было тогда нам лет?

Прочь препоны и все преграды!
Только вместе! Чтоб навсегда!
Госпитальную ту ограду
Штурмом взял, как берут города!

Мы кружили в ту ночь, кружили,
Как принцесса и принц на балу!
...Почему же у нас не сложилось?
Иль разлитый портвейн на полу?

Юрий Аникин

Родился в г. Кузнецке Пензенской области в 1947 году. Трудиться начал с 15 лет. Строил Ташкентское метро, затем БАМ, Североморский туннель. Награждён орденами «Трудовой славы» и двумя медалями. Стихи начал писать давно. Член Союза свободных российских писателей «Эклога».

ЛЕБЕДИ С КУРАНОВСКОГО ДОМА

Светлогорск зимою неприветлив.
Редкие прохожие спешат.
С Балтики простуженные ветры
Налетают, холодом дыша.

В этот город, мало мне знакомый,
Не гулять приехал, не гостить –
Лебедей с курановского дома
Я сюда приехал навестить.

Барельеф пронзительный и тяжкий.
Лепестки цветов легли на снег.
Здесь, в стенах простой пятиэтажки
Жил души великой человек.

Люди – не титаны и не боги,
Но приходят в мир, чтоб созидать
Города, тоннели и дороги,
И горшки, конечно обжигать.

Каждому своё предназначенье.
Каждому своей судьбы печать.
Что писатель – совесть поколенья,
Можно так, наверное, сказать.

Верю я ему, как гражданину,
В строчках и свою боль узнаю.
Никогда на сытую чужбину
Не менял он Родину свою.

Не стоял у царственного трона,
Лёгких не искал себе хлебов.
Подчиняясь нравственным законам,
Людям отдавал свою любовь.

Человек не вечен – аксиома!
А за гранью есть ли жизнь другая?
Лебеди с курановского дома
К вечности летят, не улетая.

О ДУШЕ

Говорят, как-будто бы... да вроде...
Вечности душа принадлежит.
Но оттуда письма не приходят,
И никто оттуда не звонит.

Ну а смерть не знает оправданья.
У неё есть тысяча причин.
И приходит к нам без ожиданья,
Таинством последних проводин.

На погосте тягостно и тесно,
Траурный волынится канон,
Провожая бывших в неизвестность,
Не люблю я «праздник» похорон.

Суетятся отчего-то люди,
Обещаясь помнить, не забыть...
Только ничего уже не будет,
Только ничего не повторить.

И тебя ударит, словно молния,
И у грани осознаешь ты:
Впереди – Великое безмолвие!
Бездна безысходной темноты.

А вокруг томится «бабье лето»,
Облекая в плоть виденья снов.
Сколько в мире солнечного света!
Сколько в мире звонких голосов!

И душа живая, как толкуют,
Обретаясь где-то в звёздной мгле,
Может, не однажды затоскует
Обо всём, что было на Земле.

* * *

В поцелуях осенних зарниц
Догорают опавшие липы.
Стая белых, встревоженных птиц
Улетает в далёкий Египет.

Неуютно им осенью здесь,
Запечалились синие дали,
И прощальные крики с небес
На балтийскую землю упали.

До свидания, птицы! Пора!
Вы летите над городом, знаю,
Высоко – чуть видать в облаках
Белых странников позднюю стаю.

В красках осени Калининград,
Он, наверное, сверху прекрасен?
И рябиновым соком закат
Черепичные крыши раскрасил.

...

Я люблю эту землю свою!
Не уйти... не сбежать... и не бросить.
Белых птиц провожаю на юг...
Дай-то Бог – не последнюю осень.

АЛЫЧА

Толь с Кавказа, а толи из Азии
К нам в Прибалтику невзначай
Забрела ты когда-то с оказией
Дочь восточная – алыча.

Не с того ль, за тобой замечаю,
В платье белом своём, алыча,
Раньше многих в янтарном крае
Ты выходишь весну встречать?

Я не знаю твоей истории,
Ведь в ботанике я не «ах!»
Но по югу Балтийского моря
Ты давно поселилась в садах.

Нас плоды твои спелые радуют,
Никогда-то они не горчат.
Спектр вкуса ,почти как радуга,
Кисло-сладкая алыча.

В поствоенном ташкентском детстве
Пацанами, как стая галчат,
Мы никак не могли наесться
Твоих вкусных плодов, алыча

Пусть давненько я в Азии не был,
Там, где сёстры твои, алыча,
Под Балтийским, под серым небом
Я сегодня тебя повстречал.

После зимней, тоскливой прохлады,
В платье белом на хрупких плечах,
Ты на улицах Калининграда
Как невеста была, алыча.

И как девушка, нрава скромного,
Как начало любых начал,
Ты мне юность мою напомнила
И любовь мою – алыча.

Инна Андрианова

По профессии химик Печаталась: в газете «Страна Калининград», московском альманахе «Атланты» при газете «Московская правда». В 2014 году награждена дипломом I степени Министерства культуры Калининградской области как победитель областного творческого литературного конкурса, посвященного 200-летию юбилею великого русского поэта М.Ю. Лермонтова.

ШЕЛЕСТ МИРА

(верлибр)

Заманчивой нечитанной
 страницей
 Распахивался яркий, радостный
 день лета,
 Такой наполненный
 с утра до вечера.
 Ресницы вспархивали.
 Сонные глаза
 Лениво двигались
 по пятнам света, тени
 На стенах, потолке
 и половицах,
 Так продлевая предвкушенье
 счастья.
 Всего полсотни лет
 тому.
 Не открываются неспящие
 глаза
 Сегодня утром.
 В странице
 Наползающего дня
 Топорщатся заботы и тревоги;
 И никогда не догадаешься,
 какую гадость
 Он принесет... Не хочется
 читать страницу эту.
 Но придется принять ее, как горькое
 лекарство отрезвленья,
 Как плату малую за участие
 почувствовать
 И цвет, и аромат, и шелест мира...

ИСКУСНЫЙ МОЙ ГРАВЁР

Бессильна не любить ноябрь.
 Покрыто небо перламутром.
 И окончанием на -ябрь
 Вся осень зазвенела будто.

Ноябрь, искусный мой гравёр:
 Углублено тобой пространство,
 Рисунком рассечен простор.
 ... И умалилось окаянство.

О покаянный месяц мой,
 Венчающий собою осень!

Всё было сказкою весной,
 И явь иная будет после.
 А нынче тонкий силуэт
 Пирамидально-тополинный:
 На ватной сырости долины
 Запечатленный пируэт.

Вот штихель* тоньше, и тесней
 Ветвей переплетенных руки...
 ... И растворяются все муки
 Дождями капающих дней.

По перламутру лишь скользнул
 Луч световым обетованьем;
 Прощением, теплом, прощаньем
 Слегка коснулся лба и скул.

Звонящий колокольню -ябрь:
 Звук глуше в сырости, и будто
 Покрыто небо перламутром...
 ... Бессильна не любить ноябрь.

ТИХИЙ СТУК...

Дни уводят за собою годы:
 В суете гудят, как поезда.
 Стук колес в ночи услышит кто-то,
 Не рожденный не услышит никогда.

Семафор открыт, на рельсах стрелки,
 Креозотом пропиталась пыль.
 Серо-рыжей загнанною белкой
 По степи колышется ковыль.

Нет, не размагнитились поля,
 Свечкой к небу тянутся березы.
 Но мое давно больное «я»
 Всё в репьях, царапинах, занозах.

Трын-травую поросли поля,
 Новых дым пожарищ под ногами.
 Из останков соткана земля,
 Чуть прикрытых сочными лугами.

Отлетят листвою в непогоду
 Люди, перелески, города...
 Тихий стук в окно услышит кто-то,
 Кто-то не услышит никогда.

*) Штихель – инструмент гравёра.

Елена Канеева

Родилась в 1956г. в Калининграде. Окончив школу, затем Калининградский технический институт, работала инженером на Сахалине, потом в Калининграде. Пишет с юности. Выпущено два сборника стихотворений.

БЫВАЮТ ЛЮДИ,

которые пытаются постичь всё на свете.

Я пытаюсь только почувствовать, как смеётся солнце и улыбается ветер. Какая тайна у двойников – орла и букашки маленькой. Как движутся соки в наших сердцах и в сердцевине берёзки старенькой. В стали. Горячей, алой. Но я не хочу повторять городов абрис, как французы, Моне, Матисс, или иной, сумевшие нечеловеческое постичь, вода рукой.

ЛЮДИ

И все они входили в сумятицу буден. С утра. Кто с четырёх часов, кто с восьми – образывая некую стабильность в деле добывания хлеба насущного себе и своим потомкам. Обычай охоты на диких животных переродился у них в обычай хождения «на работу». За что перераспределялись права на получение овеществлённых идей или на изготовление новых. Регулярно кормясь, кто чем мог, порой они выстраивали огромные движущиеся кольца автомобильных потоков. Их неподвижные в транспорте тела озирали окрестности и себе подобных с осознанием важности происходящего.

Никто не знал, зачем он. Но, устремляясь, будучи недовольными, мороча голову себе и ближним, воспроизводясь привычным способом, люди что-то осуществляли. Что-то, чего никто, кроме них, не мог сделать. Вопросы происхождения, расширения всевозможных способностей их, конечно, волновали.

Зачем-то одурялись малыши, подчиняясь уже известному течению событий и дел, приручаясь к ответственности. Зачем-то вымирили люди без определённого местожительства. «Бродяга к Байкалу подходит...»

За короткий период, каких-нибудь двадцать лет, с 1980 по 2000 г., жизнь переменилась настолько, что раньше невозможно было представить. Значит, можно создать новый жизненный стереотип, проработав его мысленно, отточив все детали? Кто же занимается этим? И занимается ли? Не всуе, а основательно? И зачем?

Допуски, припуски и посадки существовали не только в технике...

ЦВЕТЫ

Гвоздики, как два красных фонарика, каждая из своей вазочки рассматривают внутреннее убранство наших бетонных коробочек. Их специально вырастили, вывели, подготовили для любования.

Надо же, как умирают любопытные цветы... Травинки с глазами. Когда на ветру, за окном, они покрываются мягкой или колючей росой, неопишимо прозрачной и сверкающей под небогатым светом (мир весь в переменах, только успевай глазеть!), то среди них визжишь и ликуешь, как юная собака.

На своём лице я обнаруживаю многие сходства со звериными формами. Но не удаётся так замереть, чтобы проникнуть несбыточному. А без него скучаю. Я рассматриваю лицо, как белый лист, как плоскость, на которой живут глаза и нос и рот. И уши - там, сзади, но тоже на плоскости. Красивое плоскостное видение. Длинный волос отчеркнул фон белого листа. Оказывается, что глаза и нос и рот и уши связаны вместе не плоскостью, а различными соединениями. Глаза в пещерах впадин, брови нависают, нос - наискось по отношению к отвесу спины. Лицо - как букет цветов. Совсем не то, что было раньше. Может, поэтому: "Женщины сидят или ходят, молодые и старые. Молодые красивые, но старые гораздо красивее" (У. Уитмен) ...?

ДУХ

(по мотивам книги Ю.Н. Куранова «Звучность леса»)

Сосна звенела, тихо пели ели,
Светилось розовым берёзовое тело,
Душа не то томилась, иль болела,
Но, кажется, гуляла, где хотела, как рыжая лиса.
Какое дело – до Пушкина, осеннего предела,
Свечи и няни, и девицы в белом,
В платке снегурочьем, в пальто заиндевелом,
В веснушках и с озёрными глазами,
Летающей, сливаясь с небесами,
Умеющей предсказывать и сниться
И воду поджигать, как та синица,
И даже плакать. Радоваться чуду
Прозрачности, таящейся повсюду,
Танцующему лихо самовару
И чашечкам хитрющим, им бы пару,
И чашечки бы тоже заплясали,
Как тени в зиму пред метелью в зале лесном.
Где под рукою бьются скрипки
Сосны взволнованной, а дятлы и улитки
Взлетают в дом, вползают на дорожки,
Где у всего есть ручки, ножки, рожки.
Где кот усатый. Дуб. Русалки вьются,
А надо мною попросту смеются,
Ведь я – метель и яблоки зимою.
А он, всегда лесной – всегда со мною...

Татьяна Максимкина

Родилась в Мурманске, детство и юность провела в Калининграде. После окончания института была направлена в г. Светлый на судоремонтный завод, с которым связана вся трудовая жизнь. Занималась в студиях «Алатырь-Слово» и «Камин Паустовского». С 2009 г. является членом литературного объединения «Причал» г. Светлого. С 2013 г. является членом Союза Свободных писателей г. Калининграда «Эклога». Имеет публикации стихов в областных газетах, в журнале «Балтика», альманахах «Отрадный берег», «Наших муз родной причал», «Фарватер души».

МОЙ КАЛИНИНГРАД

Ни «сэконда», ни «стока» не ношу.
Мне этот хлам давно не греет душу.
Балтийским воздухом живу я и дышу.
Грызу миндаль и импортную грушу.

На карте вижу море и залив.
И две границы с Польшей и Литвой.
Тут русский край. Он древен и красив,
И несравним он ни с Парижем, ни с Москвой.

Тут русский край уже немало лет.
Достался нам он дорогой ценой.
Его истории кровавый след
Остался в памяти мучительной войной.

Его мы нежно «Кёниг» нарекли.
И местный житель, знаю, очень рад,
Когда швартуются к причалам корабли,
Когда цветёт наш край – Калининград.

Наш древний город молод и красив.
Здесь и форты и крепости стоят.
В лучах рассвета плещется залив.
Живи и процветай, Калининград!

* * *

Вот и лето пролетело...
Лето наших редких встреч.
То, чего душа хотела,
Не смогли мы уберечь.
Полетали, покружились,
Как осенние листья,
И на землю опустились.
Грустно мне, грустишь и ты.
Наши майские полёты
Были очень хороши.
Но крутые повороты
Так опасны для души.
И она опять черствеет,
И стареет день за днём.
И ничто её не греет,
И не жжёт любви огнём.
Мы с тобой, мой милый, стары.
Нам влюбляться не к лицу.
Остаются мемуары.
Жизнь, увы, идёт к концу.

* * *

Мне очень тяжело.
Тебе, я знаю, тоже.
У лебедя крыло
Покрыто тонкой кожей.
Но ты меня прости,
Честна с тобою буду.
На волю отпусти,
Тебя я не забуду.
Небесный наш роман
Был нежен и прекрасен,
Как утренний туман,
Где каждый шаг не ясен.
Жила я, как в кино,
Душа моя светилась.
Но я давным-давно
На землю опустилась.
Мы описали круг
Совместного влечения.
Прости меня, мой друг,
За все твои мученья.

* * *

Способны петь мы и творить,
И без гитары.
Об этом трудно говорить,
Но мы без пары.
И это вовсе не беда:
Все плюсы взвесьте.
Мы одиноки и тогда,
Когда мы вместе.
А одинокий человек
В законном браке,
Прожив отпущенный им век,
Сродни собаке.
Собака может укусить,
Сидеть на сене.
А может тапочки носить,
Бояться тени.
Хозяин может ущипнуть,
Погладить холку,
А может камешком швырнуть,
Схватить двустволку.
И вот когда придёт беда,
Наступит кара.
У одиночества тогда
Найдётся пара.

Галина Зинченко

Родилась в 1950 году в г. Фрунзе (Бишкек) Киргизской республики. После окончания школы по призыву комсомола уехала строить ВАЗ (Тольятти). По завершении строительства поступила в Киргизский государственный университет на филологический факультет. Работала воспитателем, учителем русского языка и литературы, была внештатным корреспондентом газеты «Труд». Окончив курсы повышения квалификации, получила диплом практического психолога в образовании. В Калининград приехала в 2002 году. Печатала стихи и статьи в газете «Страна Калининград». Издала два поэтических сборника (2012, 2015) в Санкт-Петербурге.

СЕМЬЯ - ЦВЕТОК

Не зря Господь в семью нас собирает.
Семья твоя - слиянье Двух Начал.
Семья - цветок сердечный, что сияет.
И твой надёжный на земле причал.

Цветов без сочленений не бывает!
И, если лепестки разъединить,
По одному их грубо отрывая,
Цветок семейный можно погубить.

В единстве жизнь и сила, твёрдо знайте!
Господь Един, и мы едины в Нём.
Вы о любви к другим не забывайте!
Мы только вместе Вечность обретём!

СИЛА ЖЕНСКАЯ

Меня спасает вечная Любовь.
Разрушенная, грубостью убитая,
Я возрождаюсь к жизни этой вновь –
Простая, терпеливая, открытая.

Считаю себя слабой, слёзы лью,
Но импульс мне даёт Тоска Вселенская,
И трудно уничтожить Суть мою.
Я сильная, но сила эта – женская.

Она мужчин спасает на краю,
Огнём любви высокой укрепляется.
Измерить силу женскую мою
Способен тот, кто сердца не стесняется.

ЖИВОЕ СЕРДЦЕ

Сердце наше любит и скорбит,
И огнём предчувствия горит.
Веселится сердце в нас и плачет,
И поёт, и от восторга скачет,
Мается и рвётся от сомнения,
И боится зла и нетерпения.
Сокрушают сердце поношения,
Умирает сердце без движения.

Сердце в нас «играет» и ликует,
И грустит в разлуке, и тоскует.
Всё в себя вмещает ретивое,
Потому что сердце в нас ЖИВОЕ.

ГАРМОНИЯ СЕМЬИ

Высокая гармония семьи –
В терпении, заботах и... любви,
Которая не требует отдачи,
В той высочайшей чести, где нет слов,
Где каждый помощь оказать готов
И радостью наполнен. Не иначе.

* * *

Как жить, когда везде расчёт и ложь,
И слово злое бьёт в меня как нож?
Как быть, когда никто мне не ответит:
Зачем живу такой на белом свете?

Зачем люблю я жизнь, когда она
На муку для души была дана?
Без Бога мне не вынести ее!
В грязи лежит достоинство моё...

ГЛАЗА – ОРУЖИЕ

Глаза наши, друг мой, оружие духа,
Когда не владеет мышленьем разруха.
Глаза – это зеркало мыслей и знания,
Они – отражатели роста сознания.

Глаза у мыслителя слова сильнее,
Глаза мудреца расстоянья длиннее.
В глазах, как на кончике острой стрелы,
Способны собрать всю энергию мы.

Так, если опасность проявится рядом,
Старайтесь владеть до конца своим взглядом.
Врагам не захочется с вами встречаться,
Коль сможете взглядом от них защищаться!

Владимир Конев

Родился в г. Барабинске Новосибирской обл. Детство прошло в Северном Казахстане. В 1971 г. окончил Новосибирский институт инженеров водного транспорта. Основная профессия — конструктор. В Калининграде с 2011 г. Стихи начал писать в «перестроечный период», таким образом выражая своё отношение к тому времени.

Я УЕХАЛ В ЗАПОЛЯРЬЕ

У тебя под окном отцвели хризантемы,
А у нас под ногами лишайник хрустит.
И когда возвращаемся ночью со смены,
Снег созвездием ярким на землю летит.

От душевной тоски даже Север не лечит,
Мне в полярную ночь трудно веки сомкнуть.
И так хочется думать о добром и вечном:
Вот сгореть бы звездой, что успела блеснуть!

У тебя уж капель звонко падает с крыши,
С перезвоном капли убегают года..
Я прощенья прошу, что тебя не услышал,
Ведь не думал покинуть тебя навсегда.

Или я пропаду в заполярной пустыне,
Иль исчезну навек с горизонта любви.
Только я непокорен судьбе и поныне,
И прошу я тебя: «За надежду прости!»

Я спешу в никуда — обогнать своё время.
За плечами года, в вихре снежная пыль.
Эта «пыль» на висках как тяжёлое бремя,
Жизнь ведь это не сказ, а реальная быль.

Не хватает мне здесь городского уюта...
Только время ушло на ромашке гадать.
Я здесь корни пустил — не получится чуда,
Не вернуть уж того, что «сумел» потерять.

ПРИБАЛТИЙСКАЯ МУЗЫКА

Всходило медленно светило,
Балтийскую развеяв тьму,
Верхушки сосен опалило,
Раскрасив бахромой кайму.

День новый жизнью одарила,
Зажгло камыш на берегу.
На снежной целине залива
Купалось солнышко в снегу.

В янтарном зареве варила
Дома, залив и быт людской.
Всё тёплым светом осветило,
Согрело ласковой рукой.

Проснулись люди, пароходы...
Я с ними тоже день встречал.
И средь зимы «весна» приходит,
А значит есть родной причал.

ЛИСТОПАД

Где шикарные косы?
Озорной где твой взгляд?
Смолкли летние грозы,
Начался листопад.

В ярких красках природа —
Скоро сбросит наряд.
Тяжелее с каждым годом
Видеть мне листопад.

Осень нам как награду
Подарила судьба.
Если это отрада,
Листопад, что тогда?

— Значит, кончилось лето, —
Я сказал невпопад.
Пролетели рассветы,
Остаётся закат.

НЕ СПЕШИ, МОЯ ЖИЗНЬ

Ну хотя на мгновенье
Задержишься, моя жизнь.
Чтоб развеять сомненья,
На себя оглянись.

Не даёшь мне забыться
И уйти от проблем.
Перелётною птицей
Ищешь ты перемен.

Мне не надо возврата
Жизни той, что прошла.
Звездой с неба не падай,
Подожди до утра.

Мне же к Богу не к спеху,
Я должник пред тобой,
И держусь своей вехи,
Предрешённой судьбой.

РЫБНЫЙ ПОРТ

Морской, пропахший сельдью, порт.
 Вахтёр в тельняшечке с клюкокой
 И пёс лохматый, с бородой.
 Гремит «жираф» – порталльный кран.
 Буксир-хозяин, ветеран.
 Волна... такое принесёт!..
 Прохода боцман не даёт.
 Салаги долбят старый кнехт.
 Морские волки – хилых нет.
 Простак замаялся с ковром,
 Таможня не даёт «добро».
 Лебёдки матом кроют сталь...
 А соль! Искрится, как хрусталь!
 Волна... такое принесёт!..
 Прохода боцман не даёт.
 У карты спорят штурмана,
 Да байки травят лоцмана...
 Судьба морская – не трава.
 Коль ждешь и веришь – ты права.
 На рынде – блеск, холёных нет.
 Горбенке с промысла привет!*

ДВУХЯРУСНЫЙ

Борта, океаном обласканные,
 Прегольская лижет волна.
 С кирпичною кладкою красною,
 Седая играет луна.
 Гремит фаэтоном двухярусный
 Подкованный кованый мост.
 А четырёхмачтовый парусник
 В объятья мне, курсом на «ост».
 Там рельсы искрятся синкопами:
 Орган – регент – локомотив.
 Пою крузештерновым компасом
 Российской Преголи мотив.

ЦЕЛЫХ ПОЛГОДА

(быль)

Сумерки. Грусть Кёнигсберга осенняя.
 Но не скучает матрос-моторист.
 Пуговка, бляха – «на экс»** – по-военному.
 Ждёт его кореш-аккордеонист.
 Клёши, тельняшки, морская походочка...
 – Брат, не забудь под гармонь табурет.
 Лихо дымя «Беломором» и «Звёздочкой»,
 Мы на асфальтовый жмём, «на паркет».
 Свой перманент – Валька – наша красоточка
 На папильотках ещё поутру

Евгений Пуговиков

С Клавой-врачихой кирнули по соточке –
 Не испугаешь ничем медсестру.
 Чёрный утюг – глядят девочки юбочки,
 Весело примус дорожный гудит.
 Перелицованы заново кофточки –
 К жизни гражданской растёт аппетит.
 – Веришь: вчера гибли мы миллионами...
 – Вспомню... И вдруг – звёзды, небо и вальс...
 – Брось притворяться случайно знакомыми.
 – Я вас люблю.
 – Приглашаю я вас.
 – Полечку «Дедушку» сделаем, мальчики!
 – Танго арапское*** на спор споёшь?
 Звякнет гранённая нотка стаканчика...
 – Яблочко, Вась, на закуску даёшь!
 – А порошка не хотел бы яичного?!
 – В рот те чикагской тушёнки с ключом!
 – Бросьте, ребята!
 – Давай-ка без личного...
 – Тише! У Мишки раненье в плечо.
 – Слышал, Бернес спел фартовую, новую?
 – Стой! Патрули навалились на нас.
 Ну, выручай, «Скороход» мой подкованный!
 – Кто в самоволке?! Полундра! Атаc!
 А перламутром трофейным наяривал
 Заокеанского Джеймса**** фокстрот
 Наш одноногий по джазовым правилам!
 Ленка, как вспомнит, слезу оботрёт.
 Молодость наша ты послевоенная
 Полуголодной советской страны...
 – Кто с Госпитальной?!
 – В палаты! Немедленно!
 Целых полгода, как нету войны...

АИСТ

Надо мной белый, мудрый, крылатый кружит,
 Головою с усмешкой качая.
 А шоссе серой лентой асфальтовой мчит
 По родному янтарному краю.
 Здравствуй, аист-красавец, прости, тороплюсь.
 Путь горяч.

Вот уже разминулись...

Старый стоптан булыжник, а я всё «качу»
 В город с горлом бутылочных улиц.
 Оседлал я железного «Deuthe-коня»
 И – рысцей, напевая, не споря,
 К тому берегу, где ждут и обнимут меня
 Дружелюбием Балтийского моря.

*) Л.П. Горбенко – начальник морского рыбного порта; **) «на экс» (сленг) – означает первый сорт; высший класс; ***) Арапское – сленг, от жаргонного: авось, на арапа и т.п.; ****) «Джеймс Кеннеди» – модная залихватская песенка (от США) в конце войны.

Нина Сердюкова

Окончила Пятигорский государственный институт иностранных языков. Трудилась в образовательных учреждениях. С 2010 г живет в Калининграде. С февраля 2013 г является членом РО ССРП «Эклога». Занимается поэтическим творчеством. Издала сборник стихов в 2015 г.

ЧТО ТЕБЕ НАДО

Ну, что тебе надо, старушка?
Какие узоры ты вьёшь?
Бумага тебе, как подружка,
А сердце ты в руки берёшь.

Ты держишь его на ладони
И студишь в осенней поре.
Забыла, что скоро, за ливнем,
Жить будет зима на дворе?

Случилась желанная встреча!
Зима мне страшна лишь во сне.
Мне сладко, что есть этот вечер.
Ты помнишь ещё обо мне...

Я СЕЙЧАС НА ДОРОГЕ ОДНА

Рыхлый снег. Я устало бреду.
Щёки нежно румянит мороз.
Тихий вечер возводит звезду,
Сыплет блёстки на косы берёз.

Я сейчас на дороге одна.
За огнями - извилистый лес.
Над искристым покровом Луна
Изливается светом с небес.

Грусть светла, я её сберегу,
Даже если теснит она грудь.
Вот уже, как девчонка, бегу
За пушистый бугор заглянуть.

ПЕРВАЯ

Был ты большим наказанием,
Главный герой моих снов.
Даришь мне в позднем признании
Розы из трепетных слов.

Страхами ниточка порвана.
Зря вы дымитесь, мосты.
Сладость той ягоды, сорванной,
Тайные прячет мечты.

Знаю, что видишь и ты меня
В снах, иногда. Не скучай!
Девочкой в фартучке беленьком...
В них не о ней ли печаль?

Я НЕ СПЛЮ

Я не сплю, а маюсь,
Словно вьюн, верчусь.
То всего желаю,
То всего боюсь!

Хочется обвиться
Мне вокруг тебя,
Что с ключа напиток
На исходе дня.

Я в дверную шелку
Ветром прокручусь.
Нежной невидимкой
Рядом окажусь.

Чтобы нас не сглазили,
Тотчас растворюсь.
Жизнь такая разная
У меня. И пусть!

* * *

Мой неизбывный, тебе была верною,
Будущей встречей дышала любя.
Как же вернуться в весну мою первую?
Как возратить мне любовь и тебя?

Не вернуться в весну нашу первую.
Не возратить мне любовь и тебя.

МНЕ СНИТСЯ

Вы снитесь мне, места равнинные,
И не помеха снам завеса лет.
Где василёк с пшеничной нивою,
На синем бархате звезды дрожащий свет.

Басистый шмель и тонкая оса.
Река струится осторожно.
Плакучих ив прямая полоса
К воде шагает, где ещё возможно.

Затейливый полёт блестящей стрекозы,
Скользящий плавно выводок утиный,
Снега пушистых облаков и вязь лозы,
Лист, перевитый липкой паутиной...

Армаис Мартиросов

Родился в городе Баку. В связи с событиями в Нагорном Карабахе переехал в Калининградскую область. Пенсионер. Живёт в посёлке Совхозное Багратионовского района.

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Завертью закручиваясь лиственной,
Ветер над лесами ворожит.
Насмерть перепуганный единственный
Жёлтый лист на ясене дрожит.

Мелкий дождь назойливыми мухами
Липнет и стекает по лицу.
Две берёзы древними старухами,
Жизнь которых близится к концу,

Тужатся в печальном созерцании
Взором, обращённым вникуда.
Стихли суета и щебетание
В зарослях у сельского пруда.

Сердце напрягается от жалости
Нежной и неведомой к кому
В слякотности, пасмурности, вялости,
В измороси сумрачном дыму.

СЛАВЯНКА

Она стояла в лёгкой шали,
Одега в скромные наряды.
Её, стыдливую, смущали
Мужчин восторженные взгляды.

Цветок гвоздики в белой длани
Блестящий зонт над головой.
Черты лица стирали грани
Меж сказкой, былью и мечтой.

Растаял мир, кругом пустыня.
Она одна в пустыне той,
То ли мираж, то ли богиня
Из древних мифов предо мной.

Как будто страх от высоты
Сковал меня в секунды эти,
Нет у славянской красоты
Подобия на этом свете.

* * *

Докучных будней сбросив панцирь,
Вгляжусь, раскованный, в красу.
Сфотографированы в танце
Деревья в маленьком лесу.

Вдали от них стоит береза,
Скрывая пудрою румянец,
И улыбается сквозь слезы,
Не приглашенная на танец.

Мороз и ночь, вокруг все белое.
Застыла в озере вода.
С небес летит как вишня спелая,
И гибнет робкая звезда.

Как будто в новогоднем клубе,
Очаровательная ель.
Земля уснула в зябкой шубе,
Уснула резвая метель.

Скрипя по снегу сапогами,
Одни и те ж твержу слова,
Что ни одна картина в раме
Не повторяет естества.

* * *

По осенним листьям, по багряным,
По опавшим, медленно ступая,
Ты идёшь, закрытая туманом,
Стройная, как прежде, но седая.

На тебя глядят ещё мужчины,
Красота твоя не отошла.
Только память тонкие морщины
Бережно сложила у чела.

Голос мой не слышный, но упрямый,
Ласково твоих коснулся плеч.
Помнишь, как ты пряталась за мамой,
Как краснела, как искала встреч?

Как потом, встречаясь у аллеи,
Друг за другом с хохотом неслись;
Помнишь, как смущаясь и робея,
Мы друг другу в верности клялись?

Если бы мы были чуть взрослее,
Если б не родительский запрет!
До сих пор скользят по той аллее
Наши тени отроческих лет.

Глядя в даль, меня не замечая,
Ты прошла, закрытая туманом,
Стройная, как прежде, но седая
По осенним листьям по багряным,
По опавшим, медленно ступая.

Евгений Лушев

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ

«В очаровании русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна».
(Н. Заболоцкий. «Вечер на Оке»)

Юрий Николаевич Куранов обладал способностью не только видеть внутреннюю красоту обыденных явлений и ощущать подлинную радость открытия прекрасного, но силой своего таланта мог передать это другим, нам с вами, словом - в прозе и поэзии, кистью - в акварелях.

Гражданин, патриот, известный русский, российский писатель, автор около тридцати книг. Труды его переведены на многие языки мира. Произведения Ю.Н. Куранова были опубликованы в изданиях с многомиллионными тиражами: в газетах «Правда» и «Литературная газета»; в журналах «Новый мир», «Октябрь».

Уже первые его публикации вызвали интерес читателей, замечены критикой, поддержаны известными писателями: Э.Г. Казакевичем, В.А. Кавериным, А.Т. Твардовским, Ю.В. Бондаревым. Большинство его трудов переиздано несколько раз и является библиографической редкостью. Такова судьба и его исторического романа «Дело генерала Раевского». Создавая крупные произведения, Юрий Николаевич особое внимание уделял малым литературным формам. Критика признала его мастером лирической новеллы. Жанр миниатюры, короткого рассказа на грани прозы и поэзии, как бы моста между ними - стихов в прозе, был им особенно любим.

Его миниатюры опубликованы в двухтомной антологии советской поэзии рядом со стихотворениями Марины Цветаевой, Александра Блока, Сергея Есенина. Большая статья о жизни и творчестве Юрия Николаевича помещена в литературной энциклопедии - библиографическом словаре «Русские писатели XX века». В ней дана высокая оценка таланта писателя, отмечено его особое место в русской литературе.

Юрий Николаевич в 1962 году стал членом Союза писателей СССР. Он был лауреатом литературной премии России, а также областной премии «Признание». Его не стало в 2001 году.

Каким он был? Что запомнилось?

Прежде всего, его яркий многогранный талант, проявившийся в прозе, поэзии, многочисленных акварелях. Его могучий интеллект, энциклопедическая осведомленность в различных областях знаний, незамутненный, родниковой чистоты русский язык его произведений. Он как могучий дуб возвышался на фоне литературного разнолесья.

Мастер спорта по борьбе в юности, он и внешне привлекал внимание. Атлетически сложенный, с тонкими благородными чертами одухотворенного лица, он был полон человеческого и мужского обаяния.

Начало его литературной и общественной деятельности можно назвать успешным. Но от него ждали воспевания господствующей идеологии. А он оставался самим собой, был выше суеты по обслуживанию существовавшего режима, правдиво отражал в произведениях острые социальные и нравственные проблемы. Тогда его стали замалчивать. Так, за девятнадцать лет жизни в Светлогорске только одна его книга издана в Калининграде. Он и семья в это время жили скромно, иногда очень. Но он не изменился и пронес честь, личное достоинство через всю жизнь.

Жизнью и произведениями Юрий Николаевич утверждал правду, нравственность, чистоту мысли и дела, красоту человека и природы. Он ненавидел чванство, низкопоклонство, презирал пустословие. Непросто и уже в зрелые годы, придя к вере в Бога, он страстно пропагандировал православную культуру как непреложное условие возрождения России.

В совершенстве владея русским языком, языком Пушкина, Паустовского, Юрий Николаевич учил начинающих литераторов любить и понимать язык своего народа, его глубину и образность, ценить и беречь его как национальное достояние.

Как незаурядная личность, он всегда привлекал к себе людей. В поле его литературного и человеческого притяжения полтора года находился и я. Благодарю судьбу за это.

Юрий Николаевич не замыкался в своем творчестве. Он беззаветно служил российской культуре, всегда боролся за справедливость, за возрождение духовности. Он организовал писательскую организацию, литературную студию и руководил ими. Запомнились его изумительные мастер-классы по русскому языку и литературе. Юрий Николаевич хотел, «чтобы продлилась моя студия малых литературных форм». Студийцы по-прежнему, как и при нем, собираются, читают свои стихи, рассказы, обсуждают и издают их в альманахе «Дуновение дню»

Его последнее публичное выступление в историко-художественном музее в дни славянской пись-

менности оказало огромное впечатление на присутствующих предельной искренностью и стало для нас его духовным завещанием.

Говорят: писатели, поэты уходят от нас навсегда только, когда перестают быть востребованными их произведения. Юрий Николаевич – с нами. Возрастает волна интереса к его книгам. Они помогают людям стать чище, светлее, благороднее. Его произведения начинают изучать в школах, уни-

верситетах. После длительного замалчивания издаются его труды. Появится и полное собрание его произведений.

Творческое наследие Юрия Куранова – огромный мир высокой прозы и поэзии. Его жизнь – пример патриотического служения своему народу, родине! Он любил Россию, служил России и Россия будет помнить его долго!

ВСТРЕЧА

По улице курортного городка первомайским днем шёл мужчина. Медленная, усталая походка тяжело ступающего по земле человека, борода с проседью говорили о почтенном возрасте. Лицо было задумчивым и немного грустным. Но вот он словно встрепенулся весь. Издали донеслось: «Я помню вальса звук прелестный...» Лицо его посветлело, шаг ускорился. Он любил музыку и тонко чувствовал её.

Голос певицы был не сильным, но чистым и нежным, и показался ему молодым. И человек шёл на этот голос. У дороги к морю, на высоком бордюре сидела женщина и пела. Это его не удивило: было время перемен и разных новшеств в жизни. Поразило его несоответствие голоса возрасту. Женщина была далеко не молода.

Он почему-то снял кепку и, проходя мимо, внимательно посмотрел на неё.

А она, встретив умный взгляд карих глаз, подумала: «Что побудило его снять головной убор – её возраст, романс или исполнение?» Но каким-то седьмым чувством поняла: рядом родственная душа. И в этом она убедится, когда его уже не станет на этом свете.

Голос зазвучал ещё нежнее и звонче. Тогда она не знала, что эта встреча с известным в городке человеком для неё была не первой, но последней.

А песня дивная лилась: «Да то был вальс старинный, томный, да то бы дивный вальс».

ЖЕНЩИНЕ ПОСВЯЩАЮ

Большого не желаю –
Женщину воспеваю,
Радость в ее глазах
И седину в волосах.
Они всегда разные,
По-своему прекрасные
В труде, в веселье, в детях.
Их обижать не смейте.
Одна живет в холе,
Другая – в своем горе, –
На то судьбы воля,
Такая её доля.
То властная, то нежная,
То груба, то вежлива –
Всегда она разная,
Но всё же очень важная.
Было бы лучше ей,
Если бы рядом с ней
Был бы всегда, навек,
Мужчина-Человек.

ХВАЛА ПОЭТАМ

Говорят, что нынче стихи
Пишут, будто бы, чудаки,
И что лучше набить карман
Не пропал чтоб, а жил как пан.
Но всегда и во всех веках
Мир держался на чудаках.
Я дарю вам эти стихи,
Чтобы их оправдать грехи.
Разве плохо, когда чудак
Плывет в розовых облаках,
А земля ему видится так,
Как в красивых его мечтах.
На рассвете тишь, как в раю,
Но он слышит, как птицы поют,
Восходящего солнца лучи
Светят светом святой свечи.
А в росинках алмазы горят
И деревья в лесу говорят,
Берега как целует река,
Все опишет его рука.
Пусть все ширится круг чудаков –
Будет больше хороших стихов,
И отгадет любая душа,
Станет ясно, что жизнь хороша.

ДВОЙНЯ

Двойня! Новость по селу разнеслась. Евгения Калистрату сыновей Егора и Федю родила. Егор – кряжистый, медлительный, Федя – худенький, подвижный. «Богом помеченные», – называла Евгения своих сыновей: у обоих на правом и левом плечах были родинки, как надвое рассечённые монеты...

С пяти лет Егор и Федя пели псалмы на молитвенных собраниях в выходные и праздничные дни. В послевоенные годы особо проникновенно из уст младенцев звучал псалом:

«Услышите войны, военные слухи,
Встанет народ на народ,
И будут смягченья и глады, и моры,
И братская кровь протечёт».

Вездесущий Федя в свои шесть лет село знал, как свои пять пальцев, и когда за селом остановился цыганский табор, увязался за цыганами, помогал собирать сухие ветки для костра, с весёлыми цыганами игрался, а затем убежал за табором и домой не вернулся...

Остановился табор у реки какой-то. И барон распорядился: «Слишком мал помощник, поищите пацану пристанище».

Жила на хуторе одинокая бабушка Феодосия. Называли её «колдунья Фея» за то, что лечила людей травами и разными снадобьями, плату же за лечение не брала, хотя жила бедно-пребедно, питаясь лесными дарами, и спала вместо постели на досках...

– Ты не Федя, а Самсон! – внушала Феодосия. – Я – твоя мама, ты – мой сын, я нашла тебя!..

– Моя мама самая красивая, – оспаривал Федя, косясь на крючковатый нос и растрёпанные волосы Феодосии.

– Сон тебе приснился, малыш! – сердито дёргая за уши, зудила Феодосия. – Ты – Самсон, мученик на этом свете... ты всё должен отдавать мне, чтобы на том свете жить в раю.

Через полгода каждый воскресный день Феодосия приводила Самсона попрошайничать у дверей сельской церквушки, как «несчастливого горбуна». Никто не знал, что горб у мальчика искусственный!

Однажды мальчишки, обзывая Самсона горбуном, смеялись над ним, Самсон не сдержался, побил обидчиков и попал в милицию. На вопрос:

Глагол любви я выстрадал в бою
С самим собой, атака за атакой.
Полвека жизнь курочили мою,
Страдал я очень, но не ныл, не плакал.
И уж, конечно, не винил других,
Хотя на это были основанья...
Я в вечность впрессовал мой жизни миг,
Коль встречи не было, не будет расставанья!

Николай Авраменко

«Кто тебе горб пристроил и где ты живёшь?» ответил: «Не знаю». И оказался в спецколонии для малолетних бродяг-преступников с содержанием до совершеннолетия.

В шестнадцать лет Самсона определили на работу скотником на колхозной ферме. По вечерам на танцах в клубе Самсон перетанцовывал всех и прослыл самым весёлым парнем на селе.

Как-то в гости к своим родственникам приехал здоровенный детина, одетый, как принц заморский. На танцах Самсона затмить ему не удалось. Назавтра, придя на ферму, гость пригрозил Самсону: «Зашибу, кляча, если появишься на танцах!» Слово за слово, сцепились драться. Самсон с окровавленным лицом не только оказал сопротивление, но и превозмог физическую силу гостя нахлынувшей в его худенькое тело внутренней силой, о которой он и сам не знал. Задыхаясь от хлещущей из ноздрей крови, гость разорвал рубаху на себе, чтобы высвободиться от удушья воротником, как петлём, и на его обнажённых плечах Самсон увидел родинки, как надвое рассечённые монеты...

– Егор! Мой брат Егор! – закричал Самсон, что есть мочи, и в его сознании пронеслись пророческие слова псалма, на молитвенных собраниях, который пели двойня малышом Егор и Федя: «И братская кровь протечёт...»

...Более всего из этой истории меня поразила жестокость, с которой дрались братья по крови. И вспомнил я эпизод, свидетелем которого был.

Война ушла на запад, угасали последние пожары в опустевших дворах, своих убитых похоронили. А на лугу лежали трупы немецких солдат. И кто-то пустил слух, что это наши партизаны, переодетые в немецкую форму для маскировки и убитые немцами. Те, кто ещё вчера, получив похоронку, оплакивали погибших на фронте, выкрикивая, глядя на трупы немецких солдат: «Пусть черные вороны поклюют ваше мясо», сегодня, оплакивая, как своих родных, похоронили погибших немецких солдат... Быть может, ненависть – проявление любви человеческой слепо, в подсознании? И тот, кто стравливает людей, опаснее зверя лютого... Блаженны миротворцы!

Если тучи стеной, без просвета,
Ветер шквальный всех криков сильней,
Сердце ищет в молитвах совета,
И дыши, и надейся смелей;
Утвержденье приходит не сразу:
После маленьких в сердце побед
Черноту и напасть, как заразу,
Вдохновение сводит на «нет».

Виссарион Белинский:

«Искусство есть непосредственное созерцание истины, или мышление в образах.

«Идея искусства», 1841 г.

«... искусство подчинено, как и всё живое и абсолютное, процессу исторического развития <...> искусство нашего времени есть выражение, осуществление в изящных образах современного сознания, современной думы о значении и цели жизни, о путях человечества, о вечных истинах бытия...»

«Речь о критике», 1842 г.

«ЧЕЛОВЕК ВОЗРОЖДЕНИЯ»

В апреле этого года Элеонора Валентиновна Букринская – художник-живописец, график, мастер декоративно-прикладного искусства, известный и уважаемый в нашем крае человек, признанный мастер за рубежом – отмечает юбилей.

Наш журнал и все его читатели сердечно поздравляют Элеонору Валентиновну и желают ей долгой плодотворной творческой жизни в достатке и радости!

Элеонора Букринская избегает всякой публичности. Её не встретишь на вернисажах, в выставочной деятельности Союза художников она уже давно не участвует. Даже грядущий в апреле этого года юбилей замечательного мастера, скорее всего, не будет отмечен персональной выставкой. В Союзе художников объясняют, что произведений у Элеоноры Букринской слишком мало, для того чтобы заполнить экспозиционное пространство. И действительно, она активно работает, но в мастерской её готовые картины не задерживаются, будучи востребованными на европейских художественных рынках. Учитывая сложности технологии многослойной масляной живописи, применяемой Букринской, которая требует много времени на просыхание каждого предыдущего слоя, над своим произведением мастер трудится основательно, со всей трепетностью и скрупулёзностью. Часто этот процесс растягивается на месяцы и даже годы. Она заканчивает картину лишь тогда, когда понимает, что достигла в ней полноты самовыражения и сказать здесь более нечего.

Подлинное произведение искусства всегда устремлено в вечность, а истинный художник своим творчеством стремится постигать высший смысл вещей. Пару лет назад Элеонора Букринская поселилась в глухой деревне в окрестностях озера Виштынец, вдали от суеты, шума города и бесконечно сменяющих друг друга событий. У этих древних берегов, где время словно остановилось, где царит покой и умиротворение, мастеру легче сосредоточиться полностью погрузиться в творчество. Букринская не ходит на этюды, не делает натуральных зарисовок, не пишет подготовительных эскизов. Её мистерия разыгрывается прямо на холсте: участок за участком, мазок за мазком рука мастера покрывает образами прошлого и настоящего наполненные глубоким смыслом и тонкой

иронией. При этом поражает невероятное колористическое богатство её полотен. Часто сложные композиции изобилуют тщательно прописанными деталями, сюжетными подробностями и удивительно изящными декоративными элементами, которые можно рассматривать часами, любясь красотой звучания красок. Но даже тщательно продуманные «программные» произведения Букринской – плод не столько интеллектуального подхода, сколько творческой интуиции. Поэтическая «фантазийность» образа есть то зерно, из которого прорастают символы и аллегории. Возможно, особенность мировосприятия и её творческая парадигма, в чём-то родственная мастерам Раннего Возрождения, побудили Элеонору Букринскую обратиться к искусству этой эпохи.

«Портрет дочери» (2015) – аллегорическое посвящение её любимейшим мастерам: знаменитому венецианцу Карло Кривелли (огурец наряду с фруктами неизменно присутствовал в его картинах), и великому флорентийцу Леонардо да Винчи (пейзаж, открывающийся в окнах, изображение фигуры в простенках между ними – это леонардовские приёмы). Прекрасная дама – Вера Нодель, дочь Элеоноры Букринской, известный калининградский художник-ювелир. Здесь она являет собой олицетворение ювелирного искусства, а потому аристократизм, утончённость и изящество (стилизиция в духе кривеллиевских женских образов) как нельзя лучше отражают задумку автора. В картине много деталей, но нет ни одной случайной: рабочие инструменты ювелира, камни и слитки драгоценных металлов – всё связано в единую систему символов, без которых аллегорический образ не может быть «прочитан». Например, ключ изображённый на фоне бумажного свитка, напоминает об известной работе Веры Нодель «Ключи познания» (2011), посвящённой Леонардо да Винчи.

Увлечение искусством раннего Ренессанса, пристальное изучение особенностей технологии великих мастеров радикальным образом повлияли на изменение манеры письма Букринской (здесь следует отметить «Мадонну со щеглёнком» (2007) – сакральный образ в традиционной иконографии Кватроченто, где моделировка лиц выполнена мелкими мазками тонкой кисти) и определили пути развития её собственного стиля.

Элеонора Букринская и сама в определённой степени – «человек Возрождения». Высокий профессионализм в работе и способность быстро перестраиваться, находя себя в различных областях изобразительного искусства, позволяли ей постоянно открывать для себя новые творческие горизонты, легко осваивать любую технику, использовать различные материалы. Такой творческой «мобильности» во многом способствовали и обстоятельства её биографии, благодаря которым пришлось исколесить почти всю страну. Она родилась в Краснодаре, затем семья военного переехала во Владивосток. Там девочка начала посещать студию при Доме пионеров, где рисовала гипсовые головы вместе со взрослыми абитуриентами, готовившимися к поступлению в художественное училище. По окончании седьмого класса отец посоветовал ей продолжить обучение в профессиональном русле. Во Владивостокское художественно училище поступила с первого раза. Через год отца перевели в Калининград, где не существовало профильного учебного заведения. Поэтому Элеонору отправили к родственникам в Одессу, там она, сдав недостающие дисциплины, была зачислена на второй курс Художественного училища им. М.Б. Грекова. Высокий уровень профессиональной подготовки позволил ей затем легко поступить в Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В.И. Мухиной (теперь Санкт-Петербургская художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица). На факультет монументальной живописи брали только мужчин, женщины же обучались в основном на отделении декоративных тканей, где также была возможность работать красками. Жизнь в «северной столице», посещение музеев, библиотек колоссально расширили профессиональный кругозор Элеоноры Букринской. Школа отличалась от одесской, где много писали с натуры, осваивая технику старых мастеров. В Мухинском училище упор делался на конструктивный способ формообразования, на качество изделия (батика, гобелена) и соблюдение технологии на протяжении всего процесса изготовления.

После учёбы в начале 1970-х годов Букринская некоторое время проработала в Новосибирске заведующей отделом иллюстрации в газете «Советская Сибирь», затем переехала в Калининград.

Поскольку её заявка на вступление в Калининградский Союз художников по началу была отклонена, заказов ей не давали. Букринская выполняла мелкую оформительскую работу, что практически означало сидение на «голодном пайке». Когда в 1986 году справедливость была восстановлена (её, наконец, приняли в Союз), появились заказы на большие гобелены, которые она ткала по собственным эскизам (в их числе занавес для актового зала консервного комбината и гобелен для Ладушкинского Дома культуры). После распада СССР госзаказы прекратились и представители творческих профессии в поисках пропитания пустились в «свободное плавание». Букринская пять лет посвятила книжной графике, трудясь в издательстве «Янтарный сказ» (1996-2001), а затем, вновь вернувшись к жизни «свободного художника». Она периодически выезжала на стажировки в Голландию и Польшу, участвовала в выставках, преподавала, занималась дизайном одежды. По собственному признанию мастера, декоративно-прикладное искусство всегда оставалось для неё «работой ради заработка», в то время как настоящее удовольствие и радость творчества она получала лишь от живописи.

В середине 1990-х годов многие художники начали обращаться к исконным корням. И для Элеоноры Букринской мощным источником вдохновения в то время явилась русская икона. Она написала образ святых Бориса и Глеба (1997-1998). Будучи христианами на заре истории русского государства, князья отказались идти войной на единокровного брата, за что смиренно приняли смерть от рук Святополка Окаянного. Потому в русской культуре их образу принадлежит особое место. Жертвенная братская любовь и смирение как наиболее ценностные категории всегда лежали в основе ментальности нашего народа. Не об этом ли свидетельствует факт, что первыми на Руси были канонизированы именно князья-страстотерпы? Мистическим образом замыкая историю царской России, последний её император тоже был причислен к лику страстотерпцев.

Почитание святых Бориса и Глеба быстро распространилось и дошло до Византии. Уже в начале XIII века в Константинопольском храме Св. Софии находилась их икона, с которой делались списки. Известны две наиболее ранние иконографии благоверных князей. В домонгольский период свв. Борис и Глеб изображались в полный рост с крестом (символ мученичества) в одной руке и с мечом в ножнах (атрибут княжеской власти) – в другой. С XIV века получили распространение иконы свв. Бориса и Глеба в виде всадников с копьями.

Букринская совмещает оба древних извода, изображая святых стоящими, каждого рядом с его копьем. В руке св. Бориса мы видим меч, за его спи-

ной – два копыя. Подчёркивая мотив предстояния как наиболее важный аспект в символической трактовке образа, автор выстраивает композицию строго симметричную: добиваясь высшей степени условности за счёт параллельных линий и ритмических повторов, помещая на одинаковой высоте окружности нимбов, сообщая одинаковый наклон древкам копий, «трафаретно» копируя силуэты лошадей. При абсолютной статике в рисунке, внутренняя динамика заключена в живописном решении. Сумрачный колорит, размытые, почти неуловимые черты ликов словно имитируют древнюю потемневшую икону с большими утратами красочного слоя (именно такой пострадавший при пожаре образ «Спаса Вседержителя» однажды принес в дом Букринской знакомый священник). С другой стороны, лики святых напоминают лик Спасителя с фото-негатива Туринской плащаницы. Этому впечатлению способствует и характер живописи – сложная многослойная фактура и хаотично набросанные по поверхности брызги жидкой краски, словно всполохи Божественного света, заполняют всё пространство и частично затрагивают личное письмо. Случайные, возможно, затёки краски багрового цвета похожи на капли крови, стекающей со лба св. Глеба. В этой связи глубоко символично и облачение князей, более походящее на саван, а присутствие в нём декоративных элементов (вызолоченные бармы, инкрустированные камнями княжеские шапки) лишь усиливает драматический эффект.

Созданный Элеонорой Букринской образ св. Бориса и Глеба, несомненно, следует отнести к ряду лучших произведений современной религиозной живописи, равно как и стилистически прилегающую к нему икону «Оранта» (1998). Преисполненный бесконечной любви и печали взгляд Богородицы обращён к сердцу каждого человека, независимо от его вероисповедания. Изначально лик Младенца был прописан также подробно. Позднее Букринская решила слегка размыть изображение Спаса Эммануила в золотом круге, подчеркнув тем самым глубинный смысл данной иконографии: Христос ещё не родился, но уже пребывает во чреве молящейся за нас Пресвятой Девы. Нижняя часть холста осталась незакрашенной, эта белая полоса обозначает границу мира земного, который Богородица покрывает своим многоцветным омофором.

«Чудо св. Георгия о змие» (2016) – интереснейший пример весьма органичного переплетения древнерусской иконописной традиции с элементами западноевропейской стилистики. Оставаясь в рамках канона, Элеонора Букринская применяет нестандартное композиционное решение, позволяющее выстроить взаимодействие фигур, находящихся в различных пространствах. Так, образ святого великомученика Георгия на коне помещён

в середине в фактурном золочёном обрамлении, имитирующем киот. Святой «не сходя с иконы» своим длинным копьём поражает змия, изображённого в нижней части холста. Эта авторская находка словно подсказывает зрителю, что явление великомученика Георгия в виде воина ради спасения царевны было посмертным, и потому чудесным. Царевна в православной иконографии обычно изображается либо стоящей подле змия, либо на пороге дворца. Букринская же помещает её в верхнем ярусе в отдельном клейме. Оттуда, как с балкона, спасённая дева наблюдает за происходящим в окружении «мамок-нянек». Если фигура царевны написана по древнерусским канонам, то рисуя её окружение автор пускается в стилистические изыски, изображая пол «в шашечку», причудливые изгибы фигур и позднеготические фасоны одежд. Милым и привлекательным чудо-юдом из русской сказки выглядит змий, а драконья голова в короне, венчающая его длинный закрученный хвост напоминает богато-украшенные зооморфным орнаментом инициалы древних книг.

Значительное место в творчестве Букринской принадлежит работам на кёнигсбергскую тематику. В них осмысливается история края, ставится проблема культурной идентичности его жителей. В программном произведении «Пророк Илия» (2001) художник обращается к языку древнерусской иконописи, благодаря чему аллегория приобретает сакральный смысл. Илия, святой покровитель воинов-авиаторов, являясь в своей огненной колеснице над разрушенным воздушными бомбардировками Кёнигсбергом, подаёт белую ризу мученика стоящему внизу святому взамен его кровавого хитона (эта фигура с нимбом, судя по всему, является олицетворением города). Другой рукой пророк указывает на уготованный святому Небесный Иерусалим. Так, очищенному огнём и омытому кровью русских солдат Кёнигсбергу уготовано воскреснуть в облике нового святого града российской земли.

В 2005 году была закончена другая картина кёнигсбергского цикла – «Собор и короли». Интересна история её создания. Однажды любуясь видом на Кафедральный собор с моста, Букринская обратила внимание на то, что в здании нет ни одного одинакового окна (имеется в виду рисунок витражей). Она решила написать собор с натуры. Но, выполнив рисунок по законам перспективы, вдруг обнаружила, что изображение «подлетело» к верхнему краю холста. Позднее в беседе с бывшим тогда директором собора И.А. Одинцовым выяснилось, что фундамент здания просел, и оно ушло на два метра под землю. Эта «подземная» часть обозначилась на полотне Букринской в виде пустоты. Тогда художнику пришла идея «заселить» пустующее пространство у подножия собора портретами исторических личностей, связанных с Кёнигсбергом.

По ходу исследований художником научной литературы (в основном, книг известного историка Г.В. Крестинина) на полотне постепенно вырисовывались облики персонажей: герцога Альбрехта, словно сошедшего с картины Лукаса Кранаха; хитрого Пауля Скалеха, бывшего при нём «серым кардиналом»; императора всероссийского Петра Великого, побывавшего в Кёнигсберге инкогнито (и, вероятно, потому выглядывающего из-за колонны), Иммануила Канта, присягнувшего на верность русской императрице Елизавете Петровне и полагавшего, что «нельзя ожидать, чтобы короли философствовали, а философы стали королями»; германского короля в Пруссии Фридриха Вильгельма II, не любившего Канта; королевы Луизы, бабушки российского императора Александра II и «духовной покровительницы» Восточной Пруссии; а также Наполеона, подписавший в Тильзите мир с Александром I.

В ходе работы над картиной, Букринская пришла к мысли, что этот исторический собор королей должен возглавить шут – их неизменный спутник и олицетворение альтернативного мнения. Поначалу его маленькая фигурка на высокой колонне никак не увязывалась со стоящими внизу персонажами и тогда, по совету филолога В.И. Грешных, шуту была «вручена» корона. Так, произведение приобрело иронический и философский подтекст.

Тему Кёнигсберга-Калининграда продолжает аллегорическое полотно «Смена декораций» (2010). Совмещая здесь жанры натюрморта и пейзажа, Букринская предлагает зрителю совершить путешествие во времени из идеализированного мира прошлого в реальность серых будней настоящего. Игра воображения поможет разгадать символику роскошного натюрморта с варёным лобстером, пустым «рогом изобилия», старинным компасом, сосудами наполненные вином лишь до половины, а также увидеть его смысловую связь с открывающимся за пышным занавесом реальным пейзажным видом на Преголю и причал у Музея Мирового океана.

Произведения Элеоноры Букринской отражают особенности нашей ментальности. Необъяснимая ностальгия по историческому наследию чужого народа и утраченным памятникам его материальной культуры, возможно, кроется в исконно русском стремлении к духовности. Попыт-

Имею честь и всегда готова к творчеству!

ки её поиска на земле, полной чужих корней, о которые неизбежно придётся спотыкаться, увенчаются успехом лишь в случае обретения твёрдой опоры в виде культурной традиции собственного народа. Для Букринской искусство великих художников прошлого – стимул постоянно совершенствовать собственную технику, не расслабляться духовно, ставить перед собой всё новые творческие задачи. Её стремление приблизиться к ним в мастерстве и пластической ясности художественного языка кто-то может посчитать эклектикой. Но разве творец, чувствующий дух современной эпохи, не ищет адекватный способ его отражения? Эклектичность и ретроспективизм свойственны мышлению современного человека. Изобразительное искусство никак не изменилось за последние сто лет. Всё то, что нам пытаются представить как новое, на поверку оказывается уже пройденным, но ещё даже не забытым старым. Потому что искусство – это игра. Умение играть символами, эпохами, органично вплетая различные элементы в полотно произведения и мастерски подчиняя каждую деталь собственному художественному замыслу и есть мистерия творчества Элеоноры Букринской.

*Юлия Василькова,
искусствовед*

СВЕТЛАНА ГРИБОВСКАЯ. ТВОРЧЕСКОЕ, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ, ДИРЕКТОРСКОЕ CREDO:

- *«постижение истины»;*
- *«ремесло» в хорошем смысле этого слова – основа педагогики;*
- *быть честной перед собой и перед людьми, за которых несешь ответственность.*

Разные люди... Разные судьбы... Каждый проживает свою жизнь, «складывая» по маленьким «кирпичикам» свою судьбу. Но всех людей, состоявшихся в жизни и в профессии, объединяет одно качество – преданность своему делу, выбранному пути, избранной профессии. Для Светланы Грибовской это – беззаветное служение музыке. В этом её музыкальная вера, творческое Credo.

Рабочий день директора Калининградского областного музыкального колледжа им. С.В. Рахманинова, заслуженной артистки России Светланы Григорьевны Грибовской наполнен заботами о ходе ремонта старого здания, решением текущих рабочих вопросов, занятиями с учениками и студентами, «общением» со своей виолончелью. В плотном графике загруженного работой руководителя с трудом нашлось время для беседы. Не скрою, передо мной стояла непростая задача – «разговорить» собеседника. Насколько мне это удалось – судить вам.

Мой первый вопрос звучал так: **С чего начался творческий путь?**

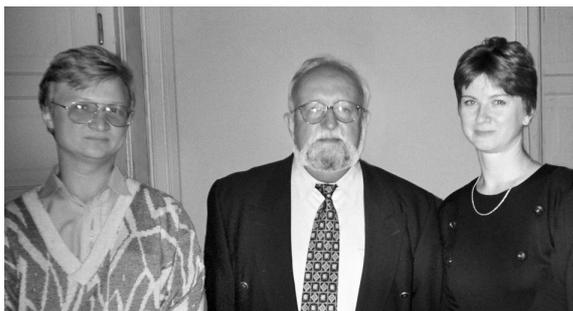
С.Г.: – Родилась и выросла в Калининграде. Интерес к музыке проявился еще в детском саду. Первым музыкальным инструментом, с которым мне удалось «пообщаться» в жизни, было пианино, на котором сама подбирала знакомые мелодии. Фортепиано, стоящее в детском саду «притягивало» меня к себе, мне нравилось нажимать клавиши, слушать звуки... Родители увидели этот интерес и привели меня в музыкальную школу. Конечно, на фортепиано. Но хороший знакомый моих родителей, педагог ДМШ им. Р.М. Глиэра, виолончелист, имя которого хорошо известно калининградским музыкантам – Арон Борисович Кунин, на вступительных экзаменах посоветовал родителям отдать меня заниматься на виолончель.

Как виолончелист, он понимал, что лучший инструмент на свете – это виолончель! А на фортепиано в детской музыкальной школе учат всех – скрипачей, виолончелистов, флейтистов... Так решилась моя судьба.

В музыкальной школе моим педагогом по виолончели была Евдокия Михайловна Белоусова, а оркестровый класс вел известный в городе музыкант, преподаватель музыкального училища и школы имени Глиэра по классу скрипки Борис Аронович Меш. Играть в оркестре было для меня большой радостью, даже счастьем. Думаю, именно оркестровые занятия и предопределили в дальнейшем выбор профессии. И в 1975 году я поступила в Калининградское музыкальное училище (класс Татьяны Васильевны Оболенской), а после его окончания – в Воронежский государственный институт искусств в класс профессора Григория Семеновича Хохлова. С благодарностью вспоминаю всех педагогов, у которых мне посчастливилось учиться. Пока училась в Воронеже – работала концертмейстером на кафедре камерного ансамбля института. Эти годы запомнились как время, с утра до самого позднего вечера наполненное музыкой: обширный репертуар, сольный, ансамблевый, оркестровый – от И.С. Баха и А. Дворжака до А. Шнитке и Э. Денисова – был «освоен» в институтские годы. После окончания осталась преподавать в институте.

Рассказ Светланы Григорьевны продолжают строки её творческой характеристики.

С 1984 по 1990 год – С.Грибовская – солистка Воронежского струнного квартета. В 1987 году квартет стал дипломантом II Всесоюзного конкурса струнных квартетов (IV место). В период подготовки к конкурсу участники квартета стажировались у народного артиста СССР, художественного руководителя Квартета им. Бородина

Виктор Грибовский, Кишиштоф Пендерецкий,
Светлана Грибовская

В.А. Берлинского. В 1988 году сделали фондовую запись на студии «Мелодия». Затем были гастрольные поездки по городам России, Грузии, в Москву. 1987-89 – годы учебы в ассистентуре-стажировке (сольное исполнительство) Горьковской государственной консерватории в классе профессора Г.В. Гаврилова.

С 1990 года С.Грибовская возвращается в Калининград: работает концертмейстером в Калининградском симфоническом оркестре, совмещает оркестровую работу с сольной в Калининградской филармонии. В качестве солистки сделала несколько программ с симфоническим оркестром, в том числе: виолончельный концерт Р.Шумана, концерт Й.Гайдна для скрипки, гобоя, виолончели и фагота в содружестве со скрипачкой из Германии Алисой Мюллер-Вирт, заслуженным артистом РФ Ю.Скворцовым (Саратов); Тройной концерт Л.Бетховена с профессором Норвежской музыкальной академии И.Шульдманом (скрипка) и профессором Московской консерватории И.Осиповой (фортепиано). В 1998 году в рамках Дней норвежской культуры блестяще исполнила с Калининградским камерным оркестром труднейший концерт для виолончели и струнных «Граунд» современного Норвежского композитора Рольфа Валлина.

В 1993 году удается воплотить давнюю мечту – создать камерный ансамбль. При поддержке своего мужа, одного из ведущих скрипачей Калининграда Виктора Грибовского, создается Калининградское фортепианное трио (в ансамбле в разное время играли пианисты О.Матвеева, Л.Горлова, заслуженная артистка РФ Н.Стадникова, Ю.Николаева). С этого времени начинается активная творческая деятельность нового калининградского коллектива, результатом и большим успехом которого явилось завоевание звания лауреата международного конкурса современной камерной музыки им. К.Пендерецкого в Кракове в 1997 году. Создаются многочисленные программы, включающие музыку разных эпох, стилей, направлений. Так, в 1993 году создана программа «А в сердце светит Русь», продолжением её стал цикл концертов «Из антологии русского камерного жанра». В 1995 году была создана программа, состоящая из произведе-

ний Кёнигсбергских композиторов, которая потом переросла в программу «Вре́мён связу́ющая нить». Работа над этой темой оказала влияние на выбор названия коллектива: с 1998 года Калининградское фортепианное трио стало фортепианным трио «Камерата Самбия» («Самбия» – древнее название калининградской земли до завоевания её Тевтонским орденом).

Большой цикл концертов «Живая история польской музыки», инициаторами и организаторами которого были артисты фортепианного трио, был реализован в течение двух лет совместно с польскими коллегами. Цикл состоял из пяти программ: «Польская музыка средневековья», «Шедевры польского барокко», «Ф. Шопен и его современники», «На рубеже веков», «Польская музыка второй половины XX века».

Фортепианное трио выступало во многих городах России (так, осенью 2002 года артисты дали 14 концертов на лучших площадках Пскова и Псковской области) и за рубежом – в Литве, Польше, Германии. Их выступления получили высокую оценку в средствах массовой информации этих стран.

Многие произведения в исполнении трио прозвучали в России впервые: Гранд трио Э.Т.А.Гофмана; Квнтет для арфы и струнных Э.Т.А.Гофмана; Трио Г.Гётца; Трио О.Беша; Трио О.Зигмунда; Трио Торресена; «Граунд» Р.Валлина; Концерт для скрипки, виолончели и органа И.Райнбергера; многие сочинения из цикла «Живая история польской музыки».

В 2000 году фортепианное трио «Камера Самбия» за гуманитарный вклад в развитие культуры Калининградской области и расширение контактов между российской и европейской культурой Кантовским жюри общественных организаций Калининградской области награждено «Премией имени И. Канта».

За этой подробной информацией стоит поистине титанический труд С. Грибовской. Поразительно, но создается впечатление, что сутки у неё длятся не 24 часа, а в несколько раз больше. Как говорили её коллеги из Калининградского областного образовательно-методического центра, кото-

С. Грибовская, Н. Стадникова, В. Грибовский

рый С.Г.Грибовская возглавляла с 2003 года, она являлась одним из главных творческих двигателей коллектива, человеком с принципиальной активной жизненной позицией... её отличала феноменальная работоспособность. За время её руководства, центром были проведены ряд важнейших акций, в том числе, Летняя творческая школа, курсы повышения квалификации с приглашением известных в России педагогов, конкурсы по разным специальностям и т.п.

Сегодня Светлана Григорьевна, находясь на посту директора Калининградского областного музыкального колледжа им. С.В. Рахманинова, так же, как и раньше, совмещает должность административную с педагогической и концертно-исполнительской работой.

И, естественно, у меня возник вопрос:

Какое Credo Грибовской – директора, человека, педагога?

Светлана Григорьевна ответила:

– Творческое Credo – это «постижение истины»: «Я знаю, что ничего не знаю». (Эти слова, эта символическая фраза – «путеводная звезда» автора этих слов в творчестве и в жизни. – Л.Е.)

Считаю, что «ремесло» в хорошем смысле этого слова – основа педагогики, и цель педагога – воспитать «хорошего ремесленника».

Credo руководителя коллектива, директора – быть честной перед собой и перед людьми, за которых несую ответственность. Всё неоднозначно, ведь каждый человек в нашей сфере – яркая индивидуальность, каждый – отдельный мир. Директором стала не в лучшее время: новые требования

Виктор, Ольга и Светлана Грибовские

к образованию, реконструкция здания... К сожалению, педагогический коллектив не всегда понимает возникающие трудности. Но сформировалась надёжная команда администрации, которая во всё меня поддерживает, и нам удаётся решать, казалось бы, невыполнимые задачи.

Человеческое Credo переключается с административным: ментальность не поменялась при переходе от педагогической работы к административной. Три в одном совмещаю.

Об учениках Светлана Григорьевна говорит:

– Работать с учениками интересно, стараюсь объединить педагогику и исполнительство; нахожу в этом гармонию – одно дополняет другое. Каждый ученик требует нового подхода, ведь каждый – новая личность. Все ученики талантливы – мы учимся у них.

О самых ярких учениках:

М. Кудрявцева училась у меня в ДМШ им. Р. Глиэра, сейчас она – студентка Московской консерватории.

А. Чарномская учится в Германии.

Сейчас в колледже и музыкальной школе у меня 5 учеников.

О чём мечтает директор – человек – музыкант С.Г. Грибовская?

С.Г.: – Достроить колледж, открыть два новых отделения – изобразительное и хореографическое, создать музей колледжа и музей С.В. Рахманинова.

Мечтаю о том, чтобы счастлива была дочь Ольга, которая после окончания Московской консерватории и аспирантуры работает в консерватории концертмейстером кафедры хорового дирижирования и в ДМШ.

Об отдыхе вопрос: **Как Вы проводите свободное время?**

С.Г.: – С 2002 года я на административной работе, поэтому отдыха не бывает. У директора отпуска не может быть.

Хотелось бы пожелать Светлане Григорьевне исполнения всех её мечтаний и как директора, и как педагога, и как человека.

С.Г. Грибовская принадлежит к поколению калининградских музыкантов, которые родились и выросли на Калининградской земле, уезжали лишь на время, чтобы, повысив свой профессиональный уровень, вновь вернуться на малую родину. Наш город гордится такими людьми, которые являют собой пример служения избранному в юности делу, остаются верными себе и неутомимыми на пути к новым открытиям.

Людмила Енилеева

КЁНИГСБЕРГ — ГОРОД ЕЁ ДЕТСТВА

27 декабря 2015 года исполнилось 80 лет со дня рождения Джеммы Сергеевны Фирсовой (1935 - 2012) — актрисы, режиссёра документалиста, искусствоведа и музыкального критика, поэта. Она была автором телевизионных программ о сохранении и развитии российских музеев и даже президентом Всесоюзной федерации женского хоккея на траве. Она была большим другом нашего Музея Мирового океана.

МЫ СТРОИМ МУЗЕЙ... ВМЕСТЕ...

...Вы спрашиваете: ну что мне этот город — С чужой историей, культурой и судьбой? — Но мир для Господа на части не расколот, — И нет культуры «нашей» и «чужой»...

Джемма Фирсова

Эти слова Большого Друга нашего музея постоянно с нами. Они звучат часто, при разных обстоятельствах, окрыляя и вселяя уверенность в том, что мы на верном пути в создании культурного пространства нашего города.

Я познакомилась с Джеммой Сергеевной в 90-х годах XX века. С первых минут знакомства она удивила глубоким знанием истории нашего города. Все её слова и мысли были пропитаны большой любовью к Кёнигсбергу-Калининграду, болью за утраченное, радостью и гордостью за создаваемое и возрождаемое.

Джемма Фирсова — автор и режиссер многих фильмов, ученица А.П. Довженко и М.И. Ромма, работала в трудном жанре исторического исследования на экране. В основном, тема большинства её работ — мировая война, которую Джемма узнала ребёнком. Она много рассказывала нам о детстве, о том, как была на фронте с отцом (её отец, Сергей Фирсов, был тогда начальником инженерных войск 11-й армии Северо-Западного фронта), о детских впечатлениях о Кёнигсберге, городе, который она не могла забыть:

*...Ночью от страха стыну:
Вижу мой город в руинах — ...
...Слышу, как камни кричат:
«Город не виноват!»...*

Долгие годы Джемма Сергеевна была рядом с нами. Создавая музей — строя новые здания, восстанавливая из руин территорию Старого порта, реставрируя Королевские и Фридрихсбургские ворота, мы постоянно ощущали её мощную эмоциональную поддержку, всегда могли обратиться за профессиональной консультацией, да и просто поговорить по душам об обыденном. Как эксперт-координатор по экологии и культуре она помогала нам: советовала, консультировала.

Вместе мы осуществили несколько выставочных проектов в Калининграде и Санкт-Петербурге на ледоколе «Красин». Выставки документальной фотографии её супруга В. Микоши «Арктика!» и «Героический Севастополь» открывали забытые и неизвестные страницы героического прошлого нашей истории.

Сейчас в нашем музее наступило Время перемен. Мы строим новый музей. Но, как и прежде, Джемма Сергеевна рядом с нами. Поддержку и новые силы мы получаем от воспоминаний, возвращения к памяти, к её идеям, стихам....

*Пусть будет город Городом поэтов,
Художников, философов, учёных.
И больше пусть никто не будет обречённым
На то, чтобы скитальцем стать по свету.*

Светлана Геннадьевна Сивкова,
генеральный директор Музея Мирового океана

*Джемма Фирсова с отцом С. Фирсовым
в годы войны*

МОИМ ДОМОМ БЫЛА ВОЙНА

Джемма Сергеевна Фирсова родилась 27 декабря 1935 года в городе Самарканде (Узбекистан) в семье военнослужащего. Во время Великой Отечественной войны её отец, Сергей Фирсов, военный инженер, начальник инженерных войск 11-й армии на Северо-Западном фронте, возил юную Джемму по фронтам, а мать работала в штабе. Детские впечатления были настолько сильными, что всё её дальнейшее творчество было пронизано патриотизмом этих лет, болью потерь и радостью Великой Победы. Это и повлияло на то, что Джемма Фирсова увлеклась историей.

– В Кенигсберг мы въехали лунной ночью, – вспоминала Джемма Сергеевна Фирсова. – В свете луны силуэты Королевского замка и Кафедрального собора – даже в руинах – казались сказочными. В городе стояла весна, и цветущие сады и парки прятали страшные развалины.

* * *

*Мы дети чужих городов –
Военного времени дети –
Полков, гарнизонов, фронтов.
И этим наш век нас отметил.
Нет в памяти нашей примет
Весны переулков Арбата.
И Мойки, и Невского нет.
И в том лишь война виновата.
Да наши служаки-отцы,
Скитавшиеся по гарнизонам.
Немыслимые концы
Вдруг нам становились домом.
И в возрасте том, что на век
Впечатывается в сознание,
Дом, школу, и ливень, и снег,
И улицы милой названиее –*

*Нам, детям чужих городов,
Во снах наших детских приснилась
И улиц чужих, и домов,
И зорь несказанная милость.
И первый под снегом цветок,
И буйно цветущие травы,
И лета небесный платок,
Накиннутый на Амалиенау.
И он остаётся таким –
В руинах, в весеннем цветении, –
Чужим и навеки родным, –
Таким же – без изменений.*

КЁНИГСБЕРГ

*Мы встретились на перекрестке судеб.
В том отзвуке замолкнувших орудий
Он был свидетелем рожденья моего,
А я – печальной гибели его.
Он колыбелью был моих рождений,
Учителем, наставником прозрений.
Я стану склепом памяти его.
И я не растеряю ничего!
Чтоб в судный день святого Воскресенья
Он смог восстать из тлена и забвенья,
Омытый ливнями страданий и веков, –
Весь соткан из тоски, воспоминаний, снов...*

НИКОГДА НЕ СЧИТАЛА СЕБЯ АКТРИСОЙ

*...Когда нисходит мгла
Тревожными ночами,
Я слышу – два крыла
Трепещут за плечами.
И распахнутся вдруг
Сакральные пространства,
И оживёт испуг
Потусторонних странствий...*

– Мы жили в Кёнигсберге. Потом в Калининграде. Я училась в школе №21. Отец был главным военным консультантом фильмов Г. Александрова «Встреча на Эльбе» и М. Ромма «Секретная миссия», снимавшихся в городе, – рассказывала Фирсова. – Михаил Ильич часто бывал в нашем доме. Спросил как-то, чем я увлекаюсь. Я рисовала, писала, интересовалась историей, музыкой. «Есть только одна профессия, которая вбирает в себя все это, – сказал Ромм, – кинорежиссура, – потом добавил: – Впрочем, это не профессия, а образ жизни».

По окончании школы Джемма поступила на режиссёрский факультет Всесоюзного Государственного института кинематографии, училась на курсе А.П. Довженко, в мастерских С.А. Герасимова и М.И. Ромма. В 1966 году с отличием окончила ВГИК.

Фирсова никогда не считала себя актрисой, свой выбор она сделала сразу в пользу режиссуры, а в кино снималась в основном у своих друзей-режиссеров, когда было время между своими фильмами. Киновед Владимир Дмитриев вспоминал: «Она совершенно меня поразила своей необычной советской красотой, необычным взглядом. Она не годилась на роль советской актрисы. У нее был завораживающий взгляд женщины, с которой очень хотелось познакомиться и поговорить, в ней была какая-то тайна. Ей предлагали роли женщин, которые жили какой-то своей жизнью, глубоко ведьмы или почти откровенно ведьмы, пришельцы, существа из другого мира, другой планеты, и даже когда они существовали в ситуации нашей жизни – они были пришельцами. Вот, Джемма была именно таким пришельцем».

Она снималась в фильмах: «Хождение по мукам», «Алые паруса», «Война и мир», «Вечер накануне Ивана Купала», «Белая птица с чёрной отметиной», «Чёрное солнце», «Озарение», «Это сладкое слово – свобода!», «Чёрная берёза», «Пани Мария» и многих других.

Нина Чародеева в фильме «Хождение по мукам» (реж. Г. Рошаль, 1958)

*... Лечу над кронами осенних парков
Спокойных, обречённых и печальных,
И принимаю царский их подарок,
И понимаю: слово – материально.
Скользжу над сказочными призраками замков,
Соборов, улиц и садов молчаливых –
Живых, прекрасных, а не их останков, –
И понимаю: память – материальна...*

В конце 1970-х – начале 1980-х годов Джемма Фирсова работала в Госкино СССР главным редактором групп военно-патриотических документальных фильмов.

Свое настоящее призвание она нашла в военной документалистике. За фильм «Зима и весна сорок пятого» (1972), впервые в нашем кино сделал фильм не о Великой Отечественной войне, а о Второй мировой, получила Государственную премию СССР. За участие в создании 20-серийной киноэпопеи «Неизвестная война» – Ленинскую премию. Было и множество наград кинофестивалей.

Фирсова пыталась не только снимать кино, но и влиять своими произведениями на судьбы страны и мира. В 1983 году она сняла фильм «Предупреждение об опасности», направленный против гонки вооружения, в 1985 – картину «Покушение на будущее» о ядерном оружии.

Кроме упомянутых, её режиссёрскими работами были: «На полпути к Луне» (1966), «Я часто спрашивал себя» (1968), «Встреча с Джокондой» (1974), «Битва за Кавказ» (в 20-серийной эпопее «Великая Отечественная», 1979), «Москва первопрестольная» (2007), «Владислав Микоша: Остановивший время» (2009) и другие, в том числе в содружестве с В. Микошей.

*...Я прошу вас – тех, кого не знаю,
И кому я не смогу сказать:
Улицы моей, к которой я летаю,
Именем моим не называть...*

Когда началась дикая ложь про Чернобыль, и пролегла пропасть между учеными и журналистами, Джемма Сергеевна решила стать мостом между ними и приняла участие в создании научного экспертного совета «Союз Чернобыль». А когда её назначили руководителем экспертной группы по непосредственным причинам аварии, ушла из кино, потому что в тот момент это было важнее. «Мы при ней не могли сфальшивить, дать слабину, – рассказывает Анатолий Назаров. – Она была неудобная для всех чиновников, на нее оказывалось огромное давление со стороны Министерства Здравоохранения, Минатома – они же говорили, что все хорошо».

Журналистка в фильме «Русский сувенир» (реж. Г. Александров, 1960)-

К Фирсовой пришло осознание того, что мирный атом еще более опасный, люди не осознают, чем обладают, и надо помочь им осознать всю ответственность за свою крошечную планету, на которой в каждом живом существе горит искра божья и она бессмертна.

ПОЗНАКОМИЛИСЬ НА СЪЕМКАХ

*Пока не встречу твоего лица
Не обрету ни счастья, ни покоя.
И не приму тернового венца,
Уже доверчиво сплетённого судьбою...
Не оживу, не задышу, не двинусь,
Оцепененья цепи разорвав.
Судьбы веленье исполнять не кинусь,
Себя её велению отдав...
Не шевельну безвольную рукою,
Слепая мысль не явит ничего,
И не свершу, покуда нет со мною
Любимого, – призванья своего...
Ты искра, что одна зажжёт меня.
Я без тебя – лампада без огня....*

Со своим будущим мужем Владиславом Микосшей юная Джемма Сергеевна познакомилась на съёмках фильма. Сначала между ними возникли творческие отношения – вместе писали сценарий к его очередному фильму. А потом вместе прожили 40 лет, несмотря на разницу в возрасте в 26 лет.

В войну они, не зная друг друга, с 1943 года постоянно были где-то рядом. Так, на 4-м Украинском фронте отец Джеммы строил переправы через Сиваш – двухкилометровые понтонные мосты, по которым наши танки шли освобождать Крым. В. Микосша с Приморской армией шёл освобождать Крым с другой стороны, от Керчи. Потом – 2-й и 3-й Белорусские фронты, Польша, Померания, Восточная Пруссия...

Джемма Сергеевна Фирсова-Микосша с супругом Владиславом Микосшей (70-е годы XX века)

Джемма Фирсова на открытии выставки в Музее Мирового океан. Июль 2011 г.

*Ряд превращений претерпев бездонный,
Я поняла – и гул страстей затих:
Любовь – не отношенья двух влюбленных,
А состоянье, что связует их.*

Джемма Фирсова продолжила то, что не успела осуществить Владислав Микосша: издавала его книги и альбомы его фотографий, делала о нём фильм, готовила и возила по городам России выставок.

Выставки документальной фотографии Владислава Микосши «Арктика!» и «Героический Севастополь» проходили в Москве, Нижнем Новгороде, Саратове, Севастополе, Санкт-Петербурге на Ледоколе «Красин», в Калининграде в Музее Мирового океана.

«Сегодня мало кто понимает, – говорила Джемма Фирсова, – что мы вошли в эпоху такого же перелома, каким было, скажем, Возрождение. Если мы не поймем, что иначе должны относиться к себе, к миру, к другой культуре, к другой религии, что сознание первично, а мысль материальна, что из хаоса рождается новый порядок, то у нас нет будущего. Человек обязан учиться выбирать». (Из интервью на ТК «Культура», 2010 г.)

Обложка книги В. Микосши «Я остаю время»

В конце 1980-х – начале 1990-х годов Джемма Сергеевна Фирсова являлась экспертом-координатором программ сохранения и развития российских музеев (Архангельское, Абрамцево, Пушкинский комплекс в Санкт-Петербурге: Музей-Лицей, Музей-квартира Пушкина на Мойке, Музей Театра «Современник» и других).

Творческая встреча в Музее Мирового океана.
На фото: С.Симкин, Д. Фирсова, О. Мелехов,
ветераны клуба «Боевые подруги». Февраль 2009 г.

Джемма Сергеевна, одна из немногих, владела искусством проведения клубных вечеров. Они всегда были наполнены непередаваемой атмосферой любви и гармонии.

«...Джемма Фирсова подарила участникам встречи свою любовь к творчеству и личности калининградского художника Олега Мелехова, делилась впечатлениями от общения и совместной работы с поэтом Сэмом Симкиным, рассказывала о своих новых друзьях из ККЦ «Новый Акрополь», даря окружающим радость узнавания. Читали свои стихи совсем юные поэты, поражая слушателей глубиной и силой образов. Выступали ветераны из клуба “Боевые подруги”...» – писали о встрече в Музее Мирового океана в феврале 2009 года члены общества «Новый Акрополь».

Джемма Сергеевна была сопредседателем клуба документального кино на протяжении пяти лет. Программы документальных фильмов составлялись ею с учетом их исторической и художественной ценности – отбирались, в основном, фильмы, пронизанные любовью к России. Клубные вечера традиционно состояли из кинопросмотров и встреч с режиссерами фильмов, бесед и обсуждений, дискуссий, анализа увиденных фильмов.

В ноябре 2012 года Московский клуб документального кино получил имя Владислава и Джеммы Микоши, и первая клубная встреча была посвящена их киноработам.

* * *

Вы спрашиваете: ну что мне этот город –
С чужой историей, культурой и судьбой? –
Но мир для Господа на части не расколот, –
И нет культуры «нашей» и «чужой».
Мой Гёте, мой Гомер, Гюго, Акутагава. –
Весь свет культуры мой. И в этом – Божья слава.

Все города мои – с их «не моей» судьбою. –
На маленькой Земле так необъятен мир!
Все города – мои. Все связаны со мною –
Париж и Катманду, Гранада и Каир.
В них узнаю черты своих преображений. –
Всё – родина моих бесчисленных рождений.

А этот город стал к тому ж мне Детства Домом
И щедро одарил, поверженный, собой.
Каким же было всё до боли в нём знакомым!
Как было не сказать тогда себе: «Он мой»!
Как мог не стать родным в тот год мне этот город –
С его историей, культурой и судьбой?...

Такой Джемма Сергеевна Фирсова
осталась в нашей памяти

ДЕВОЧКЕ, ЖИВУЩЕЙ СЕГОДНЯ В ДОМЕ МОЕГО ДЕТСТВА

Пусть будет теплым для тебя
наш дом,
И ласковым – наш сад,
приветливым – наш Город.
Пусть никогда не будет он расколот
На то, что было «до»
и что было – «потом».

И не забудь –
в удачи ли, в невзгоды, –
Что ты наследница великих
двух народов.

Акимова Галина,
научный сотрудник Музея Мирового океана

Фото из личного архива Д.С. Фирсовой-Микоши и архива ФГБУК «Музей Мирового океана».
Стихи цитируются по книгам Д. Фирсовой «Вторая реальность» (2001) и «Сны возвращений» (2006)

ПОСВЯЩЕНИЕ НАШЕМУ ТЕАТРУ...

Театр – одна из самых сильных страстей человечества. Здесь объединяются самые разные вещи: талант, красота, колоссальный труд, раздирающие противоречия, радость, страдание, постижение высоты и горькие разочарования. Как бы ни было трудно, мы можем чувствовать себя счастливыми уже потому, что имеем театр – сказку и сон, сумасшедший бред, наркотик, непереносимую муку, боль и нежность, восторг и безумство.

Миг твоего величия, годы ожидания, крах падения. То на вершине счастья, то вывалили в грязь. И переполняющая ревность к чужому успеху, когда ненавидишь себя и безмерно гордишься партнёром. И, о Боже, какие страдания приносят тебе твои самые близкие друзья, и бездна шёпота и фальши, и удушающая нищета. И ты спешишь успеть в этот вагон, догнать молодых и притких. И так нужно до смерти, играть сегодня, а не завтра. И поэзия звучащего твоего слова, и магия замирающего в напряжении зала, и борьба с огромным пространством сцены, которое, кажется, не победить, и счастье великой вечерней усталости. И ничего так в жизни не надо, как этот зыбкий свет, тишина, тайна и вечный вселенский круговорот. Ну что с этим поделать, когда без этого ты не можешь жить?!

На этой сцене царила звезда русской сцены Агафоника Миропольская, здесь творил Тахир Матеулин, на наших глазах ставший великим. Здесь каталась на трёхколёсном велосипеде заслуженная артистка Наталья Аркадьевна Высоцкая, пел Подтягин и читает Лукин, здесь трепетала израненная душа Веры Клиновой и блистают красотой Зиновьева и Минакова. Арнтгольц учит вечному, а Грузец – как правильно носить лицо.

А эти судьбы одиноких актрис, бросивших на алтарь театра своих нерождённых детей и обречённых на одинокую старость. Но всё равно, в 40 заставляющих всех верить, что 19, а в 70 – что 40. Поглядите, какой изысканный поворот головы у Надежды Гайдар, какой бешеный темперамент хлещет из Тамары Соловьёвой, какие, наконец, в зале сидят замечательные зрители. Которые понимают, что в театр, как в Бога, надо просто верить, молиться, каяться, надеяться, терпеть, прощать, и благодарить.

И вы не спросите себя, любите ли вы театр. А просто в который раз в своём лучшем наряде придёте сюда, тихо сядете в кресло. Выйдут актеры в своём блеске и невыразимом таинственном таланте. Зазвучит музыка. Закипят страсти. Начнётся театр. И жизнь станет чуточку лучше, чем на самом деле.

... НАТАЛЬЕ ВЫСОЦКОЙ

Настал прекрасный повод выразить восторг и удивление Наташей Высоцкой, и отдать дань всему тому, чем наградила её природа и дала судьба.

Высоцкая – это когда всего много и с избытком: много таланта, море красоты, обаяния и женского очарования, прорва работы, лишние килограммы, много боли в ногах, масса забот, большая семья, хлещущий через край темперамент, всегда в запасе множество занимательных историй про окружающих, несчётные подруги, кошмар еды, родственников и окружающей экологической обстановки, а теперь ещё (как ужасно!) и немало лет.

Наташа Высоцкая – это также вечно мало: мало занимают, не хватает здоровья, отсутствуют доллары и евро, совсем нет дополнительной личной жизни, ну совсем чуть-чуть кокетства, нет прекрасных путешествий за границу и роскошного авто-

мобиля, а главное, не сыграна Джульетта и много чего ещё несыгранного.

Отметим, что было: созданные на сцене дивные, вызывающие слезы зрительниц и приводящие в экстаз мужчин девушки, леди и бабы, сценические виражи типа плясок, песен, полётов, обнажений, и купаний, изматывающие гастроли и не менее противное их отсутствие, звание, профсоюз, кукольники, в общем, жизнь, в центре которой стоит, прости, Господи, искусство.

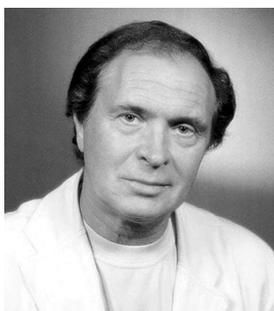
Как в любой человеческой судьбе, есть свой крест, мера отпущенной беды и потерь, переживающиеся с

большим достоинством, саратовским терпением и всепрощением.

А также есть то, что остаётся неизменным: искрящиеся глаза, неистребимая молодость, неординарность сценического выражения, здоровый цвет лица, стойкий контингент почитателей, весёлый нрав, близкие слёзы, доченька, жена и мама, сохранившиеся с детства наивность и легкость восприятия бытия, патологическая доброта, смешливость, искренность, тонкость чувств, вечные придумки, борьба за здоровый образ коллектива, сумасшедшинка, красивые одежды, неуёмная жажда справедливости и огромная, всепоглощающая любовь к своему театру, людям и к ней, такой проклятой, короткой и прекрасной жизни.

... НИКОЛАЮ ПЕТЕРОВУ

Боже мой, со времени написания этого текста прошло больше двадцати лет. Мы уже давно не притягиваем, потому как Н.В. Петерова искренне считает меня виноватой в своем уходе из театра. Кроме потери театра, в его жизни случилось самое ужасное - теперь нет

Лады - неповторимой красавицы-дочери Николая Владимировича. И он никак, до наваждения, не может это пережить. Это заполняет все его существо, не дает жить дальше. А раньше он заражал всех своим талантом и энергией счастья.

Колю Петерова не любить нельзя. Особенно любим его мы, женщины. Прости, Наташа.

Ведь только он один умеет подойти к тебе и, глядя в глаза, вкрадчиво сказать «Здравствуй!» так, что ты сразу поверишь, что так это сказано тебе одной, и никому больше. Увы, его обаяния хватает на всех: на девчонок-зрительниц, писавших ему смешные признания в любви, на режиссеров, каждый из которых считал, что это именно он открыл артиста Петерова. На начальство, которое ценит его за исполнительность и вежливость. И что большая редкость на театре – его очарованию легко поддаются партнеры-артисты театра.

Блистательный актер, он хорош в самых разных ролях. Легкий, непредсказуемый герой многочисленных комедий, переигравший их великое множество, он был легко узнаваемым типажом советских пьес, но обладал удивительным даром сохранять в себе и дарить залу заразительную энергию счастья. Не смотря ни на что: на пережитые трагедии, откачивания в реанимациях, годами тя-

нувшуюся неустроенность, на всех этих женщин, разобраться с которыми сумел только к 40 годам, обретая свою главную гордость в жизни – несравненную дочку Ладу.

Его Царь Федор в одноименном спектакле вошел в историю нашего театра.

А его знаменитые паузы, заставлявшие замирать зал и тихо стонать партнеров по сцене, готовых убить его за то, что он затягивает спектакль.

Куда там известным театральным красавцам и покорителям сердец! Вот кто истинный комильфо и джентльмен.

Он часто бывает несносен, капризен, вздорен, но, черт побери, это делает его только привлекательнее. А вообще, он беззлобен, интеллигентен, исполнен изысканности и природной элегантности. Когда Петеров на сцене, ему веришь безраздельно. Он сегодня играет только для тебя.

А завтра снова тихо, тебе одной, он потрясающе шепнет: «Здравствуй!»

... ВАЛЕНТИНЕ ЗОЛИНОЙ

Родиться в День милиции, в городе Саратове. О нем она будет тосковать потом всю жизнь, потому что там остались мама, Волга и театральное училище, в котором, она училась с блеском, хотя и имела одну юбку в гардеробе. Стать первой актрисой и переиграть огромный репертуар в театре города Советска, мечтая о Москве. Встретить мужа, который, то читает Гарсиа Лорку, то втайне от соседей разводит в подвале поросят, а в основном, на диване с книжечкой. А ты ему про его неповторимость и непохожесть. А все эти главные режиссеры, которые говорят про твой талант и неординарность, но кровь пьют. А вечное ожидание той самой важной в жизни роли? Гастроли, хроническая нужда? А бесконечные ненасытные гости в доме, от которых нет спасу ни днем ни ночью?

Пришлось пережить час ухода из театра. Ночное удушье, приливы безысходной невероятной тоски. И каждый день – тягостный безжалостный быт, когда никто и «спасибо»- то не скажет.

*Сцена из спектакля
Ж.Ануш
«Жаворонок»
Жанна –
В. Золина*

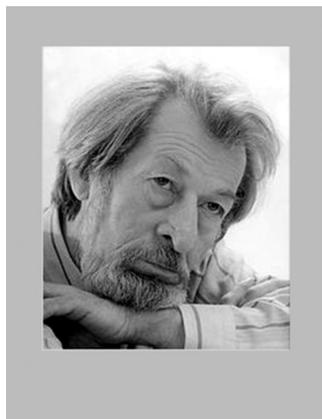
Впрочем, это переживает любая русская, во-всяком случае, саратовская, женщина.

Но! Остаться при всем этом – пленительной, изящной, изысканной, тонкой, таинственной... Сохранить не только фигуру, но чистоту души, мятежность, жар юности, выглядеть всегда на 20, уметь быть центром притяжения любой компании, иметь такой чарующий голос, что мужики, всё, пропадали после первого же романа, и быть очень сильной, готовой всегда прийти на помощь. И при этом уметь все на свете – от огорода до автомобиля, быть потрясающей хозяйкой, нежной матерью, верным другом и состояться как удивительная актриса!

Так чья это гордая походка, чьи бархатные умные глаза? Ну кто это все может совместить, как не Валя, Валентина Золина?!

... ТАХИРУ МАТЕУЛИНУ

Уже несколько лет, как однажды ночью я написала что-то, что хотела сказать Тахиру Матеулину. Но в силу своей чиновничьей принадлежности так и не сумела сказать все это ему при жизни.

О Тахире можно думать и развернуть самые разные ипостаси человеческого бытия.

Вот такая субстанция, как талант. Это глупость, что все люди талантливы, кто в чем. Истинный талант – такая же редкость, как гений, открытие, прямая линия или абсолют.

И полон такой же тайны, как красота, Вселенная либо смерть. Вот и в театре много ярких, самобытных, способных, одаренных, тонких, органичных, непризнанных и всяких других артистов. А талант вбирает в себя все вышесказанное, но имеет что-то еще непостижимое, заставляющее безошибочно узнать его в самом крошечном эпизоде, остановиться, испытать страх, как от встречи с НЛО, влюбиться в одну секунду. И уже никогда не забывать.

Именно такого масштаба талант у Тахира Матеулина.

Или такая категория, как несоответствие. Тахир часто в жизни бывает совсем не таким, каким его видят со сцены. Он бывает ужасно застенчивым, стеснительным, мягкотелым, беспринципным. Ведет себя так, как будто все время боится

кого-то обидеть. Совершенно не может отказывать, особенно дамам, в связи с чем постоянно куда-нибудь ввязывается. Он умудряется соглашаться даже с самыми непримиримыми оппонентами. То вдруг надувается и кому-то невидимому начинает грозить, как будто кто-то его и вправду испугался. Он старается не замечать шутки партнеров и может позволить молодняку вести себя непочтительно. К тому же он сентиментален, ленив, не любит много репетировать, за что-то отвечать и почему-то все время куда-то рвется.

И вот это такое самое, длинное и худое, выходит на сцену. И становится великим. Король, божество, обладающее безраздельной властью. Страсть и ярость. Мощный голос, даже когда шепотом. Гамлет, Лир, Лаэрт, Иоанн Грозный, роскошный Кречинский. А что творит в комедиях. Ну нет характеров и типажей, которые он не показал и открыл заново. Он одномоментно, сразу умеет сделать любовь, ненависть, тоску, восторг, муку, и это в двухстах с лишним, по количеству ролей, вариантах и в каждом из них – множество тончайших нюансов человеческих отношений, чувств и состояний. Вселенная мастерства. Как ему это удастся, не сумел описать ни один театровед. Впрочем, мы об этом говорили, талант непостижим.

Коснемся модного национального вопроса. Да, он азиат, татарин, он говорит про себя с сарказмом «Я – Тахир. Я – национальное меньшинство». В нем из веков идущее болезненное самолюбие, повадки степного одинокого зверя, выносливость и скрытность.

Но он с Волги. И он очень русский в своей простоте, мятущейся душе, незлобности, прекрасном чувстве языка, благородстве и честности.

И он вообще человек мира, так как сумел постичь национальные черты английских лордов, бабелевских евреев, казаха Едыгея, американского фермера, людей вообще без национальности, животных и призраков. Он прожил сотни чужих жизней и в каждую из них он вложил свою русско-

*Кадр из фильма «Ермак».
Т. Матеулин – Аника Строганов*

татарскую самобытность, темперамент и вдохновение.

Или любовь. Может, это все объясняется любовью? Ведь каждая из его работ, даже схематично отрицательная, рождена из любви. Не обязательно к женщине. Он любит вокруг себя все, ко всему относится чрезвычайно бережно, и не потерял способности удивиться красоте лужи на улице. Он сам каждый день получает заряд человеческой любви. Потому так тянутся к нему дети, старики и неудачники, что он всю жизнь движем любовью. Не всегда взаимной.

Возьмем предательство. Он был молодым, удачливым, подающим надежды мужиком. И вдруг, остался один с десятилетней дочкой на руках. Начал ломаться, думали, свихнется. Но за ним стоял театр, где надо было играть каждый день, девочка, которая его ждала дома, и талант, за который он один был в ответе. Он выдюжил. Правда, на долгие годы отложили звание, официальный почет и признание.

Вот тут еще слово «взаимозависимость». Они не могут жить друг без друга – наш театр и Тахир, они неотделимы, как душа и тело. Он не доиграет никогда, ему всегда будет мало. Он не уйдет на пенсию никогда, потому как даже в глубокой старости он придет в театр, а театр придет к нему в самые трудные дни, чтоб пригубить из чистого родника.

Говоря о Тахире, можно также долго говорить о чужой зависти, о том, как талант могут использовать в рекламных и политических целях, о том, как он умеет дружить и как идет ему рубашка с воротником «апаш».

И все равно, нельзя рассказать о нем самого главного, потому что это главное можно уловить только в одном месте на земле – на сцене. И разве уж так нужно доходить до сути? Кажется, ничто не прервалось даже с его смертью. Просто, «и дольше века длится день»...

Тахир, привет тебе от нашего театра!

... МИХАИЛУ АНДРЕЕВУ

Это море обаяния, эта легкость характера, это преклонение перед женщинами, к сожалению, платоническое, радость от каждого часа жизни, это умение работать, жить, отдыхать с удовольствием, с пафосом красиво говорить, вкусно и много есть, этот ярко выраженный большой смешливый сибарит объективно должен был состояться как артист или, на худой конец, как депутат.

Но когда к этим замечательным качествам добавились острый ум, компьютерная память, трудоголизм, настойчивость в достижении целей, умение работать в команде, филологически-стили-

стический талант, стремительность действий, редкий нынче дар прислушиваться к специалистам, противная дотошность, способность вовремя остановиться и не послать всех далеко-далеко на пути любого экстрима, немного матерных слов, а также страгел, настоящий полковник, хорошо поет, много читает, аккуратность, красиво одет, дорогой парфюм, легкий на подъем, спорт и похудение..., то на карьерном пути просто должны были возникнуть красивые слова директор, начальник и даже министр. А потом со страхом и треволнениями пуститься в авантюру с руководством театром, и добиться того, что наш театр сегодня - один из самых посещаемых зрителями театров России.

Что и имеем.

Как будто и не было тяжелых лет безденежья, так рано ушедших родителей, потери друзей, тоска по которым спрятана далеко-далеко в душе и не должна появляться наружу.

Но, не смотря на так мешающие в жизни излишки доброты, веса и сахара, предательскую мягкость, сентиментальность, почти всегда «да» и очень редко «нет», совесть, всепрощаемость и летний отдых в болотах Новгородской области, все главное в жизни удалось: любимая работа, умница сын, красавица жена, свой дом и много-много людей, которые любят, уважают и желают ему добра. Он даже добился от родственников рождения внуки.

Когда-то мы были Вашей командой, и были готовы идти за Вами хоть куда: на прививки, на защиту бюджета, на рассмотрение жалоб трудящихся, на спектакли с красивыми голыми мужчинами, на казачьи посиделки и в суды с блюстителями нравственности. И даже и в Канны, и в Венецию, и в Тель-Авив, хотя можно было и без Вас. И сегодняшнее театральное окружение также верит в Вас безгранично.

Желаем Вам, Михаил Анатольевич, между пятидесятью и шестидесятью обязательно съездить в Италию, купить наконец-то фарфоровый, пусть не оригинал, скульптуры Боттичелли, перейти на полностью несладкий режим питания, добиться еще хотя бы 5-6 миллионов дополнительного бюджетного финансирования, прибавки к зарплате артистов и научиться топтать если не ногой, то хотя бы рукой. Ну а главное пожелание, как всегда: много успехов в работе.

Любовь Калинина

* * *

Берлинский мост.
Дорога – в никуда.
Те, кто кричал: «Нах ост!..» –
Исчезли навсегда.

Мост взрывом разведён:
Восток и Запад.
Сигналит будто он
О том, что будет завтра.

Как будто пирамида
Над Прегелем висит.
Нигде такого вида
В Европе не найти.

Несутся «мерседесы»
И «ауди» им вслед.
Бетон с крутым замесом
Рассчитан на сто лет.

Известная Берлинка
Вернётся снова в строй.
И новая картинка
Тут будет над рекой.

Берлинский мост окутан
Легендами давно.
С его пролета утром
Преголи вижу дно.

Известный всему миру Пальбургский (Берлинский) мост 1938 года постройки канул в историю, немного не дотянув до своего столетия. В Калининграде строители разобрали его гигантские конструкции. Когда мощная техника рушила древнюю Берлинку, создавалось впечатление, что мост отчаянно сопротивляется каждым кубом немецкого железобетона. Со времён войны он простоял с поднятыми пролётами почти 70 лет, стал легендарным символом довоенной дорожной инфраструктуры.

Много задавалось вопросов о возможности сохранения для истории этого моста. Губернатор области Николай Цуканов не скрывает, что пытался сохранить Берлинский мост и избежать его сноса. «Я максимально долго боролся за Берлинский

БЕРЛИНСКИЙ МОСТ

мост, – заявлял глава региона. – Так же, как и большинство калининградцев, я родился с ним и надеялся, что он будет украшать наш город. Это, конечно, не совсем украшение, а скорее напоминание об истории, своего рода музей под открытым небом. Я считаю, что он должен был остаться, но невозможно это было сделать технически, потому что он не вписывался в створ дороги. А для того, чтобы сместить трассу чуть левее и сохранить мост, пришлось бы всю дорогу переносить – это миллиарды рублей». Как потом оказалось, опоры старого моста настолько надёжны, что на них будут строить вторую очередь нового перехода. Сейчас вместо старой Берлинки уже открыли новый мост. Ведётся строительство ещё одного перехода через Старую и Новую Преголи, который станет шестиполосным.

Берлинский (Пальбургский) мост был возведён в 1938 году в восточном пригороде Кёнигсберга, возле поселка Пальбург (сейчас это поселок Прибрежное). Он стал частью широкой автомобильной трассы, соединявшей Кёнигсберг с Эльбингом – нынешним польским Эльблонгом. С севера на юг мост перекрывал старый и новый рукава Прегеля и широкую пойму между поселками Прибрежное и Ржевское. Построили 663-метровый мост из железобетонных конструкций. Как гласит легенда, мост открывал лично рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер.

Этот мост у немцев появился благодаря специальной программе строительства автострад, разработанной в Германии ещё во времена Веймарской республики. На дорожных объектах тогда постоянно работало более 30 тысяч человек. К началу второй мировой войны эта цифра возросла в два раза. Скоростная автострада Берлин – Кёнигсберг, в створе которой возводился Пальбургский-Берлинский мост, сооружалась силами и средствами организации Тодта. Она являлась военно-строительной организацией, действовавшей в Германии во времена Третьего рейха. Наименование ей дал Гитлер по имени руководителя Фрица Тодта, который ранее был генерал-инспектором германских дорог. Название «Пальбург» («Пальмовый дворец») произошло от одноименного соседнего имения с сельскохозяйственным производством. Его владелец культивировал в своих оранжереях экзотические растения, в том числе разводил теплолюбивые пальмы.

Кадр из кинофильма «Встреча на Эльбе»

Пальмбургский мост никогда не был разводным. На его опорах, расположенных по берегам старого и нового Прегеля, были размещены удлиненные пролётные строения, консолями направленные в сторону русла реки. На консолях размещались специальные вставки. В опорах ещё во время строительства были оборудованы минные камеры. При военной необходимости туда можно было заложить необходимое количество тола и «ювелирно» взорвать опоры, чтобы вывести из строя весь мост. Так и было сделано в ночь с 29 на 30 января 1945 года, когда войска Красной Армии вплотную подошли к столице Восточной Пруссии. Приказ на взрыв Пальмбургского моста отдал командант кёнигсбергской крепости генерал Отто фон Ляш, чтобы сдержать наступление советских войск. Как и планировалось архитекторами, после подрыва вставки упали в реку, уменьшив при этом глубину фарватера.

Взрыв моста повлиял на ход боевых действий у восточной окраины города-крепости. Русским войскам пришлось перейти к двухмесячной осаде Кёнигсберга до начала апреля 1945 года. Для форсирования Прегеля были наведены деревянные мосты, а в пойме реки проложили дорогу из брёвен. Берлинский мост так и застыл вздыбленным монстром до наших дней. В начале 70-х годов одна часть моста была восстановлена, на церемонии её открытия присутствовал первый секретарь ЦК КПСС, глава советского правительства Никита Хрущёв.

Руины Берлинского моста оченьгодились советским киностудиям. В 1949 году в фильме «Встреча на Эльбе» река Прегель «сыграла» роль реки Эльбы. Главные сцены снимались на фоне Берлинского моста. Его использовали кинематографисты и в других фильмах военной тематики: «Женя, Женечка и "катюша"», «Щит и меч».

Берлинский мост и его окрестности в послевоенные годы были любимым местом времяпрепро-

вождения детворы из поселка Октябрьского. Пацаны прыгали с пролёта моста вниз в реку, а самые отчаянные храбрецы забирались на вершину поднятой Берлинки, чтобы сигануть оттуда «солдатиком». С Берлинского моста в 60-е годы милиционеры сбросили в воду несколько партий оружия, изъятого во время облав у местных жителей, как немецкого, так и советского образца. На этот мост на такси однажды вечером приехала импозантная дама с двумя чемоданами, в которых находилось расчленённое тело её мужа. Главные улики злоумышленница хотела упрятать в водах Прегеля. Это громкое преступление удалось тогда раскрыть благодаря бдительности таксиста.

К Берлинскому мосту молодые пары приходили для любовных утех в живописных лесных зарослях. Неподалеку от моста находился дом бакенщика с небольшим причалом для деревянных лодок, которые хранились на железных цепях с амбарными замками. Но поселковые пацаны умудрялись по ночам перепиливать цепи и угонять плоскодонки, как цыгане лошадей. Берега реки, заросшие густым тростником и камышом, представляли собой непроходимые «джунгли». В этой «чистой» части Прегеля ловили шук, окуней, угрей, налимов, лещей, плотву и раков. В небольших лагунах с песчаным дном здесь водился пескарь.

Сегодня мостовой переход через реки Старая и Новая Преголя является частью трансевропейского транспортного коридора 1-А «Рига-Калининград-Гданьск». Последние десятилетия автомобильное движение осуществлялось лишь по двухполосной восстановленной половине моста, что приводило к постоянным пробкам в южной части города. Открытие нового шестиполосного моста должно разгрузить транспортные потоки в направлении Восток-Запад.

Юрий Крупенич

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционная статья	2
Н. Перетяка. Библиометаморфозы... ..	3
ПРОЗА и ПОЭЗИЯ	
О. Глушкин. Пятый док	8
А. Галенко. Стихи	31
М. Полищук. Капитан. Рассказ	33
И. Щербинская. Стихи	37
Б. Бартфельд. Возвращение на Голгофу. Роман. Окончание	40
Л. Бондарь. Стихи	61
НОВЫЕ ГОЛОСА:	
Т. Попова. Стихи	63
Е. Притыкина. Первая любовь. Рассказ	65
Т. Прокошина. Стихи	68
Д. Согников. Плац. Рассказ	69
ЮБИЛЕЙ: Борису Бартфельду – 60!	73
М. Иргашева. Теория относительности Бориса Бартфельда . Эссе	74
ВОЗВРАЩЕНИЕ: Юрий Николаевич Куранов. К 85-летию со дня рождения	
О. Глушкин. Судьба творца. Очерк	77
Л. Поликарпова. Живые уроки мастера. Эссе	81
Ю.Куранов. Отрывки из рукописи «Нерукотворная лампада»	83
ГОСТЬ НОМЕРА: Константин Кедров (Москва)	85
К. Кедров. Стихи	89
ПУБЛИЦИСТИКА	
В. Геманов. И мальчишки воевали. К 75-летию начала ВОВ	92
Н. Перетяка. Из воспоминаний: Кичатов Ф.З.	94
К 240-летию со дня рождения Гофмана	
А. Мишкевич. Э.Т.А. Гофман. Становление.	96
А. Зуева. Портрет	104
Мероприятия к юбилею Гофмана	105
Н. Макарьева. К 125-летию со дня рождения композитора С.С. Прокофьева	106
К 130-летию Н.Гумилёва.	
Л. Быкова. Гумилёвская осень	114
Н. Цветкова. Талант не умрёт. Стихи	116
Е. Гусева-Рыбникова. К юбилею поэта Н. Гумилёва	117
А. Губин. Сборник «Живая вода» в читательском прочтении. Критика	120
ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ (САЛАВАТ. БАШКИРИЯ)	
С. Шилкин. Стихи	125
Р. Малиханов. Стихи. Рассказы	126
А. Вдовин. Стихи	128
М. Смирнов. Внутри рассвета. Рассказ	129
А. Лавров. Стихи	131
А. Овчинников. Рассказы	132
ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ (АРМЕНИЯ)	
Заложники эпохи	135
Г. Баренц. Стихи	140
Н. Григорян. Жилец заброшенного дома. Рассказ	141
Т. Тоноян. Стихи	146
А. Шекоян. Стихи	148
Э.Ахведян. Стихи	150
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЭКЛОГА»	152
КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО	
Ю. Василькова. «Человек Возрождения». О художнике Э. Букринской	170
Л. Енилеева. Светлана Грибовская.	178
С. Сивкова, Г. Акимова. Кёнигсберг – город её детства. Джемма Фирсова-Микоша	181
Л. Калинина. Посвящение театру	186
Ю. Крупенич. Берлинский мост	190